ISSN 2308-152X

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
GOLDEN HORDE REVIEW

№ 1
2013

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан»

Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова

Журнал основан в апреле 2013 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
И.М. Миргалеев

Редактор английских текстов
Роман Хаутала (Оулу, Финляндия)

Редакционный совет:
Р.С. Хакимов (председатель),
В.В. Трепавлов, И.В. Зайцев, П.Н. Петров,
Э.Г. Сайфетдинова (секретарь совета)

Редакционная коллегия:
Д.В. Колодзейчик (Варшава, Польша),
М.Г. Крамаровский (Санкт-Петербург),
Иштван Вашари (Будапешт, Венгрия),
А.Л. Пономарев (Москва), Д.М. Исхаков (Казань),
В.Н. Настич (Москва), В.Л. Мыц (Санкт-Петербург),
Джудит Колбас (Кембридж, Великобритания),
Р.Ю. Почекаев (Санкт-Петербург),
К.З. Ускенбай (Алмата, Казахстан),
Б.В. Черкас (Киев, Украина),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция),
Г.В. Владимиров (София, Болгария),
Александар Узелац (Белград, Сербия)

Технический редактор:
Л.С. Гиниятуллина

Адрес редакции:
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19

Scientific Journal

FOUNDER:

State Budgetary Institution “Shigabutdin Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan”
Usmanov Center for Studies of the Golden Horde History

Journal was founded in April 2013

Certificate of registration in the mass media ПИ № ФС77-54682 given by Roskomnadzor on 9 July 2013

Published 4 times a year

Editor in chief
I.M. Mirgaleev

English texts editor
Roman Hautala (Oulu, Finland)

Executive editors:
R.S. Khakimov (chairman),
V.V. Trepavlov, I.V. Zaytsev, P.N. Petrov,
E.G. Sayfetdinova (secretary)

Editorial board:
D.V. Kołodziejczyk (Warsaw, Poland),
M.G. Kramarovsky (St. Petersburg),
István Vásáry (Hungary, Budapest),
A.L. Ponomarev (Moscow), D.M. Iskhakov (Kazan),
V.N. Nastich (Moscow), V.L. Myc (St. Petersburg),
Judith Kolbas (Cambridge, UK),
R.Yu. Pochekaev (St. Petersburg),
K.Z. Uskenbay (Almaty, Kazakhstan),
B.V. Cherkas (Kiev, Ukraine),
Ilyas Kemaloğlu (Istanbul, Turkey),
G.V. Vladimirov (Sofia, Bulgaria),
Aleksandar Uzelac (Belgrade, Serbia)

Technical editor:
L.S. Giniyatullina

Editorial Office Address:
420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 00 19

E-mail: zolotayaorda.centr@mail.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013
© Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова, 2013
© «Золотоордынское обозрение», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 4

Публикации

Р.С. Хакимов. Долгое средневековье Золотой Орды 5
С.Г. Кляшторный. Древние государства татар в Центральной Азии 22
Шагдар Бира. Монгольская идеология тенгризма и Хубилай-хан 36
Т.Н. Джаксон. О плавании из Индиаланда в Данию и о Менелае, конунге Таттарарики (географические описания в исландско-норвежских хрониках и сагах) 45
И.М. Миргалеев. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения 57
А.А. Горский. Русь и Орда в XV столетии 65
Иштван Вашари. Татарские правящие дома в русских источниках по генеалогии 73
И.К. Фоменко. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. (1) 82
Р.Ю. Почекаев. Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв. 96
В.П. Гулевич. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства 110
Халил Иналджик. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (1) 147
Тасин Джемиль. Татары Добруджи и Буджака 164
П.Н. Петров. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (1) 177

Статьи на английском языке

Roman Hautala. Russian Chronicles on the Submission of the Kievan Rus’ to the Mongol Empire 207

Хроника

Э.Г. Сайфетдинова. Третий Международный Золотоордынский форум 222

Список сокращений 225
Новые издания Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова 226
Правила для авторов 228
Instructions to authors 230

CONTENTS

From the Editors 4

Articles in English

R.S. Khakimov. The "Long Middle Ages" of the Golden Horde 5
S.G. Klyashtorny. The Ancient Tatar States in Central Asia 22
Shagdar Bira. The Mongolian Ideology of Tenggerism and Khubilai Khan 36
T.N. Jackson. On the Navigation from India to Denmark and on Menelaus, Konung of the Tattararíkah: Geographic Descriptions in the Icelandic-Norwegian Chronicles and Sagas 45
I.M. Mirgaleev. Rashid al-Din's "Shuab-i Pandjghana": Research Perspectives 57
A.A. Gorsky. Russia and the Horde in the 15th Century 65
István Vásáry. The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources 73
I.K. Fomenko. The Legacy of the Golden Horde in European Cartography of the 15th–18th Centuries (1) 82
R.Yu. Pochekaev. The Impact of Religious Factors on the Legitimation of Power in the Golden Horde and Late Medieval Turkic-Mongol States of the 15th–18th Centuries 96
V.P. Gulevych. Northern Black Sea Region from 1400–1442 and the Origin of the Crimean Khanate 110
Halil İnalcık. Crimea under the Rule of the Ottomans and the Dispute over Conclusion of the Agreement: Based on New Documents (1) 147
Tasin Gemil. The Tatars of Dobruja and Budjak 164
P.N. Petrov. Some Aspects of Medieval Oriental Numismatics as a Historical Source (1) 177

Articles in English

Roman Hautala. Russian Chronicles on the Submission of the Kievan Rus' to the Mongol Empire 207

Chronicle

E.G. Sayfetdinova. The Third Golden Horde International Forum 222

List of abbreviations 225
New publications of the Usmanov Center for Studies of Golden Horde History 226
Instructions to authors (in Russian) 228
Instructions to authors (in English) 230

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаем вашему вниманию первый номер нового научного журнала «Золотоордынское обозрение» («Golden Horde Review»). Журнал станет главным периодическим изданием Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. В год будет выходить 4 номера, охватывающие периоды существования золотоордынского государства и татарских ханств. Тематика журнала будет состоять из следующих рубрик:

1. Предшественники Золотой Орды.
2. Золотоордынская цивилизация и постзолотоордынское пространство.
3. Источниковедение тюрко-татарской истории и татарская (Золотая Орда и Крымское ханство) нумизматика.
4. Исторические взгляды в современном мире на средневековую тюрко-татарскую историю.
5. Хроника основных научных событий (конференции, издания).

В Институте истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан успешно издаются научные сборники «Золотоордынская цивилизация», «Средневековые тюрко-татарские государства», «Золотоордынское наследие» и «Нумизматика Золотой Орды». Однако для того, чтобы рассматривать, не разделяя единый мир Золотой Орды и позднезолотоордынских государственных образований, т.е. период, который мы называем «золотоордынской цивилизацией», Ученым советом Института истории было принято решение об издании специального периодического издания, где достаточно большой период истории, заключающий в себе ключевой этап в истории не только татарского народа, но и в целом Евразийского континента, рассматривался бы в едином формате. Ежегодники будут издаваться и далее как тематические и источниковедческие, так и материалы форумов по данной тематике.

Уважаемые коллеги! «Золотоордынское обозрение» будет оформляться согласно международным стандартам SCOPUS издания Elsevier (Голландия). Поэтому оформление статей в журнал «Золотоордынское обозрение», а также в научные ежегодники «Золотоордынская цивилизация», «Нумизматика Золотой Орды» будет происходить согласно новым требованиям. Для публикации будут приниматься статьи теоретического и научно-исследовательского характера на русском (с резюме на английском языке) и английском языках.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(470)"1238/1480"

ДОЛГОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Р.С. Хакимов
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В статье отмечается значение исследования золотоордынской тематики для понимания истории татар, России и Восточной Европы. Золотая Орда, как и, в целом, татарский фактор, рассматриваются не как случайный эпизод в истории российского средневековья, а как возникшие на собственной почве тюркских традиций. В статье анализируется категория «долгого средневековья» применительно к истории татар.

Ключевые слова: Золотая Орда, средневековье, Россия, татары, Восточная Европа.

Тема Золотой Орды носит принципиальный характер не только для понимания формирования татар, но также для исследования истории России, Центральной Азии и Восточной Европы. Масштаб и глубина преобразований, проведенных джучидами, делают эту тему ключевой в социальных процессах средневековой Евразии. Влияние Золотой Орды на европейские дела происходило не только в ходе завоеваний, но и через торговлю, обмен культурными ценностями.

Империя Чингиз-хана возникла благодаря тем традициям, которые складывались в Великой Степи, начиная от гуннов. Их продолжили Тюркский, Уйгурский, Кимакский и другие каганаты. В Поволжье Золотой Орде предшествовало Булгарское государство. Благодаря культуре, накопленной тюрками и другими народами, стало возможным создание грандиозной империи Чингиз-хана.

Золотоордынская тема порой выглядит как открытие нового континента. Это связано с той предвзятостью, которая существует не только в российской, но и европейской ментальности по отношению к татарам. Золотоордынская тема оказалась вне основных течений исторической мысли. Арнольд Тойнби в своем известном труде «Постижение истории» описал всевозможные цивилизации, составил их классификацию, но там не нашлось места для татар, поскольку для западного ученого, по определению, татары и цивилизация несовместимы, он великим тюркским империям не нашел места даже среди реликтовых обществ. Для европейских историков татары – это некий «антимир». Они обращаются к фактору степи, кочевников, татаро-монгол (порой даже не называя имен, событий и народов) как к давлению среды. Тойнби пишет буквально следующее: «Казаки были пограничниками русско-

го православия, противостоящие евразийским кочевникам»[1]. И дальше он описывает казаков как носителей культуры, отличной от «степной», сравнивая их с рыцарским орденом крестоносцев. Сомнителен тезис об особой исторической роли казаков в «борьбе» со «Степью» и совсем нелогично сравнение их с рыцарями. Как раз образ жизни казаков был продолжением традиций кочевников. Они не только усвоили степную культуру, но и ревностно ее сохраняли даже в условиях оседлости. «Казаки в вел. кн. Рязанском и других местах, – пишет И.П. Буданов, – говорили тюркским языком, своим родным, принесенным ими из Азии, славянский же язык был усвоен ими впоследствии…»[2]. Скорее всего, победы над безымянными кочевниками объясняются распадом самого кочевого мира. Но независимо от роли казаков в истории «Степи» этот сюжет любопытен с точки зрения европоцентристского менталитета западных историков. Для них татарская история и культура – это «антимир», в котором народы не имеют собственного имени, их просто называют кочевниками, варварами, дикарями. Этот «антимир» нельзя объяснить, понять и тем более принять. Он, по словам Тойнби, «стимул давления», что-то вроде протуберанцев на Солнце, которых мы не видим, но ощущаем на себе их вредное влияние. Сегодня трудно найти аналитические работы, объясняющие татарский феномен. Он оказался в иной парадигме, его легче объявить дикостью, чем пытаться понять.

В России отношение к татарской тематике формируется со времени Петра I. Официальные историки, такие как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и многие другие, старались исключить татарский период из истории государства российского. Так, С.М. Соловьев в предисловии к своей многотомной «Истории России с древнейших времен» отмечает: «Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные – и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений»[3]. Таким образом, период в три столетия, история Золотой Орды, Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымского, Касимовского ханств, Большой и Ногайской Орды, повлиявших на мировые процессы, а не только судьбу русских, выпадал из цепи событий становления российской государственности.

Выдающийся русский историк В.О.Ключевский делил историю России на периоды в соответствии с логикой колонизации. «История России, – пишет он, – есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». «...Колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»[4]. Главными предметами исследования В.О. Ключевского стали, как он сам писал, государство и народность, при этом государство было Российским, а народ – русским. Татарские государства из истории исключались, хотя сам же В.О. Ключевский отмечает,

---

[1] Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 140.

[2] Буданов И.П. Дон и Москва. Казаки Восточной Европы. Книга IV, вып. 1. Париж, 1958. С. 29.

[3] Соловьев С.М. Сочинения. Книга I. М., 1988. С. 54.

[4] Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1987. С. 50.

что «княжества тогдашней Северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улусы» татар; их князья звались холопами «вольного царя», как величали у нас ордынского хана»[5]. Тем не менее, у него татары фигурируют как внешняя среда.

Лорд Актон писал: «Ткань человеческих судеб ткется плотно, без пропусков; потому что в обществе, как и в природе, структура непрерывна…»[6]. А потому ни историю России, ни историю Центральной Азии, а также Восточной Европы не понять без татарской тематики, которая вплетена в средневековые процессы.

В советский период постановлением ЦК КПСС от 1944 г. было запрещено изучение Золотой Орды и татарских ханств, а всю историческую мысль татар переориентировали на булгарское происхождение. Эти идеологические установки сохранились как неизжитое советское наследие в так называемом движении «булгаристов», чьи активисты регулярно обращаются к органам государственной власти с предложением переименовать татар в булгар. Их настойчивость носит политический характер. Не вдаваясь в подробности этой темы, достаточно сказать, что «булгаристский» подход фактически отметает весь общетюркский период, что возможно только при намеренном искажении истории. При этом забывается, что булгары как граждане одноименного государства представляли собой союз разных племен, а потому самоназвание «булгар» было не этнонимом, а политонимом. Часть из этих племен происходила из западных гуннов, другая часть была огузами. Среди них были также угры и финны.

Современная российская историография не может определиться в своих методологических предпочтениях, всячески избегая татарской темы. Сегодня трудно выводить происхождение страны из Киевской Руси, как это делалось до сих пор, поскольку задевает интересы Украины, чьи ученые заново пересматривают свою историю. Норманнская теория как альтернатива «киевской» доктрине ищет корни в Великом Новгороде, Ладоге, викингах, связывая историю в большей степени со Скандинавией, нежели со славянами. Непредвзятый анализ появления Москвы как столицы страны вынуждает обсуждать вопрос о роли Золотой Орды в становлении Московии, что не устраивает официальную российскую историографию.

В то же время история многих народов страны уходит корнями в глубь веков и начинается еще до появления славян и русских на территории Поволжья, Урала, Сибири. До образования русских княжеств уже существовал Тюркский каганат, а Булгарское государство и Хазарский каганат долгое время существовали параллельно с Киевской Русью, Новгородом, Московским, Владимирским, Суздальским, Тверским, Рязанским и другими княжествами. Когда русские появились на Волге, предки татар уже пережили многовековую историю.

«Исторические события не позволяют безнаказанно отрывать себя от окружения», – пишет Йохан Хейзинга[7]. Несмотря на очевидность этого принципа, современная российская историческая наука продолжает трактовать татарский фактор как случайно привнесенный, чуждый элемент, а татаро-

---

[5] Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М., 1988. С. 41.

[6] Лорд Актон. Очерки становления свободы. Лондон, 1992. С. 140.

[7] Йохан Хейзинга. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. Лондон, 1992. С. 32.

монгольский период как сугубо негативный. «Монгольское нашествие и золотоордынское иго стал одной из причин отставания русских земель от развитых стран Западной Европы», – пишут авторы учебника «История России»[8]. Это не просто ложь, но и оправдание сегодняшних проблем. Российская историческая наука стала заложницей политики и это остается одним из самых больных вопросов российской исторической науки.

Не только тюрко-татарские ханства, но и Московия во многом продолжали традиции Золотой Орды. «Исчезновение эффективной политической власти в Сарае не сломало связей среди бывших составных частей Сарайской империи, – пишет американский историк Эдвард Кинан, – династии, которые появились в трех наиболее важных центрах (в Москве – потомки Василия I, в Бахчисарае – Хаджи-Гирея, в Казани – Улуг-Мухаммеда), часто объединялись в блоки в течение этого периода непрочных союзов и меняющихся судеб. Однажды возникшие, они создали крепкий союз, который не только доминировал в Степи, но и определял в значительной степени восточноевропейскую историю в течение половины столетия»[9]. Татарский фактор исчезает из мировой политики только вместе с падением Крымского ханства. Но даже после этого золотоордынское наследие остается как составная часть российских процессов.

Москве была близка золотоордынская культура. В отличие от примитивных представлений, господствовавших в удельной Руси, чингизхановская государственная идея была грандиозной и притягательной. Но ее нужно было сделать своей собственной. Русская мысль обратилась к византийским традициям, близким по вере, соединила державность с православием, после чего идеи Чингиз-хана приобрели совершенно новую, христианско-византийскую оболочку, они уже не были татарскими, но и не имели живой связи с полузабытой Византией. В.Ф. Платонов пишет: «Наши предки долго и пристально наблюдали процесс медленного умирания Византии. Это наблюдение могло давать уроки отрицательного значения, а не вызывать на подражание, могло возбуждать отвращение, а не увлечение»[10]. Византийские традиции задолго до начала московской экспансии прервались, оставшись символическим воспоминанием. Напротив, золотоордынские государственные порядки были обыденностью. «Есть кое-какие указания на то, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов, – пишет Ричард Пайпс. – Хотя под церковным влиянием они иногда ссылались на византийский образец, они не называли себя преемниками византийских императоров... Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван называл их своей вотчиной; это утверждение могло значить лишь одно – что он смотрел на себя как на наследника хана Золотой Орды»[11]. В свою очередь и в завоеванных землях на Ивана Грозного, порой, смотрели как на наследника золотоордынского трона. Белек-Пулад писал Ивану Грозному: «Белек Булат мирза христьянскому государю Белому царю много много поклон… В тои земле он сказываетца Чингизовым прямым сыном и прямым государем царем называетца. А

[8] Орлов А.С., Георгиев В.А, Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. М., 2003. С. 58.

[9] Эдвард Кинан. Казань и Московия: модель степной дипломатии // «ПАНОРАМА-ФОРУМ», 1995, №1. С. 75.

[10] Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2004. С. 189.

[11] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 105–108.

в сеи земле яз Идегеевым сыном зовуся… Брат мои Дервиш царь к Чингимову сыну Белому царю, православному государю и жалостливому государю Белому князю в ноги его пасти идем». Ногайский бек писал Ивану Грозному как прямому преемнику Чингиз-хана: «Великого Цингиз царев прямои род счастливои государь еси… Похошь пожаловати – пожалуешь, а не похошь пожаловати – не пожалуешь»[12]. Не случайно князь Н.С. Трубецкой весьма категорично заявлял, что «Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собирания Русской земли», стали собирать земли западного улуса Великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати»[13]. Как бы непривычно это ни звучало, но в XVI в. такое представление было совершенно естественным. Иной взгляд на историю появляется много позже, после Петра I, который разрушал любой намек на преемственность русских царей и татарских ханов.

Многие золотоордынские нормы сохранялись в России, вплоть до Петра I. Например, соборность считается чем-то отличительно русским. Николай Бердяев считал, что «идея соборности, духовной коммюнотарности, есть русская идея»[14]. На самом деле этот принцип был заимствован именно от татар. Он, как институт кочевой демократии, имеет древнюю историю и его можно проследить уже у гуннов.

В России первый земский собор был созван по инициативе Ивана Грозного в 1548 г. До этого не было принято собирать «всю землю Русскую», поскольку «каждая земщина знала только своего князя и органом своим для сношения с князем имела местное вече, на вече заявляла свои нужды князю, на вече и князь заявлял свои требования своей земщине. В голосе же всей Русской земли не было нужды ни для князей, ни для местных земщин»[15]. Исконно русским явлением была вечевая удельная земщина, но не соборность. Потребность в соборности появляется вместе с объединением отдельных княжеств под московским началом. Иван Грозный, заимствуя и продолжая дело золотоордынских ханов, взял на вооружение и один из типичных политических инструментов – курултай.

В Казанском ханстве для избрания хана или для принятия важных решений созывался курултай, который в русских источниках назывался «вся земля Казанская». О его составе можно судить по курултаю, созванному 14 мая 1551 г., где собрались духовенство во главе с Кул-Шарифом, огланы во главе с Худай-Кулом, князья и мурзы во главе с «улу карачи» Нур-Али Ширин[16]. Обычно курултай возглавлял сам хан, если предметом не было избрание хана. Таким образом, курултай был собранием трех сословий – духовенства,

---

[12] Цит. по: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 630.

[13] Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 76.

[14] Бердяев Н. Русская идея. М., 2002. С. 162.

[15] Беляев И.Д. Земские Соборы на Руси. М., 1902. С. 8.

[16] Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 676.

войска и земледельцев. Но иногда участвовали также «казаки», т.е. рядовые воины, «тарханы» (имеющие привилегии) и инородцы. Курултай мог смещать хана, так случилось в 1551 г. с Сафа-Гиреем. При избрании Джан-Али русское правительство потребовало присяги со стороны «всех Казанских людей» в верности союзу с Россией. Таким образом, русские не только хорошо представляли этот политический институт, но и активно пользовались им при заключении договоров или же при возведении на казанский престол своего ставленника.

Сравним состав и функции казанского курултая с русским собором. Из приговорной грамоты второго земского собора видно, что представители Русской земли делились на следующие группы: группа духовенства, группа бояр, окольничьих и государевых дьяков, группа дворян первой статьи, группа торопецких помещиков, группа луцких помещиков, группа дьяков и приказных людей и группа гостей[17]. Собор 1613 г. составляли: 1) духовные власти; 2) придворные чины; 3) дворяне московские; 4) выборные и уполномоченные от городов, как духовные, так и дворяне, казаки, посадские и уездные люди. Аналогия с составом курултая бросается в глаза. И функции соборов были те же, что у курултая, они решали наиболее важные общие дела, связанные с законодательством, налогами, а также избранием царей. В грамоте по созыву собора после «Смуты» было сказано: «Москва от Польских и Литовских людей очищена, церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись, и Божие имя в них славится попрежнему, но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми Божиими промышлять некому: без государя вдосталь Московское государство разорят все, без государя государство ничем не строится и воровскими заводы на многия части разделяется и воровство многое множится…». На земских соборах выбирали Бориса Годунова, Михаила Федоровича Романов-Юрьева. Петр I, хотя сам был избран собором, но во время своего царствования его не созывал, а Екатерина II собрала последний земский собор. На этом история выборности царей и решения общегосударственных дел на соборах завершилась. Впрочем, в XVIII в. этот институт выглядел весьма архаичным. Его ликвидация была оправданной, хотя его можно было, следуя европейским образцам, заменить на более современный коллективный орган.

Итак, золотоордынская тематика не ограничивается только периодом существования самого государства. С одной стороны, существует необходимость изучать предшествующий исторический период как основу будущей государственности. Золотая Орда, как и вся Империя Чингиз-хана, не возникает на пустом месте. Насколько это важно, показывает анализ, например, законодательства Золотой Орды, в котором в видоизмененном виде, но продолжали сохраняться традиции тюркского обычного права – торе. «Совершенно иное значение торе приобрело в Золотой Орде, – пишет Р.Ю. Почекаев. – Прежде всего, оно продолжало ассоциироваться с конкретными правителями – в соответствии с древнетюркской (но не монгольской) правовой традицией… Нормы торе в Золотой Орде стали нормами-принципами: законодатели ссылались не на конкретные его положения, а на некую совокупность правовых идей, следование которым обеспечивало благоденствие госу-

[17] Беляев И.Д. Земские соборы… С. 23.

дарства и народа»[18]. Последние упоминания о торе встречаются в XVI в. Аналогичное влияние древнетюркских традиций на Золотую Орду можно проследить и в других сферах.

С другой стороны, тюрко-татарские ханства и даже Московия были в той или иной мере продолжателями золотоордынских традиций. Окончательное исчезновение влияния татарского прошлого нужно отнести к эпохе Петра I и Екатерины II, перешедшие на европейские образцы государственного управления, вооружения и т.д. и постепенно сформировавшие собственные представления и традиции. С падением Крымского ханства татарская история из политической превращается в этническую.

За последние годы вышло немало научной литературы, рассматривающей Золотую Орду с самых разных сторон. Наиболее значительной работой стала «История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XII – середина XV в.»[19], вышедшая под редакцией Миркасыма Усманова. Многочисленность работ и разнообразие тематики показывают, что разработка проблем Золотой Орды, татарских ханств только началась и в скором времени следует ожидать повышение интереса к этой тематике не только со стороны татарстанских ученых, но и российских, а также зарубежных исследователей.

Сегодняшний Татарстан далеко отстоит по времени и по существу от Золотой Орды. Однако многие черты татарского народа, язык, культура складывались именно в тот период. Современные татары – прямые наследники Золотой Орды, а первая столица Улуса Джучи – ставка Бату-хана находится в г.Болгар на территории Татарстана и представляет значительный интерес для ученых и туристов. Кроме всего прочего остаются еще уроки истории, которые надо учитывать и в наши дни. Один из таких уроков связан с зарождением капитализма среди татар.

Россия начала переходить к капиталистическим отношениям в XIX в., что привело к большим изменениям не только в жизни русского, но и татарского, а также некоторых других народов. Татары очень быстро восприняли новые экономические отношения, хорошо ими воспользовались, проведя реформирование всех сфер жизни: экономики, системы образования и просвещения, религии, а затем и политической жизни. Это весьма поучительная история в свете сегодняшнего перехода страны к рыночной экономике. При этом правомерен один весьма принципиальный для понимания периодизации истории вопрос: «Почему татары не перешли к капитализму во времена Золотой Орды?». Это не абстрактный вопрос, поскольку уже тогда имелись все экономические предпосылки для капитализма. Ответ на него объясняет некоторые процессы и в нынешнем Татарстане.

Ирония судьбы заключается в том, что Генуя и Венеция, где зародился капитализм, начали укрепляться как морские державы в эпоху расцвета Золотой Орды, причем именно за счет торговли с ней. Фернан Бродель пишет: «Главное богатство Генуи заключалось в колониях, основанных ею далеко от Константинополя, на границах Византийской империи, в Каффе, Тане, Солдайе и Тра-

[18] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 32.

[19] История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XII – середина XV в. Казань, 2009.

пезунде... Это были торговые фактории»[20]. Речь идет о городах черноморского побережья, через которые вывозились многие товары с территории Золотой Орды. Они имели особый статус. В качестве иллюстрации можно привести один из множества документов, связанных со сбором налогов с венецианских и генуэзских купцов. Уведомление Кутлуг-Тимура венецианским купцам от 20 сентября 1358 г., написанное в ставке Ахтуба на Волге, гласит: «Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдаию*, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им не понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю»[21]. При торговле с иностранцами содержались специальные «сборщики коммеркий», что включало в себя ввозную пошлину, налог с оборота и таксы за взвешивание товара. Ввозная пошлина взималась в виде точно фиксированной суммы с любого тюка ввозимых товаров вне зависимости от их цены. Налог с оборота составлял 3% (иногда – 5%) от стоимости данного товара, если сделка совершалась между иностранцами и ордынцами. Такса при взвешивании на государственных весах составляла 1,5% от его стоимости. Причем таксу за взвешивание полагалось платить контрагентам даже в случае, если сделка совершалась между иностранцами. Налог с оборота назывался «тамга» и собирал ее «тамгачи», т.е. таможенник. Такса за взвешивание товаров называлась «тартанак», ее взыскивал «тартанакчи», т.е. весовщик. При этом с обеих сторон выделялись уполномоченные (от ханского таможенника и иностранного консула), которые следили за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателями в казну по закону торгового налога и весового сбора[22]. С торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью торговый налог не брали, чтобы стимулировать поступление этих предметов в Орду. На некоторые товары налог мог быть очень высоким. В ярлыке хана Джанибека, данном венецианским купцам Азова, есть следующие строки: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, ему надлежит уплатить нам коммеркий: больший – пятьдесят за сотню и меньший коммеркий – сорок, как делают генуэзцы»[23]. Такой высокий налог вводился для поддержки внутреннего производства. Иностранцы, содержавшие таверны в выделенных для них кварталах Крыма или Северного Причерноморья не должны были платить ни «айлык» («месячный сбор»), ни ясак («ежегодный налог»).

---

[20] Фернан Бродель. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. Роль среды. М., 2002. С. 466.

* Порт Провато находился в непосредственной близости от Каффы (нынешней Феодосии) и назывался по-тюркски Янгишехр. Порт Калитра (нынешний Коктебель) находился в десяти километрах к юго-западу от Провато. Далее на юго-запад в 35–37 км от Калитры находился порт Солдая (нынешний Судак).

[21] См.: Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.

[22] См.: Там же. С. 15, 27.

[23] Там же. С. 59.

Анализ экспорта Золотой Орды через порты Крыма в итальянские государства показывает, что торговля была важной составной частью экономики страны. Главным экспортным товаром было зерно, прежде всего, пшеница, особенно ценная в Европе, где голод в те времена был обычным явлением. С конца XIII в. генуэзцы покупали также осетра и другую рыбу. Важной статьей торговли с итальянцами была соль. В XIV в. через Каффу шла торговля шелком, воском, кожей, мехами, хлопком, мастикой, металлом и полезными ископаемыми. Рабы также были ходким товаром, на них был спрос повсюду – на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Западной Европе. Эта торговля началась задолго до возникновения Золотой Орды и продолжилась после ее распада. Среди рабов были черкесы, турки, лазы, венгры, русские, половцы, татары и др. В 1381 г. от 4 до 10% населения Генуи состояли из рабов, купленных в основном на рынках Крыма.

Затраты на перевозку по воде были гораздо меньше, чем сухопутным транспортом, поэтому в торговле доминировали итальянские морские государства, имевшие в Крыму собственные города и колонии. Так, Каффа, по словам Ибн-Баттута, чудная гавань, где он застал «до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира»[24]. Каффа в те времена была крупнейшим портом мира. Золотая Орда торговала и с другими европейскими государствами, а также Индией, куда продавали в большом количестве лошадей.

Для стимулирования торговли проводились денежные реформы. Вес серебряного дирхема, чеканившегося в Булгаре, в течение правления Берке понизился с 1.56 до 1.365 грамма. Токта ввел монеты, весящие 1.485 грамма. При Узбеке дирхем весил 1.47–1.49 грамма. Монеты Джанибека весили 1.52–1.56 грамма. Шесть дирхемов приравнивались золотой монете, называвшейся алтын (или в арабском языке динар), весившей 9.12 граммов. Сто двадцать дирхемов равнялись сот – 182.4 грамма, и 300 дирхемов равнялись кадак, или фунту – 456 граммов[25]. Сарайский дирхем стал господствующей монетой не только в Золотой Орде, но и в сопредельных странах.

Важную роль в стимулировании международной торговли играли города, чье количество стремительно росло со времен Бату-хана. Столица государства Сарай насчитывал 75 тыс. жителей и был красивейшим и крупнейшим городом своего времени, сравнимым с Генуей, Миланом, Парижем. Города обеспечивали безопасность купцов, предоставляли необходимую инфраструктуру – рынки, помещения, склады, таможенные пункты, тем самым увеличивали оборот в торговле, а значит, вели к росту налоговых поступлений. Не случайно столицы Сарай и Новый Сарай были расположены на стратегических перекрестках международной торговли и выполняли функцию коммерческих центров. Города строились вдоль торговых маршрутов. Они стали также центрами ремесла. Л.Ю. Якубовский писал даже о «металлургической промышленности» Сарая-Берке, который обслуживал нужды как «городской, так и сельской местности всеми металлическими изделиями: лопатой, топо-

[24] Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003. С. 126.

[25] См. Мөхәммәдиев Ә.Г. Гомуми һәм төрки-татар нумизматикасы. Казан, 2003. Б. 124–142. См. также: Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

ром, пилой, серпом, гвоздями и разнообразным холодным оружием»[26]. В золотоордынских городах действовали водопровод из керамических труб и канализация, сделанная из деревянных труб, были многочисленные фонтаны и восточные городские бани.

Ко всему следует добавить наличие средств коммуникации, которые обеспечивали хорошее управление государством и развитие торговых отношений. Персидский историк Мирхонд писал, что при Чингизхане «города и большие дороги стали свободны и открыты купцам всякого рода. Он хотел обеспечить их такой безопасностью и спокойствием, чтобы каждый в пределах его господства мог нести на голове своей золото без всякой опасности [быть ограбленным], так, как люди носят простые горшки»[27]. Для эффективного управления была создана сеть почтовых станций (ямов), которая служила для доставки сообщений и приказов, обслуживания дипломатов, торговцев и просто путешественников. Марко Поло, который пользовался почтовой службой во время своего путешествия, свидетельствует: «Через каждыя 25 миль посланцы великого хана находят станцию, которая по-монгольски называется «ям», т.е. «станция с почтовыми лошадьми». В некоторых ямах было по 400 коней. Всего великий хан содержал до 400 000 коней»[28]. Ям был снабжен также фуражом, кормом и питьем для проезжающих. Ибн Арабшах вспоминает: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до [самого] Крыма, а переход [этот] около 3 месяцев… Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника вследствие многочисленности [тамошних] народов, да обилия безопасности, еды и питья у [живущих там] людей…»[29]. Каждый участок управлялся особым «дорожным губернатором», который полностью отвечал за порядок и безопасность в пределах своего участка. Была специальная повинность по охране дорог, которая называлась «караулом». Все приезжие люди и провозимые товары регистрировались и собиралась специальная дорожная пошлина. В особых случаях, когда известие или лицо должно было быть доставлено срочно, едущему выдавалась табличка с изображением сокола; каждая станция, как только услышит колокольчик скачущих, тотчас обязана была приготовить лошадей так, чтобы перепряжка могла быть незамедлительной. Обладающий такой табличкой мог, в случае падежа лошади в пути, отобрать коней у любого встречного. При таком способе передвижения можно было проехать в день до 250 миль. Эти дороги великий хан приказал обсадить большими деревьями; в пустынных местностях дорога обозначалась столбиками, камнями и т.п. Для переправы через реки жители окрестных селений должны были иметь паромы. В XIII–XIV вв. русские беспрепятственно ездили не только в Орду, но и в Каракорум, а купцы из Европы могли проследовать в Китай.

Для того, чтобы понять историческую значимость этой системы, нужно представить Европу того времени. Жак Ле Гофф пишет: «Средневековый люд шел по тропам, дорожкам, по запутанным путям, которые блуждали между

---

[26] Якубовский Л.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае Берке // Изв. ГАИМК. VIII. Вып. 2–3. Л., 1931. С. 15.

[27] Цит. по: Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. Брюссель, 1939. С. 22.

[28] Марко Поло. Книга о разнообразии мира. М., 1997.

[29] Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003. С. 208.

несколькими фиксированными пунктами: ярмарочными городами, местами паломничества, мостами, бродами или перевалами. Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами… бандиты, будь то рыцари или вилланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошлины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог…»[30]. В те времена не было системы коммуникаций, сравнимой с почтовой службой Золотой Орды. К XIX в. эта система была полностью разрушена и, например, Пржевальский и другие путешественники с трудом ходили этими же путями.

Этот небольшой экскурс в прошлое Золотой Орды показывает, что там существовали все предпосылки для появления капиталистических отношений: развитые города, высокая профессиональная культура, наука, совершенная по тем временам финансовая система, развитое земледелие, средства коммуникации, сравнимые по масштабу с морскими путями Средиземноморья, значительные объемы торговых операций и т.д. Чего же не было из того, что появилось в Генуе и позже в Венеции?

В качестве гипотезы назовем одну из причин – это возможность получения займа, что сдерживалось запретом на получение процента как ростовщичества. Кредит был необходимостью для земледельческих экономик, подверженных катастрофам и повторяющимся случайностям погоды. С ускорением денежной экономики, у которой никогда не хватало золотой или серебряной монеты для функционирования, стало неизбежным признание за «осуждаемым» ростовщичеством права действовать в открытую. В Европе борьбу с ростовщическим заемом вели папство и церковь со всей суровостью – нераскаявшегося ростовщика не допускали к причастию и он не мог быть погребен в освященной земле. Средневековая мысль в этом вопросе опиралась на Аристотеля, считавшего, что ростовщичество присутствует всякий раз, когда заем приносит доход. «Но мысль схоластов пробила брешь, – пишет Бродель. – В чем она пошла на уступки? Процент-де становился законным, когда для заимодавца возникал либо риск (damnum emergens), либо невозможность получить прибыль (lucrum cessans). Эти тонкости открывали множество дверей. Так, «обмен» (cambium) представлял собой перевод денег; вексель, который был его конкретной формой, мог спокойно циркулировать с рынка на рынок, поскольку выгода, которую он обычно приносил, не была обеспечена заранее, имелся риск. Как ростовщический рассматривался лишь «сухой обмен» (cambio seco), с фиктивными векселями, не перемещавшимися с одного рынка на другой; и к тому были основания, поскольку «сухой обмен» в действительности служил для того, чтобы маскировать заем под проценты. Точно так же церковь разрешала займы государю и государству; равно как и прибыли торговых товариществ (генуэзской commenda, венецианской colleganza, флорентийского societas). Даже помещение денег у банкира (depositi a discrezione), которое церковь осуждала, станет разрешенным, коль скоро доходы от них скрывались под названием участия в предприятии. Дело в том, что в эпоху, когда экономическая жизнь стала вновь стремительно развиваться, пы-

[30] Жак Ле Гофф. Цивилизации средневекового Запада. М., 1992. С. 128–129.

таться запретить деньгам приносить доход было пустым делом»[31]. Экономический подъем во многом проистекал из большей легкости получения займа, а следовательно, из большей дешевизны денег, что стало отличительным признаком капитализма. В ряде стран юга, а затем и севера Европы произошла трансформация ментальности, но многие страны как христианского, так и мусульманского мира оставались во власти канонического запрещения процента.

Золотая Орда находилась под доминирующим влиянием ислама, особенно после ее объявления Узбек-ханом государственной религией. Для Золотой Орды не были присущи те политические и идейные свободы, которые утвердились в Генуе и Венеции, а потому богословская мысль придерживалась жестких норм шариата, запрещавших взимание процента.

Серьезной проблемой Золотой Орды стала политическая система, потерявшая гибкость и переставшая интегрировать способных и амбициозных степных вождей в свою структуру. К внутренним политическим распрям Золотой Орды добавилась Черная Смерть (чума), опустошившая города, через которые и шла основная торговля[32]. Ле Гофф пишет о ситуации в Европе, которая была характерна и для Золотой Орды: «Все чаще и чаще великим переломным моментом европейской истории ученые называют эпидемию бубонной чумы, разразившуюся в 1347–1348 гг.; после этого бедствия история начинает делиться на время «до чумы» и «после», на время процветания и время кризиса, время уверенности и время сомнений. Таким образом, эпидемия чумы является «временем большой протяженности»; игнорируя Ренессанс, чума влияет на демографическую, биологическую и психологическую историю Запада вплоть до 1720 г., когда в Марселе была зафиксирована последняя ее вспышка»[33]. Кроме чумы можно назвать и другие причины распада Золотой Орды, не сумевшей трансформироваться в новую экономическую и политическую систему, что стало уделом Европы. Последующая история тюрко-татарских ханств не сопровождалась модернизацией экономики.

Поучительная история Золотой Орды повествует нам об упущенных возможностях. От золотоордынского сообщества требовалась модернизация ислама для перехода к капиталистическим отношениям, что не удалось совершить. Эта задача стала миссией поколения людей XIX в., проводивших одновременное преобразование экономики, реформирование ислама и системы образования. К сожалению, этот процесс прервался в советское время и сегодня мы возвращаемся на круги своя, при этом некоторые татарские общественные деятели, забывая уроки истории, требуют возврата к средневековым мазхабам, ставших явным тормозом уже в эпоху Золотой Орды.

Исторические шаги народа не идут размеренной походкой. Их нельзя описать взлетами и падениями, опираясь на важные, шумные, значительные события. Некоторые из величайших революций совершаются незаметно, и для понимания хода истории важны периоды трансформации народа на иной качественный уровень, т.е. уровень более сложной экономики, мировоззрения, ценностей и норм поведения. Периодизация, принятая в научной литера-

---

[31] Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. С. 355.

[32] См. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III… С. 686–690.

[33] Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 33.

туре, важна в процессе преподавания истории с тем, чтобы можно было сравнивать жизнь различных народов и стран, но в сугубо исследовательских целях она плохой помощник. Синхронизация периодов истории татарского народа с другими культурами имеет смысл, если можно проводить реальное сравнение, за которым следуют обоснованные выводы. Бесспорно, интересно и важно синхронизировать историю русских и татар, которые практически одновременно вступают в капиталистические отношения, но такое сравнение с Европой того времени не несет дополнительной информации. Сравнение татарской и русской культур Нового времени имеет смысл с точки зрения влияния русской литературы и культуры на татарскую, но мало имеет смысла проводить аналогию эволюции мусульманских и православных структур. Гораздо больший интерес представляет сравнение русского богоискательства и татарского джадидизма или роли старообрядцев и предпринимателей-джадидов в экономике Казанской губернии. Синхронизация истории татар с исламским миром не ведет к каким-либо научным открытиям, но зато имеет смысл сравнивать реформирование татарского ислама с европейским средневековьем, особенно с эпохой Реформации.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой периодизации истории, которая ориентирована на европейские подходы. В Европе переход от средневековых норм и представлений к современным связывают с развитием капиталистических отношений и отходом от схоластики. В России аналогичные процессы наступили много позже – в XVIII–XIX вв. Российское средневековье, включая татарскую историю, не совпадает хронологически с европейским. Как пишет Фридрих фон Хайек, «мышление большинства цивилизованных наций подвержено в основном одним и тем же влияниям, но проявляются они в разное время и с различной скоростью»[34]. Эволюция татарского мышления и общественных отношений со времени распада Золотой Орды и до XIX в. предстает как период с охранительной исламской идеологией, без перерывов и эволюции. Затем у татар наступает «реформация», повторяющая некоторые черты европейских процессов: критику священнослужителей и богословских авторитетов, отход от схоластики в образовании и рост обучения светским предметам, появление чисто светских институтов, открытость культуры, массовое распространение книг, активное вмешательство бизнеса в общественную жизнь и др. Конечно, после падения Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханств и до XIX в. татары прожили долгую в исторических масштабах жизнь, насыщенную множеством событий, побед и поражений. Однако с точки зрения трансформации этнической жизни в новое качество необходимо обозначить XIX в. как ключевой. Причем основным толчком для трансформации послужила не столько русская культура, вставшая на путь европеизации, сколько капиталистические отношения, потребовавшие от татар развития конкурентоспособности в условиях заведомо худших, нежели у православных подданных империи.

XIX столетие традиционно относят к Новому времени, что стало общепринятым взглядом на периодизацию истории. Вместе с тем существует другая точка зрения, исходящая из внутренней логики общественных процессов. Ле Гофф пишет: «Я предлагаю ввести понятие длительного, очень долгого средневековья, базовые структуры которого развиваются крайне медленно, с

[34] Фридрих Август фон Хайек. Дорога к рабству. М., 2010. С. 38.

III в. и до середины XIX в., то есть до того момента, когда промышленная революция, доминирующее положение Европы в мире, реальное развитие и распространение демократии (отдаленным прообразом которой являлся античный город) породили действительно новый мир, пусть даже еще не полностью свободный от наследия и традиций прошлого»[35]. Время большой длительности не обязательно означает продолжительный отрезок времени. Ле Гофф речь ведет о том пласте истории – пласте структур, который эволюционирует и изменяется медленнее всего. Этот пласт скрывается под историей событийной, под среднесрочным стечением обстоятельств. «Период средневековья, – продолжает Ле Гофф, – также можно определить, исходя из доминирующей идеологии; не отражая материальную инфраструктуру общества и не являясь духовным двигателем его истории, идеология тем не менее, представляет собой одну из существеннейших деталей функционирования общественного механизма. Долгое средневековье – это эпоха господства христианства, являющегося одновременно и религией, и идеологией и находящегося в чрезвычайно сложных отношениях с феодальным миром, который оно оспаривает и утверждает единовременно. Разумеется, это не означает, что сегодня христианство умерло или умирает; однако начиная с XIX столетия оно стало утрачивать ту ведущую роль в обществе, которую исполняло с IV по XIX в., а именно роль творца идеологии, принадлежавшую ему почти монопольно»[36]. Парадигма, предложенная Ле Гоффом, позволяет иначе взглянуть не только на европейскую, но и на российскую историю. Несмотря на все различия между христианством и исламом, Европой и Россией, методологию «долгого средневековья» можно применить к исследованию социальных процессов среди татар XIX – начала XX вв.

Золотая Орда нас не отпускает, ее нельзя сдать в анналы истории. Она нам оставила великую культуру, многие замечательные традиции, как, например, веротерпимость, значимость которой осознали только в наше время, но оставила и проблемы. Долгое средневековье для татар еще не закончилось. Джадиды и предприниматели конца XIX – начала XX вв. сделали громадный шаг для преодоления отсталых средневековых традиций, но они не успели завершить этот процесс. Сегодня мы оказываемся в роли как наследников, так и реформаторов золотоордынских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев И.Д. Земские Соборы на Руси. М., 1902.
2. Бердяев Н. Русская идея. М., 2002.
3. Буданов И.П. Дон и Москва. Казаки Восточной Европы. Книга IV, вып.1. Париж, 1958.
4. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. Брюссель, 1939.
5. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.
6. Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003.
7. Йохан Хейзинга. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. Лондон, 1992.

[35] Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 16.
[36] Там же. С. 36.

8. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XII – середина XV в. Казань, 2009.
9. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1987.
10. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М., 1988.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизации средневекового Запада. М., 1992.
12. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
13. Лорд Актон. Очерки становления свободы. Лондон, 1992.
14. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. М., 1997.
15. Мөхәммәдиев Ә.Г. Гомуми һәм төрки-татар нумизматикасы. Казан, 2003.
16. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. М., 2003.
17. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
18. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2004.
19. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
20. Соловьев С.М. Сочинения. Книга I. М., 1988.
21. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.
22. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
23. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
24. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
25. Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 2006.
26. Фернан Бродель. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. Роль среды. М., 2002.
27. Фридрих Август фон Хайек. Дорога к рабству. М., 2010.
28. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.
29. Эдвард Кинан. Казань и Московия: модель степной дипломатии // «ПАНОРАМА-ФОРУМ», 1995, №1.
30. Якубовский Л.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае Берке // Изв. ГАИМК. VIII. Вып. 2–3. Л., 1931.

Сведения об авторе: Рафаэль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

---

THE LONG MIDDLE AGES OF THE GOLDEN HORDE

R.S. Khakimov
(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The article emphasizes the importance for studing Golden Horde theme in order to understand the history of the Tatars, Russia, and Eastern Europe. The author argues that both the Golden Horde and the whole Tatar factor cannot be considered as an occasional episode in the medieval history of Russia, but emerged from their own background of Turkic traditions. The category of the “Long Middle Ages” is analyzed by applying it to the history of the Tatars.

Keywords: Golden Horde, Middle Ages, Russia, Tatars, Eastern Europe.

REFERENCES

1. Belyaev I.D. *Zemskiye Sobory na Rusi* [The Zemsky Sobors in Russia]. Moscow, 1902.

2. Berdyaev N. *Russkaya ideya* [Russian Idea]. Moscow, 2002.

3. Budanov I.P. *Don i Moskva. Kazaki Vostochnoy Yevropy. Kniga IV, is. 1* [Don and Moscow. The Cossacs of Eastern Europe. Book IV, is. 1]. Paris, 1958.

4. Vernadsky G.V. *O sostave Velikoy Yasy Chingiz Khana* [On the Composition of the Great Yasa of Genghis Khan]. Brussels, 1939.

5. Grigoryev A.P., Grigoryev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii* [Collection of the Golden Horde Documents of the 14th Century from Venice]. Saint-Petersburg, 2002.

6. *Zolotaya Orda v istochnikakh.* T. 1 [The Golden Horde in the Sources. Vol. I]. Moscow, 2003.

7. Johan Huizinga. *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealakh i drugiye lektsii* [On the Historical Ideals of Life and Other Lectures]. London, 1992.

8. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XII – seredina XV v.* [The History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of 15th Century]. Kazan, 2009.

9. Klyuchevsky V.O. *Sochineniya v devyati tomakh. T. I* [The Collected Works in Nine Volumes. Vol. I]. Moscow, 1987.

10. Klyuchevsky V.O. *Sochineniya v devyati tomakh. T. II* [The Collected Works in Nine Volumes. Vol. II]. Moscow, 1988.

11. Le Goff J. *Tsivilizatsii srednevekovogo Zapada* [Western Medieval Civilizations]. Moscow, 1992.

12. Le Goff J. *Srednevekovy mir voobrazhayemogo* [The Medieval World of Imaginary]. Moscow, 2001.

13. Lord Acton. *Ocherki stanovleniya svobody* [Esays on the Establisment of Freedom]. London, 1992.

14. Marco Polo. *Kniga o raznoobrazii mira* [The Book on the Diversity of the World]. Moscow, 1997.

15. Mөkhәmmәdiyev Ә.G. *Gomumi hәm tөrki-tatar numizmatikasy* [General and Turkic-Tatar Numismatics]. Kazan, 2003.

16. Orlov A.S., Georgiyev V.A, Georgiyeva N.G., Sivokhina T.A. *Istoriya Rossii. Uchebnik* [The History of Russia. Textbook]. Moscow, 2003.

17. Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow, 1993.

18. Platonov S.F. *Polny kurs lektsy po russkoy istorii* [A Full Course of Lectures on the Russian History]. Moscow, 2004.

19. Pochekayev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The Justice of the Golden Horde]. Kazan, 2009.

20. Solovyev S.M. *Sochineniya. Kniga I* [Collected Works. Book I]. Moscow, 1988.

21. Toynbee A.J. *Postizheniye istorii* [The Understanding of History]. Moscow, 1991.

22. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, 2001.

23. Trubetskoy N.S. *O turanskom elemente v russkoy kulture. V kn.: Rossiya mezhdu Yevropoy i Aziyey: Yevrazysky soblazn* [On the Turanian Element in Russian Culture. In: Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation]. Moscow, 1993.

24. Fedorov-Davydov G.A. *Denezhnoye delo Zolotoy Ordy* [Financial Matters of the Golden Horde]. Moscow, 2003.

25. Fernand Braudel. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries]. Moscow, 2006.

26. Fernand Braudel. *Sredizemnoye more i sredizemnomorsky mir v epokhu Filippa II. Ch. I. Rol' sredy* [Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philippe II. Part I. The Role of the Environment]. Moscow, 2002.

27. Friedrich August von Hayek. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow, 2010.

28. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva. V kn.: Na styke kontinentov i tsivilizatsy. Iz opyta obrazovaniya i raspada impery X–XVI vv.* [Essays on the History of the Kazan Khanate. In: At the Crossroads of the Continents and Civilizations. From the Experience of the Formation and Decay of Empires of the 10th–16th Centuries]. Moscow, 1996.

29. Edward Keenan. *Kazan i Moskoviya: model stepnoy diplomatii* [Kazan and Muscovy: The Model of the Steppe Diplomacy]. «PANORAMA-FORUM». Kazan, 1995, no.1.

30. Yakubovsky L.Yu. *K voprosu o proiskhozhdenii remeslennoy promyshlennosti v Saraye Berke. Izv. GAIMK. VIII. Is. 2–3* [On the Question of the Origin of the Craft Industry in Berke's Saray. Proceedings of the GAIMK. VIII. Iss. 2–3]. Leningrad, 1931.

About the author: Rafael Sibgatovich Khakimov – director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), vice-president of AS RT, academician of AS RT, Doctor of historical sciences (Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru

УДК 94(5-191.2=512.145)

ДРЕВНИЕ ГОСУДАРСТВА ТАТАР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.Г. Кляшторный
(Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук)

В статье рассматриваются древнейшие этапы истории татар. Происхождение татар связывается с историей крушения Ханьской империи и Гуннской державы и рассматривается в ракурсе эпохи, предшествующей появлению империи Чингиз-хана. Автор доказывает, что государство татар появилось задолго до монгольской эпохи, приводя сведения о расселении татар в IX–X вв.; что объясняет, почему спустя столетие монголы, занявшие то же пространство, именовались в тюркской и мусульманской среде и в Китае «татарами». Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси и в Западной Европе.

Ключевые слова: древняя история Центральной Азии, происхождение татар, критика историографических концепций, китайские источники, Рашид ад-дин.

Древнейшие этапы истории татар неразрывно связаны с историей других степных племен Центральной Азии (Монголии и Восточного Туркестана). Сведения о татарах впервые появляются на страницах источников вскоре после крушения Ханьской империи (III в. н.э.) и Гуннской державы (III–IV вв. н.э.). Другая группа сведений о татарах относится к эпохе, предшествующей появлению империи Чингиз-хана. Рассмотрим обе группы сообщений на фоне истории степных империй.

Империя жуаньжуаней и государство отуз татар

В 308 г. шаньюй гуннских племен Шаньси Лю Юань, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором. В 311 г. его сын Лю Цун осадил столицу Цзиньской империи – Лоян. Драматические события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших документов, написанном очевидцем, – письме согдийского купца Нанайвандака. Вскоре Цзиньская империя (280–316 гг.) перестала существовать. На территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, находившихся в состоянии постоянной войны друг с другом.

Время с 304 по 439 год в традиционной китайской историографии получило название периода «шестнадцати варварских государств пяти северных племен».

В конце IV – начале V в. «варварских государств» на севере было уже не шестнадцать, а девятнадцать, и восемь из них были сяньбийскими. И хотя китайцы составляли большинство населения Среднекитайской равнины, наиболее многочисленной группой среди «варваров» были сяньбийцы. Именно сяньбийцы в середине V в. объединили север и создали там свои династии, просуществовавшие почти столетие.

Сяньбийские (прамонгольские) племена этого времени делились на несколько племенных объединений, из которых наиболее значительными были *муюны* (в 30-е гг. IV в. они поселились на берегах Ляодунского залива), *ту-*

юйхуни или *муюуны* (их владениями стали земли севернее хребта Куэньлунь, между озерами Куку-нор и Лоб-нор) и *табгачи* (китайская транскрипция названия – *тоба*). Именно табгачи и создали династию Тоба Вэй (Северная Вэй). Их вождь Тоба Гуй в 397 г. разгромил и оттеснил на восток своих сородичей *муюнов*, а в следующем году он был провозглашен императором новой династии. Его наследник, Тоба Тао, между 424–431 гг. объединил под властью табгачей весь бассейн Хуанхэ и стал создателем единой империи в Северном Китае. Период «шестнадцати государств» закончился **первым монгольским завоеванием Китая**.

А на покинутом сяньбийцами севере родилась новая степная империя – держава жуаньжуаней. Ей предшествовало появление в монгольских степях очень смешанной по этническому составу военной группировки, промышлявшей набегами на соседей. Группировку возглавлял бежавший из государства табгачей некий воин по прозвищу Мугулюй (Плешивый) и его сын. Потерпев поражение в войне с табгачами, эта группировка ушла на север от пустыни Гоби. В ходе междоусобной борьбы за власть внутри группировки (китайцы называли ее *жуаньжуань*) к власти пришел один из вождей, Шэлунь, который в 402 г. провозгласил себя *каганом*, что на языке династии Вэй (т.е. на сяньбийском языке) «означало император»[1]. Так, в Великой степи появились новая империя и новый высший титул, сменивший гуннский титул *шаньюй*.

Время Шэлуня ознаменовалось военно-административной реформой, в ходе которой армия была перестроена по десятеричному принципу, во главе «тысяч» поставлены командиры, назначаемые каганом.

В ходе войн и побед над степными соседями владения Шэлуня невероятно расширились – от Чаосяни (Корея) до Яньцзи (Карашар, бассейн р. Тарим в Восточном Туркестане). Его западная ставка находилась севернее Дуньхуана. Там, на северо-западе, он одержал победу над одним из владений, созданных гуннами. Вслед за тем в Северной Монголии он подчинил часть племен гаоцзюй, а затем, осмелев, в 406–410 гг. предпринял два набега за укрепленную линию, на земли Северного Китая. Ответ последовал быстро, и, преследуемый сяньбийской конницей, Шэлунь умер во время бегства (410 г.).

Последовавшая за смертью Шэлуня междоусобица привела к власти его внучатого племянника Датаня: «Он сумел приобрести симпатии народа, в результате чего население владения выдвинуло и поддержало его», – замечает Вэй Шоу, автор «Истории династии Вэй»[2]. Датань был провозглашен «Победоносным каганом» и постарался немедленно оправдать свой титул. Вернув себе земли к югу от Гоби, покинутые Шэлунем, Датань совершил очередной набег, нарушив укрепленную линию, но, получив отпор, отступил. Ударившие морозы помешали *табгачам* начать преследование.

С 424 г. и до самой смерти Датаня в 429 г. война на северной границе не прекращалась. Согласно одной из китайских версий генеалогии жуаньжуаней, созданной историографами Южных династий (Сун шу, V в.), жуаньжуани были «отдельной ветвью сюнну» и их «другим названием» был этноним

---

[1] Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. С. 264.

[2] Там же. С. 271.

датань (*таньтань*)[3]. Для политиков и историографов Южных династий, не имевших прямых военно-политических контактов с северными кочевниками, гунны были явно обобщенным именем древних кочевых народов северных степей, предками современных Южным династиям «северных варваров». Впрочем, связь *жуаньжуаней* с гуннами несомненна и по иной причине. Большие массивы гуннского населения поглощались не только *сяньби*, но и самими *жуаньжуанями*. Так, во времена первого кагана Шэлуня в их племенной союз вошло «богатое и сильное кочевье сюнну», жившее в долине р. Орхон[4].

Еще интереснее сообщение обеих историй Южных династий о «другом имени» *жуаньжуаней*. Оно явно связано с личным именем «победоносного кагана» Датаня, племянника фактического основателя империи Шэлуня. Датань восстановил единство империи после кровавой междоусобицы, последовавшей после смерти Шэлуня, и серьезно угрожал государству Тоба Вэй в двадцатые годы V в. Здесь стоит процитировать китайское наблюдение о родовых (племенных) названиях у *дунху*, далекими потомками которых были жуаньжуани – «в качестве (родовых) фамилий используют имя сильного старейшины». Вот таким именем-эпонимом для *жуаньжуаней* или их части и стало имя Датаня, не связанное с появившимся ранее названием государства.

Реконструкцию произношения этого имени в середине I тыс. н.э. осуществил, по моей просьбе, С.Е. Яхонтов. И оказалось, что здесь мы впервые фиксируем этноним, ставший хорошо известным через два столетия после описываемых событий, ибо иероглифическое написание *датань* произносилось в V в. н.э. как **dadar/*tatar*. Согласно тюркским памятникам 732–735 гг. послы от *otuz tatar* «тридцати (племен) татар» пришли в 552 г. почтить память почившего годом ранее тюркского Бумын-кагана, победителя *жуаньжуаней* и нового владыки тех их племен, которые покорились Тюркскому элю. «Тридцать (племен) татар» – та самая группа племен, входивших ранее в государство *жуаньжуаней*, которая сплотилась в 20-е гг. V в. вокруг Датаня/Татара; эта группа племен обеспечила его победу в междоусобице, победу над другими претендентами, которых поддерживали другие племенные группировки *жуаньжуаней*. И, в отличие от этих других группировок, «тридцать племен» носили имя своего вождя, имя, закрепившееся как самоназвание, подобно тому, как много веков спустя стали этнонимами имена Ногая и Узбека.

Татарские государства в дочингизову эпоху

Едва ли не главный наш источник, освещающий историю народов Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время, – труд Рашид ад-дина «Джами‘ ат-таварих». Основное место там, естественно, занимает история создателей Монгольской империи, но отдельными пятнами, более или менее яркими, высвечиваются иные времена и иные племена.

Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии «Сокровенного сказания», полностью истребил Чингиз: «Их имя издревле было известно в мире. От них отделились и многочисленные ветви… Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание (юрт) есть мест-

[3] Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... С. 288–289.
[4] Там же. С. 269.

ность, называемая Буир-Наур. Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы»[5].

Итак, основной юрт татар находился вблизи озера Буир-нур, в Восточной Монголии. Но ведь упомянуты и какие-то другие юрты и другие ветви татар, издавна враждовавшие друг с другом. Далее рассказывается об их власти над монголами в дочингизово время. И неожиданно появляется экскурс в далекое прошлое татар и окружающего их мира: «Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и [вообще] ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, – они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом [от других]. Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами». Далее Рашид ад-дин добавляет, что ныне, т. е. в XIV в., по тем же причинам тюркские племена именуют себя монголами, «хотя в древности они не признавали этого имени»[6]. Наконец, еще одна знаменательная реминисценция из дочингизовой истории Центральной Азии: «Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, – шесть»[7].

Рашид ад-дин предлагает свою этнологическую схему предмонгольской Центральной Азии, точнее, ее степной части, населенной преимущественно тюркскими племенами. Структурообразующими «конструкциями» схемы являются шесть татарских государств[8] («каждое в отдельности имеет войско и своего государя»), главным из которых был буирнурский юрт. Уже в «глубокой древности» татары, несмотря на отсутствие единства и межплеменные распри, подчинили своей власти «до границ областей Китая» все племена и области. Подчинившимися племенами были – прежде других – «тюркские роды». Они стали именоваться татарами по названию господствующего племени. События эти относятся к столь давнему времени, что монголам тут еще места нет, ибо они «стали известны» только около «трехсот лет тому назад», т.е. в IX–X вв. Впрочем, как замечает Рашид ад-дин, «в древности монголы были [лишь] одним из племен из всей совокупности тюркских степных племен»[9].

Как мы видим, Рашид ад-дин разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства «тюркских степных племен», временные параметры которого не определены; б) этап подчинения тюркских племен татарами и превращения этнонима «татар» в общий политоним; временные границы – от «глубокой древности» до начала татаро-монгольских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и, по-

---

[5] Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.-Л., 1952. С. 101.

[6] Там же. С. 102.

[7] Там же. С. 103.

[8] Я вполне разделяю выводы Е. И. Кычанова о раннегосударственном характере объединений кочевых племен Центральной Азии в средние века («улусы татаро-монголов XII в.», «чжурчжэни XI в.» – см. [Кычанов, 1986, с. 97; Кычанов, 1990, с. 10–24]).

[9] Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.-Л., 1952. С. 103.

сле истребления татар, превращения этнонима «монгол» в общеимперский политоним (XII–XIII вв.).

Вместе с тем, как замечает Рашид ад-дин, силы и могущество татар были в свое время столь велики, что и поныне, т.е. в начале XIV в., от Китая до Дашт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами[10].

Если термины «тюркская эпоха (время)», «монгольская эпоха (период)» в исследовательской литературе уже давно стали привычными, то столь же генерализованное представление о «татарском периоде» в истории степей Центральной Азии не сложилось. Напротив, оно полностью интегрировалось в столь привычных стереотипах, как то: «монголо-татарская эпоха», «монголо-татарское нашествие». Между тем схема Рашид ад-дина четко разделяет, противопоставляет и разводит во времени «татарский» и «монгольский» периоды.

Очевидно, что предложенная Рашид ад-дином историографическая концепция нуждается в очень обстоятельной фактологической проверке. К сожалению, в его тексте много недосказанного или сказанного намеком, много трудностей возникает при прочтении тех этнических терминов, топонимов, собственных имен, которыми насыщен текст «Джами ат-таварих». Все это мешает оценке пространственно-временных параметров описываемых историком событий и ситуаций. Так, например, остается загадкой, где и когда существовали еще пять татарских владений-юртов, кроме буирнурского? Поэтому здесь небесполезно привлечение иных источников, содержащих ранние сведения о татарах.

В 1960 г. С.И. Вайнштейн обнаружил в местности Хербис-Баары (Тува) не известную дотоле кыргызскую стелу с рунической надписью. Впоследствии эту надпись дважды издавал А.М. Щербак[11]. Памятник содержит эпитафию знатному воину по имени Кюлюг Йиге. Главным его подвигом, упомянутым в тексте, был поход на татар: «В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар».

В 1976 г. Л.Р. Кызласовым была обнаружена в Хакасии, близ р. Уйбат, стела с рунической надписью (девятый памятник с Уйбата), изданной И.Л. Кызласовым, а затем повторно прочтенной и интерпретированной мною[12]. В первой строке этой надписи упомянут «татарский враждебный эль» и сообщается о выплате татарами дани или контрибуции.

Когда и где енисейские кыргызы вели успешные войны с татарами?

Впервые упоминает татар (отуз-татары) самая крупная из известных рунических надписей – памятник в честь Кюль-тегина (732 г.). Один раз они названы там в связи с похоронами первых тюркских каганов, т. е. событиями второй половины VI в[13]. Второй раз они упоминаются той же надписью и под тем же названием (отуз-татары) в качестве врагов отца Кюль-тегина, Ильте-

---

[10] Там же.

[11] Об обстоятельствах находки и местоположения стелы см. теперь [Васильев, 1963, с. 33–34]. См. также [Вайнштейн, 1963, с. 41–45; Щербак, 1961, с. 238–241; Щербак, 1964, с. 145–149].

[12] Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (Новый рунический памятник на Среднем Енисее). Советская тюркология Баку. 1987, № 1. С. 21–22; Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата. Советская тюркология Баку. 1987, № 1. С. 33–36.

[13] КТб – Большая надпись в честь Кюль-тегина // Текст по: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 4.

рес-кагана (ум. в 691 г.). Тогда татары вместе с кыргызами поддержали токуз-огузов, воевавших с тюрками[14]. В 723–724 гг. татары (токуз-татары) вместе с токуз-огузами восстают против Бильге-кагана, как о том свидетельствует другая руническая стела с эпитафией старшему брату Кюль-тегина[15]. Последний раз в орхонской рунике татары (токуз-татары) упомянуты в надписи из Могон Шине Усу, эпитафии уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану (760 г.)[16]. Вместе с огузскими племенами татары в конце 40-х годов VIII в. восстают против уйгурского кагана и терпят поражение. Таким образом, в конце VII – первой половине VIII в. татары придерживаются той же политической ориентации, что и кыргызы, и являются их прямыми или эвентуальными союзниками.

Заметим, что в ситуации VI–VII вв. союз татарских племен назван в орхонских надписях «тридцатью татарами» (отуз-татары), а в середине VIII в., как и в енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы «девятью татарами» (токуз-татары). Не исключено, что в изменении названия отражен распад первоначальной группировки татарских племен, но для нас не менее примечательно, что упомянутые енисейской надписью события происходили не ранее второй половины VIII в. Впрочем, и по палеографическим особенностям обе кыргызские стелы не относятся к числу ранних енисейских памятников, датируемых первой половиной VIII в[17].

Обратимся теперь к сообщениям китайских источников о татарах. Прежде всего отметим, что в составе Уйгурского каганата (744–840) татары были одним из вассальных племенных союзов; по словам китайского автора XII в. Ван Минцзи, тогда «татары были пастухами коров у уйгуров»[18]. Кыргызы же, отброшенные уйгурами в 756 г. за Саяны, незадолго до 840 г. появились к югу от Танну-Ола. Тем самым определяется нижняя дата кыргызско-татарской войны. В связи с событиями 842 г. татары впервые упомянуты в китайском источнике – письме китайского чиновника Ли Дэюя – как враги кыргызов и союзники последнего уйгурского кагана[19].

Главным направлением отступления уйгуров, разгромленных кыргызами в Северной Монголии, были Ганьсу и Восточный Туркестан. Именно на этом направлении их преследовали кыргызы. Ли Дэюй, который вел в 842 г. в по-

---

[14] Там же. С. 14.

[15] БКб – Большая надпись в честь Бильге-кагана // Текст по: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 34.

[16] Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. – JSFOu. 1913, vol. XXX, № 3. C. 17.

[17] Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников). – Turcologica: К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267.

[18] Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине VII в. – Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 143.

[19] Pelliot P. L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo-wei. – TP. 1929, vol. 26. C. 125–126. Относительно этнической принадлежности татар, упомянутых в орхонских надписях, П. Пеллио замечает: «Допустимо, что они уже тогда были монголоязычны: впрочем, титулатура и номенклатура татар в XII в. сохраняли следы тюркского влияния» [Pelliot, 1949, с. 232–233]. Вполне оправдан, однако, скепсис некоторых современных исследователей по поводу самой возможности достоверных этнических определений крупных племенных сообществ древней Центральной Азии [Мункуев, 1975, с. 91; Geley, 1979, с. 73].

граничной крепости Тяньдэ переговоры с кыргызским посольством, сообщает, что, по словам главы посольства, кыргызского «генерала» Табу-хэцзу, кыргызы пришли на «старые уйгурские земли» на р. Хэлочуань, т. е. в верховья Энцзин-гола, и им подчинились Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык) и дада (татары). Это первое и единственное упоминание о военном столкновении кыргыз и татар, случившемся где-то в Ганьсу или Восточном Туркестане и завершившемся признанием татарами кыргызского сюзеренитета, иначе говоря, выплатой дани[20]. В следующем (843) году Табу-хэцзу (в ряде источников он именуется также Чжу'у-хэсу) возглавил первое кыргызское посольство к императорскому двору[21].

В 1915 г. в долине р. Тес (Северо-Западная Монголия) Б. Я. Владимирцов обнаружил наскальную руническую надпись, повторно исследованную и прочтенную нами в 1975 г. Надпись содержала имя, которое после нового просмотра надписи в 1989 г. я читаю как *Töpek Alp Sol*[22]. По консультации С.Е. Яхонтова, китайская передача имени кыргызского военачальника Табу-хэцзу есть несколько небрежная транскрипция тюркского *Töpük Alp Sol*. Судя по содержанию надписи, которая теперь может быть датирована серединой IX в., она маркировала центр новых земельных владений кыргызского вельможи, полководца и дипломата, которые стали его юртом после изгнания уйгуров и овладения севером Монголии. Так совпали до мелочей сведения из отчета китайского дипломата и из эпитафий кыргызским участникам южного похода[23]. Впрочем, кыргызам не было суждено удержать земли на «уйгурской дороге» в Таримский бассейн, важном участке Великого Шелкового пути. Еще до 875 г. гоньчжоуские уйгуры восстановили здесь свое господство[24].

Владение татар в Западном крае, столь далеком от их коренных земель в Восточной Монголии, появилось до падения Уйгурского каганата. Во всяком случае, в колофоне пехлевийского манихейского сочинения «Махр-намаг», переписанного в Турфане между 825–832 гг., среди местных вельмож упомянут и глава татар (*tatar apa tekin*)[25]. А много позднее, в конце X в., китайский посол к уйгурскому идикуту, Ван Яньдэ, узнает в Турфане о другом китайском чиновнике, побывавшем там, – посольству к уйгурам предшествовало посольство к татарам[26]. Дипломатическая активность была не частой, но обоюдной. Между 958 и 1084 гг. упомянуты три посольства к различным китайским дворам, совместно отправленные государями ганьчжоуских уйгуров

---

[20] Tsai Wen-shen. Li Tê-yü 'nün mektuplarina göre uygurlar (840–900). Taipei, 1967. C 148.

[21] Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами. – Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. Т. I. Вып. 1. 1963. С. 67–69.

[22] Ср. Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии. Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 154.

[23] Сообщения о первом после крушения Уйгурского каганата контакте кыргызов с танским чиновником исследованы Г.П. Супруненко [Супруненко, 1974, с. 243] и А.Г. Малявкиным [Малявкин, 1983, с. 101].

[24] Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 109, 111.

[25] Müller F.W.K. Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahrnâmag). B., 1913. C. 9.

[26] Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 90.

и ганьсуйских татар для заключения военного союза против тангутов[27]. Важное дополнение к этим известиям содержится в двух китайских манускриптах 965 и 981 гг. из пещерной библиотеки в Дуньхуане. Там прямо сказано, что центр государства татар был в Сучжоу, т. е. на границе Ганьсу и Восточного Туркестана[28]. Об этих же татарах сообщают хотано-сакские документы IX–X вв[29]. В «Худуд ал-‘алам», анонимной персидской географии X в., татары упомянуты как соседи и союзники тогузгузов, т. е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной тогузгузов и татар»[30]. Весьма важны упоминания «чиновного лица (амга)», который «пришел от татар», в деловых письмах из Дуньхуана на тюркском и согдийском языках (конец IX–X вв.), недавно интерпретированных Дж. Гамильтоном и Н. Симс-Вильямсом (доклад на Центральноазиатской конференции в Лондоне, 1987 г.).

Наряду со сведениями указанных источников о татарском государстве в Ганьсу – Восточном Туркестане имеется еще свидетельство эпистолярного источника XI в. Письмо тангутского государя Юань-хао, отправленное Сунскому двору в 1039 г., содержит декларацию о новых границах Тангутского государства, весьма мало соответствующую действительной ситуации. Юань-хао хвастливо заявляет о добровольном подчинении ему туфань (тибетцев), тата (татар), чханъе (ганьчжоуских уйгур) и цзяохэ (турфанских уйгур), т.е. всех соседних Си Ся владений, расположенных в Ганьсу и Восточном Туркестане или обладавших там какими-либо землями[31].

В домонгольскую эпоху, во всяком случае в X–XI вв., этноним «татары» был хорошо известен не только в Срединной империи, но также в Средней Азии и Иране. Так, наряду с караханидскими тюрками, татары достаточно часто упоминаются в стихах известнейших персидских поэтов. Газневидский поэт Абу-н-Наджм Манучихри (XI в.) пишет о красивом юноше с «тюрко-татарским обликом»; для других его современников обычной метафорой было «благоухание тысяч татарских мускусов», а имам Садр ад-дин Харрамабади (XI–XII вв.) в касыде, посвященной султану Искандеру, упоминает некоего «татарина»[32].

Итак, в IX–XII вв. на территории Ганьсу и в Восточном Туркестане существовало государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам. Все же сведения об этом государстве казались южносунскому ученому и чиновнику Ли Синьчуаню (1166–1243) столь необъяснимыми, что вызвали следующее замечание: «Два государства жили на востоке и западе, и обе страны глядели друг на друга на расстоянии в несколько

---

[27] См. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 63–86; Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 75; Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit. Wiesbaden, 1968. С. 130.

[28] Hamilton J.R. Les Ouighours à l’époque des Cing dynasties k’après les documents chinois. P., 1955. С. 89–90.

[29] См. Bailey H.W. Turks in Khotanese Texts. – JRAS. 1937, pt. I. С. 38; Bailey H.W. A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantson. – Asia Major. New Series. Vol. 1. 1949, t. 1. С. 49.

[30] Minorsky V. Hudud al-‘Ālam. ‘The Regions of the World’. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. L., 1937. С. 47.

[31] Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 134.

[32] Browne E.C. The Lubabu ‘l-Albab of Muhammad Awfi. London-Leiden, 1906.Ч. 1. С. 166, 169, 202; Ворожейкина З.Н. Диван Манучихри. – Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М., 1971. С. 26.

тысяч ли. Не знаем, по какой причине их объединяют и они получили единое наименование»[33]. До сих пор эта сентенция Ли Синчуаня оставалась непонятой[34].

Еще одну возможность продуктивного поиска «государств татар» открывает сообщение персидского автора XI века Гардизи, в труде которого содержатся несколько уникальных описаний древнетюркских племен, включая их генеалогические легенды. Как удалось установить, все эти описания восходят к неизвестному раннему источнику и датируются 745–780 гг[35]. Согласно Гардизи, образование племенного союза (государства) кимаков в верховьях Иртыша связано с междоусобной войной среди татарских племен. Потерпевший неудачу младший член татарской династии, носивший титул *шад* (у Гардизи титул приводится как личное имя), с группой своих соплеменников, бежит и обосновывается на верхнем Иртыше, где и формируется та племенная общность, которая позднее, не ранее IX в., получает название *кимак*[36]. На раннем этапе формирования кимакская общность осознавалась ее создателями и окружающим миром именно как одно из татарских племен. Лишь век спустя возникло государство кимаков[37], но его возглавляла татарская династия.

Вряд ли пока возможно столь же определенно локализовать другие татарские государства, упомянутые Рашид ад-дином[38]. Но его информированность о предмонгольской эпохе в истории татар, вопреки сомнениям В.В. Бартольда[39], ныне очевидна[40]. Недаром компетентный источник XI в. называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью»[41], – точно так же южнорусские и казахстанские степи именовались тогда мусульманскими авторами «Дашт-и Кипчак» («Кыпчакская степь»). Название «Татарская степь» хорошо согласуется с другими сведениями о расселении татар в IX–X в. и объясняет, почему столетие спустя

---

[33] Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине VII в. Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 145.

[34] Впервые на цитированное место у Ли Синьчуаня обратил внимание выдающийся китайский ученый Ван Говэй (1877–1927). Его замечания к труду Ли Синьчуаня «Цзянь-янь и-лай чаойцзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода [правления] Цзянь-янь (1127)») переведены и изданы Н.Ц. Мункуевым [Мункуев, 1975, с. 51–52].

[35] Czeglédy K. Gardizi on the history of Central Asia. – “Acta Orientalia Hungarica”, t. XXVII, fasc. 3, 1973. C. 257–267.

[36] Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар. Сочинения, Т. VIII. М., 1973. С. 43–44.

[37] См. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

[38] Возможно, что ключ к поиску иных территорий расселения татар в X–XII вв. содержится в упоминании Ли Синьчуаня о «границах татар» от Линьхуана (совр. Сира-Мурен) на востоке до границ Си Ся на западе и от Цзинчжоу на юге (близ р. Гуйхуачэн в Суйюани) до киданей на севере [Мункуев, 1975, с. 51]. Если эти указания верны, то все «шесть татарских юртов», упомянутых Рашид ад-дином, занимали большую часть степной и горно-степной зоны Монголии и Северного Китая.

[39] Бартольд В.В. Татары. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 559.

[40] О соотношении труда Рашид ад-дина с прочими источниками, освещающими дочингисовый период истории монголов, см. [Hambis, 1970, с. 125–133].

[41] Mahmud al-Kasgari. Compendium of the Turkic Dialects. Edited and Translated by R. Dankoff and J. Kelly. Pt I. 1982 (Harvard University Sources of Oriental Languages and Literatures, 7). P. 159.

монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси, и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли[42].

Кыргызско-татарская война 842 г., участником которой был герой енисейской рунической надписи Кюлюг Йиге, стала отражением новой ситуации в Центральной Азии, определявшейся в IX–X вв. взаимоотношениями кыргызов, татар и киданей, прежних аутсайдеров, занявших тогда политическую авансцену.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар. Сочинения, Т. VIII. М., 1973. С. 43–44.
2. Бартольд В.В. Татары. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 559.
3. БКб – Большая надпись в честь Бильге-кагана // Текст по: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 34.
4. Вайнштейн С.И. Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. УЗТНИИЯЛИ. Вып. 10. Кызыл, 1963. С. 41–45.
5. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея. Л., 1983.
6. Ворожейкина З.Н. Диван Манучихри. – Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М., 1971. С. 23.
7. Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата. Советская тюркология Баку. 1987. №. 1. С. 33–36.
8. Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии. – Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 154.
9. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников). – Turcologica: К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267.
10. КТб – Большая надпись в честь Кюль-тегина // Текст по: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
11. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

---

[42] В китайской политической и историографической традиции начиная с сунского времени решительно преобладало поименование монголов татарами. Даже в тех случаях, когда для служащих сунских военных и дипломатических ведомств не было сомнений, как в самом деле надлежит именовать новых соседей империи, тексты редактировались желательным образом и этноним «монгол» заменялся либо на *да-да* «татарин», либо на *мэн-да* «монголо-татары». Очень показателен в этом смысле факт, приводимый Ли Синь-чуанем: «Когда монголы (*мэн-жэнь*) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя Великим Монгольским государством (*да мэн-гу го*). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (*мэн-гу*)». Позднее последнее название было заменено на *мэн-да* [Мункуев, 1975, с. 123]. Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчете сунского посольства 1211–1212 гг., недавно опубликованном Г. Франке, монголов последовательно именуют татарами [Franke, 1981, с. 170 и сл.]. Еще более показателен случай, приводимый автором «Мэн-да бэй-лу». По его словам, Мухали, наместник Чингиз-хана в Северном Китае (гован Мо-хоу), каждый раз сам называл себя «мы, татары» [Мункуев, 1975, с. 53]. Ван Говэй, комментируя это место, замечает, что здесь просто употреблено то название монголов, которое было принято китайцами. Естественно, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татарином [Мункуев, 1975, с. 135].

12. Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (Новый рунический памятник на Среднем Енисее). Советская тюркология Баку. 1987. №. 1. С. 21–22.

13. Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине VII в. – Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

14. Кычанов Е.И. О ранней государственности у киданей. – Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990. С. 10–24.

15. Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. – Восточная Азия и соседние территории в средние века: История и культура народов Азии. Новосибирск, 1986. С. 97.

16. Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 134.

17. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.

18. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.

19. Мэн-да бэй-лу // Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока. XXVI).

20. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.-Л., 1952. С. 103.

21. Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами. Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. Т. I. Вып. 1. 1963. С. 67–69.

22. Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. – История и культура Китая. М., 1974. С. 243.

23. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. С. 264.

24. Щербак А.И. Новая руническая надпись на камне. – УЗТНИИЯЛИ. Вып. IX. 1961. С. 238–241.

25. Щербак, 1964. – Ščerbak A. L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva). – UAJ. 1964, vol. 35.

26. Bailey H.W. A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantson. Asia Major. New Series. Vol. 1. 1949, t. 1, 49 p.

27. Bailey H.W. Turks in Khotanese Texts. JRAS. 1937, pt. I.

28. Browne E.C. The Lubabu 'l-Albab of Muhammad Awfi. London-Leiden, 1906. PP. 166, 169, 202.

29. Czeglédy K. Gardizi on the Hhistory of Central Asia. – "Acta Orientalia Hungarica", Vol. XXVII, fasc. 3, 1973, pp. 257–267.

30. Franke H. Sung Embassy of 1211–1212: The Shih-Chin-lu of Ch'eng Cho. – BEFEO. 1981, Vol. LXIX.

31. Geley J.-Ph. L'ethnonyme mongol à l'époque prečinggisqanide (XIIe s.). Etude d'ethnologie politique du nomadisme. – Etudes Mongoles. Cahier 10. P., 1979, 73 p.

32. Hambis L. L'histoire des Mongols avant Gengis-khan d'après les Sources chinoises et mongoles, et la documentation conservée par Rasīdu-d-'Dīn. – CAJ. 1970, vol. XIV, pp. 125–133.

33. Hamilton J.R. Les Ouighours à l'époque des Cing dynasties k'après les documents chinois. P., 1955, pp. 89–90.

34. Mahmud al-Kasgari. Compendium of the Turkic Dialects. Edited and Translated by R. Dankoff and J. Kelly. Pt. I. 1982 (Harvard University Sources of Oriental Languages and Literatures, 7). 159 p.

35. Minorsky V. Hudud al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. L., 1937. 47 p.

36. Müller F.W.K. Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahrnâmag). B., 1913.

37. Pelliot P. L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo-wei. – T'oung Pao (TP). Leiden, 1929, vol. 26, pp. 125–126.

38. Pelliot P. Notes sur d'histoire de la Horde d'Or. P., 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II), pp. 232–233.

39. Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit. Wiesbaden, 1968.

40. Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. – JSFOu. 1913, vol. XXX, no. 3. 17 p.
41. Tsai Wen-shen. Li Tê-yü ’nün mektuplarina göre uygurlar (840–900). Taipei, 1967, 148 p.

Сведения об авторе: Сергей Григорьевич Кляшторный – заведующий сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, профессор, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); klyashtor2004@mail.ru

---

THE ANCIENT TATAR STATES IN CENTRAL ASIA

S.G. Klyashtorny
(St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The article examines the earliest stages of the history of the Tatars. The origins of the Tatars are traced from the collapse of both the Han Empire and the Empire of Xiongnu and are considered during the subsequent periods preceding the emergence of the empire of Genghis Khan. The author argues that the Tatar state appeared long before the Mongol era, providing information on the resettlement of the Tatars in the 9th and 10th centuries, which explains why a century later the Mongols, who occupied the same space, were called the “Tatars” in the Turkic and Muslim environment, as well as in China. This Turkic designation of the Mongols took root not only in Central Asia and the Middle East but also in Russia and Western Europe.

Keywords: ancient history of Central Asia, origin of the Tatars, criticism of historiographical concepts, Chinese sources, Rashid al-Din.

REFERENSES

1. Bartol'd V.V. *Izvlechenija iz sochinenija Gardizi Zajn al-ahbar – Sochinenija* [Excerpts from the Writings of Gardizi Zayn al-Akhbar – Essays]. Vol. VIII. Moscow, 1973, pp. 43–44.
2. Bartol'd V.V. *Tatary. – Sochinenija* [Tatars. – Essays] Vol. V. Moscow, 1968, 559 p.
3. BKb – Bol'shaya nadpis' v chest' Bil'ge-kagana [BKb – Large Inscription in Honor of Bilge Khagan]. Tekst po: Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Text by: Malov S.E. The Monuments of Ancient Writing of Mongolia and Kyrgyzstan]. Moscow, Leningrad, 1959, 34 p.
4. Vajnshtejn S.I. *Kurgany i stely s drevnetjurkskoj nadpis'ju v urochishhe Herbis-Baary* [The Burial Mounds and Steles with the Ancient Turkic Inscription in the Tract of Herbis-Baari]. UZTNIIJaLI – Proceedings of the Tuva Research Institute of Language, Literature and History. Kyzyl, 1963, no. 10, pp. 41–45.
5. Vasil'ev D.D. *Korpus tjurkskih runicheskih nadpisej bassejna Eniseja* [Collection of the Turkic Runic Inscriptions from the Yenisei Basin]. Leningrad, 1983.
6. Vorozhejkina Z.N. *Divan Manuchihri* [Diwan of Manuchihri]. Pis'mennye pamjatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovanija [Written Monuments of the Orient. Historico-philological Studies]. Ezhegodnik 1968. Moscow, 1971, 26 p.

7. Klyashtorny S.G. *Devyataya nadpis' Uybata* [The Ninth Inscription from Uibat]. ST. 1987, no 1, pp 33–36.

8. Klyashtorny S.G. *Naskal'nye runicheskie nadpisi Mongolii* [The Petroglyphic Runic Inscriptions of Mongolia]. Tjurkologicheskij sbornik 1975 – Turkological Collection 1975. Moscow, 1978, 154 p.

9. Klyashtorny S.G. *Stely Zolotogo ozera (K datirovke enisejskih runicheskih pamjatnikov)* [The Steles of the Golden Lake (On the Dating of the Yenisei Runic Monuments)]. Turcologica: K semidesjatiletiju akademika A.N. Kononova. Leningrad, 1976, pp. 258–267.

10. KTb – *Bol'shaya nadpis' v chest' Kyul'-tegina* [KTb – Large Inscription in Honor of Cul-Tegin]. Tekst po: Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Text by: Malov S.E. The Monuments of Ancient Turkic Writing. Texts and Studies]. Moscow, Leningrad, 1951.

11. Kumekov B.E. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The Kimek State in the 10th–11th Centuries according to Arab Sources]. Alma-Ata, 1972.

12. Kyzlasov I.L. *Zemledel'cheskoe zhertvoprinoshenie drevnehakasskoj obshhiny (Novyj runicheskij pamjatnik na Srednem Enisee)* [Agricultural Sacrifice of the Ancient Khakas Community (New Runic Monument in the Middle Yenisei)]. ST. 1987, no 1, pp. 21–22.

13. Kychanov E.I. *Mongoly v VI – pervoy polovine VII v. Dal'nij Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [The Mongols in the 6th – first half of the 7th Century. Far East and the Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1980.

14. Kychanov E.I. *O rannej gosudarstvennosti u kidanej. – Central'naja Azija i sosednie territorii v srednie veka* [On the Early Statehood of the Khitans. – Central Asia and the Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1990, pp. 10–24.

15. Kychanov E.I. *O tataro-mongol'skom uluse XII v. – Vostochnaja Azija i sosednie territorii v srednie veka: Istorija i kul'tura narodov Azii* [On the Tatar- Mongol Ulus in the 12th Century. – East Asia and the Neighboring Territories in the Middle Ages: The History and Culture of Asian Peoples]. Novosibirsk, 1986, 97 p.

16. Kychanov E.I. *Ocherk istorii tangutskogo gosudarstva* [Essay on the History of the Tangut State]. Moscow, 1968, 134 p.

17. Maljavkin A.G. *Materialy po istorii ujgurov v IX–XII vv.* [Materials on the History of the Uighurs in 9th–12th Centuries]. Novosibirsk, 1974.

18. Maljavkin A.G. *Ujgurskie gosudarstva v IX–XII vv.* [Uighur States in the 9th–12th Centuries]. Novosibirsk, 1983.

19. Men-da bey-lu. Rus. ed. N.C. Munkuev [Mengda beilu]. Moscow, 1975 (Pamjatniki pis'mennosti Vostoka. XXVI [Eastern Written Monuments. XXVI]).

20. Rashid ad-din. *Sbornik letopisej* [Rashid al -Din. Compendium of Chronicles] Vol. I, book. 1. Moscow-Leningrad, 1952, 103 p.

21. Suprunenko G.P. *Dokumenty ob otnoshenijah Kitaja s yeniseyskimi kyrgyzami* [Documents on the Relations of China with the Yenisei Kirgizs]. Bulletin of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR. Series of Social Sciences. Vol. I. Is. 1. 1963, pp. 67–69.

22. Suprunenko G. P. *Nekotorye istochniki po drevnej istorii kyrgyzov. – Istorija i kul'tura Kitaja* [Some Sources on the Ancient History of the Kyrgyzs. – The History and Culture of China]. Moscow, 1974, 243 p.

23. Taskin V.S. *Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov gruppy dunhu* [Materials on the History of the Ancient Nomadic Peoples of the Donghu Group]. Moscow, 1984, 264 p.

24. Shherbak A.I. *Novaja runicheskaja nadpis' na kamne* [The New Runic Inscription on the Stone]. UZTNIIJaLI – Proceedings of the Tuva Research Institute of Language, Literature and History. Iss. IX. 1961, pp. 238–241.

25. Ščerbak A. *L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva).* – UAJ. 1964, vol. 35.

26. Bailey H.W. *A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantson.* – Asia Major. New Series. Vol. 1. 1949, Vol. 1, 49 p.

27. Bailey H.W. *Turks in Khotanese Texts.* – JRAS. 1937, pt. I.

28. Browne E.C. *The Lubabu ‘l-Albab of Muhammad Awfi*. London-Leiden, 1906, pp. 166, 169, 202.
29. Czeglédy K. *Gardizi on the History of Central Asia. – “Acta Orientalia Hungarica”, Vol. XXVII, fasc. 3*, 1973, pp. 257–267.
30. Franke H. *Sung Embassy of 1211–1212: The Shih-Chin-lu of Ch’eng Cho.* – BEFEO. 1981, vol. LXIX.
31. Geley J.-Ph. *L’ethnonyme mongol à l’époque prečinggisqanide (XIIe s.). Etude d’ethnologie politique du nomadisme. – Etudes Mongoles. Cahier 10.* P., 1979, 73 p.
32. Hambis L. *L’histoire des Mongols avant Gengis-khan d’après les Sources chinoises et mongoles, et la documentation conservée par Rasīdu-d-‘Dīn.* – CAJ. 1970, vol. XIV, pp. 125–133.
33. Hamilton J.R. *Les Ouighours à l’époque des Cing dynasties k’après les documents chinois.* P., 1955, pp. 89–90.
34. Mahmud al-Kasgari. *Compendium of the Turkic Dialects*. Rus. ed. R. Dankoff and J. Kelly. Pt I. 1982 (Harvard University Sources of Oriental Languages and Literatures, 7), 159 p.
35. Minorsky V. *Hudud al-‘Ālam. ‘The Regions of the World’. A Persian Geography 372 A. H.* – 982 A. D. L., 1937, 47 p.
36. Müller F.W.K. *Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahrnâmag).* B., 1913.
37. Pelliot P. *L’édition collective des oeuvres de Wang Kuo-wei.* – TP. 1929, vol. 26, pp. 125–126.
38. Pelliot P. *Notes sur d’histoire de la Horde d’Or.* P., 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II), pp. 232–233.
39. Pinks E. *Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit.* Wiesbaden, 1968.
40. Ramstedt G.J. *Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei.* – JSFOu. 1913, vol. XXX, no 3, 17 p.
41. Tsai Wen-shen. *Li Tê-yü ’nün mektuplarina göre uygurlar (840–900).* Taipei, 1967, 148 p.

About the author: Sergey Grigor'evich Klyashtorny – head of the Department of Turkic and Mongolian Studies, St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, professor, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (St. Petersburg, Russian Federation); klyashtor2004@mail.ru

УДК 239

МОНГОЛЬСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ТЕНГРИЗМА И ХУБИЛАЙ-ХАН*

Шагдар Бира
(Международная ассоциация монголоведения)

В статье рассматриваются основные этапы развития монгольской идеологии тенгризма. Автор доказывает, что конечная (Третья) стадия тенгризма началась с правления Хубилай-хана, который дополнил создание мировой империи завоеванием всего Китая. В отличие от своих предшественников, Хубилай-хан был менее связан с завоеваниями, чем с проблемами умиротворения и консолидации мировой империи. В итоге монгольская идеология тенгризма подверглась большим изменениям благодаря импульсу буддийской религиозной и политической философии. Введенные Хубилай-ханом, по инициативе Пагба-ламы, усовершенствованный культ двора и красочные церемонии индо-тибетских буддийских тантрических божеств (в частности, Махакалы и Ситапатры) содержали демонстрацию буддийской богоподобной природы всемирного царства. Если тенгризм узаконивал всемирные завоевания монголов, то буддизм, в форме тибетского ламаизма, почитался с целью освящения мирного господства малочисленных элит монголов над всем миром.

Ключевые слова: монгольская идеология мирового господства, Хубилай-хан, международные культурные контакты, политический прагматизм, буддийский универсализм.

Существовало убеждение, что Тенгри (Божественное Небо) вдохновил и обусловил беспрецедентный подъем монголов в XIII и XIV столетиях, и эта вера была со временем развита в положение, составившее целостную политическую теорию, которая может быть названа тенгризм.

Идеология тенгризма прошла три стадии развития. Впервые она возникла в период, когда Чингиз-хан основал Великое Монгольское государство в 1206 г. В это время она была нацелена на сакрализацию и легитимацию мощи его Евразийской кочевой империи. Вторая стадия проходила в период всемирной экспансии потомков Чингиз-хана. В это время тенгризм развился в утонченную универсальную теорию тенгризации, в соответствии с которой все под Небесами должно было быть объединенным под управлением монголов. Третья стадия тенгризма началась с правления Хубилай-хана, который дополнил создание мировой империи завоеванием всего Китая. В отличие от своих предшественников, Хубилай-хан был менее связан с завоеваниями, чем с проблемами умиротворения и консолидации мировой империи.

Я уже обращался к первым двум стадиям этого процесса в некоторых моих предыдущих работах[1]. В настоящее время я бы хотел вести речь о

---

* Печатается по: Shagdaryn Bira. The Mongolian ideology of tenggerism and Khubilai Khan // Mongolian culture and society in the age of globalization: proceedings of an international research conference, Western Washington University, August 5–6, 2005 / Edited by Henry G. Schwarz. Bellingham, Wash.: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 2006. Русский текст для нашего журнала предоставлен самим автором. Перевод с английского А. Бондаренко.

[1] Sh. Bira, "Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism", Journal of the Royal Asiatic Society 14 (2004), 3–12.

третьей стадии. Монгольская политика тенгризации достигла апогея, и Монгольская империя приобрела свой всемирный характер в период 35-летнего правления Хубилай-хана. Мир был действительно объединен под одной политической властью. Он был соединен сетью коммуникаций, известной как уртонная (ямская) система конных станций. Народы, идеи, информация и коммерция свободно потекли между странами через эту сеть. Среди примеров – создание и введение международного алфавита, т.н. квадратного письма, которое поддержало культурную интеграцию многих этнических групп, и создание астрономической обсерватории в Мараге в Азербайджане. Знаменитую обсерваторию возглавил великий астроном Насир ад-Дин ат-Туси (1201–1274). Она стала местом встречи ученых из разных стран, и там развивалось тесное сотрудничество между арабо-иранскими и китайскими астрономами. В 1267 году Хубилай-хан пригласил иранского астронома Джамаль ад-Дина в свою столицу Даду, нынешний Пекин. Астроном доставил астрономические инструменты, посланные через Ильхана Хулагу его брату Хубилай-хану. Знаменитый китайский астроном Гуо Шоуджин (1231–1316) вместе с его иранским коллегой Джамаль ад-Дином основали обсерваторию в столице империи, и их исследования были более плодотворны.

Монголы вступили в прямой контакт с разнообразными культурами, включая китайскую, индо-тибетскую, арабо-исламскую и центрально-азиатскую, во время монгольской династии Юань. Буддистская литература переводилась с различных языков на монгольский. Немало монголов владело китайским языком и письменностью. Они принимали активное участие в литературной и переводческой деятельности, а некоторые даже писали свои труды на китайском. Уйгуры, тангуты, тибетцы, китайцы, представители Центральной Азии работали в тесном сотрудничестве с монголами. В 1307 году Болодтемур, левая рука в секретарском совете, представил Кайсан-хану монгольскую версию знаменитой конфуцианской книги *Xiaojing (Сыновнее благочестие)* на так называемом государственном письме. Монголы также познакомились с историями знаменитого Романа об Александре. Министр Мунке-хана Махмуд Ялавач однажды рассказал своему господину историю из мусульманской версии Романа об Александре, и монгольскому хану она очень понравилась. Роман об Александре быстро преобрел широкую популярность и в начале XIV века все произведение было указано перевести на монгольский.

Обмен интеллектуальными достижениями от края до края Евразийского континента нашел свое наиболее прославленное выражение в первой мировой истории, известной как «Сборник летописей», составленной Рашид ад-Дином при помощи и участии международной команды историков, включая монгола Болода (Bo1od=Pulad). Тесное сотрудничество и дружба Рашид ад-Дина и Болода очень символичны в условиях восстановления культурных взаимоотношений между Востоком и Западом. Томас Олсен пишет, что «в то время как всеми признанный наш Болод, обычно характеризуется – вполне точно – как образованный монгол и информатор Рашид ад-Дина. Однако он был более чем им. Он может быть справедливо охарактеризован как монгольский ученый-интеллектуал, космополит и деловой человек. И несмотря на постоянное влияние иностранных культур и их передовых образцов, он никогда не прерывал связи с монгольскими традициями. Болод, конечно,

хорошо знал китайскую и позднеперсидскую культуру, но оставался до самой смерти «экспертом» в монгольских обычаях и генеалогии»[2].

Я привел несколько частных примеров из интеллектуальной сферы. Больше подробностей может быть собрано в сфере экономики, коммерческих и гуманитарных взаимоотношений тех дней. Все эти факты показывают, что имело место и развилось нечто большее, чем военные завоевания кочевых «варваров», которые не принесли ничего, кроме разрушения и резни. Скорее, здесь имели место некоторые виды глобальных процессов, которые в некоторых отношениях могут быть сравнимы с современной глобализацией, особенно в условиях становления народов и стран, теснее и больше объединенных, чем когда-либо ранее.

Хубилай-хан был великим реформатором монгольской идеологии мирового господства. Он знал свою собственную кочевую цивилизацию так же хорошо, как конфуцианскую, буддийскую, арабо-исламскую и европейско-христианскую цивилизации, и он сделал все для него возможное, чтобы использовать их выгоды успешно и избирательно, в согласии со своей политикой тенгризации. Он объяснил Марко Поло свою религиозную политику следующим образом: «Есть четыре бога, почитаемые людьми. Иисус Христос христиан, Мухаммед иранцев, Моисей евреев и Будда Драгоценный (Чандамани). Я уважаю все эти четыре религии, однако кто бы из них ни был величайшим и самым почитаемым в небесах, я надеюсь, он благословит меня»[3].

История подтверждает, что монгольский хан, в конце концов, отдал предпочтение буддизму как нейтральной и наиболее универсальной религии в сравнении с другими ему известными религиями. Его политический прагматизм позволил ему найти универсальный и наднациональный характер буддизма, хорошо подходивший модели его многонационального всемирного царствования. Как хорошо известно, с древних времен буддизм развивал оригинальную теорию, в которой концепция чакравартин-раджа занимала центральное положение. В соответствии с этой идеологией мир должен быть объединен под флагом буддизма и управляем универсальной монархией, вращающей Колесо Дхармы. Следует обратить внимание, что в пробуддийской политике Хубилай-хана решающую роль играл Пагба-лама, знаменитый аббат монастыря Сакья в Тибете. Факт, что политика Хубилая по отношению к буддийскому Тибету сильно отличалась от политики по отношению к другим странам, существенно отражает его специфическое отношение к буддизму. Тибет, по существу, не был завоеван силой, но присоединен к Монгольской империи путем установления преимущественно духовных взаимоотношений, называемых самими тибетцами Yong-mchod (Yong-bdag-mchod gna; по-монгольски: ögli-ge-yin ejen, takil-un orun) или отношение «Духовного Наставника Милостынедателя», которое, в конечном счете, выражено священным значением союза так называемых двух порядков (уставов): союза Хана или «Милостынедателя» как главы светской власти и Наставника как главы церковной власти.

В действительности, однако, отношение Yong-mchod не было равным партнерством двух глав власти. Хан как «Милостынедатель» играл лиди-

[2] Thomas T. Allsen, Culture and Conquest in Mongol Eurasia (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 79–80.

[3] A.C. Moule, Marco Polo (Cambridge: Cambridge University Press, 1957), 201.

рующую роль и обеспечивал Наставника пожертвованиями, тогда как Наставник как духовный лидер служил освящению и законности власти хана. Можно сказать, что это было монгольской интерпретацией и модификацией старой традиционной индо-тибетской концепции буддийской монархии на основе монгольской идеологии тенгризации. После острых диспутов во время их первой встречи Хубилай-хан и Пагба-лама достигли согласия, по которому старая буддийская доктрина единства церковного и светского порядка подверглась значительной трансформации. Хубилай-хан позаботился о том, чтобы традиционная гегемония буддийской религии над государственной властью была ограничена, тогда как Пагба-лама добился специального статуса для своей страны как духовного центра Монгольской империи. Тибет того периода напоминает нам несколько расширенный Ватикан нашего времени.

Хубилай-хан проводит смелые реформы в универсальной идеологии своих предшественников. Не отбрасывая шаманизм и его идеологию, он предпочитает применять главные догматы буддийского универсализма к своей политике тенгризации. Устав Хубилай-хана вводится с первого дня среднего летнего месяца Года Мыши (1264) и называется «Жемчужная Яса» (hjah-sa mo-tig-ma). Монгольский хан, несмотря на традиционное обращение к власти вечного Тенгри[4] и защите ханской харизмы *(suu jali)*, в начале своего Устава утверждает следующее:

«Хотя должно следовать закону Чингиз-хана, чтобы достигнуть всего лучшего в этой жизни, необходимо полагаться на закон Будды после этой жизни. Постигнув смысл всего этого Я понял путь Шакьямуни единственного истинного пути. Мой учитель Пагба-лама, хорошо поняв сам тот путь, хорошо преподал его другим. Вот почему Я принял посвящение (dbang, abisheka) от него и присудил ему титул Гоши, Государственного Наставника, и провозгласил его почитаемым всеми хуврагами (ламами)»[5].

В этом же Уставе Пагба-лама был назначен Главой Религии, и все хуврагги и ламы Тибета были обязаны повиноваться ему и быть занятыми исключительно в религиозных службах для благоденствия монгольского хана в соответствии с заповедями буддийского учения. По этим условиям только хан обязательно обеспечивал лам своими пожертвованиями и почитанием и освобождал их от «трех повинностей»: военной службы, налогов и уртонской повинности.

Этот Устав обозначал поворотную точку в идеологии тенгризма Хубилай-хана. Он в действительности провозгласил буддизм государственной религией, назначив Пагба-ламу Государственным Наставником. В то же время он подчеркнул его лояльность к власти Тенгри и покровительству хана. Здесь можно увидеть несколько типов деления власти с предпочтением, отдаваемым власти хана. Характерно, что почти все эдикты, выпущенные последователями Хубилай-хана, например, Буянту-ханом, и членами императорской семьи, подобно Мангале, вдове Дхармапалы, Ананде, равным образом ссылались на власть и силу Вечного Неба и ханскую харизму (зии), демонстрируя таким образом их лояльность к своей традиционной идеологии тенгризма. Несмотря на то, что эти документы касаются дел различных

[4] "I have reconstructed the Mongolian original from the Tibetan: tse-ring gnam-gyi ...".

[5] См. мою книгу о "Zolotoi knige" Sh.Datdina (Ulaanbaatar: Izd-vo Akademii nauk MNR, 1964), 73–74.

религий – буддизма, христианства, даосизма и ислама – их представителям было предписано молиться Небу и произносить благословения славе монгольского хана[6].

Из Указа и других подобных источииков ясно, что монгольский тенгризм не был в конфликте с буддийским универсализмом, как это было с исламом и христианством во время правления предшественников Хубилай-хана. Более того, тенгризм был значительно видоизменен под сильным влиянием фундаментальных идеологических принципов буддизма. Источники, в особенности тибетские, свидетельствуют о том, что при активном участии помощи Пагба-ламы монгольский хан сумел поставить буддизм на службу своей мировой империи. Таким образом, новая философия возникла с целью поддержки и легитимации узаконения монгольской политики тенгризации.

В своих многочисленных трудах, особенно в адресованных Хубилай-хану и членам его семьи, Пагба-лама много постарался для обоснования универсальности природы монгольской империи и утверждения законности права монгольского хагана как Чакравартин-раджи. В широко известном труде «Shes-*bya rab-gsal*» Пагба-лама сделал все возможное, чтобы обосновать всемирный характер Монгольской империи с точки зрения буддийской историографии. Книга была составлена по указу сына Хубилай-хана, наследного царевича Чингима в Год Земли-Тигра (1278). Государственный Наставник был первым, кто включил Монгольскую империю в схему общей истории буддийского мира и назвал Чингиз-хана Чакравартином (по-тибетски: khor los sgyur-'ba' i rgyalbo).

Это было весьма новой инициативой в буддийской историографии того времени. Автор дал краткое обозрение Монгольской империи в дополнение к истории Индии и Тибета, двух древних буддийских стран. Так впервые появилась, как я уже писал ранее, тройственная буддийская монархическая схема (Индия, Тибет и Монголия) письменной истории в тибетских монгольских исторических писаниях. Сообразно этой схеме история Монгольской империи была введена в историю буддийского мира, а Чингиз-хан и его потомки оказались связаны со священной генеалогией буддийских царей Индии и Тибета, ведущих свое начало от Махасамматы, легендарного праотца всех царей буддийского мира.

Я хочу особо подчеркнуть, что Пагба-лама не фальсифицировал историю, насильственно связывая родословными узами великих монгольских ханов с древними индийскими царями и тибетскими дхарма-раджами, как это позднее делали монгольские историки. Он только подтвердил, что существовала мировая империя, основанная Чингиз-ханом, и что эта империя стала буддийской под управлением Хубилай-хана. На этой основе он имел некоторые причины для включения Монгольской империи в список буддийских стран и для сравнения Чингиз-хана с Чакраварти и уподобил Хубилай-хана Бодхитсаттве, называя его Дхарма-радже(о)й, носителем и покровителем всепобеждающего буддийского учения. За год до того, как Хубилай стал ханом, Пагба-лама возвел его на уровень великого Бодхит-

[6] Cf. Pagba Lama-yin tuguji (Kökegota: *Öbö*r Mongol-un Arad-un Keblel-*ü*n Qoriy-a, 1992), 43–56.

саттвы-хана и многократно благословил его[7]. В одном из своих благословений он назвал Хубилая «высшим Бодхисаттвой, другом Дхармы, справедливым и милосердным покровителем мира»[8].

В другом благословении Пагба-лама восхваляет Хубилай-хана как «высшего Бодхитсаттву Сечен-хана, прославленного своими добродетелями, выдающегося в своей истинной вере и сострадательной мудрости, защитника религии и покровителя мира в своей чистейшей душе»[9]. Возвышение монгольского хана как Бодхисаттвы главой религии преследовало, кроме всего прочего, далеко идущую цель. Согласно буддийскому мировоззрению идеал Бодхисаттвы царя представляет космическое освобождение, которое не только освобождает его субъектов от всех страданий, но и обеспечивает космическое единство, интеграцию и гармонию во Вселенной. И нам не трудно представить, что Хубилай-хан был не только польщен всем этим славословием, но и воспринял его как объективно корректное, поскольку, помимо всего, хан был неутомим в своих попытках объединить «все под Небесами» всеми возможными способами.

Новый подход Хубилай-хана к политике тенгризации нашел свое наиболее впечатляющее выражение в том, что он сам обратился к буддизму на пути получения посвящения (abisheka, по-тибетски: dbang) от Пагба-ламы и акт посвящения был повторен трижды. Впервые это случилось в 1253 году, когда он еще не был ханом, но был вовлечен в тибетские дела, а два других случая произошли в 1260 и 1270 гг. Абишека, которую он получил, была посвящением Хеваджры (по-тибетски: (dges-pa rdorje), тантрического божества (yi-dam). Хеваджра – одно из главных охраняющих божеств в ламаизме, которое особенно почитается в монастырях Сакья и которое почитается в тесной связи с почитанием Махакалы (по-тибетски: mGon-po). Сам Пагба-лама верил, что получил инициацию в Хеваджру от Махакалы.

Факт, что Хубилай-хан получил инициацию в обряды Хеваджры от прямого передатчика, имел с точки зрения тантризма великое магическое значение в условиях усиления его божественной природы и легитимации его всемирного царства. Имея напрямую установленный духовный контакт с его оберегающим божеством Махакалой, самым могущественным защитником религии, Хубилай-хан мог требовать получения всех его таинственных сил в деле управления своей империей. Так что монгольское царство могло обладать не только славой Тенгри, но и славой могущественного тантрического божества. Черная фигура ужасающего Махакалы, в действительности, стала символом могущества хана так же, как шаманистское черное сульде (бунчук, sülde) был символом мощи Чингиз-хана.

В 1270 г., по инициативе Хубилай-хана и Пагба-ламы, был возведен храм, посвященный Махакале, в местности Чжоу-чжоу, расположенной на юге от Даду. В храме обычно совершались ритуалы, посвященные Махакале, вселяющему страх защитнику, подавляющему все злые силы государства и религии. Эти ритуалы исполнялись особенно часто в период войны. Культ Махакалы продолжался вплоть до конца Юаньской династии, и многие храмы, посвя-

---

[7] hPhagɜs-pa bla-ma, rGyal-po la gdams-pa'i rab-du byed-pa (Sa-skya bkah-hbum), Vol. Ba, ff. l a/ 344–37a/ 430a.

[8] Sa-skya bkah-hbum, Vol. Va, ff. 3a/ 390b.

[9] Pagba lama-yin tuguji, Coyiji., ed. (Kokeqota: Obor Monggol-un Arad-un Keblel-un Qoriy-a, 1992), 53.

щенные Махакале, были построены в разных частях Китая. Даже несмотря на то, что они продержались недолго после падения Юаньской династии, эти ритуалы создали почитание Махакалы среди монголов, которое продолжилось и до настоящего времени. Танки и статуэтки Махакалы имеются во многих монгольских семьях, включая мою собственную, так как он стал широко рассматриваться как главный защитник монгольской нации.

Судя по описанию Чойджи-одсера (1305–1321) в его поэме, посвященной Махакале («Великий Черный»), в те дни божество представлялось как существо черного цвета, имеющее ужасающий образ с четырьмя руками, одним лицом, тремя красными глазами, символизирующими прошлое, настоящее и будущее, и желтыми волосами, держащее меч в своей передней правой руке, а череп в другой правой руке, копье в верхней левой руке и дваджу *(dvaja)* или знамя победы в своей нижней левой руке. Это описание почти совершенно соответствует ужасающей форме Шивы в его аспекте разрушителя. Шива – один из Индийской триады божеств, где двое других – это Брама «создатель» и Вишну «охранитель». Это близкое подобие означает, что почитание Махакалы было традиционно ассоциировано с почитанием Шивы, который также изображался черным цветом, как и Махакала.

Другое охраняющее божество, выбранное Хубилай-ханом, была Ситапатра, по-монгольски – Цаган Шухэртэй, а по-тибетски – Дуккар (gdugs-dkar). В 1270 г. Хубилай-хан, по совету Пагба-ламы поднял над своим троном во дворце Да Минг в Даду белый зонт тантрического бога Ситапатра. Этим актом Хубилай-хан превратил тантрическое божество в покровителя Монгольской империи. Как известно, белый зонт был популярен в буддийских странах как эмблема царской власти, обозначающая мир и процветание, и Хубилай-хан использовал его наряду с белым сульдэ (бунчуком) или знаменем Чингиз-хана как «сульдэ мира». Белый цвет и спокойное мирное изображение Ситапатры, возможно, хорошо резонировали с монголами дней Хубилай-хана, поскольку они вскоре стали отождествлять тантрическое божество со своим шаманским «духом-покровителем» цаган туг (белое знамя), который являлся белым штандартом, впервые поднятым Чингиз-ханом как символ мира и покровительства на церемонии его восшествия на престол в 1206 г.

Следует отметить, что идеологическое и практическое значение почитания тантрического божества Ситапатры преследовало далеко идущие цели сакрализации и умиротворения мировой империи монгольских ханов. Кто бы ни поклонялся этому божеству (идам, *yi-dam)*, входил в мистическую и близкую связь с этим охраняющим духом и пользовался его мирными магическими силами и благами. Хотя тантризм был привнесен в Монгольскую империю из Тибета, его истоки восходят к древнеиндийскому почитанию женского начала как первопричины всех феноменов. Поэтому в тантризме большинство божеств (идамов) изображается в женском обличии. Идам Ситапатра традиционно представляется как женское божество со всеми признаками. Она чисто белого цвета, со множеством рук и лиц, в своей главной правой руке держащая ваджру, а в главной левой – белый зонт с длинной ручкой, подавляющая несметные злые силы своей огромной юбкой. Изображения Ситапатры, как оно описано здесь, можно найти в монгольской версии Ганджура[10].

---

[10] Rasissereng, Monggol “Ganjuur” daki Burqan-u burin iji korug jirug; Degedii (Kokeqota: Obor Mongol-un Arad-un Keblel-un Qoriy-a, 2002), 78.

Исследователи, подобные Герберту Франке и Чоиджи, приводят некоторые интересные данные из Юань-ши, касающиеся ритуалов Ситапатры, которые были предложены Пагба-ламой и введены в императорском дворе Хубилай-ханом. Ритуалы Ситапатры поддерживались каждый год на пятидесятый день среднего месяца весны, начиная с 1270 года. В продолжение красочной церемонии, в которой участвовали хан и государственный наставник и большое число сановников, из ханского дворца брали белый зонт и несли его в процессии хождения вокруг столицы. Церемонию сопровождали огромные толпы народа и наблюдали со всем уважением, подобаемым великим праздникам, включающим одновременно религиозную и культурную формы красочного зрелища. После окончания процессии белый зонт возвращался в императорский дворец и вновь водружался над ханским троном[11].

Почитание Ситапатры и связанные с ним ритуалы были предназначены демонстрировать огромным толпам, сопровождающим ежегодные празднества, и империи, как все ханское могущество обеспечивает мир и благоденствие для всех. В то же время ритуалы служили демонстрации богоподобной природы монгольских ханов как Чакраварти-императоров вселенной.

В итоге необходимо сказать, что в юаньский период Монгольской империи традиционная монгольская идеология тенгризма подверглась большим изменениям благодаря импульсу буддийской религиозной и политической философии. В сравнении с другими религиями и идеологиями, известными монгольским ханам, в то время, буддизм предложил им форму универсализма, которая, благодаря ее над-национальной и космополитической природе, была более созвучной потребностям правления мировой империи, В отличие от замененного тенгризма, буддийская модель монарха как Чакраварти упрочила его, служа в качестве новой передовой парадигмы для подражания, моления и, наконец, обожествления монгольских ханов в их попытках оправдать и узаконить свое мировое господство.

Монгольская династия Юань представлена в своей идеологии и форме более буддийской универсальной монархией, чем китайский или кочевой тип восточных империй. Введение Хубилай-ханом по инициативе Пагба-ламы усовершенствованного культа двора и красочных церемоний индо-тибетских буддийских тантрических божеств, в частности, Махакалы и Ситапатры, содержало демонстрацию буддийской богоподобной природы всемирного царства. Если тенгризм узаконивал всемирные завоевания монголов, то буддизм в форме тибетского ламаизма почитался с целью освящения мирного господства малочисленных элит монголов над всем миром.

Сведения об авторе: Шагдар Бира – почетный президент Международной ассоциации монголоведения, профессор, академик Академии наук Монголии, доктор исторических наук (Улаанбаатар, Монголия); iams@magicnet.mn

[11] Herbert Franke, From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The legitimation of the Yüan Dynasty (München: Verlag der BAW, 1978), 60–62; Coyiji, Monggol-un burqan-u sasin-u teüke. Yeke Monggol ulus-un üy-e, 1206–1271 (Kökeqota: Öbör Monggol-un *Arad-un Keblel*-ün *Qoriy-a, 1998), 283–284.*

THE MONGOLIAN IDEOLOGY OF TENGGERISM AND KHUBILAI KHAN

Shagdar Bira
(International Association of Mongolian Studies)

The article examines the main stages in the development of the Mongolian ideology of Tenggerism. The author proves that the final (Third) stage of Tenggerism began with the reign of Khubilai Khan who completed the creation of a world empire by the conquest of the whole of China. Unlike his predecessors, Khubilai Khan was less engaged in the conquests than in solving the problems of pacification and consolidation of a world empire. As a result, the Mongolian ideology of Tenggerism underwent great changes through the impulse of the Buddhist religious and political philosophy. The enhanced cult of the imperial court and the colorful ceremonies of Indo-Tibetan Buddhist tantric deities (such as Mahakala and Sitapatra), introduced by Khubilai Khan at the initiative of 'Phags-pa Bla-ma, contained a demonstration of Buddhist god-like nature of a worldwide empire. If Tenggerism had legalized the world conquests of the Mongols, then Buddhism in its Tibetan form of Lamaism was subsequently revered in order to consecrate the peaceful domination of the thin Mongolian elites over the entire world.

Keywords: Mongolian ideology of world domination, Khubilai Khan, international cultural exchanges, political pragmatism, Buddhist universalism.

REFERENCES

1. Bira Sh. *Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism*, Journal of the Royal Asiatic Society 14 (2004), pp. 3–12.
2. Bira Sh. *Sh. Damdina.* Ulaanbaatar, 1964.
3. Coyiji. *Monggol-un burqan-u sasin-u teüke. Yeke Monggol ulus-un üy-e, 1206–1271*. Kökeqota, Öbör Monggol-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a, 1998.
4. Herbert Franke. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The legitimation of the Yüan Dynasty*. München, Verlag der BAW, 1978.
5. Moule A.C. *Marco Polo*. Cambridge, Cambridge University Press, 1957.
6. Pagba Lama-yin tuguji. Kökeqota: Öbör Mongol-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a, 1992.
7. Rasissereng. *Monggol "Ganjuur" daki Burqan-u burin iji korug jirug; Degedii*. Kokeqota, Obor Mongol-un Arad-un Keblel-un Qoriy-a, 2002.
8. Thomas T. Allsen. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia.* Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

About the author: Shagdar Bira – honorary president of the International Association of Mongolian Studies, professor, academician of the Mongolian Academy of Sciences, Doctor of historical sciences (Ulaanbaatar, Mongolia); iams@magicnet.mn

УДК 910.4(540:489)(26):398.22(=113.3=113.5)

О ПЛАВАНИИ ИЗ ИНДИАЛАНДА В ДАНИЮ И О МЕНЕЛАЕ, КОНУНГЕ ТАТТАРАРИКИ

(ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ В ИСЛАНДСКО-НОРВЕЖСКИХ ХРОНИКАХ И САГАХ)*

Т.Н. Джаксон

(Институт всеобщей истории Российской академии наук)

Статья посвящена географическим описаниям в исландских сагах. Если в XII–XIV вв. в Скандинавии появились специальные географические сочинения, содержавшие описания обитаемого мира, которые основывались как на западноевропейской хорографической традиции, так и на местных сведениях по топографии Северной и Восточной Европы, то и в сагах «письменная география» представляла собой далеко не редкое явление. Географические экскурсы встречаются в сагах разных жанров, и их функциональная нагрузка, равно как и источники, весьма разнообразны. Различна и степень умения авторов саг «врабатывать» в свой нарратив географический материал. Основное внимание в статье уделено одному географическому описанию, которое мы встречаем в «Саге о Хрольве Пешеходе», относящейся к сагам о древних временах и написанной, вероятнее всего, в начале XIV в., а именно – описанию *Таттарарики*, то есть «Государства татар».

Ключевые слова: Исландско-норвежские хроники и саги, письменная география, текстуальные карты, топография Северной и Восточной Европы, описание «Государства татар».

В XII–XIV вв. в Скандинавии появляются специализированные географические сочинения, представляющие собой ряд описаний обитаемого мира (или его частей), основанных как на западноевропейской хорографической традиции (в первую очередь, на «Этимологиях» Исидора Севильского, VII в., и «Об образе мира» Гонория Августодунского, XI в.), так и на местных сведениях по топографии Северной и Восточной Европы[1]. Вместе с тем нередки географические описания, являющиеся зачинами хроник и саг, а также просто вкрапленные в саговый нарратив.

Географическое воображение в средние века больше базируется на текстах предшественников, нежели на личном знакомстве с тем пространством, о котором ведет речь средневековый автор. Даже в описаниях земель, которые не были известны древним авторам, влияние их трудов проявляется в структуре подачи географического и этнографического материала. Северная география тем самым включается в ученый дискурс. К XII в. северные территории были на практике довольно хорошо известны, но в этот период времени возникла потребность объяснить состояние этого региона в письменной форме, преимущественно на латинском языке, в рамках большой латино-

---

* Статья была опубликована в: Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 138–148. Печатается с разрешения Т.Н. Джаксон с незначительными исправлениями самого автора.

[1] См.: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

язычной письменной культуры[2]. Как показал Л.Б. Мортенсен, первыми писавшие на латинском языке северные авторы – анонимный норвежский автор «Истории Норвегии», норвежский монах Теодрик («История о древних норвежских королях»), датчанин Саксон Грамматик («Деяния датчан»), датский монах англосаксонского происхождения Эльнот (житие Кнута Великого), норвежский автор предисловия к «Страстям и чудесам блаженного Олава» – столкнулись с задачей создания «текстуальной карты» (*textual map*) северных регионов, основанной на античных образцах, при том, что античные авторы либо ничего не знали о севере, либо вовсе им не интересовались. Образцами для создания их географических описаний выступали книги Ветхого и Нового Завета, труды Солина, Орозия, Исидора Севильского, Этика Истрийского, Дикуила, Беды Достопочтенного, Павла Диакона. Своего рода мостиком, соединившим древнее знание и современное, выступил созданный ок. 1070 г. труд Адама Бременского «Деяния епископов гамбургской церкви», четвертая книга которого посвящена географии Севера[3].

Из перечисленных выше норвежских сочинений XII в. полноценную «письменную географию» мы обнаруживаем в анонимной хронике «История Норвегии» (ок. 1170 г.), где едва ли не две пятых текста посвящены описанию Норвегии (ее местоположению и разделению на три обитаемые зоны), островов в океане (Фарерских, Оркнейских, Исландии, Гренландии и др.), а также соседних с Норвегией земель и народов. В этой последней части находит отражение общее для западноскандинавской (исландско-норвежской) картины мира представление о том, что за северной оконечностью Норвегии земля не кончалась и что Гренландия была не островом, а полуостровом, связанным пространством земли с Норвегией, но также и лежащим недалеко от Винланда (открытых скандинавами североамериканских территорий):

> Окруженная с запада и севера волнами океана, [Норвегия] имеет с юга Дакию (т.е. Данию. – *Т.Д.*) и Балтийское море, с востока же Светию, Гаутонию, Ангарию, Ямтонию. Эти земли – слава Богу – населяют нынче христианские народы. К северу же за Норвегией с восточной стороны простираются многочисленные племена, преданные – о ужас! – язычеству, а именно: кирьялы и квены, рогатые финны, и те и другие бьярмоны. Какие же племена обитают за этими, мы точно не знаем. Однако, когда какие-то мореплаватели вознамерились проплыть от Ледяного острова (Исландии. – *Т.Д.*) к Норвегии и встречными бурями были отброшены в зимнюю область, они прибились к берегу между вириденами (гренландцами. – *Т.Д.*) и бьярмонами. Там, по их свидетельству, обретались люди удивительной величины и страна дев (которые, как говорят, зачинают, выпив воды). От этих виридов земля отделена ледяными скалами. Эта страна, открытая, заселенная и верой католической укрепленная теленцами (? – *Т.Д.*), – крайняя точка на западе Европы, которая почти достигает Африканских островов (?. – *Т.Д.*), где плещут волны океана. За вириденами к северу охотники находят каких-то человечков, которых называют скрелинга...[4].

---

[2] См.: Mortensen L.B. The Language of Geographical Description in Twelfth-Century Scandinavian Latin // Filologia mediolatina. Vol. XII. 2005. P. 103–121.

[3] Ibid.

[4] Historia Norwegiæ // Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880. P. 73–75 (перевод А.В. Подосинова в: Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Норвегия глазами древних скандинавов: к вопросу о спе-

Та же мысль формулируется в географическом сочинении конца XII в. с условным названием «Описание Земли I»[5] и в географическом трактате XIV в. «Грипла»[6]. Возможно, это представление было усвоено скандинавскими авторами из труда Адама Бременского (см. ниже карту, составленную А.А. Бьернбу на основании текста Адама)[7]. Любопытно, что при таком в*и*дении Атлантический океан, который для древних авторов был внешним Океаном, для средневековых скандинавских авторов оказывался внутренним морем.

«Письменная география» в «Истории Норвегии» сочетает в себе универсалистский подход к географии римских авторов – в описании и, соответственно, установлении пределов «Норвежской империи» – с миссионерским подходом Адама Бременского – в характеристике северной лесной зоны Норвегии, требующей большой миссионерской работы, возможно, под руководством организованной незадолго до времени написания его труда (1152/53 г.) архиепископии в Нидаросе (Тронхейме)[8]. Более того, и это важно, авторы географических сочинений XII в. принадлежали к той элите, чьи взгляды они выражали, и по сути говорили от лица правителей, в чьем мире география занимала далеко не последнее место, выступая основой государственного самоопределения[9]. В большинстве национальных повествований прослеживается тенденция подчеркнуть схожесть местной истории с более значительной и более авторитетной (римской или священной) историей. Именно этим целям и служит «вводная география» (*introductory geography*). Так, анонимный автор «Истории Норвегии» и Саксон Грамматик используют унаследованное ими от античности *mare nostrum* («наше море») для организации своего северного пространства[10].

«Текстуальная карта» исландского историка и писателя первой трети XIII в. Снорри Стурлусона шире по территориальному охвату (она включает в себя весь *orbis terrarum*), хотя и менее подробна. Точнее, у Снорри имеется две «текстуальные карты», поскольку его описания обитаемого мира в Прологе к «Младшей Эдде» (SnE)[11] и в начале первой саги «Круга земного» – «Саги об Инглингах» (Yngl)[12] – полностью не совпадают. В этих двух текстах, равно как и в зачинах географических сочинений, находит отражение господствовавшая в средние века христианская космологическая концепция, полемизировавшая с накопленными в предшествующую эпоху представлениями как языческими и опровергавшая идею шарообразности Земли. Земля предстает в них в виде плоскости, окруженной океаном и разделенной на три части. В Прологе к SnE Снорри называет три части света (*heimsþriðjungar*),

---

цифике древнескандинавской ориентации по странам света // Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.-СПб., 2000. С. 122–124).

[5] См.: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 77, 79.

[6] Там же. С. 159.

[7] Bjørnbo A.A. Adam af Bremens Nordensopfattelse // Aarbøger. 1909. R. II. B. 24. S. 231.

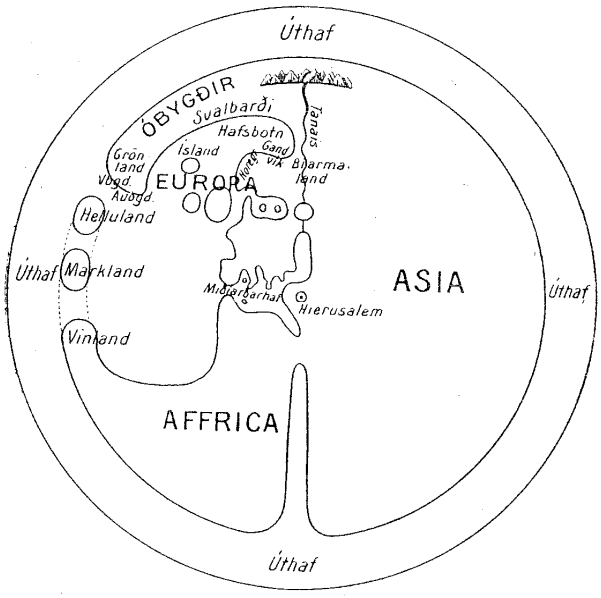
[8] Mortensen L.B. The Language of Geographical Description. P. 115.

[9] Ibid. P. 117.

[10] Mortensen L.B. Sanctified Beginnings and Mythopoietic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, c. 1000–1230 // The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300). Copenhagen, 2006. P. 263.

[11] Младшая Эдда / Изд. подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 11.

[12] *Snorri Sturluson.* Heimskringla 1 / Bjarni Aðalbjarnarson (Islenzk fornrit. B. XXVI). Reykjavík, 1941. Bls. 9–11.



Азию, Европу и Африку, в то время как в Yngl – лишь две из них: восточную – Азию и западную – Европу. Цель «вводной географии» у Снорри – иная, нежели у авторов латиноязычных хроник XII в., поскольку Норвегия, о которой пишет он, уже достаточно давно занимает прочное место и в реальном пространстве, и на «текстуальной карте». Снорри обрисовывает связь прошлого и настоящего, обосновывает легитимность нахождения Норвегии на занимаемом ею месте, равно как и легитимность ее правителей. Его «вводная география» – место действия переселенческой легенды, созданной по западноевропейскому образцу и представляющей скандинавскую историю как часть истории мировой. В ней рассказывается о переселении *асов* из *Азии* (народно-этимологическое построение Снорри Стурлусона) в Скандинавию, а потому в географическом введении он объясняет, что такое Азия, а также и другие трети земного круга. В начальных главах Yngl географическое описание пространнее и включает в себя большое количество реальных топонимов, потому что, в отличие от SnE, дальше на этом географическом фоне будут действовать не боги, а реальные люди[13]. Ничего удивительного в том, что Африка оказалась «забытой» в Yngl, нет – ведь она не важна в этом контексте: движение *асов* происходит из Азии в Европу, на скандинавский Север. Напротив, расхождения в локализации *Асгарда* («Обиталища асов») видятся мне результатом исканий Снорри и его стремления опереться на различные источники: в SnE это – город «вблизи середины земли», который назывался раньше «Троя», а к тому времени, когда Один вознамерился отправиться на Север, – «Тюркланд» («Страна тюрков»); в «Круге земном» это – город «в Азии к востоку от Танаквисла» (т.е. Танаиса = Дона). Вряд ли можно такого рода конструкции (а Снорри здесь не одинок) назвать эхом какого-то древнего знания[14]. На мой взгляд, они представляют собой лишь заимствования из

[13] См.: Jakobsen A. Snorre og geografien // Scripta Islandica. Á. 39 / 198. 1988. S. 10–11.

[14] Попытку вновь обосновать «мотив северо-причерноморской прародины» скандинавов «памятью о миграциях на север некоторых восточногерманских племен после нашествия гуннов (возможно, какие-то части готов) и в ходе Великого переселения народов

трудов античных и раннесредневековых авторов – Августина (354–430 гг.), Григория Великого (ок. 540–604 гг.), Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.), Гонория Августодунского (перв. пол. XII в.), Петра Коместора (†1178 или 1198 г.), Винсента из Бове (1190–1264 гг.), – с одной стороны, и плод интеллектуальных усилий ученых исландцев – с другой.

«Письменная география» – далеко не редкое явление в сагах. Географические экскурсы встречаются в сагах разных жанров, и их функциональная нагрузка, равно как и источники, весьма разнообразны. Различна и степень умения авторов саг врабатывать в свой нарратив географический материал. К примеру, у Снорри Стурлусона, как продемонстрировал А. Якобсен[15], пространные географические описания появляются в тех главах, где это необходимо для ясности дальнейшего изложения: таковы описание Швеции перед рассказом о тинге в Упсале, на котором Олав Шетконунг дал согласие на брак своей дочери Ингигерд с Олавом Харальдссоном (ÓHHkr 77); описание острова Кермт (Кармей) в контексте убийства Асбьерном Сигурдарсоном Торира Тюленя (ÓHHkr 68); описание земель Северной Фенноскандии (EgS 14)[16]. Последний географический экскурс представляется исследователям интерполяцией, заимствованной из какого-то географического сочинения XII в.[17]; в основном он повторяет этногеографические сведения «Истории Норвегии», включая их в более широкий контекст. В качестве параллели к описанию Швеции в ÓHHkr 77 А. Якобсен рассмотрел описание Дании в Knýtl 32 и пришел к следующим выводам: текст Снорри должен был послужить образцом для автора Knýtl, только в этой последней саге географическое описание оказалось настолько избыточным, что могло бы быть опущено без какой бы то ни было потери для общего контекста; у автора Knýtl был географический (письменный) источник, который он очень хотел использовать в своем изложении[18], но он не был столь искусен, как Снорри, чтобы правильно выбрать место, в которое нужно было включать информацию, и не был столь критичен, чтобы правильно решить, что стоило включать в повествование, а что нет. Мне представляется, что сходство этих двух описаний очень незначительно. Напротив, гораздо более впечатляющим выглядит совпадение описаний Дании в «Саге о Кнютлингах» (Knýtl 32) и в «Саге о Хрольве Пешеходе» (Göngu-Hrólfs saga) (GHS 37)[19]. Функциональная нагрузка этого последнего фрагмента до конца не ясна – описание Дании, равно как

(Герулы)», а также тем, что он мог «актуализироваться в эпоху викингов многочисленными походами на Русь и в Византию», недавно предприняла Е.А. Мельникова (Мельникова Е.А. Легенда об азиатской прародине в средневековой Скандинавии // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. – М., 2008. 359–361). К сожалению, тезисность изложения не позволяет принять либо отвергнуть выводы исследовательницы.

[15] Jakobsen A. Snorre og geografien. S. 3–11.

[16] «Сага об Эгиле», по мнению многих исследователей, тоже была создана Снорри Стурлусоном.

[17] Jones G. Introduction // Egils saga / Tr. by G. Jones. N.Y., 1960. P. 4–5.

[18] См.: Bjarni Guðnason. Formáli // Danakonunga sögur (Íslenzk fornit. B. XXXV). Reykjavík, 1982. Bls. cxxiv.

[19] Подробнее см.: Джаксон Т.Н. Об источнике одного географического описания (Knýtl 32 и GHS 37) // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (далее – ВЕДС). XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. 2009. С. 100–106.

и краткие описания *Энгланда* (Англии) и *Гардарики* (Руси), помещаются почти к концу саги (GHS 37, 38), после рассказа обо всех случившихся событиях; они уже не помогают читателю следить за перемещениями героев, а лишь демонстрируют эрудицию автора.

Подробно остановимся на одном из географических описаний, имеющихся в GHS. Сага относится к сагам о древних временах и была, вероятнее всего, написана в начале XIV в. Среди источников саги называют Sturl, YS, Knýtl и др.[20]. Сага сохранилась в тридцати трех списках. У GHS – широкий географический охват. Здесь упоминаются Швеция, Норвегия, Англия, Дания, Русь и много других земель. Здесь немало топонимов и четыре развернутых географических описания, свидетельствующих о чрезвычайной образованности автора саги. Географическое описание *Таттарарики* «Государства татар» в GHS 17 (в отличие от упомянутых выше описаний Руси, Дании и Англии) предваряет очередной виток сюжета. Морской конунг Эйрек, родом из *Гестрекаланда* (соврем. Естрикланд в Средней Швеции), испытывает человека по имени Вильхьяльм, и одно из заданий, которые он ему дает, – убить берсерка Соти, поставленного управлять неким островом. Остров принадлежит *Таттарарики*, и потому в тексте саги появляется рассказ об этой стране:

> Менелаем зовут конунга. Он правил Таттарарики. Он был великим конунгом и могущественным. Таттарарики называют самое большое и самое богатое золотом государство в Аустррики. Люди там большие, сильные и жестокие в битве. Под властью конунга Менелая было много конунгов и знатных людей. Говорят, что между Гардарики и Таттарарики лежит один остров, который зовется Хединсей. Это – ярлство. Мудрые люди рассказывают, что конунг Хедин Хьяррандасон первым поселился на этом острове, когда приплыл из Индиаланда в Данмарк, и после этого остров стали называть его именем. За этот остров всегда боролись конунг татар и конунг Гардов, хотя он и принадлежал татарской короне. Конунг Эйрек вел войну на этом острове, прежде чем он пришел в Гардарики, и произвел там большие опустошения[21].

Географическое описание выступает необходимой составляющей рассказа, логично предваряющего изложение последующих событий. Можно сказать, что здесь соединяются география физическая и политическая. С одной стороны, мы узнаем, что *Таттарарики* находится в *Аустррики*, т. е. в Восточной четверти ойкумены, что это – самое большое государство в этой части Земли, что оно богато золотом и что власть правителя распространяется также на остров Хединсей. С другой стороны, сага сообщает имя правителя (*конунга*) этой страны (*Менелай*), уточняет, что под его властью находится много других конунгов и что на острове Хединсей, принадлежащем «татарской короне», правят *ярлы*, т. е. служилые люди верховного правителя *Таттарарики*.

Менелай – имя не скандинавское, не саговое, это имя легендарного героя гомеровской «Илиады», который стал известен на скандинавском Севере бла-

---

[20] Naumann H.-P. Göngu-Hrólfs saga // Medieval Scandinavia: An Encyclopedia / Ph. Pulsiano et al. N.Y. & L., 1993 (далее – MSE). P. 254–255.

[21] Göngu-Hrólfs saga // Fornaldarsögur Norðurlanda / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1950. B. III. Bls. 161–280 (далее – GHS), k. 17.

годаря рыцарской саге, «Саге о троянцах» (TrS)[22]. Эта сага даже до нашего времени дошла более чем в десятке рукописей, так что вполне велика вероятность ее широкой известности и в средневековой Исландии. Исследователи вычленяют три редакции саги (A, XIII в.; B, ок. 1350 г.; *Hauksbók*, ок. 1306–1308 гг.) и считают, что они восходят к некоему общему тексту, созданному в начале XIII в. и представлявшему собой прозаическое переложение утраченного ныне источника – широко известного в средневековой Европе латинского перевода (V или IV в. н. э.) греческого сочинения «De excidio Troiae historia» («Повести о гибели Трои», возможно, I в. н. э.), приписываемого Дарету Фригийскому. При составлении всех трех версий саги привлекались и другие источники. Что касается редакции A, а только она (как следует из хронологии) могла быть известна автору GHS, то ее автор дополнительно обращался к произведениям Овидия и Вергилия. Кроме TrS, *Менелай* упоминается в рыцарской саге XIII в. (заказчиком которой назван Хакон Хаконарсон), «Саге об Элисе и Розамунде»[23], и в двух кратких пересказах событий греко-троянской войны – во «Всемирной саге» и в географическом трактате «Какие земли лежат в мире», – основанных, впрочем, как полагают исследователи, все на той же TrS[24]. (Отметим, что древнейший список, содержащий это географическое сочинение, *Hauksbók*, включает в себя и одну из трех редакций TrS.) И последнее, на что в этой связи следует обратить внимание, это то, что автор GHS действительно знаком с сагами из античной истории и сам сообщает об этом в 25-й главе своего труда:

> [...] Были также некоторые мудрецы, которые многое рассказали языком метафоры о некоторых вещах, такие как Мастер Гальтерус в саге об Александре (meistari Galterus í Alexandrí sögu) или скальд Гомер в саге о троянцах (Umeris skáld í Trójumanna sögu), и мудрые люди, которые жили после них, скорее считали все это правдой, чем сомневались в том, что так могло быть. [...][25].

В TrS о Гомере речи нет, но автор саги неоднократно ссылается в своем изложении событий троянской войны на Дарета Фригийского (*meistar(i) Dares*). Гомер же упоминается в двух переводных сочинениях, созданных примерно в то же время, что и TrS (в третьей четверти XIII в.) – в «Сагах о бриттах»[26] (*Homerus skalld*) и в «Саге об Александре»[27] (*Homerus*). Кстати, в этой последней часто упоминается Вальтер Шатильонский (*Galterus de Castellione – meistare Galterus*), автор латинской эпической поэмы «Александреида» («Alexandreis», ок. 1184 г.), легшей в ее основу.

Таттарарики (Tattararíki, Tartararíki, Tararia, Tartaria, Tartararía, Tartária (land), Tataria, Tattaría) фигурирует в целом ряде саг о древних временах и рыцарских саг (в «Саге об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков», «Саге о Ремунде, королевском сыне», «Саге о Сигурде Молчаливом», «Саге о Флоресе конунге и его сыновьях», «Саге об Али Пятнистом»,

---

[22] См.: Eldevik R. Trójumanna saga // MSE. P. 658–659.

[23] Barnes G. Elis saga ok Rósamundu // MSE. P. 162–163.

[24] Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 70, примеч. 43; Jakob Benediktsson. Veraldar saga // MSE. P. 690.

[25] GHS, k. 25.

[26] Louis-Jensen J. Bretta sögur // MSE. P. 57–58.

[27] Wolf K. Alexanders saga // MSE. P. 7–8.

«Саге о Сиграрде и Вальбранде», «Саге о Вальдимаре»[28]), но все это саги XIV–XV вв., так что, скорее, их источником могла послужить GHS, а не наоборот. Ю. Глаузер пишет, что «соединение *Менелая* с *Тартарарики* возникло, вне всякого сомнения, под пером автора «Саги о Ремунде”»[29]. У меня, однако, это утверждение вызывает известные сомнения, и я готова отдать пальму первенства автору GHS, поскольку, по мнению исследователей, она возникла в начале XIV в. (или даже раньше), а не в его середине (ок. 1350 г.), как «Сага о Ремунде».

Автор GHS был знаком либо с какими-то географическими сочинениями, либо с широко распространенной устной информацией географического характера, откуда он мог позаимствовать сведения о Западной Двине и о Руси[30]. Я выше указывала, что *конунга Менелая* знает одно географическое сочинение второй половины XIII – начала XIV в., а вот *Тартарарики* упоминается в географическом трактате середины XIII в. «Описание Земли II», причем в достаточно интересном для нас контексте:

> Свитьод лежит к востоку от Данмарка, а Норвегия – к северу. К востоку от Норвегии находится Русаланд, а на север оттуда – Тартарарики. К северу от Норвегии находится Финнмарк, оттуда земля поворачивает на северо-восток, пока не начинается Бьярмаланд. За Бьярмаландом идут земли, не заселенные северными народами до самого Гренланда. К югу от Гренланда находится Хеллуланд, затем Маркланд, а там недалеко до Винланда, до которого некоторые люди хотели бы добраться из Африки[31].

Русаланд здесь изображен лежащим к востоку от Норвегии (а не традиционным образом – к востоку от Швеции), и потому логично думать, что имеется в виду северная граница между Норвегией и Русью[32], ставшая предметом межгосударственного обсуждения именно в середине XIII в.[33]. *Тартарарики*, расположенное, по саге, к северу от Руси, тем самым оказывается государством северным, приближенным к Северному океану, как и Норвегия. Нетрудно на основании такой информации выстроить ментальную карту, на которой между Русью и *Тартарарики* окажется Балтийское море и некий остров (*Хединсей* по GHS), и путь в эту страну из Скандинавии будет идти на кораблях «по Восточному пути» (так, в «Саге о Сигурде Молчаливом», рыцарской саге XIV в., в гл. 11: ставят парус, плывут в *Тартарию* и пристают к одному острову; в гл. 40: плывут в *Аустрвег* и приплывают в *Тартарию*; в гл. 52: плывут в *Тартарию* с огромным войском). Да и по GHS, конунг Эйрек, прежде чем прийти в *Гардарики* из *Гестрекаланда* в Средней Швеции, «вел войну на этом острове». Как кажется, все указывает на то, что автор GHS был знаком с данным географическим сочинением либо с ему подобным.

Что касается острова *Хединсей*, то в Балтийском море, западнее острова Рюген, есть остров с таким названием (*Хиддензее*). Топоним *Heðinsey* встре-

---

[28] См. об этих сагах: MSE. P. 154–155, 526, 585, 200, 6–7, 583, 686–687.

[29] Isländische Märchensagas. B. I (Saga Bibliothek der altnordischen Literatur / Hrg. von K. Schier). München, 1998. S. 368.

[30] Hartmann J.W. The Göngu-Hrólfssaga. N.Y., 1912. P. 55–77.

[31] Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 87 / 89.

[32] Там же. С. 91, примеч. 25.

[33] См.: Jackson T.N. On the Date of the First Russian-Norwegian Border Treaty // Acta Borealia. 2004. N. 2. P. 87–97.

чается в 22-й строфе эддической «Первой песни о Хельги Убийце Хундинга», в том же контексте в «Саге о Вельсунгах» (конец XIII в.), неоднократно в Knýtl (сер. XIII в.). Конунг *Хедин Хьяррандасон* (*Heðinn Hjarrandason*), чьим именем якобы назван этот остров, фигурирует в SnE, в сказании, которое Снорри Стурлусон приводит для объяснения кеннинга битвы «непогода либо буран Хьяднингов»[34]. Снорри цитирует здесь несколько строф исландского скальда IX в. Браги Старого, содержащих тот же рассказ и упоминающих Хедина (правда без патронима). Аналогично в сходном рассказе в «Деянии данов» Саксона Грамматика[35] не называется имя отца Хедина (*Hithinus*), но назван остров, на котором по прошествии семи лет происходит повторная битва между Хедином и Хегином, – *Hithinsø*. Итак, с одной стороны – известный остров в Балтийском море, с другой – по меньшей мере с IX по XIII в. распространенное сказание о легендарном конунге с этим именем. Похоже, что автор GHS и в этом случае повел себя творчески, словесно оформив патронимическую легенду, которая в недоформулированном виде присутствует у Саксона. У кого он почерпнул информацию – у Браги Старого, Снорри, Саксона или из устной традиции, – сведений у нас нет.

В этой легенде автор GHS не только сообщил, что остров стали называть именем Хедина после того, как тот первым поселился (букв.: взял землю) на нем, но и уточнил, со ссылкой на «мудрых людей», что произошло это, когда Хедин «приплыл из Индиаланда в Данмарк». Все в саге указывает на то, что, при всей своей эрудиции, с географией окружающего мира ее автор был знаком слабо[36], что он вставлял в текст географические описания для красоты, когда особой нужды для хода повествования в них не было, что сам творчески работал с ними (например, считается, что имена английских городов он позаимствовал из Knýtl, хотя дословно такого же описания Англии в этой саге нет). Нет никаких оснований считать, что у него были сведения об известной с античных времен возможности доплыть из Индии до Северной Европы (скажем, через Египет)[37], либо, что он был знаком с трудами Помпония Мелы или Плиния Старшего, сообщавших об индийцах, выброшенных на северное побережье Европы в 62 г. н. э.[38]. Скорее, автор GHS сам сконструировал на основании какого-то известного ему географического источника «текстуальную карту», на которой Земля представляла собой круг (как *heimskringla* в «Описании Земли II» или *kringla heimsins* в «Круге земном»)[39], *Индиаланд* был крайней страной на востоке (как во всех географических сочинениях)[40], а омывалась Земля океаном, по которому вполне можно было добраться от Индии до Северной Европы Северным морским путем. Тем са-

[34] Младшая Эдда. С. 155–156.

[35] Saxonis Gesta Danorum / A. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931. P. 134.

[36] Hartmann J.W. The Göngu-Hrólfssaga.

[37] Ср.: Молчанов А.А. Индийцы на севере Европы в 62 г. до н.э.: реконструкция маршрута путешествия при его сокращенном описании в источниках // ВЕДС. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. 2006. С. 135–138.

[38] См.: Подосинов А.В. Индийцы на севере Европы? (Несколько замечаний к Mela, III, 45) // ВЕДС. XVII: Проблемы источниковедения. 2005. Ч. I. С. 29–33.

[39] Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 86 / 87; Hkr 1. Bls. 9.

[40] Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения.

мым автор GHS достиг в своих пространственных построениях уровня развития античной географической мысли[41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джаксон Т.Н. Об источнике одного географического описания (Knýtl 32 и GHS 37) // ВЕДС XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. 2009. С. 100–106.

2. Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Норвегия глазами древних скандинавов: к вопросу о специфике древнескандинавской ориентации по странам света // Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 122–124.

3. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

4. Молчанов А.А. Индийцы на севере Европы в 62 г. до н. э.: реконструкция маршрута путешествия при его сокращенном описании в источниках // ВЕДС. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. 2006. С. 135–138.

5. Подосинов А.В. Индийцы на севере Европы? (Несколько замечаний к Mela, III, 45) // ВЕДС. XVII: Проблемы источниковедения. 2005. Ч. I. С. 29–33.

6. Barnes G. Elis saga ok Rósamundu. MSE. P. 162–163.

7. Bjarni Guðnason. Formáli. Danakonunga sögur (Íslenzk fornit. B. XXXV). Reykjavík, 1982. Bls. cxxiv.

8. Bjørnbo A.A. Adam af Bremens Nordensopfattelse. Aarbøger. 1909. R. II. B. 24. S. 231.

9. Eldevik R. Trójumanna saga. MSE. P. 658–659.

10. Göngu-Hrólfs saga. Fornaldarsögur Norðurlanda / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1950. B. III. Bls. 161–280.

11. Hartmann J.W. The Göngu-Hrólfssaga. N.Y., 1912. P. 55–77.

12. Isländische Märchensagas. B. I ((Saga Bibliothek der altnordischen Literatur / Hrg. von K. Schier). München, 1998. S. 368.

13. Jackson T.N. On the Date of the First Russian-Norwegian Border Treaty. Acta Borealia. 2004. N. 2. P. 87–97.

14. Jakob Benediktsson. Veraldar saga. MSE. P. 690.

15. Jakobsen A. Snorre og geografien. Scripta Islandica. Á. 39 / 198. 1988. S. 10–11.

16. Jakobsen A. Snorre og geografien. S. 3–11.

17. Jones G. Introduction. Egils saga / Tr. by G. Jones. N.Y., 1960. P. 4–5.

18. Louis-Jensen J. Bretta sögur. MSE. P. 57–58.

19. Mortensen L.B. Sanctified Beginnings and Mythopoietic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, *c.* 1000–1230. The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300). Copenhagen, 2006. P. 263.

20. Mortensen L.B. The Language of Geographical Description in Twelfth-Century Scandinavian Latin. Filologia mediolatina. Vol. XII. 2005. P. 103–121.

21. Mortensen L.B. The Language of Geographical Description. P. 115.

22. Naumann H.-P. Göngu-Hrólfs saga. MSE. P. 254–255.

---

[41] См. блестящее описание античных представлений о северных пределах Евразии в серии недавних работ А.В. Подосинова: Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 20–24; Podossinov A.V. Europe as an Island in Ancient and Medieval Geocartography // 14th International Conference of Historical Geographers. 23rd – 27th August 2009, Kyoto. Kyoto University, 2009. P. 82.

23. Saxonis Gesta Danorum / A. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931. P. 134.
24. Wolf K. Alexanders saga. MSE. P. 7–8.

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Джаксон – главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация); tjackson@yandex.ru

---

ON SAILING FROM INDIA TO DENMARK, AND ON MENELAUS, THE KING OF TATTARARÍKI

(GEOGRAPHICAL DESCRIPTIONS IN THE OLD NORSE-ICELANDIC CHRONICLES AND SAGAS)

T.N. Jackson
(Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

The article deals with geographic descriptions in the Icelandic sagas. In the 12th through the 14th centuries Scandinavia special geographical works contained descriptions of the inhabited world based both on West-European chorographical tradition and local topographic information about Northern and Eastern Europe. At the same time we can often come across “written geography” in the sagas. Geographical descriptions occur in the sagas of different genres, their functions and their sources are quite varied. Different saga authors possessed different degrees of skill in inserting the geographical material into their narrative. The main attention in this article is paid to the geographic description that we find in the Icelandic “Göngu-Hrólfs saga”, relating to the sagas of ancient times and written down, probably, at the beginning of the 14th century, namely – to the description of *Tattararíki*, that is the “State of the Tatars”.

Keywords: Old-Norse-Icelandic Sagas, “written geography”, “textual maps”, topography of Northern and Eastern Europe, description of the “State of the Tatars”.

REFERENCES

1. Jackson T.N. *Ob istochnike odnogo geograficheskogo opisaniya. (Knýtl 32 i GHS 37)* [On the source of one geographical description. *(Knýtl 32 and GHS 37)*] *(Knýtl 32 i GHS 37). VEDS XXI: Avtor i ego istochnik: vospriyatiye, otnosheniye, interpretatsiya* [The author and his source: perception, attitude, interpretation]. 2009, pp. 100–106.
2. Jackson T.N., Podosinov A.V. *Norvegiya glazami drevnikh skandinavov: k voprosu o spetsifike drevneskandinavskoy oriyentatsii po stranam sveta* [Norway through the eyes of medieval Scandinavians: on the specific character of Old-Norse spatial orientation]. *Drugiye sredniye veka: K 75-letiyu A.Ya. Gurevicha* [The other Middle Ages: to the 75th anniversary of A.Yu. Gurevich]. Moscow, Saint Petersburg, 2000, pp. 122–124).
3. Melnikova Ye.A. *Drevneskandinavskiye geograficheskiye sochineniya. Teksty, perevod, kommentary* [Old Norse geographical works. Texts, translation, commentary]. Moscow, 1986.
4. Molchanov A.A. *Indiytsy na severe Yevropy v 62 g. do n. e.: rekonstruktsiya marshruta puteshestviya pri ego sokrashchennom opisanii v istochnikakh* [Indians in the north of Europe in 62 BC: the reconstruction of a travel route in its abridged description in the sources]. *VEDS. XVIII: Vospriyatiye, modelirovaniye i opisaniye prostranstva v*

antichnoy i srednevekovoy literature [XVIII: Perception, modeling and description of space in ancient and medieval literature]. 2006, pp. 135–138.

5. Podosinov A.V. *Indijtsy na severe Evropy? (Neskolko zamechany k Mela, III, 45)* [Indians in the north of Europe? (Some remarks on the Mela, III, 45)] *VEDS. XVII: Problemy istochnikovedeniya* [XVII: Problems of source criticism]. 2005. Ch. I. SP, pp. 29–33.

6. Barnes G. *Elis saga ok Rósamundu*. MSE. PP. 162–163.

7. Bjarni Guðnason. Formáli. *Danakonunga sögur* (Íslenzk fornit. B. XXXV). Reykjavík, 1982. Bls. cxxiv.

8. Bjørnbo A.A. Adam af Bremens Nordensopfattelse. Aarbøger. 1909. R. II. B. 24. P. 231.

9. Eldevik R. *Trójumanna saga*. MSE, pp. 658–659.

10. Göngu-Hrólfs saga. Fornaldarsögur Norðurlanda. Guðni Jónsson. Reykjavík, 1950. B. III. Bls. 161–280.

11. Hartmann J.W. *The Göngu-Hrólfssaga*. N.Y., 1912, pp. 55–77.

12. Isländische Märchensagas. B. I (Saga Bibliothek der altnordischen Literatur. Hrg. von K. Schier). München, 1998. S. 368.

13. Jackson T.N. *On the Date of the First Russian-Norwegian Border Treaty*. Acta Borealia. 2004, no. 2, pp 87–97.

14. Jakob Benediktsson. *Veraldar saga*. MSE, p. 690.

15. Jakobsen A. *Snorre og geografien*. Scripta Islandica. Á. 39. 198. 1988, pp 10–11.

16. Jakobsen A. *Snorre og geografien*. PP. 3–11.

17. Jones G. *Introduction. Egils saga*. Tr. by G. Jones. N.Y., 1960, pp. 4–5.

18. Louis-Jensen J. *Bretta sögur*. MSE, pp. 57–58.

19. Mortensen L.B. *Sanctified Beginnings and Mythopoietic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, c. 1000–1230*. The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300). Copenhagen, 2006, 263 p.

20. Mortensen L.B. *The Language of Geographical Description in Twelfth-Century Scandinavian Latin*. Filologia mediolatina. Vol. XII. 2005, pp. 103–121.

21. Mortensen L.B. *The Language of Geographical Description*. P. 115.

22. Naumann H.-P. Göngu-Hrólfs saga. MSE, pp. 254–255.

23. Saxonis Gesta Danorum. A. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931. P. 134.

24. Wolf K. Alexanders saga. MSE, pp. 7–8.

About the author: Tatjana Nikolaevna Jackson – chief research scientist, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Doctor of historical sciences (Moscow, Russian Federation); tjackson@yandex.ru

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

«ШУАБ-И ПАНДЖГАНА» РАШИД АД-ДИНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

И.М. Миргалеев
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В представленной статье автор рассказывает о «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина, полученной из архива музея Дворца Топкапы в Стамбуле. Дается краткая история изучения этого важного труда Рашид ад-дина. Автор приводит свою версию, как «Шуаб-и панджгана» оказался в Анатолии, насколько последний труд Рашид ад-дина соответствует его известному сочинению «Сборник летописей», время создания этой обширной генеалогии. Также в статье автор останавливается на сведениях о «Шуаб-и панджгана» в работе А.П. Григорьева.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, «Пять родословий», Сборник летописей, музей Дворца Топкапы, Чингиз-хан, Джучи-хан, Узбек.

26 апреля 2011 года после достаточно долгих переговоров с руководством музея Дворца Топкапы и Министерством культуры Турции нам удалось заполучить копию «Шуаб-и панджгана» شعاب پنجگانه Рашид ад-дина. При личной встрече с директором музея Дворца Топкапы, известным историком Ильбер Ортайлы, нами было получено официальное разрешение на издание рукописи под номером № A.2937[1], что мы имеем право опубликовать ее полный перевод на русском языке.

После получения рукописи мы приступили к ее изучению и прежде всего переводу на русский язык. Перевод осуществляет Ч.И. Хамидова. На сегодняшний день заканчивается перевод тюрко-монгольской генеалогии. Параллельно идут поиски информации, имеющей отношение как к его автору, так и непосредственно к самой рукописи. Были написаны официальные запросы и задействованы личные связи по поводу выяснения, нет ли еще копий в других странах, в том числе и в других архивах Турции. Пока по полученным отрицательным ответам от таджикских, азербайджанских, иранских и узбекских коллег другие списки данной рукописи не известны в Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане, Турции и Иране. Более того, в иранской энциклопедии сообщается, что эта рукопись Рашид ад-дина является единственной и хранится в музее Дворца Топкапы[2]. Во время наших поисков в той же Турции нами были найдены и другие рукописи, принадлежащие Рашид ад-дину. Однако пока среди других находок ни какой-либо части, ни полной версии «Шуаб-и панджгана» за два года мы не нашли.

Об этой работе Рашид ад-дина имеется незначительная историография. Впервые о ней упоминает З.В. Тоган. Отечественные авторы, такие как

[1] Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa.

[2] Энциклопедия «Ираника». Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/jame-al-tawarik

Т. Султанов, И.В. Зайцев, о ней упоминали вскользь. В 2009 году в Тюркологическом сборнике была опубликована статья известного петербургского историка А.П. Григорьева «Летописные лицевые своды в средневековых государственных образованиях России и Ирана: чингизидские родословия на персидском и чагатайском языках»[3]. В своей статье А.П. Григорьев вначале пишет о русских лицевых сводах, о достижениях отечественной науки в их исследовании и далее персидских ученых да и ученых всего мира призывает брать с них пример. Я не берусь сейчас анализировать его сопоставление работ З.В. Тогана и Ш.Биры, работ Рашид ад-дина с поздними тимуридскими генеалогиями, хотя и по этим его рассуждениям у нас много вопросов.

Нас больше интересуют его сообщения о «Шуаб-и панджгана». На странице 107 он пишет: «Именно в «Пяти родословиях» появились первые изображения-миниатюры, использованные Рашид ад-дином для иллюстрирования летописного лицевого свода Улджейту-хана в «Сборнике летописей». Рашид ад-Дин и его разноязычные соавторы создали монументальное исследование родословий и историй правления династий широкого ареала стран, включавших мусульманские страны, подчиненные монголам, и стран еще не подчиненных им. На первое место в «Пяти родословиях» были поставлены монголы-Чингизиды и «золотой род» Чингиз-хана. Собрание было иллюстрировано в той самой форме портретов-миниатюр, которую я описал выше, рассказывая о миниатюрах предков Чингиза, самого Чингиз-хана и его потомков в составе «Сборника летописей». С этой монгольской (!) частью «Пяти родословий» я и ознакомился с помощью Н.Н. Телицына». В этой же статье он сообщает, что копию рукописи предоставили тому же Н.Н. Телицыну, и называет конкретные имена турецких коллег, одного депутата и одного историка. Пока наши вопросы им не увенчались успехом, а наши турецкие коллеги, которые непосредственно занимаются этой рукописью, выразили большие сомнения, что у названных А.П. Григорьевым людей имелась копия «Шуаб-и панджгана». К слову сказать, летом 2013 года Ч.И. Хамидова попыталась еще раз просмотреть рукопись в архиве Дворца Топкапы, к сожалению, несмотря на официальное обращение, ей не разрешили этого сделать.

По данным А.П. Григорьева касательно «Шуаб-и панджгана», особенно его сообщения об имеющихся миниатюрах, мы были, мягко говоря, удивлены. К сожалению, его уже не стало и спросить его было невозможно. Поэтому наши вопросы мы адресовали Н.Н. Телицыну, тем более, как в той же статье сообщает А.П.Григорьев, Н.Н.Телицын не только получил рукопись, но и переводил ее для него (правда, с уйгурицы).

На наши вопросы господин Н.Н.Телицын ответил письмом от 30 ноября 2012 года:

«… Рукопись в свое время я получил для Аркадия Павловича по его просьбе. Поскольку я занимаюсь древнетюркскими языками, и древнеуйгурским в частности, мне было интересно то, как и почему даже в персидских рукописях имена передавались уйгурским письмом. Копию рукописи я передал Аркадию Павловичу и, соответственно, мы работали в указанном направлении. Мы планировали публикацию ряда статей по истории Золотой Орды, а

[3] Григорьев А.П. Летописные лицевые своды в средневековых государственных образованиях России и Ирана: чингисидские родословия на персидском и чагатайском языках // Тюркологический сборник. М., 2009. С. 98–123.

именно по «лицевым сводам», но не успели... Вся информация была у Аркадия Павловича. Но не в архивах. Он до последнего держал это в памяти... Буду рад, если чем-то смогу помочь».

Однако на дальнейшие наши конкретные вопросы он не стал отвечать, и наши письма остались без ответа. Поэтому нам остается только комментировать то, что написал А.П.Григорьев в этой своей статье.

Мы задались вопросом, что, может быть, мы просмотрели, и есть ли какие-то миниатюры, скажем, в отдельном приложении в фонде или же имеется вторая копия. Когда мы работали в Топкапы, то нашли только один список. Это подтвердила и Хайрунниса Алан, которая также в свое время занималась этой рукописью. Она сообщила нам, что ни каких миниатюр и других списков ей неизвестно. Поэтому остается признать, что пока имеется только одна-единственная рукопись «Шуаб-и панджгана» и там нет миниатюр.

Итак, рассмотрим саму рукопись. З.В. Тоган, а за ним – и все остальные считают, что «Шуаб-и панджгана» создан не позднее 1310 года. Хотя у нас сложилась другая версия, однако окончательно пока делать выводы рано.

«Шуаб-и панджгана» (*шу'аб* собст. «ветвь», «ответвление»), генеалогия царствующих династий «пяти народов» (Лист 6. 1. Арабы, 2. Монголы, 3. Сыны Исраиля, 4. Христиане и франки, 5. Китайцы). «Шуаб-и панджгана» до сих пор не издан, по предположению того же З.В. Тогана, рукопись XVI в.[4] (?) хранится в музее Дворца Топкапы в Стамбуле[5]. Основная часть «Шуаб-и панджгана» – это генеалогия. Имеются небольшие «справки» и уточнения. Авторство Рашид ад-дина как и у наших предшественников, так и у нас не вызывает сомнения. В небольшом предисловии рукописи Рашид ад-дин пишет:

«Хвала Аллаху, Господу миров, а также мир и приветствие лучшему из пророков Мухаммаду и всем его чистейшим потомкам. Ибо приказ (*пропуск в тексте*) августейшего у которого получил вдохновение этот никчемный слабый Фазлаалах Бин Аби ал-Хайр бин ‘Али известный как Рашид ат-Табиб для собрания и сочинения истории тюрков, а также для руководства и упорядочения. Это начинание было показано под благословенным именем (*пропуск в тексте*)… [увековечивание государства историческое устройство] и содержит истории всех племен жителей мира» (перевод с персидского Ч.И. Хамидовой). В этих пропусках, возможно, должно было быть окончательное название работы. А отсутствие имени того, кто дал приказ, показывает, что составитель еще не знал, кого указать? Т.е. получается, что рукопись не до конца завершена или же написана во время смены правителя?

Некоторые имена в «Шуаб-и панджгана» написаны красным, некоторые – черным. Возможно, красным выделены более важные личности, т.к. красным также выделяются славословия пророку Мухаммаду (с.а.с.) и другим пророкам, аяты из Корана.

По контексту видно, что «Шуаб-и панджгана» составлена позже «Сборника летописей». По версии автора статьи в энциклопедии «Ираника» Чарль-

---

[4] Togan A.Z.V. Tarihde usul, Istanbul, 1950, s. 211; Стори Ч.А. Персидская литература. Биобиблиографический обзор. В трех частях // Пер. с англ., переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Главная редакция восточной литературы. М., 1972. С. 308.

[5] Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa.

за Мелвилла, «Шуаб-и панджгана» был задуман как приложение к «Сборнику летописей»[6].

Безусловно, для Рашид ад-дина главным источником выступали те же источники, которые использовались при написании его исторических летописей, возможно, и сам «Сборник летописей». Однако, утверждать, что все совпадает в этих источниках, нельзя. Видно, что при составлении «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дин некоторые моменты уточнил и добавил.

Вот несколько примеров. В «Сборнике летописей» Рашид ад-дин пишет, что у Джучи-хана «было около сорока сыновей»[7], однако обо всех у него не было информации. Он достаточно детально пишет о четырнадцати сыновьях Джучи-хана и их родословиях[8]. В «Шуаб-и панджгана» количество сыновей Джучи-хана 15, к 14 именам, приведенным в «Сборнике летописей», добавляется еще Кугаджи (كوكاجي). Возможно, число 40 является иносказательным и означает, что у основателя династии было большое потомство. Число 15 подтверждается и более ранним автором – Джузджани[9].

В «Сборнике летописей» указано, что шестым и седьмым сыном Орды являются Кутукуй и Хулагу. Написано, что неизвестно, есть ли у Кутукуя сыновья; сыновья Хулагу перечислены. При этом написано, что на самом деле у Хулагу сыновей не было, а дети, которые считаются его детьми, – сыновья Кутукуя. А в рукописи «Шуаб-и панджгана» у Хулагу детей нет, у Кутукуя – есть[10]. Т.е. здесь приведена исправленная версия «Сборника летописей».

В «Сборнике летописей» перечисляются сыновья Хулагу. Первый – Кублук, о его сыновьях ничего не написано, в рукописи «Шуаб-и панджгана» указаны 2 сына, плюс оставлены пустыми еще 3 квадрата[11].

В «Сборнике летописей» указаны сыновья Шейбана, сына Джучи. Четвертый сын – Балакан. Третий сын Балакана – Токдай. У Токдая в «Сборнике летописей» указано три сына[12], в рукописи «Шуаб-и панджгана» 6, и у одного есть внук, т.е. получается, что у Рашид ад-дина появилась дополнительная информация.

Что касается времени составления «Шуаб-и панджгана», то пока высказанный исследователями 1310 год мы не оспариваем, однако думаем, что все же эта генеалогия была составлена позже. В приведенном отрывке из предисловия мы увидели, что оставлен пропуск там, где должно было быть имя правителя, который приказал составить такую генеалогию. Так как Рашид ад-дин служил ильхану Улджейту более 10 лет, то, возможно, свое предисловие он написал (закончил) после кончины Улджейту. В «Шуаб-и панджгана» также приведен Узбек. Во время создания «Сборника летописей» Узбек еще не взошел на трон, Рашид ад-дин прямо пишет, что Токтай является «в на-

---

[6] Энциклопедия «Ираника». Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/jame-al-tawarik

[7] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 65.

[8] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 78.

[9] История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы, 2006. С. 48.

[10] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 70–71.

[11] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 71.

[12] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 74.

стоящее время государем Джучиева улуса»[13]. Однако, если посмотреть «Шуаб-и панджгана», где даны три сына Токты, то здесь у Илбасара (в «Сборнике летописей» Иксар) появился сын Исан-бука, который должен был быть младше Узбека. Все это также указывает на то, что время составления «Шуаб-и панджгана» приходится на более позднее время, нежели 1310 год.

Наше предварительное мнение: Рашид ад-дин составил эту генеалогию после смещения, возможно, до самой смерти, т.е. в 1316–1318 годах. Естественно, вопрос пока открыт, но не думаю, что она составлялась параллельно с «Джами ат-таварих» или сразу же после нее.

Как сообщает Хафиз Абру в своем труде «Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди» («Дополнение к собранию историй Рашида»), в сентябре 1317 года Рашид ад-дина отстранили от совизирства, а в июле 1318 года казнили[14]. Все это происходило в начале царствования Абу Саида. Рашид ад-дин со-визирем служил Газану (1295–1304) и Улджейту (1304–1316). В 1300–1310 годах создавался «Джами ат-таварих». Поэтому во время столь масштабной работы маловероятно, что составлялась еще и достаточно сложная и самостоятельная генеалогическая работа. Думаем, что «Шуаб-и панджгана» составлялась в последние годы правления Улджейту, а Абу Саид ее не успел утвердить и она так и осталась не законченной.

Рашид ад-дин стремился, чтобы его труды переводились и на арабский язык, и следил за тем, чтобы с них делались копии, которые отправлялись в крупные города мусульманского мира. Из его вакуфного завещания: «… с этих книг, которые являются моими произведениями, ежегодно снимались вполне совершенные копии и в нижеследующем порядке»[15]. К сожалению, среди них нет «Шуаб-и панджгана», что говорит, по нашему мнению, в пользу того, что это его произведение относится к концу его жизни, когда он уже не был совизирем. Более того, уже после его смерти составитель его трудов сообщает, что он не смог найти все труды Рашид ад-дина[16]. Конечно, еще нужно учитывать и тот факт, что «Шуаб-и панджгана» составлялась не для распространения, так как там была вся генеалогия чингизидов и она, скорее всего, должна была в ограниченном количестве находиться во дворе правителя.

К сожалению, неизвестна и архивная история «Шуаб-и панджгана», как она попала в архив музея Дворца Топкапы. Версия того, что она была прислана из Средней Азии, не подкреплена какими-то ни было источниками. При этом, как известно, один сын Рашид ад-дина Ходжа Джалал ад-дин был хакимом (наместником) Рума[17].

---

[13] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73.

[14] Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфуллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») // Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 79–80.

[15] Мугинов А.М. Персидская уникальная рукопись Рашид ад-дина // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 368.

[16] Мугинов А.М. Персидская уникальная рукопись Рашид ад-дина // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 369.

[17] См.: 17 и 21 письма. Рашид ад-Дин. Переписка. Пер., введение и коммент. А.И. Фалиной. Сер.: Памятники письменности Востока. (ППВ). Вып. XVII. М.: Наука, 1971. 498 с. Цитата по электронной версии. Режим доступа: http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/R.phtml?id=2057

Возможно, после гибели Рашид ад-дина эта рукопись могла принадлежать именно этому его сыну и в дальнейшем попасть в хранилища Топкапы, как архив наместников ильханов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Муʿизз ал–ансаб (Прославляющее генеалогии). Алматы, 2006.

2. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы, 2006.

3. Мугинов А.М. Персидская уникальная рукопись Рашид ад-Дина // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 352–375.

4. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 7–37.

5. Рашид ад-дин. Переписка. Пер., введение и коммент. А.И. Фалиной. Сер.: Памятники письменности Востока (ППВ). Вып. XVII. М.: Наука, 1971. 498 с.

6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

7. Стори Ч.А. Персидская литература: биобиблиографический обзор. Ч. 1–2. М., 1972. С. 306–308.

8. Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфуллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»). Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2011. 320 с.

9. Энциклопедия «Ираника». Режим доступа: http://www.iranicaonline.org /articles/jame-al-tawarik

10. Esin E. Hanlar Ulaki (The Succession of the Kings). On the illustrated Genealogy, with Uygur Inscriptions, of Mongol and Timurid Dynasties, at the Topkapi Library. Gedanke und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburstag von Nicolaus Poppe. Wiesbaden, 1989. P. 114–115.

11. Quinn S.A. The Muʿizz al-ansab and the Shuʿab-i Panjganah as Sources for the Cha-ghatayid Period of History: A Comparative Analysis. Central Asiatic Journal, 33, 1989, pp. 229–253.

12. Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Тупкапу Сарае Музее Китапханэсе, шифр A.III 2937

13. Togan A.Z.V. Tarihde usul, Istanbul, 1950.

14. Togan A.Z.V. The Composition of the history of the Mongols by Rashid al-din. Central Asiatic Journal, VII/1. 1962, pp. 60–72.

15. Togan A.Z.V. Umumi Turk Tarihine Giris. Cild 1: En eski devirlerden 16 asra kadar. Istanbul, 1946, pp. 370–371.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

RASHID AL-DIN'S "SHUAB-I PANDJGHANA": RESEARCH PERSPECTIVES

I.M. Mirgaleev
(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The author of the present study describes Rashid al-Din's work "Shuab-i Pandjghana" obtained from the archives of the Topkapi Palace Museum in Istanbul. The article contains a brief description of the previous study of this important work. The author presents his own version about how "Shuab-i pandjghana" came to Anatolia, how the latest version of Rashid al-Din's work corresponds to his famous composition "Compendium of Chronicles", and tries to determine the date when this wide genealogy was created. The author also analyzes the information on the "Shuab-i pandjghana" contained in A.P.Grigoryev's study.

Keywords: Rashid al-Din, Shuab-i pandjghana, "Five Genealogies", Collection of chronicles, Topkapi Palace Museum, Genghis-khan, Jochi-khan, Uzbek.

REFERENCES

1. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh.* Vol. III. *Mu'izz al–ansab (Proslavlyayushcheye genealogii)* [The History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. III. Mu'izz al-ansab (The Glorifiing Genealogies)]. Almaty, 2006.

2. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Vol. IV. Sbornik materialov, otnosya-shchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [The History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. IV. The Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde]. Almaty, 2006.

3. Muginov A.M. *Persidskaya unikalnaya rukopis Rashid ad-dina* [The Persian Unique Manuscript of Rashid al-Din]. *Uchenye zapiski Instituta Vostokovedeniya. Vol. XVI* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies. Vol. XVI]. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, 1958, pp. 352–375.

4. Petrushevsky I.P. *Rashid-ad-Din i ego istorichesky trud* [Rashid ad-Din and His Historical Work]. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisey. Tom 1. Kn. 1* [Rashid-ad-Din. Compendium of Chronicles. Volume 1. Book 1]. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, 1952, pp. 7–37.

5. Rashid ad-din. *Perepiska. Per., vvedeniye i komment. A.I. Falinoy* [The Correspondence. Trans., introduction and commentary by A.I. Falina] *Ser.: Pamyatniki pismennosti Vostoka. (PPV). Is. XVII* [Ser.: Written Oriental Monuments. Iss. XVII] Moscow: Nauka, 1971. 498 p.

6. Rashid-ad-din. *Sbornik letopisey. Tom. II* [Compendium of Chronicles. Vol. II]. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, 1960.

7. Storey Ch.A. *Persidskaya literatura: bio-bibliograficheskiy obzor. Gl. 1–2* [Persian Literature: A Bio-bibliographical Survey. Ch 1–2]. Moscow, 1972, pp. 306–308.

8. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfullakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolneniye k sobraniyu istory Rashida»). Per. s pers., pre-disl., komment., prim. i ukaz. E.R. Talyshkhanova* [Zayl-I Jami al-tavarikh-i Rashidi ("Supplement to the Rashid al-Din's Compendium of Chronicles"). Trans. from Pers., foreword, comments, approx. and notes by E.R. Talyshhanova]. Otv. red. I.M. Mirgaleyev [Executive ed. I.M. Mirgaleyev.]. Kazan, 2011. 320 p.

9. Entsiklopediya «Iranika» [Encyclopedia «Iranica»]. Access mode: http://www.iranicaonline.org/articles/jame-al-tawarik

10. Esin E. *Hanlar Ulaki* (The Succession of the Kings). On the Illustrated Genealogy, with Uygur Inscriptions, of Mongol and Timurid Dynasties, at the Topkapi Library. Gedanke und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburstag von Nicolaus Poppe. Wiesbaden, 1989, pp. 114–115.

11. Quinn S.A. *The Muʿizz al-ansab and the Shuʿab-i Panjganah as Sources for the Chaghatayid Period of History: A Comparative Analysis.* Central Asiatic Journal, 33, 1989, pp. 229–253.

12. Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Tupkapu Saraye Muzeye Kitapkhanese, shifr A.III 2937.

13. Togan A.Z.V. *Tarihde usul* [The Method in History]. Istanbul, 1950.

14. Togan A.Z.V. *The Composition of the History of the Mongols by Rashid al-din.* Central Asiatic Journal, VII/1. 1962, pp. 60–72.

15. Togan A.Z.V. *Umumi Turk Tarihine Giris. Cild 1: En eski devirlerden 16 asra kadar* [Introduction to the General History of Turks. Vol. 1: From Ancient Times to the 16th Century]. Istanbul, 1946, pp 370–371.

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – chief, Usmanov Center for Studies of Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

УДК 94(470)"1238/1480"

РУСЬ И ОРДА В XV СТОЛЕТИИ

А.А. Горский
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт российской истории РАН)

В статье рассматривается динамика отношений Руси с Ордой в течение XV в., обусловленных постепенным распадом Орды и параллельным усилением Московского княжества. Автор определяет главные атрибуты зависимости русских земель от Орды в XV в. (практика выдачи ярлыков на княжение и обязанность платить «выход»), оказывавшие непосредственное влияние на характер внешнеполитических отношений. В статье прослеживаются настойчивые попытки московских князей освободиться от вассальной зависимости в периоды политической нестабильности в Орде, вместе с неизменной тенденцией признания подчинения в периоды усиления власти ордынских ханов. Автор указывает на заметную активизацию внешней политики московских князей за несколько десятилетий до утверждения независимости Руси, определившей будущие внешнеполитические интересы московских царей после распада Орды в начале XVI века.

Ключевые слова: Золотая Орда, Русские княжества, внешнеполитические взаимоотношения, русские летописи, актовые источники, постордынские политические образования.

К началу XV в. на политической карте Руси место более десятка самостоятельных *земель* заняла структура, в которой доминировали два крупных государства: Великое княжество Литовское (с территориальным ядром в этнической Литве, но включившее в свой состав несколько русских земель – Киевскую, большую часть Черниговской, Смоленскую, Волынскую, Полоцкую, Пинскую) и Великое княжество Московское. Помимо них, продолжали существовать Рязанская, Новгородская и Псковская земли (все – в зависимости от Москвы), а в Северо-Восточной Руси – Тверское и Ярославское княжества. Из трех главных атрибутов зависимости русских земель от Орды (утверждения князей на их столах ханом, выплаты дани и обязанности предоставлять военную помощь) сохранялись к тому времени два – практика выдачи ярлыков на княжение и обязанность платить «выход». С «великого княжения» московские князья были обязаны выплачивать 7000 рублей в год. Русские земли, вошедшие в состав Литовского государства, также продолжали платить дань в Орду[1].

В ситуации, когда после разгрома Орды Тимуром ее фактическим правителем стал эмир Идегей, великий князь московский Василий Дмитриевич прекратил выплату «выхода». В Москве нормой признавалось положение, когда хан (по-русски *царь*) обладает реальной властью. При этом прямого конфликта Василий стремился избегать, более того – ордынские войска привлекались в качестве союзников в войнах с Литвой, шедших в 1406–1408 гг. В конце 1408 г. (когда дань не платилась уже 13 лет) Идегей совершил поход

[1] Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 273–275, 293; Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 58–61.

на Москву. Взять столицу правителю Орды не удалось, но его войска совершили масштабное разорение владений Василия I. После этого состояние войны между Московским государством и Ордой сохранялось вплоть до свержения Идегея (1411). Приход к власти сыновей Токтамыша изменил ситуацию, и в 1412 г. Василий Дмитриевич даже совершил поездку в Орду. Но с 1414 г., когда Идегей вернулся к власти, конфликт разгорелся вновь: Идегей поддерживал претензии князей суздальского дома на Нижний Новгород, переданный Токтамышем Василию в 1392 г. С гибелью Идегея (1419) и со стабилизацией положения в Орде ко второй половине 1420-х гг. традиционные (данические) отношения с ней возобновились. Около 1423 г. Василий I, по-видимому, добился от хана Улуг Мухаммеда, изгнанного тогда противниками из Орды и находившегося в Литве у великого князя Витовта, ярлыка на великое княжение для своего сына Василия[2].

В 1431 г. 16-летний великий князь Василий Васильевич и его дядя и соперник Юрий Дмитриевич отправились по собственной инициативе в Орду к хану Улуг Мухаммеду для разрешения их спора о великом княжении. Таким образом, ордынский «царь» по-прежнему рассматривался как законный сюзерен русских князей. С другой стороны, решение хана, подтвердившего в 1432 г. великокняжеский статус Василия, было фактически проигнорировано Юрием, дважды – в 1433 и 1434 гг.– захватывавшим московский престол[3].

В конце 1430-х гг. фактический раскол Орды на две части – под властью ханов Кичи Мухаммеда и Сеид-Ахмета – привел к изменениям в порядке выплаты дани. В Москве признавали «царями» обоих правителей[4]. Позднейший документ – ярлык-послание сына Кичи Мухаммеда Ахмата Ивану III (1480) указывает размер требуемой ханом от великого князя дани – 120000 алтын, т.е. 3600 рублей (см. издание ярлыка по наиболее раннему списку: Горский, 2012). Это составляет фактически половину от 7000-го «выхода», которым были обязаны московские князья до начала 1430-х гг[5]. Очевидно, Кичи Мухаммеду и Сеид-Ахмету выплачивали по ½ полного «выхода», причем после распада орды Сеид-Ахмета (1450-е гг.) дань Кичи Мухаммеду, а позже его сыновьям до прежней, 7000-й не возросла.

Изгнанный из Орды в 1437 г. Улуг Мухаммед попытался обосноваться на окраинных русских территориях, что привело к его конфликту с Василием II. В конце 1438 г. хан разгромил московское войско под Белевом в верховьях Оки. Летом следующего года Улуг Мухаммед подходил к стенам Москвы. В 1444 г. он попытался обосноваться уже в низовьях Оки, в Нижнем Новгороде. Летом 1445 г. войска Улуг Мухаммеда разбили московскую рать под Суздалем, сам великий князь Василий попал в плен, откуда был отпущен под обязательство огромного выкупа. Затем орда Улуг Мухаммеда ушла в Казань, где его сын Махмутек, убивший отца, стал правителем Казанского ханства. Эти события, а также свержение Василия II в начале 1446 г. его двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем Шемякой, привели к тому, что данические

[2] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 119–140.

[3] Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.). С. 249–252; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 141–143.

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. № 38. С. 108, 111, 113, 116.

[5] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. № 29. С. 74.

отношения между Москвой и ордой Улуг Мухаммеда и его сыновей не получили развития. В 1447 г. казанский хан Махмутек выступал уже союзником Дмитрия Шемяки против вернувшегося на престол Василия II[6].

К концу 1440-х гг. в Москве перестали выплачивать дань в орду Сеид-Ахмета; возможно, в 1449 г. был получен ярлык на великое княжение от Кичи Мухаммеда для сына Василия II Ивана. В результате начались набеги татар Сеид-Ахмета на московские владения (1449, 1451 – в этом году войско во главе с сыном хана подходило к самой Москве, 1455, 1459), прекратившиеся после распада его орды во второй половине 1450-х гг[7].

В 1450-е гг. в пределах владений московских князей было создано вассальное княжество во главе с перешедшим на службу к Василию II сыном Улуг Мухаммеда Касимом. Центром его стал Городец Мещерский на Оке; позже по имени Касима за ним закрепилось название Касимов, соответственно политическое образование, во главе которого московские князья ставили служилых Чингизидов (существовало до конца XVII в.), принято именовать «Касимовским ханством». Существует мнение, что его создание было одним из условий отпуска Василия Васильевича из плена Улуг Мухаммедом в 1445 г[8]. Первоначальное предоставление Касиму кормления в Московском великом княжестве, возможно, действительно предусматривалось как составная часть выкупа Василия, но в Городце Мещерском он был помещен только в середине 1450-х гг., когда обязательства великого князя перед Улуг Мухаммедом давно утратили силу[9].

Через три года после вступления на великое княжение Ивана Васильевича (1462) впервые со времен Токтамыша сам хан Орды отправился в поход на Москву: в 1465 г. такую попытку предпринял Махмуд, сын Кичи Мухаммеда. Поход сорвался, т.к. на Дону на Махмуда напал крымский хан Хаджи-Гирей и нанес ему поражение[10]. Скорее всего, причиной гнева правителя Орды на московского князя было присоединение Иваном III к своим владениям в 1463 г. Ярославского княжества без ханской санкции[11].

В конце 1460-х гг. Московское великое княжество в течение нескольких лет воевало с Казанским ханством, причем предпринимало наступательные действия. Походы московских войск на Казань поначалу не приносили успеха, но в конце 1469 г. удалось заключить мир на выгодных условиях[12].

В ситуации фактического распада Орды на несколько политических образований ее «центральная» часть (между Доном и Волгой), чей правитель признавался на Руси сюзереном, с 1470-х гг. определяется в источниках как *Большая Орда*[13] (применение этого термина к более ранним временам, начи-

---

[6] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 143–146.

[7] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 146–148, 153–154.

[8] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. С. 26–27; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 54–61.

[9] Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 171–172.

[10] Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.). С. 186; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 154–155.

[11] Горский А.А. От *земель* к *великим княжениям*: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010. С. 131–132.

[12] Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 36–95.

[13] Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.). С. 277, 291, 292, 299, 302, 303, 308.

ная с 1430-х гг., отмечается только в позднейшей – 1520-х гг. – Никоновской летописи и являет собой явную ретроспекцию). Традиционно предполагается, что это перевод татарского *улуг орда* – «великая орда»[14]. Но *улуг орда* на Руси переводили именно как «*великая* орда» (это определение входило с начала XVI в. в состав титула крымских ханов и встречается в переводах их посланий, дошедших в составе посольских книг по связям с Крымом[15]; при этом Орда детей Ахмата в посольских книгах определяется как *большая*[16]). Кроме того, прилагательное *большии* нечасто употреблялось в значении «крупный», для этого использовалось, как правило, именно слово *великыи*. Одним же из распространенных значений лексемы *большии* было прилагательное сравнительной степени – со значением «более высокий по положению», «главный» (в современном русском языке передающееся через слово «больший» с ударением на первом слоге)[17]. Скорее всего, название «Бóльшая Орда» возникло на Руси тогда, когда распад Орды стал очевиден и нужно было выделить «главное» из постордынских государств. Примечательно в связи с этим, что этот термин появляется в летописании одновременно с переходом в актовых источниках (с 1473 г.) к упоминанию «орд» во множественном числе[18] – и то и другое отражало стремление приспособиться к новой политической ситуации в степях Восточной Европы.

Летом 1472 г. хан Большей Орды Ахмат совершил поход на Москву. Войска Ивана III встретили противника на Оке у г. Алексина. Ахмат не решился форсировать реку и возвратился в степь[19]. Скорее всего, причиной выступления хана было приведение московским князем в покорность в 1471 г. Новгорода: Ахмат поддержал претензии на верховенство над Новгородской республикой польского короля и великого князя литовского Казимира IV, и поход Ивана III на Новгород в свете этого смотрелся как нарушение воли сюзерена[20].

Отражение похода «самого царя» имело серьезные последствия: в Москве возобладало мнение о необходимости прекратить отношения зависимости с Большей Ордой. Это выразилось в первую очередь в прекращении выплаты дани: к 1480 г. она не платилась «девятый год»[21], т.е. как раз с 1472. Кроме того, Иван III начал переговоры с врагом Ахмата – крымским ханом Менгли-Гиреем. Отношения с ним изначально строились как отношения «братьев и друзей», выплата каких-либо традиционных податей, восходивших к временам

---

[14] Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. – Тула, 2010. С. 7–8.

[15] Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 19, 21, 27, 29, 70, 75–77, 80.

[16] Там же. С. 119, 157, 170, 214, 255.

[17] Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб.,1893. – Стб. 147–148; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. М., 1988. С. 289–290, 384–386.

[18] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. № 69–70, с. 226, 228, 231, 234, 236, 238, 240, 244, 246. 249; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 165–167.

[19] Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.). С. 297–298; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 146–181.

[20] См.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 156–158.

[21] Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л., 1959 (Вологодско-Пермская летопись). С. 265.

ордынского единства, исключалась. В 1480 г. был заключен московско-крымский договор, в котором были поименованы два «вопчих недруга» договаривающихся сторон – Ахмат и Казимир[22].

Что касается Большей Орды, то Иван III некоторое время продолжал обмен с ней послами, стремясь не доводить дело до военного столкновения. Но в 1476 г., когда пошел уже пятый год неуплаты дани, посол Ахмата привез требование хана великому князю явиться к нему в Орду (чего не бывало со времен Токтамыша)[23]. Иван III не подчинился, после чего конфликт стал неизбежным. Ахмат отправился в новый поход на Москву только в 1480 г., договорившись о союзе с Казимиром IV. Противоборствующие войска два месяца простояли на берегах реки Угры, левого притока Оки (служившей границей между Московским и Литовским государствами). В окружении великого князя звучали голоса людей, склонных согласиться признать власть «царя». Но возобладало мнение сторонников ее отрицания. В ноябре, с наступлением холодов, Ахмат ушел восвояси, и попытка восстановить ордынскую власть над Московским великим княжеством не удалась[24]. Гибель Ахмата в январе 1481 г. от рук сибирских татар и ногаев окончательно похоронила подобные планы.

Таким образом, в течение 1472–1480 гг. произошло обретение Московским государством (с конца XV в. начавшим именоваться Россией) независимости от хана Орды. Следствием этого стало нередкое применение к Ивану III титула *царь* (в дипломатическом документе – впервые в 1474 г., вскоре после отражения первого похода Ахмата[25]), равного титулу правителей Орды и «постордынских» ханств (хотя официального венчания на царство не произошло ни при Иване III, ни при Василии III).

В последующие годы Иван III сохранял союз с Крымским ханством с целью противостояния Большей Орде, где боролись за первенство сыновья Ахмата. Трижды – в 1487, 1490 и 1491 гг. – великий князь, выполняя союзнические обязательства перед Менгли-Гиреем, посылал войска (в основном состоявшие из касимовских татар) «под Орду», но до серьезных военных действий дело не доходило[26].

В отношениях с Казанским ханством в 1480-е гг. Иван III использовал политику вмешательства в шедшую там династическую борьбу. В 1487 г. московские войска взяли Казань, хан Алегам был захвачен в плен, а на казанский престол возведен Мухаммед-Эмин, сын казанской ханши-вдовы Нур-султан, годом ранее ставшей женой союзника Ивана III крымского хана Менгли-Гирея[27]. Казанское ханство на два десятилетия стало зависимым от Московского государства (казанские войска, в частности, участвовали в походе на Большую Орду 1491 г.). Иван III поддерживал дипломатические контакты также с Ногайской Ордой и Сибирским ханством[28].

---

[22] Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 1–25.

[23] Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.). С. 308–309.

[24] Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. – Л., 1980; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 216–266.

[25] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 78. С. 133, 135.

[26] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 179.

[27] Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 280–293.

[28] Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

В первые годы XVI столетия, когда Москва вела войну с Великим княжеством Литовским и одновременно с Ливонским Орденом, отношения с Большей Ордой вновь обострились. В 1501 г. хан Шейх-Ахмет (сын Ахмата), действуя как союзник Литвы, двинулся на Верхний Дон. Сюда же пришел московский союзник Менгли-Гирей, а в помощь ему двинулись московские войска. Но до битвы дело не дошло, Менгли-Гирей вернулся в Крым, а Шейх-Ахмет разорил города Северщины (только что отвоеванные москвичами у Литвы). В этой ситуации Иван III зимой 1501–1502 гг. в качестве дипломатического хода пошел на формальное признание зависимости от Шейх-Ахмета, московский посол привез хану дань. Целью было расстроить литовско-большеордынский союз. Одновременно Москва активно побуждала Менгли-Гирея к походу для нанесения решающего удара Большей Орде. В мае 1502 г. крымский хан, наконец, выступил и в начале июня в районе днепровских притоков Самары и Сулы «взял» Орду Шейх-Ахмета. Бежавший хан отправил в Москву посла с предложением: в обмен на отход от союза с Литвой и нейтральное отношение к Крыму Шейх-Ахмет просил Ивана III «достать» ему престол Астраханского ханства. Результата это обращение не имело, и зимой 1503–1504 гг. Шейх-Ахмет укрылся в Великом княжестве Литовском[29].

Падение Большей Орды создало новую конфигурацию в отношениях молодого Российского государства с «постордынскими» политическими образованиями. Теперь главным из них стало Крымское ханство. Отношения Москвы с Крымом к этому времени уже устоялись как отношения равных партнеров (при сохранении элементов, связанных с признанием более высокого международного статуса крымского хана как носителя «царского» титула[30]). Сложились условия для начала борьбы России с Крымским ханством за влияние на остальные государства, сложившиеся на развалинах Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1980.
2. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
4. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.
5. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
6. Горский А.А. От *земель* к *великим княжениям*: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010.
7. Горский А.А. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48).
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.
9. Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.).

[29] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 181–184.

[30] См.: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 186–205.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л., 1959 (Вологодско-Пермская летопись).
12. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.
13. Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.
14. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
15. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
16. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. М., 1988.
17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
18. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула, 2010.
19. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Сведения об авторе: Антон Анатольевич Горский – профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация); gor-ks@yandex.ru

---

RUSSIA AND THE HORDE IN THE 15TH CENTURY

A.A. Gorsky
(Lomonosov Moscow State University,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

The article considers the dynamics of relations between Russia and the Horde during the 15th century. These relations were determined by the gradual disintegration of the Horde and the parallel strengthening of the Moscow principality. The author defines the main attributes of the Russian political dependence on the Horde in the 14th century (the practice of granting the yarlyk's authorizing the rule of the Russian princes and their obligation to pay an “exit fee”), which had a direct influence on the nature of mutual relations. The article traces both the persistent attempts of the Moscow princes to free themselves from vassalage during periods of political instability in the Horde and the constant tendency to recognize subordination in the periods of the strengthening of the khans' power. The author points to a significant activation of the foreign policy of the Moscow princes over a few decades prior to the approval of Russian independence. This tendency had determined the subsequent foreign policy of the Muscovite tzars after the collapse of the Horde at the beginning of the 16th century.

Keywords: disintegration of the Golden Horde, Russian principalities, foreign relations, Russian chronicles, documentary sources, Tatar states after the collapse of the Horde.

REFERENSES

1. Alekseev Ju.G. *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga* [Liberation of Russia from the Tartar Yoke]. Leningrad, 1980.
2. Alekseev Ju.G. *Pohody russkih vojsk pri Ivane III* [The Military Campaigns of the Russian Forces under the Reign of Ivan III]. Saint Petersburg, 2007.
3. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [The Charters of the Great Novgorod and Pskov]. Moscow-Leningrad, 1949.

4. Gorskij A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, 2000.

5. Gorskij A.A. *Rus': Ot slavjanskogo Rasselenija do Moskovskogo tcarstva* [From the Resettlement of the Slavic People to the Realm of Moscow]. Moscow, 2004.

6. Gorskij A.A. *Ot zemel' k velikim knjazhenijam: «primysly» russkih knjazej vtoroj poloviny XIII – XV v.* [From Lands to the Great Principalities: The "Primysly" of Russian Princes in the Second Half of 13th – 15th Centuries]. Moscow, 2010.

7. Gorskij A.A. *Jarlyk Ahmata Ivanu III* [The Ahmad's Yarlyk to Ivan III]. *Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki* [Ancient Russia: Aspects of Medieval Studies]. 2012, no. 2 (48).

8. *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes in the 14th–16th Centuries]. Moscow-Leningrad, 1950.

9. Zimin A.A. *Vitjaz' na rasput'e* [Knight at the Crossroads]. Moscow, 1991.

10. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 25. Moscow-Leningrad, 1949 (*Moskovskij letopisnyj svod konca XV v.* [Moscow Collection of Chronicles of the End of the 15th Century]).

11. *Polnoe sobraniei russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26. Moscow-Leningrad, 1959 (*Vologodsko-Permskaja letopis'* [Vologda-Perm Chronicle]).

12. Rahimzjanov B.R. *Kasimovskoe hanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on History]. Kazan, 2009.

13. Rusina O. *Ukraïna pid tatarami i Litvoju* [Ukraine under the Tatars and Lithuania]. Kiïv, 1998.

14. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoj Ordy* [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, 1960.

15. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* [Compilation of the Russian Historical Society]. Vol. 41. Sant-Peterburg, 1884.

16. *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian (11th–14th Centuries)]. Vol. 1. Moscow, 1988.

17. Sreznevskij I.I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka* [Materials for a Dictionary of Ancient Russian]. Vol. 1. Sant-Peterburg, 1893.

18. Trepavlov V.V. *Bol'shaja Orda – Taht jeli. Ocherki istorii* [The Great Horde – Takht jeli. Essays on History]. Tula, 2010.

19. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [The Charters of the Ulus of Jochi from 14th–16th Centuries]. Kazan', 1979.

About the author: Anton Anatol'evich Gorsky – professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, leading research scientist, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Doctor of historical sciences (Moscow, Russian Federation); gor-ks@yandex.ru

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

ТАТАРСКИЕ ПРАВЯЩИЕ ДОМА В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ ПО ГЕНЕАЛОГИИ*

Иштван Вашари
(Университет им. Лоранда Этвеша, г. Будапешт, Венгрия)

Родословная татарских царей, сохранившаяся в различных (государственных и частных) родословных книгах XVI–XVII вв., является уникальным и драгоценным памятником татарской и русской истории. Этот текст обязан своим существованием живейшему интересу русского государства по отношению к внутренним отношениям в угасавших татарских государствах середины XVI в. Его происхождение не может рассматриваться отдельно от российского завоевания Казани и Астрахани. Большая часть родословных была составлена в 50-х гг. XVI столетия на основе татарских источников. Критический анализ этих родословных, сопоставление каждого элемента сведений с другими современными (русскими и восточными) источниками – это задача, которая еще ждет своего исполнения; однако значимость этих текстов не вызывает никаких сомнений. В этой статье я пытался подчеркнуть и проанализировать несколько примечательных аспектов этой группы памятников.

Ключевые слова: татарские династии, генеалогия, Чингизиды, русские родословные источники.

Генеалогия всегда была важной составляющей и неотъемлемой частью любого тщательного изучения прошлого. Дореволюционный период был золотым веком русских родословных исследований, а в советский период генеалогию практически искоренили из исторического исследования. Было всего лишь несколько выдающихся ученых, которые осмелились направить свои усилия на русскую генеалогию. Ими были: С.Б. Веселовский (1876–1952), А.А. Зимин (1920–1980), но их произведения были опубликованы только после смерти[1]. С 1970-х годов генеалогия снова получила гражданство в русско-советских исследованиях[2], и в следующие пятнадцать лет, в период, следующий за распадом Советского Союза, был настоящий бум русского генеалогического исследования. Русская генеалогическая литература содержит ценные данные также о русских семьях татарского происхождения и о правящих домах различных татарских династий. Этот последний аспект является предметом исследования в данной статье.

Первая официальная русская родословная книга – Государев родословец «Родословная книга Государя» (далее: Гос. род.), составленная в 1555 г.[3] и ее

---

* Перевод с английского Р.Р. Галиакберовой. In: Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Volume 61 (3, 365–372) (2008) DOI: 10.1556/AOrient.61.2008.3.5. Перевод проверен автором.

[1] См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Зимин И.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

[2] Очень интересны исследования Бычковой касаемо родословных книг (см. Бычкова, 1975; 1986).

[3] Именно Н.П. Лихачев (1888, стр. 405–415) обратил внимание в анализе, что версия «Государственной родословной книги», составленная дьяком Иваном Елизаровым, скорее

дополненная и переписанная версия от 1687 г., так называемая «Бархатная книга» (далее: БК), опубликованная Н.И. Новиковым веком позже[4]. В дополнение к высшему классу русской аристократии, князи Рюриковичи и Гедиминовичи, клан Чингизидов Астрахани, крымские и казанские государи были также зарегистрированы в БК[5]. Таким образом, после захвата Казани и до осады Астрахани, в «Родословной книге Государя» описаны различные правящие татарские элиты на первом этапе векового переходного периода, которые позже были включены в состав русской элиты. Планировалось включить в содержание «Родословной книги Государя» ногайских князей. В копии содержания оригинала БК сказано: «Род Магнитских князей Ногайских. Не описан»[6]. Отсутствие упоминаний, должно быть, было совершенно случайно. Согласно мнению Лихачева, во время компиляции не было доступного достоверного реестра клана[7]. Тем не менее, очень хорошее собрание родословной ногайских князей было сохранено, которое составили в начале XVII в.[8] Книга начинается так: «Магнит сильный Эдигей Князь Ногайской».

Позже, в XVII в., эта практика включения Чингизидских правящих домов, к тому же еще и Османского дома, в коллекции генеалогических регистров сохранилась и в частных родословных книгах. Данная статья посвящена этой специальной группе текстов в русских генеалогических источниках, которые традиционно назывались «Родословная татарских царей» (далее: РТЦ).

Во-первых, я хотел бы изложить историю их исследования, представить сохранившиеся варианты в разных рукописях и публикациях, а затем сделать попытку выяснить их происхождение. Вариант текста под названием «Род Астраханских, Крымских и Казанских царей» был впервые опубликован в 1787 году Н.И. Новиковым (БК I, стр. 23–28). На самом деле, этот труд можно обнаружить в БК, которая, в конечном счете, восходит к Гос. родословной. Следующие три частные родословные книги были опубликованы в 1851 году во «Временнике» (1851, стр. 1–286)[9]. Две из них содержат варианты РТП. Первая книга относится к «редакции начала XVII века» типа родословных книг, представленной как «Синодальный II», находящейся сейчас в Москве, в Государственном историческом музее, «Синодальное собрание. №860». Оно, возможно, было составлено в начале XVII века, вероятнее всего, во время правления царя Василия Шуйского[10]. Достаточно подробная генеалогия турецких и различных Чингизидских правящих домов достойна внимания в этой синодической копии. Она состоит из следующих глав: Род тюркских

всего, была опубликована после завоевания Казани (1551) и до захвата Астрахани (1556). Особого внимания и исследования заслуживают родословные книги, которые были составлены в период расцвета татарской кампании.

[4] Новиков (1787); см. также сайт http://www.genealogia.ru/projects/barnat/index.htm.

[5] БК I, стр.23–28:«Род астраханских царей»; «Род крымских царей»; «Род казанских царей».

[6] Руммель В.В. Несколько слов о «Бархатной книге» и о печатном ее издании // Известия Русского генеалогического общества. Т. 1. СПб., 1900. С. 68.

[7] Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского генеалогического общества. Т. 1. СПб., 1900. С. 56–57.

[8] Ссылка на этот источник представлена ниже.

[9] Временник императорского Московского общества истории и древностей российских 10, (1851) стр. 1–286.

[10] Для более подробной информации см. Бычкова (1975, стр.111); публикации в журнале «Временник» (1851, стр.1–130).

царей; Род царей Большой Орды; Род царей Крымских, Казанских и Астраханских; Начало Орды Ногайской, Родословие князьям и мурзам ногайским.

Другая частная родословная книга также хранится в Москве, в РГАДА, в бывшей коллекции МИД. Она была составлена в царствование Ивана IV (делается ссылка в тексте на его сына Ивана Ивановича, который тогда был еще жив)[11]. Третий текст, содержащий РТЦ, является родословной книгой, которую можно найти в Синопсисе Сторожевого монастыря, составленный в 1676 году, и сейчас хранится в Королевской библиотеке Копенгагена. И.И. Срезневский сделал копию текста и передал ее В.В. Вельяминову-Зернову, который опубликовал ее в 1853 г[12]. Четвертый текст РТЦ можно найти в неопубликованных частных родословных книгах XVII века, также сохранившихся в Москве, в РГАДА, в бывшей коллекции МИД[13]. Истоки этой частной родословной книги следует искать в кругу семьи Нарбековых и Державиных, так как особый акцент был сделан на родословные этих двух родственных кланов.

Основываясь на этих текстах, мы можем сделать попытку их сгруппировать и зафиксировать хронологию их составления. На самом деле, из этих генеалогических коллекций можно выделить три группы текстов. Первую группу можно назвать «Родословная Великой Орды» (Род Большой Орды = РБО), вторую – «Родословная Крымских, Казанских и Астраханских правителей» (Род царей Крымских, Казанских и Астраханских = РККА), а третью – «Генеалогия Ногайской Орды» (Начало Орды Ногайской, и Родословие князьям и мурзам ногайским = РНО)[14]. По-видимому, большая часть этих текстов, касающихся татарских правящих домов, была подготовлена в лихорадочных 1550-ые годы, во время и после осады Казани и Астрахани. Их главная цель заключалась в том, чтобы удовлетворить насущные потребности и повышенный интерес со стороны Московского государства к татарским делам. Часть этого генеалогического материала была включена в официальную Гос. род, а затем и в БК. Часть данных была сохранена в более поздних частных родословных книгах. Но даже в поздних списках сохранился характер этих текстов, а именно содержащаяся там информация вряд ли выходит за рамки 1560-х гг. Текст РБО$_1$ четко разъясняет: Девлет-Гирей царь, что ныне на Крыму[15]. Девлет-Гирей I был крымским правителем в 1550–1577, так что эти примечания ясно указывают на хронологические рамки рассматриваемого текста. Суверенитет Казанского ханства закончился в 1551 году, а у Астраханского ханства – в 1555 году. Так что это не случайность, что в генеалогии упоминается лишь несколько лиц и эпизодов после присоединения этих ханств. Цари и царевичи из Казани и Астрахани, которые приняли христианство, растворились в русской правящей элите. Ими были такие личности, как Утемиш-Гирей (псевдоним – Александр), Эдигер (псевдоним – Семен), Кудайкул (псевдоним – Петр). Хан Мелегдар

---

[11] Временник императорского Московского общества истории и древностей российских 10, (1851). С. 1.

[12] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. I. М., 1853. С. 43-44.

[13] РГАДА, ф.181 (Рук. Собр. Библ. МГАМИД), ед.хр.385, 17 об. –19, которая содержит следующие части «Род царей Большой Орды», «Род Ногайской Орды», «Род тюркских царей».

[14] Если возникают проблемы с пониманием текста, см. «Аббревиатуры» в конце статьи.

[15] Временник императорского Московского общества истории и древностей российских 10, (1851). С. 128.

крестил сыновей. Князья Василий и Федор являются последними упоминаемыми представителями этих ханств. Дополнение списка правителей несколькими лицами все еще существующего Крымского ханства заканчивается с 1580-х гг. Например, в конце РККА$_2$ сыновья Девлет-Гирея упоминаются среди группы лиц, из которой двое стали позднее крымскими ханами: Гази-Гирей II (1588–1608) и Саламат-Гирей (1608–1610).

После установления типа и хронологии РТЦ можно рискнуть и ответить на вопрос, где эти родословные берут начало и могут ли они быть рассмотрены как подлинники? При этом мы, возможно, частично подтвердим ожидания издателя «Временника», который утверждал полтора века назад: “Желательно было бы, чтобы ориенталисты обратили внимание на сей родословец и проверили его со своими источниками”[16]. По большей части подлинность этих генеалогий не вызывает сомнений. Некоторые из лиц, фигурирующих в регистрах были современными актерами на политической сцене тех дней и их прямыми предками вплоть до шестого-седьмого поколения. Как известно, память о своих предках на семь поколений назад – обычная практика даже для простейшего воина в кочевом обществе. Время жизни лиц, фигурирующих в этих родословных, охватывает примерно сто пятьдесят лет, начиная с 1400 до 1550 г. Данные, относящиеся к лицам, которые жили в этот промежуток времени, в основном заслуживают доверия, так как они должны были быть взяты из татарских источников. Но, несмотря на общую картину надежности, были совершены некоторые типичные ошибки, связанные с характером генеалогических источников. Эти источники содержат имена людей, по большей части неизвестных переписчику, так что отсюда и сдвиг в родословной; часто встречаются пропуски одного поколения, либо по небрежности, либо невнимательности переписчика. Следовательно, каждое отцовское и сыновнее отношение в генеалогической таблице должно контролироваться с учетом всех существующих данных. Вельяминов-Зернов был прав, говоря, что чем больше вариантов текста существует, тем больше у нас есть возможностей в восстановлении татарского оригинала. Ошибки и промахи в одном тексте могут автоматически вносить поправки в соответствующий раздел, содержащий правильные данные в другом тексте[17].

Принимая во внимание написанное, я постараюсь определить и установить наиболее достоверные версии РТЦ и дать комментарии касаемо всех лиц, фигурирующих в ней, как частный случай, так как эта работа требует тщательного и скрупулезного анализа. На этот раз я хотел бы ограничить свои замечания только в разделе РТП, что относится к генеалогии Астраханского филиала Джучидов. У меня есть три замечания.

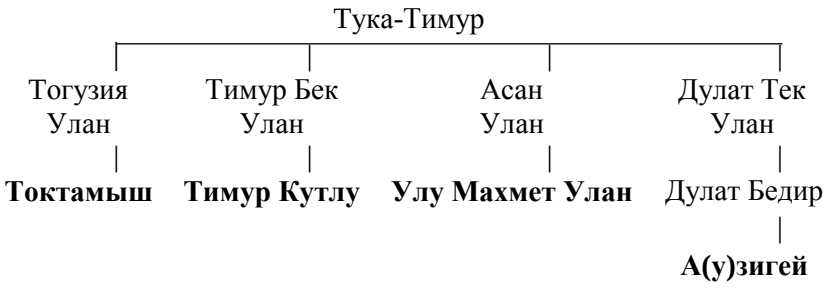
1. Поразительный факт, который бросается в глаза, – это то, что лица, фигурирующие в РБО («Генеалогия Большой Орды»), более или менее те же, что и в разделе, посвященном Астраханскому правящему дому и в РККА («Генеалогия Крымских, Казанских и Астраханских правителей»), а именно оба списка содержат имена потомков Тимур-Кутлуга. По-видимому, это означает, что потомки Тимур-Кутлуга стали ханами Великой Орды после отде-

[16] Временник императорского Московского общества истории и древностей российских 10, (1851). С. 4.

[17] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. I. М., 1853. С. 44.

ления Казанской юрты (под суверенитетом родословной Хаджи-Гирея) и Крымской юрты (под суверенитетом родословной Улуг-Мухаммеда). Следовательно, потомки Тимура-Кутлуга контролировали центральную область единожды объединенной Золотой Орды: Нижнее Поволжье со столицей в г. Сарай и г. Астрахань. Как убедительно продемонстрировал Зайцев[18], Астрахань была только крупным городом Великой Орды, и только после опустошения и разрушения Сарая армией Тимура в 1480 году несколько ханов Орды перенесли свои дома в Астрахань. Но Великая Орда прожила еще двадцать лет, и только в 1502 году она, наконец, была разгромлена крымским ханом Менгли-Гиреем, которого поддерживал российский союзник, великий князь Иван III Васильевич. Таким образом, датой образования самостоятельного Астраханского ханства можно считать 1502 год. Это было последнее ханство, которое появилось на территории государств-преемников Золотой Орды. В XV веке оно принадлежало Великой Орде, так что вполне естественно, что с падением ханства Джучидской линии Тимур-Кутлуг занял престол нового ханства. Принимая во внимание тесную связь потомства Тимур-Кутлуга с г. Астрахань, неудивительно, что в одной из версий РТП (РККА$_1$) Тимур-Кутлуг упоминается как «первой царь на Астрахани». Так ретроспективно его считали первым правителем Астрахани. РТЦ полностью подтверждает мнение Зайцева и некоторых других исследователей, что Астраханское ханство было преемником и наследником Великой Орды, которая, в свою очередь, была прямым преемником Золотой Орды.

2. Версия РТЦ в РБО$_1$ выдвигает общую генеалогию Чингизидов. Очень схематично показана линия четырех сыновей (Джучи, Угедей, Чагатай и Толуй), полная ошибок и неправильного написания имен. Даже происхождение первых Джучидов является случайным и ошибочным. Тем не менее ось генеалогии содержит драгоценные кусочки информации. Вырисовывается отрывочная генеалогия сыновей Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи (согласно Рашид ад-дину)[19]. В соответствии с РБО$_1$ Тока-Темур был праотцом четырех линий потомков правителей, а именно, Токтамыша, Тимур-Кутлуга, Улуг Мухаммада и Хаджи-Гирея. Если представить в виде генеалогической схемы, то это выглядит следующим образом:



Очень важно, что РБО$_1$ рассматривает все эти четыре линии как Тохтамыша, Тимур-Кутлуга, Улуг Мухаммада и Хаджи-Гирей, так и Тука-Тиму-

[18] Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-ое исправленное издание. М., 2006. С. 58–59.

[19] В РБО$_1$ Тука-Тимура называют 5-ым сыном Джучи; в «Бахр ал-Асрар» Махмуда б.Вали (17 в.) он считается 4-ым сыном (см. Султанов (2001, стр.142). Рашид ад-дин, как всегда, является более верным.

ридов. Отпрыски Улуг Мухаммада, основателя Казанского ханства, и Хаджи-Гирея, основателя Крымского ханства, и Тимура-Кутлу, родоначальника ханов Астрахани, уже давно признаны и признаются в научной литературе как Тука-Тимуриды. Но происхождение Токтамыш-хана и его соперника Урус-хана, потомки которого, Джанибек и Гирей, позже основали Казахское ханство, оставалось предметом обсуждения. За делением исторических источников последовало столкновение научных мнений: одна группа источников утверждала, что они были потомками Орда-ичена, первого сына Джучи, в то время как другая группа письменных источников указывала на потомков Тука-Тимуридов[20]. Более достоверные и надежные источники, которые имели прямую информацию Золотой Орды: Му'изз ал-Ансаб и Утемиш-хаджи тарихи утверждали, что Токтамыш и Урус произошли от Тука-Тимура. В то время как концепция их ордаидского происхождения восходит практически к одному источнику, Му'ин ад-дин Натанзи Мунтахаб ал-таварих, одному из менее надежных персидских источников. Так что не случайно, что М. Кафалы, В.П. Юдин и другие согласились с Тука-Тимуридским происхождением[21], и я также присоединился к их мнению в одной из своих последних статей: "После падения Батуидской родословной в Белой Орде и Ордаидской родословной в Синей Орде в 1360–1361, в восточном Дешт-и-Кипчаке представители Тука-Тимуридской линии выступили вперед, и четыре из них поднялись на ханский престол. По тем знаниям, которыми мы обладаем сейчас, четвертый хан, Мубарак-ходжа, был первым, кто начал чеканить монеты в 1367–1368 гг. в Сыгнаке как очевидный знак полной независимости. При неизвестных обстоятельствах Урус-хан, представитель другой линии Тука-Тимуридов, захватил власть в Сыгнаке в 770 г.х. (1368/69), и с этого момента монетные дворы хана в Сыгнаке начали выпускать монеты регулярным потоком"[22]. В свете вышеизложенного, информация РБО$_1$ обретает реальный смысл: русский источник, основывающийся на независимом татарском источнике, снова свидетельствует, что Тука-Тимуриды были потомками Токтамыш-хана (возможно, его родственником был Урус-хан).

3. Наконец, изучив все версии РТЦ, я обнаружил особенный факт о генеалогии Тимур-Кутлуга и государей Астрахани. Эта генеалогия является основой РТЦ, поскольку она не отсутствует ни в одной из семи сохранившихся версий (РБО$_{1–3}$, RKKA$_{1–4}$). На протяжении четырех поколений генеалогия представляет те же имена (Темир Бек Улан → Темир Кутлуй → Темир → Кичи-Махмет, иногда с пропуском имени или двух), но после Кучук-Мухаммада в пяти генеалогиях указываются потомки Ахмада, и только два варианта упоминают других наследников Кучук-Мухаммада. Таким образом, РБО$_1$ упоминает Махмуда (Махмета) и его сыновей, и РККА$_1$ повествует о Махмуде и Якубе (Егупе), но они рассмотрены очень поверхностно и неполно. С другой стороны, генеалогия Ахмада представлена очень подробно, и на основе семи версий может быть составлена довольно точная и надежная генеалогия; осо-

[20] Подробную информацию об этих двух группах источников см. (Султанов, 2001, стр. 140–141).

[21] Kafalı M. Altın Orda Hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. Istanbul, 1976. С. 29-33; Утемиш-хаджи. Чингиз-наме /Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование в. П. Юдина. Алма-Ата, 1992. С. 63, 67, 148.

[22] Vasary I. The Beginnings of Coinage in the Blue Horde. In: Proceedings of the Conference on "The Golden Horde and Its Successor States", 22–24 April, 2005. Istanbul (unpublished).

бенно РККА$_2$ выделяется своей надежностью, практически не содержит ошибок. Среди потомков Махмуда, вошедших на престол, Абд ал-Карим и его сын Абд ал-Рахман не упоминаются ни в одной из версий. Это поразительное пренебрежение происхождения Махмуда в генеалогии не может быть случайным. Нужно вспомнить ожесточенную борьбу между братьями Махмудом и Ахмадом и их сыновьями за обладание троном и Астраханью. Потомки Махмуда были первыми, кто взошел на престол Астрахани. Но вскоре и сыновья Ахмада (Ахматовы дети) захотели власти. Видимо, они хотели искоренить даже память о сыновьях Махмуда (Махметовы дети). И их усилия в значительной степени оказались успешными. Русские тексты РТЦ отражают эти тенденции и смещения татарских политических кругов, поддерживающих потомство Ахмада.

«Родословная татарских правителей» (Родословная татарских царей), сохранившаяся в различных (государственных и частных) родословных книгах XVI и XVII вв., является уникальным и драгоценным памятником татарской и русской истории. Этот текст обязан своим существованием горячему интересу Русского государства во внутренних отношениях с угасавшими татарскими государствами к середине XVI в. Ее происхождение не может рассматриваться отдельно от завоеваний Казани и Астрахани. Большая часть родословных была составлена в 1550-х годах на основе татарских источников. Критический анализ этих родословных, сопоставление каждого элемента данных с другими современными (русскими и восточными) источниками – это задача, которую нужно решить. Но значимость этих текстов не вызывает сомнений. В этой статье я пытался подчеркнуть и проанализировать несколько примечательных аспектов этой группы памятников.

АББРЕВИАТУРЫ

БК = Бархатная книга. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787.

ГИМ = Государственный исторический музей. Москва.

МИД = Министерство иностранных дел. Москва.

РБО$_1$ = Род большой орды “Родословная Великой Орды”: Синодальный II, ГИМ, Синодальное собрание, №. 860, опубликованное в “Временник ИМОИДР” 1851, стр. 127–128.

РБО$_2$ = Род большой орды “Родословная Великой Орды”: Синодальный II, ГИМ, Синодальное собрание, №. 860, опубликованное в “Временник” 1851, стр. 128–129.

РБО$_3$ = Род большой орды “Родословная Великой Орды”: РГАДА, ф. 181 (Рук. собр. библ. МГА МИД), ед.хр. 385, 17–18 (не опубликовано).

РГАДА = Российский государственный архив древних актов. Москва.

РККА$_1$ = Род царей крымских, казанских и астраханских “Родословная Крымских, Казанских и Астраханских правителей”: БК I, стр. 23–28.

РККА$_2$ = Род царей крымских, казанских и астраханских “Родословная Крымских, Казанских и Астраханских правителей”: Синодальный II, ГИМ, Синодальное собрание, №. 860, опубликованное в “Временник” 1851, стр. 129–130.

РККА$_3$ = Род царей крымских, казанских и астраханских “Родословная Крымских, Казанских и Астраханских правителей”: Родословная книга в РГАДА, бывшая коллекция МИД, опубликована в “Временник” 1851, стр. 221–222.

РККА$_4$ = Род царей крымских, казанских и астраханских “Родословная Крымских, Казанских и Астраханских правителей”: Синопсис Сторожевого монастыря, 1676, Королевская библиотека Копенгагена, опубликована Вельяминовым-Зерновым (1853, стр. 43–44).

РНО$_1$ = Род Ногайской Орды “Родословная Ногайской Орды”: “Временник”, 1851, с. 130.

РНО$_2$ = Род Ногайской Орды “Родословная Ногайской Орды”: РГАДА, ф. 181 (Рук. собр. библ. МГА МИД), ед.хр. 385, 18–18 об. (не опубликована).

РТЦ = Родословная татарских царей “Родословная татарских правителей” (РТП).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
2. Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-географическое исследование. М., 1986.
3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. I. М., 1853.
4. Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.
5. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
6. Временник императорского Московского общества истории и древностей российских 10 (1851) стр. 1–286.
7. Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е исправленное издание. М., 2006.
8. Зимин И.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
9. Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского генеалогического общества. Т. 1. СПб., 1900. С. 49–62.
10. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
11. Новиков Н.И. (ед.). Родословная книга князей и дворян российских и выезжих …, и которая известна под названием Бархатной книги. Ч. 1–2. М., 1787.
12. Руммель В.В. Несколько слов о «Бархатной книге» и о печатном ее издании // Известия Русского генеалогического общества. Т. 1. СПб., 1900. С. 63–69.
13. Султанов Т.И. Поднятие на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алма-Ата, 2001.
14. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме /Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Алма-Ата, 1992. 296 с.
15. Kafalı M. Altın Orda Hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. Istanbul, 1976.
16. Vasary I. (in print). The Beginnings of Coinage in the Blue Horde. In: Proceedings of the Conference on “The Golden Horde and Its Successor States”, 22–24 April, 2005. Istanbul.

Сведения об авторе: Иштван Вашари – профессор, Университет им. Лоранда Этвеша, доктор исторических наук (Будапешт, Венгрия); hulagu@t-online.hu

---

THE TATAR RULING HOUSES IN RUSSIAN GENEALOGICAL SOURCES

István Vásáry
(Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)

The “Genealogy of the Tatar Sovereigns” preserved in various (official and private) genealogical books of the 16th–17th centuries is a unique and precious monument of both the Tatar and Russian history. This text owes its existence to the lively interest of the Russian state towards the inner relations of the declining Tatar states in the middle of the 16th century. Its genesis cannot be disconnected from the Russian conquests of Kazan and Astrakhan. The bulk of the genealogies was compiled in the 1550s and based on Tatar sources. A critical analysis of these genealogies, comparing every piece of information with

other contemporary (Russian and Oriental) sources, is a task yet to be accomplished, but the significance of these texts is beyond doubt. What I tried to do in this paper was to emphasize and analyze a few noteworthy aspects of this group of documents.

Keywords: Tatar dynasties, genealogy, Chingisids, Russian genealogical sources.

REFERENSES

1. Bychkova, M.E. *Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskij istochnik* [Genealogical Books of 16th – 17th Centuries as a Historical Source]. Moscow, 1975.

2. Bychkova, M.E. *Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Istoriko-geograficheskoe issledovanie* [The Composition of the Russian Feudal Class in the 16th Century. Historico-geographical Study]. Moscow, 1986.

3. Vel'jaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskih tsaryah i tsarevichah. I* [Study on Kasimov Khans and Princes. I]. Moscow, 1853.

4. Veselovskij S.B. *Onomastikon* [Onomastikon]. Moscow, 1974.

5. Veselovskij S.B. *Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev* [Studies on the History of the Serving Class of Landowners]. Moscow, 1969.

6. *Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskih 10* [Annals of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities 10]. 1851, pp. 1–286.

7. Zajcev I.V. *Astrahanskoe hanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow, 2006.

8. Zimin I.A. *Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988.

9. Lihachev N.P. *Gosudarev rodoslovec i Barhatnaja kniga* [The Sovereign Genealogy and the Velvet Book]. *Izvestija Russkogo genealogicheskogo obshhestva. Vol. 1* [Proceedings of the Russian Genealogical Society. Vol. 1]. Saint-Petersburg, 1900, pp. 49–62.

10. Lihachev, N.P. *Razrjadnye d'jaki XVI veka* [The Razrjadnye Dyaks in the 16th Century]. Saint-Petersburg, 1888.

11. Novikov N.I. *Rodoslovnaja kniga knjazej i dvorjan rossijskih i vyezzhih …, i kotoraja izvestna pod nazvaniem Barhatnoj knigi* [Genealogical Book of the Russian and Foreign Princes and Noblemen ... and which is known as the Velvet Book]. Part 1–2. Moscow, 1787.

12. Rummel V.V. *Neskol'ko slov o «Barhatnoj knige» i o pechatnom ee izdanii* [Some Words about the "Velvet Book" and Its Printed Edition]. *Izvestija Russkogo genealogicheskogo obshhestva. Vol.1* [Proceedings of the Russian Genealogical Society. Vol. 1]. Saint-Petersburg, 1900, pp. 63–69.

13. Sultanov T.I. *Podnjatie na beloj koshme. Potomki Chingizkhana* [Raising on the White Felt Mat. The Descendants of Genghis Khan]. Alma-Ata, 2001.

14. Kafalı M. *Altın Orda Hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri* [Increase in the Establishment and Transfer of the Golden Horde Khanate]. Istanbul, 1976.

15. Vasary I. (in print): *The Beginnings of Coinage in the Blue Horde.* In: Proceedings of the Conference on “The Golden Horde and Its Successor States”, 22–24 April, 2005. Istanbul.

About the author: István Vásáry – professor, Eötvös Loránd University, Doctor of historical sciences (Budapest, Hungary); hulagu@t-online.hu

УДК 94(470)"1238/1480"(093)

НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТОГРАФИИ XV–XVIII вв. (1)*

И.К. Фоменко
(Государственный исторический музей)

В статье представлено развитие европейской картографии Евразии в качестве отображения постепенного накопления географических и этнографических сведений о народах и государствах, историческая судьба которых была непосредственно связана с образованием и последующим распадом империи Чингиз-хана. Автор прослеживает постепенное увеличение сведений западных картографов о восточных регионах, которые, однако, неизменно сопоставляли усилившееся Российское государство с «татарскими царствами». Автор также подчеркивает важность сведений европейских карт в освещении государственного устройства Золотой Орды, формирования новых евразийских народностей и взаимоотношений России с татарскими государствами.

Ключевые слова: наследие монгольской империи, топография Золотой Орды, европейская картография, Московия, культурные стереотипы.

Чтобы не утонуть в море графического материала и не сбиться на простое перечисление источников, которое само по себе может занять десятки страниц, уделим внимание лишь знаковым памятникам картографии[1].

Как правило, иностранные авторы, писавшие о России до XVI в., получали информацию о Московии и различных «Тартарских царствах» из вторых рук, черпая сведения из литературы, летописных свидетельств, документов и устных рассказов. Так работали Матфей Меховский, Павел Иовий Новокомский, Паоло Кампании, Иоганн Фабри и др. «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна – одно из первых описаний страны очевидцем. Но сколько бы ни посещали Московию различные представители Европы, стереотипы восприятия Тартарии-России оставались в основном неизменными.

XV век. Итак, обратимся к языку графики и посмотрим, какие знания европейцев о далекой и загадочной Тартарии нашли воплощение на средневековых картах. Отметим, что для XV–XVI вв. важным источником являются морские карты-портоланы, наиболее точные картографические материалы.

На морских картах XV в., вышедших из мастерских разных картографических школ Европы, отмечены главные золотоордынские города Причерноморья. Наиболее значимые топонимы сопровождаются миниатюрами флагов с Джучидской тамгой и стилизованными изображениями городов. Территория, над которой реют флаги с Джучидской тамгой, совпадает с границами Золотой Орды, которые прослеживаются по письменным источникам. Крайний западный пункт – город Вичина, крупная гавань в нижнем течении Дуная; на Востоке – Тана (Азак). Золотоордынский город Азак отмечен на портоланах наибольшим в Северном Причерноморье количеством флагов с Джу-

* Начало статьи.

[1] Информация картографических источников (топонимы, легенды, тексты) приводится в тексте курсивом.

чидской тамгой различного дизайна. Это свидетельствует о том, что город являлся крупнейшим центром как региональной, так и международной торговли. По флагам, на которых имеется золотоордынская тамга, можно проследить также, какие государства находились в вассальных отношениях с Джучидами. Все золотоордынские города, над которыми мастера помещают миниатюры флагов, были как минимум административными центрами[2].

Рассмотрим медную круглую карту мира – «Планисферу Стефана Борджа» (1440/1450 гг. – XVII в.) из Ватиканской Апостолической библиотеки[3]. На планисфере, которая являлась в первую очередь настенным украшением, встречается одно из первых упоминаний этнонима *Тартария*. На миниатюре в Среднем Поволжье (левобережье) изображен кочевой город, возможно, это резиденция хана Большой Орды. Шатры, чередуясь с повозками, образуют каре, в центре которого бьет источник воды, рядом пасутся распряженные кони, на миниатюрах показан быт кочевников; близ кочевого стана присутствует текст, который с небольшими изменениями часто встречается и в картографии XVI в. на том же месте: «*Царство Великой Тартарии: когда тартары перемещаются в какое-либо место, они запрягают быков и других вьючных животных и ищут такое место, где хорошие пастбища. Город же их состоит из многих шатров, повозок и др.*».

На планисфере 1448 г. бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Валшпергера[4] мы также встречаем одно из ранних названий, связанных с именем «тартары». Государство *Тартарская империя* находится выше *Команского царства*, что в Среднем Подонье. На правом берегу Дона (у брата Андрея наблюдается некая путаница с реками) расположен город, а рядом текст: «*Сарай – столица тартар, где живет император*». В Среднем Поволжье в земле *Кумания* – огромная миниатюра города, обнесенного высокой крепостной стеной, рядом находится комментарий: «*Это город (Сарай) джедит татарского Батайа, где великий хан и помер*». Надо заметить, что имя хана Золотой Орды, упомянутое на карте 1448 г., встретилось первый и единственный раз в известных мне картографических легендах.

На некоторых портоланах демонстрируются отношения вассалитета внутри Золотой Орды. К примеру, на морской карте 1482 г. Хайме Бертрана над Крымом помещена фигура правителя, восседающего на подушках с кривым мечом и круглым щитом с тамгой, рядом подпись *Царь Тартарии*. Восточнее присутствует изображение правителя гораздо большего размера со скипетром и державой, именуемого *La Gran chan Amperator de Tartaria*[5].

На анонимной планисфере середины XV в. из Модены (т.н. «Моденский аноним»)[6] в *Великой Тартарии*, ближе к северу близ зеленых холмов покоится огромная царская корона, которая отмечает место избрания Тэмуджина

---

[2] См. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. Издание второе. М., 2011.

[3] Джурова А., Димитров Б. Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканска библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII вв.). София. 1978. Таб. LVII (Borgiano XVI).

[4] Almagià R. Monumenta cartographica Vaticana. Città del Vaticano. 1944. T. 1. P. 31–32.

[5] Ronciére De La C. La decouverte de l’ Afrique au Moyen age. Cartographes et explorateurs. Le Caire, 1925. №. 1–2. Pl. 19.

[6] Kretschmer K. Die Katalanische Weltkarte der Bibliotheca Estense zu Modena // Acta Cartographica. V. II. Amst. 1968. H. 358.

ханом с титулом «Чингиз», прокомментированное следующей легендой: «*В 1187 году здесь был коронован Первый Тартарский Король*».

Обратимся к карте мира 1459 г., составленной Фра Мауро в Венеции (хранится в библиотеке Марчиано). Автор, несомненно, использовал материалы Птолемея, сведения восточных купцов, русские источники и записки европейских путешественников.

Об источниках своей замечательной космографии Фра Мауро сообщает и на графическом поле карты, поместив текст в том месте, где традиционно обозначалась граница Европы и Азии – в излучине Танаиса. «*Труд сей, был изготовлен для Сереннссимы* (Венеции. – *И.Ф.*) *и не так совершенен, как хотелось бы. Ибо невозможно без Высшего Промысла человеческому разуму создать космографию или же изображение ойкумены…Я не следовал Птолемею как относительно мер долготы и широты, а также и по структуре… Относительно себя самого я дам ответ, что я стремился свою работу по землеописанию подкреплять опытом, потратив на это много лет и общаясь с заслуживающими доверия людьми, которые побывали в тех странах и видели своими собственными глазами все, что я здесь демонстрирую…Что касается количества земель в мире, то нет однозначного мнения между космографами на сей счет, а я в свою очередь воздержусь тут от своей точки зрения. Но во всех регионах, даже самых незначительных, я ставил литеру «Р» (знак какой-либо провинции) для удобства в обозначении различных земель и народов их населяющих…Что касается вопроса по поводу окружности земного круга, то существуют различные мнения и утверждения, которые не подкреплены опытным знанием… и в таком случае я уповаю на Премудрость Господа и меру Промысла Его, ибо только Он Один и знает все в точности*».

Карта являлась заказом португальского монарха Аффонсу V. Надо отметить, что до появления этого шедевра средневековой картографии на европейских картах мы не видим дорог. У Фра Мауро дороги проложены, и соединяют регионы и города России, что является еще одним аргументом в пользу того, что он черпал сведения у путешественников там побывавших. Информаторами, вероятно, были «гости-сурожане», купцы, торговавшие в итальянских факториях Северного Причерноморья.

Русские «гости» в XIV–XV вв. вели торговлю между Сурожем (Сугдеей), Таной и Москвой, а в поисках высоко ценимых на Западе и Востоке ловчих птиц добирались и до Печоры. На карте представлены торговые пути по Дону и рекам Московского региона, а также комплекс северных рек (Сухона, Двина, Вычегда, Юг)[7].

Фра Мауро выделяет целых 5 *Россий*: южная и юго-западная Россия – *Россия Росса* (Красная); северные и северо-западные земли – *Россия, Россия Сарматия или Россия в Европе*; восточная – *Россия Бьянка* (Белая) *Сарматия или Россия в Азии*; центральная и северо-восточная – *Россия Негра* (Черная). Автор объясняет эту цветовую дифференциацию так: «*Данное разделение (страны) на россию белую, черную и красную не имеет другого объяснения как то, что эти части россии именуются следующим образом. Россия белая получила свое название от (близлежащего) белого моря, другая же часть – россия черная называется так от черной реки, а россия красная именуется так по названию красной реки. Татары же называют белое море “актениз”, черную реку “карасу”, а реку красную именуют “козусу”*».

[7] Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 18.

Границами земель и расселения народов у Фра Мауро служат своеобразные «лесополосы», про которые автор говорит: «*Обратите внимание, что по всей карте имеются зеленые значки и изображены группы деревьев; цель их – обозначать границы различных провинций*».

На венецианской космографии имеется этноним «*Тартария*» – в названии регионов, где раньше картографы изображали Аланию и Куманию (южнорусские степи) в междуречье Днепра, Дона и Волги. Имеется на этой карте и город «*Тартария*» – ниже устья р. Медведицы, которая впадает в Дон. Этот город пока не поддается локализации из-за слабой археологической изученности региона.

Миниатюра первой столицы Золотой Орды города *Сарай* на карте Фра Мауро значительно уступает обнесенному мощной крепостной стеной *Сараю*, которому художник Андреа Бьянко не зря дал определение «*Грандо*». Близ *Saray Grando* присутствует миниатюра роскошной усыпальницы с сопроводительным текстом-эпитафией, который восходит к событиям 1395 г. «*Тартарская Гробница: в которой находится 18 погребений, сделанных по воле Тамерлана, который учинил здесь им (тартарам) величайший разгром. И распорядился похоронить он тут только самых знатных, и этот погребальный мавзолей подобен тому, что изображено (на карте)*»[8]. Ценность карты 1459 г. еще и в том, что автор поместил на ней сразу две столицы Золотой Орды на левом берегу Эдиля (Волги): «*Сарай*» на левом берегу реки «*Кара Сарай*», при впадении ее в Эдиль, соответствует городу Сарай-Бату, и «*Сарай Грандо*» (Сарай ал-Джедид). На карте присутствует и третий Сарай – *Сарай Калмуков*, который расположен на правобережье Волги.

XVI век. На планисфере 1505 г. Николо Каверио[9] в центре Золотой Орды, именуемой на карте «*Tartaria*», в красно-синем роскошном шатре, над которым развевается красный двухконечный стяг с золотой джучидской тамгой, на низком троне восседает правитель. Это единственное антропоморфное изображение на карте, что свидетельствует о его особой значимости.

С ослаблением Монгольской империи и государства Золотая Орда изображение сарайского правителя на картах постепенно уменьшается в размерах, изменяется также и его титулатура – слово «император» редуцируется. Агрессивный образ «*Tartaro*», вооруженного мечом, мы видим в Северном Причерноморье на навигационной карте из морского атласа 1512 г. Весконте Маджоло, а также на портолане другого представителя знаменитого генуэзского клана картографов вт. пол. XVI в. Джакопо Маджоло[10].

При описании стран и народов, удаленных от картографических центров Европы, авторы широко использовали сочинения античности (Страбон, Плиний и др.). Поэтому зачастую складывается парадоксальная ситуация – на карте нередко соседствуют античное и средневековое названия одной и той же страны. Продолжала расти популярность «Географии» Клавдия Птолемея,

---

[8] Здесь, несомненно, идет речь о погребальном комплексе, в котором были захоронены «знатные татары» из армии Тохтамыша, потерпевшей поражение от Тамерлана в битве при Кондурче.

[9] Wigal D. Historic maritime maps used for historic explorations 1290–1699. N.-Y. 2000. Map. No. 26.

[10] Portolani e Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dalle collezioni del Museo Correr Venezia e Museo del Topcapi – Istanbul. Istanbul, 1994, pp. 88–89; Frabetti P. Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia. Firenze, 1978.

к середине XVI в. в различных типографиях Европы вышло множество изданий этого сочинения.

Рассмотрим несколько значимых картографических приложений к «Географии» Птолемея, уделив внимание «тартарской» ономастике.

На карте итальянского монаха Марка Беневентана (Рим, 1507 г.), который взял за основу карту Николая Кузанского[11], самая западная ветвь «тартарских» народов – *Перекопская Тартария* размещена на восточном берегу реки Днепр. На карте мира Йохана Рюйша (Рим, 1508 г.)[12] земли за «полярным кругом» именуются «*Темная Провинция*», восточнее располагается *Великая Тартария*. Южнее северного полюса разместились Московия, *Руссия Альба* (правобережье Днепра), *Казан*, *Страхан*, *земля Тартария* (между *Понтом Эвксинским* и *Гирканским морями*). На карте мира 1513 г. (Страсбург)[13], озаглавленной «*Гидрографическая или морская карта*», *земля Тартария* помещена в предгорьях Северного Кавказа, в Среднем Поволжье и на левобережье *р. Ра* (Волги). Вся Западная Сибирь именуется «*Тартария*». Карта 1515 г. Грегора Рейша, аббата картезианского монастыря из Фрайбурга[14]очень схематична. Примечательно, что картограф уделил особое внимание различным «*Тартариям*» в «*Азии*»: *Тартария перекопская*; *Тартария Куманов* (Среднее Поволжье); *Тартария Воронья* (Западная Сибирь); *Тартария Torquesten* (Восточный Урал); *Тартария Изобильнейшая Süm* (Восточная Сибирь); *Тартария Тангут* (северо-восток Евразии).

Картограф Мартин Вальдзеемюллер изготовил и опубликовал в 1516 г. свою знаменитую «морскую карту» («*Carta Marina...*») на 12 листах[15], из которой, несмотря на многочисленные архаизмы, европейцы могли получить хоть какие-то сведения о почти неведомой для них Тартарии. Самое примечательное для нашей темы – это 3-й лист ее первого ряда, где изображены «*Руссия Альба*» и значительная часть азиатской России, простирающаяся до 65° восточной долготы[16]. Сведения о землях, изображенных на карте, Вальдзеемюллер почерпнул из сочинений Одорико Порденоне, Плано Карпини, Марко Поло и др. путешественников.

За *Рифейскими горами* раскинулась безбрежная *TARTARIA*, состоящая из множества различных царств (*regio*). Вдоль восточного склона *Рифейских гор* с севера на юг размещаются следующие области: *Mordvani* с легендой: «*Здесь в этом регионе обитает народ, прозываемый «Билеры» и они находятся в вассальной зависимости от Тартар*»; затем следует регион *Великая Булгария*; в нижнем течении Дона (левобережье) раскинулась страна *Казана*, а выше земля – *Нагай*. В земле *Нагай* в междуречье *Танаиса* и реки *Ра* в шатре на низком троне с мечом в руке восседает «*великий кочующий правитель над Великими императорами, царь Казаны и император над многими народами*». За Волгой, которая протекает через всю Россию по диагонали от Каспийского

---

[11] Lithuania on the Map. Comp. Bieliūnienė A., Kulnytė B., Subatniekienė R. National Museum of Lithuania. 2002. P. 18–19.

[12] Nordenskiöld A. E. Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Stockholm. MDCCCLXXXIX. Tab. XXXII.

[13] Ibid. Tab. XXXV.

[14] Ibid. Tab. XXXVIII.

[15] Багров Л. История картографии. М., 2004. С. 119–121.

[16] Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. Вторая серия. Вып. I. Киев, 1906. С. 3–5. Табл. I.

моря до Балтийского, пересекает озера Ильмень и впадает в Финский залив[17], над Каспием, который именуется «*Море Абак, или Соленое Море*», раскинулась обширная земля «*Кумания*». На востоке, за рекой *Яксарт*, лежит *Сарацинская Тартария*; выше расположены «*Земля Бисерменов*» и «*Царство Кангитов*». В центре *Тартарии*, среди разбросанных по полю карты шатров, в рамке приведена традиционная легенда об образе жизни *тартаров*: они не живут в городах, а кочуют со своими стадами, питаются молоком и мясом.

В XVI в. итальянская картографическая школа занимала ведущее место в мире, в основном благодаря морским картам. В 1525 г. картограф Баттиста Аньезе изготовил карту Московии, опираясь на информацию из первых рук. Это «*Карта Московии, основанная на свидетельствах, полученных от самого посла Дмитрия (Герасимова)*»[18]. Карта составлялась в качестве приложения к книге о Московии и Тартарии епископа Павла Иовия. Информатором являлся толмач (в титуле карты – «*посол*») Великого князя Василия III.

На сравнительно небольшой карте присутствует семь этнонимов *тартария* и одно изображение «*MAGNUS TARTARUS OCCIDENTALIS*». *Великий Правитель Восточной Тартарии* восседает на троне в 3/4 оборота к зрителю. Облачен он в длинные одеяния, на голове высокий головной убор, в правой руке – скипетр. Позади правителя помещен город из шатров, раскинувшихся в «*пустыне*», пронизанной лишь румбовыми линиями. На карте имеются *Тартария Перекопская* (расположена между эстуариями Днепра и Дона); просто *Тартария* (между нижним течением Днепра и Дона); *Тартария Азиатская* (по обоим берегам Волги); *Тартария* (расположена над единственным на карте «тартарским» городом – *casanum tartarum*); напротив Казани тартаров за Волгой обитают *тартары Шейбаниды*. Выше по реке (по всей видимости, Каме) расположена земля «*nogai tartari*», а седьмая *Тартария* находится в Западной Сибири, где и восседает *MAGNUS TARTARUS*.

Обратимся к карте Московии Антона Вида[19]. Художник из Данцига изготовил эту карту по материалам, предоставленным беглым московским окольничим Иваном Васильевичем Ляцким[20]. В легенде автор не преминул упомянуть о той роли, которую сыграл бывший воевода в создании карты: «*В работе по обозначению городов и рек изрядно нам помог делом благородный господин Иоанн Ляцкий, один из занимавших важные посты в Московии людей…*».

В 1542 г. Вид создал манускрипт, а известная гравюра Франца Хогенберга датируется 1555 г. Топонимика на карте двуязычная: латинская транслитерация русских топонимов и их дубляж кириллицей. Севернее *Козаки Орда*, в водоразделе реки *Дейк* (Яик) и *Волги* показаны кочевья *Орды Нагай*; у нагайцев самые многочисленные в Тартарии стада овец и лошадей. *Перекопская орда* находится на своем традиционном месте в Крыму, стада их пасутся севернее, доходя до истоков *Сосны реки*. Близ вооруженных фигур перекопских татар помещена легенда: «*Тартары эти сильно враждуют с христианами*».

---

[17] Во времена позднего средневековья р. Волхов отождествлялась с р. Ра, как в данном случае на карте 1516 г. Мартина Вальдзеемюллера.

[18] Фоменко И.К. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. М., 2006. С. 213.

[19] Кордт В.В. Матеріяли до історіі картографіі Украіни. Частина перша. Киэв. 1931. Карта № 39–41.

[20] Bagrow L. A history of cartography of Russia up to 1600. Ontario. 1975. Vol. 1. P. 64–68.

Незатухающий русско-литовский конфликт санкционировал посольство в Россию 1526 г. Сигизмунда Герберштейна, снабженного инструкциями австрийского эрцгерцога Фердинанда.

Помимо территории и климата дипломата-гуманиста интересовали флора и фауна, государственное устройство страны и отношение подданных к верховной власти, религия жителей Московии, происхождение русского народа и его связь с другими славянскими этносами и т.д. Герберштейн критически подходил к получаемым сведениям, проверял информацию, задавая одни и те же вопросы разным людям.

Карта «*Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein Neiperg et Gutenhag MDXLVI*»[21] (1546), которая должна была стать приложением к его книге, вышла в свет за 3 года до появления «Записок» Герберштейна. Она была изготовлена известным гравером Августином Гиршфогелем, который плодотворно работал с Герберштейном в течение 1546 и 1547 гг.[22]. На эту небольшую карту попали: *Нагайские тартары, народ Черемисса, народ Мордва, Чиркасские народы, чиркасы Пятигорские.*

Одним из наиболее ярких представителей итальянской школы картографии эпохи Возрождения является Джакомо Гастальдо. Современники наградили его эпитетом «excellentissimo cosmografo Piamontese». В 1548 г. он составил «*Новую Карту Московии*»[23]. Восточную и юго-восточную части карты составляют: регион *Куриапацор* (на Северном Кавказе); область *Тартакосия* к востоку от Меотиды, выше – *Чиркассия* и *Алания*. По правобережью *La Volga fl*. расположены области: *Кипчак* (над Астраханью); *Паластра* (на Средней Волге); *Кабата* близ города *Cassan*. На левом берегу Волги находится *Чагатай* (близ эстуария); выше помещены *Тартары Шамбаниды*.

Крупнейшее значение для развития исторической географии имели работы знаменитого фламандского географа и картографа Абрахама Ортелия. Его «*Theatrum Orbis Terrarum*» имел огромный успех. Работа состояла из 70 карт на 53 листах; от издания к изданию объем увеличивался, став первым систематическим собранием карт. Среди изданных Ортелием карт была и карта Московии 1562 г., которая без изменений переиздавалась до 1612 г., а также карта восточной Азии – «*Тартария, или царство Великого Хама*»[24].

Автором карты Московии, а точнее «*Описания России, Московии и Тартарии*»[25] является Антоний Дженкинсон, выдающийся дипломат и купец, который представлял английскую Московскую торговую компанию при дворе Ивана Грозного. Примечательно, что Казанское ханство включено в Московское государство, а Астраханское показано еще независимым, хотя Дженкинсон знал о покорении Астрахани Москвой, о чем он упоминает в своем сочинении (нередкое расхождение между автором и издателем).

Обстоятельно показаны регионы центральной России: *Московия, Каргополия, Володемер* и др. На севере от области *Кондора* до земли *Байда* протянулся регион *Самоеда*; среднюю часть карты, до реки *Volga* занимает *Руссия*; на юге – от региона *Мордва* до области *Boghar* (Бухара) присутствует этно-

---

[21] Там же. Табл. XI.

[22] Кордт В. В. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России и Южных ее областей до половины XVII века. 1899. Вып. I. С. 6–8.

[23] Кордт В.В. Материалы… Карта № IV.

[24] Abrahamus Ortelius. Theatrum Orbis Terrarum. Lausanne. 1964. Tav. 46–47.

[25] «Theatrum Orbis Terrarum». Антверпен, 1588–1612(7). ГИМ, ГО-5926. Карта происходит из испаноязычного издания атласа Абрахама Ортелия.

ним *TARTARI, а* южнее реки *Самар – NAGAIA*. В верховьях реки Камы раскинулся регион, именуемый *Тюмень*. Среди этих областей расставлены шатры, кочевники пасут стада верблюдов. В левом верхнем углу карты изображен «*Иоанн Васильевич, Император России, Герцог Московский и пр.*».

Географическая достоверность показанной на карте территории, по которой проходил Антоний Дженкинсон, возглавивший в 1557 г. экспедицию для отыскания торговых путей в Бухару и Персию[26], достаточно велика, что во многом достигнуто благодаря определению им широт отдельных пунктов. Ниже региона *Байда*, справа от большого *Китайского озера*, из которого берет свои истоки река Обь, присутствует легенда о чудесах, которые имели место в *Тартарии*. Комментарий к миниатюре оформлен в роскошный картуш, который дополнен соответствующей картиной. Зритель может видеть, как по восточным склонам горы *Имаус*[27] движется внушительная вооруженная колонна в окружении многочисленных стад овец и верблюдов. Легенда гласит: «*Скалы эти имеют человеческое подобие, а также верблюдов и других животных с различной поклажей, а также мелкого скота. Когда-то, в далекие времена, это была орда, представители которой занимались скотоводством, пасли мелкий и крупный скот; но в один момент, по какому-то волшебству, они все обратились в камень и стали скалами, сохранив за собой подобие людей и животных. Это чудесное превращение имело место 300 лет тому назад*».

Карта «*Тартария или царство Великого Хама*» увидела свет в Антверпене в 1570 г.[28]. Ее предваряет текст историко-этнологического характера. Приведем некоторые выдержки, которые характеризуют устойчивые представления европейцев о «тартарах», а также источники этих знаний. «*Тех, кого мы величаем Тартарами, включают в себя множество народов, которые проживают на огромной территории. Так как Тартария в настоящее время простирается от Восточного Океана или Mangico, земли ее раскинулись от Северного Океана до Южных районов Синама, части Индии, а также заходят за реки Ганг, Сакос, Окс…, море Каспий и Меотидское болото; на Западе граница Тартарии соприкасается с Московией, которая вся когда-то была занята Тартарами, и в ее городах у них были ставки. В древних сочинениях Тартария именовалась «Сарматия Азиатская», а также «Скифия» и «Серика» (которую на сегодняшний день приблизительно занимает Катай). Услышали в Европе впервые это ужасное имя в 1212 г. «Орды», с их языка, означает множество. И несмотря на то, что они обитают в различных Провинциях, на значительных расстояниях друг от друга, тем не менее, в общем, в их нравах и жизненном укладе много общего. Телосложение у них квадратное, наружность приземистая, глаза у них глубоко посажены и узкие, борода ужасная, в остальном же, тело у них мощное, а дух отважный; лошадей, а также других животных они умерщвляют и они служат им пищей, свиней же есть у них не принято… О Тартарах, их нравах и обычаях можно получить информацию у Сигизмунда Герберштейна. Также смотрите Антония Бонфиния и его commentaria Hungarica; М(арко) Поло Венецианца, который среди них (тартар) постоянно жил. Об их происхождении чи-*

[26] См. Готье Ю.В. Материалы по исторической географии Московской Руси. М., 1906.; Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Готье Ю.В. Л., 1937.

[27] Гора Имаус со времен Клавдия Птолемея отождествлялась с Уралом; позднее с Алтаем, Тянь-Шанем и Гималаями.

[28] Abrahamus Ortelius. Theatrum Orbis Terrarum. Lausanne. 1964. Tav. 46–47.

тайте Матфея из Мехова; (сочинение) Хетума Армянского; Сарацинскую историю Целия Куриона, а также сочинения Иезуита Иакова Наварского. Не помешает также информация о Тартарах, которую можно почерпнуть у Никифора, в кн. 18 гл. 30». Тексты, помещенные на карте, изобилуют сведениями, восходящими традиционно к античным и средневековым авторам и содержат много легендарных и мифологических сюжетов.

Во владения *Великого Хана* на карте Ортелия 1570 г. входят следующие земли и народы: *Астракан, Казан, Туркестан – Царство, где…количество племен достигает цифры 900, Маверанахр, Чагатай, Самарканд, Чарсиан, Istigias,Tacalistan, Камул, Тангут, Chiorsa*; на севере в основном «*орды*». На полуострове Таймыр показано место обитания двух потерянных в незапамятные времена израильских народов – *колено Данова* и *колено Нефталимова*, которые в государстве *Императора Тартарии* также именуются «*ордами*». Помещение в «Скифскую пустыню» иудейских народов – непременная дань средневековым представлениям о вассалах Антихриста, народах Гог и Магог. Соседствуют с иудейскими «*ордами*» – *Черемисская орда, Турбонимская орда, орда Мекритов*, а также: *Usezucanorum horda, Chiesanorum horda* (видимо, Казанская орда), *Башкирская орда, Сибирская орда*; *царства Табор; земля Chiorsa, Баргу*. Близ каждой «*орды*» на карте (кроме иудейских и черемисской) присутствуют миниатюры шатров.

На так называемом «Вроцлавском Дженкинсоне»[29] в районе *Тартарии*, на юго-западе от *Китайского озера* в области *Tumen, Nagaia* и *Cassakia*, близ миниатюры кочевого стана, окруженного многочисленными стадами овец, коней и верблюдов, в картуше дана обширная легенда, повествующая об образе жизни народов, там обитающих: «*Жители региона Тюмень, Казаки и Нагайцы суть Тартары-Магометане, которые живут общинами. И куда бы они ни отправились, они возят с собой своих многочисленных жен, которыми дорожат. Тартары – это народ, который питается кониной, а от некоторых лошадей они получают также и молоко. Они также используют в пищу плоды, растущие на деревьях. Денег у них в обращении никаких нет. Народ этот имеет пристрастие к занятию магией и заклинанию бесов. Если наступит для них вражеская угроза или небеса потемнеют вследствие грозы, то они собирают совет для того, чтобы принять решение по поводу этого знамения или вражеской угрозы. И тогда кто-либо из них (жрец, шаман), используя заклинания, травы, коренья, а также (специальные) камни, демонстрирует свое искусство в толковании различных знамений*».

Для гравированной карты братьев Детекумов «*Новое описание Северных Регионов, включая Московию, Рутенов, Тартар, а также Орд тартарских, окружающих эти земли…*» (до 1572 г.)[30] неизвестным составителем были собраны материалы выдающихся путешественников и картографов первой половины XVI в.: Сигизмунда Герберштейна; Ивана Ляцкого; Герарда Мер-

---

[29] «Новое Полное Описание Руссии, Московии и Тартарии. Антоний Дженкинсон. Климент Адамс». Гравюра Иллюминованная. Лондон. 1562/1568 г. Университетская библиотека, г. Вроцлав. См. Фоменко И.К. Новое описание Северных Регионов, включая Московию… Ян и Лукас Дутекумы (1562–1572). М., 2010. С. 12.

[30] Regionem Septentrionalium, Moscoviam, Rutenos, Tartaros, Eorumque Hordas Conprehendentium, Ex Antonii Jenkesonii Et Sigismundi Liberi Baronis Ab Herberstein Itinerariis, Nova Descriptio. Ioannes, Lucas Duetecum. (1563 – 1572 г.). Единственный известный в мире экземпляр. ГИМ, ГО-6350.

катора; Антония Дженкинсона; Джакомо Гастальдо, Олауса Магнуса, мастера Каспара Фопеллия. Карта изобилует сотнями миниатюр.

На юго-востоке от *Китайского озера* в области *Югория* и *Cassakia* близ миниатюры кочевого стана читаем легенду с обобщающей характеристикой татарского этноса: «*Тартарский народ во все времена отличался воинственностью и вел кочевой образ жизни, а разделяется он на Орды*». Перечислим наиболее значимые из них: *Орда* в земле *Булгария*; *Орда* в земле *Кассакия* (юго-восток Телецкого озера); *Орда* в районе среднего Урала; *Орда* в земле *Нагай* (между Волгой и Яиком); *Орда* в верховьях *Яика*; *Орда* в *Туркестане*.

Между реками Яик и Волга близ изображения кочующей Орды присутствует пояснительный комментарий: «*"Орда" на Тартарском языке означает объединение людей, которое составляет, таким образом, единую общину. И это сообщество* (*Орда*) *постоянно ведет кочевой образ жизни, перемещаясь из одного региона в другой*». На карте много информации о войнах прошедших лет и современных авторам карты. Приведем легенды, относящие к исследуемой теме. В северном Приазовье в области *Crimea*: «*Крымцы суть Магометане, они совершают набеги на Московитов, с которыми постоянно ведут боевые действия*». Над городом *Казана*: «*В 1551 году Тартарское Казанское Царство было разгромлено и включено в державу Императора Руссии*». Близ города *Астрахань*: «*В 1554 г. Астраханское Тартарское царство было подчинено и к империи Русской присоединено*». Как мы видим, картографы опережают реальные события на 1–2 года. Близ города *Малый Хорасан*: «*Вот город Хорасан, который находится в Персидском Царстве, в 1558 г. он был захвачен тартарами*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом Генеральною Картою Великия всея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук. СПб., 1745.
2. Багров Л. История картографии. М., 2004.
3. Багров Л. История русской картографии. М., 2005.
4. Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Готье Ю.В. Л., 1937.
5. Готье Ю.В. Материалы по исторической географии Московской Руси. М., 1906.
6. Джурова А., Димитров Б. Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканска библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII вв.). София. 1978. Таб. LVII (Borgiano XVI).
7. Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России и Южных ее областей до половины XVII века. Вып. I. Киев, 1899.
8. Кордт В.В. Матеріяли до історіі картографіі Украіни. Частина перша. Киэв. 1931.
9. Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. Вторая серия. Вып. I. Киев, 1906.
10. Полное Собрание Законов. Т. VI. № 3534.
11. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974.
12. Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб., 1908 // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. Л., 1986.

13. Фоменко И.К. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. М., 2006.

14. Фоменко И.К. Новое описание Северных Регионов, включая Московию… Ян и Лукас Дутекумы (1562–1572). М., 2010.

15. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. Издание второе. М., 2011.

16. Чертежная Книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. Авторы текстов: Л.Н. Зинчук, Н.Е. Котельникова, И.В. Левочкин, В.Ф. Молчанов, А.В. Постников, Ж.В. Устименко. Т. 1–2. М., 2003.

17. Abrahamus Ortelius. Theatrum Orbis Terrarum. Lausanne, 1964.

18. Adam Olearius. Accúrata delineatio Nobilissimi toti Eúropae flúminis Wolgae olim Rha dictae. Sculps Christ Rothiesser. (Шлезвиг). 1665 г. ГИМ, ГО-6171.

19. Almagià R. Monumenta cartographica Vaticana. Città del Vaticano. 1944. Vol. 1.

20. Atlas Géographique et Universel, par et Guil. Delisle Phil. Buaché Premiers Géographes de l'Académie des Sciences. Et par Dezauche Ingénieur Géographe, et Successur des S-rs Delisle et Buaché. A Paris chez Dezauche rue des Noyers. Avec Privilège d'Auteur. Paris, 1789.

21. Bagrow L. A History of Cartography of Russia up to 1600. Ontario. 1975. Vol. 1.

22. Cartografia Mallorquina. Barcelona, 2000.

23. Frabetti P. Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia. Firenze, 1978.

24. Gerardus Valk et Petrus Schenk. Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatuum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis terras nova delineatione exhibens. Amsterdam. Конец XVII в. ГИМ, ГО-2400/18.

25. Gulielmo Sanson, Hubertus Jaillot. La Russie Blanche ou Moscovie. Paris, 1692. ГИМ, ГО-5712/25.

26. Henry Schatelen. Carte Generale des Etats du Czar, ou Empereur de Moscovie. Amsterdam. 1714. ГИМ, ГО-5944.

27. Hessel Gerard (Herrits). Tabula Russiae. Amsterdam. 1613. ГИМ, ГО-6523.

28. Iogann Baptist Homann. Generalis Totius Imperii Russorum Novissima Tabula. Norimberg. 1725. ГИМ, ГО-6368.

29. Josse de Hondt. Tartaria. Amsterdam. [Начало XVII в.] ГИМ, ГО-6074.

30. Kretschmer K. Die Katalanische Weltkarte der Bibliotheca Estense zu Modena. Acta Cartographica. Vol. II. Amst. 1968. H. 358.

31. Lithuania on the Map. Comp. Bieliūnienė A., Kulnytė B., Subatniekienė R. National Museum of Lithuania. 2002.

32. N. Sanson le fils. Estats du Czar ou Grand Duc de la Russie Blanche ou Moscovie. Paris. [Первая половина XVII в.] ГИМ, ГО-6363.

33. Niclaas Witsen. Lant Kaarte, vant Oost Tartarie. Amsterdam. [Конец XVII в.] ГИМ, ГО-6068.

34. Nicolas Visscher. Nouvelle Carte Geographique Du Grand Royaume De Moscovie Representant La Partie Meridionale… Amsteldam. 1706 г. ГИМ, ГО-2400/5.

35. Nordenskiöld A. E. Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Stockholm. MDCCCLXXXIX. Tab. XXXII.

36. Philipp Johann von Strahlenberg. Nova Descriptio Geographica Tattariae Magnae iam orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territoriis una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis. Siberiae accurate ostensa. Stocholm. 1730. ГИМ, ГО-5951.

37. Portolani e Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dalle collezioni del Museo Correr Venezia e Museo del Topcapi – Istanbul. Istanbul, 1994.

38. Regionem Septentrionalium, Moscoviam, Rutenos, Tartaros, Eorumque Hordas Conprehendentium, Ex Antonii Jenkesonii Et Sigismundi Liberi Baronis Ab Herberstein

Itinerariis, Nova Descriptio. Ioannes, Lucas Duetecum. (1563–1572 гг). Единственный известный в мире экземпляр. ГИМ, ГО-6350.

39. Rizzi Zannoni. Carte des Frontiéres de Pologne depuis Balta jusques à la Riviere de Sina-Woda; contenant le Territoire des Kosaks de Human et de Zaporow; kes Deserts des Tatares d'Oczakow, de Bessarabie et du Nogaï avec leurs Hordes telles qu'elles furent situies à la fin de 1767, par les ordres du Khan de Krimée…// Carte de la Pologne. London, 1772. ГИМ, ГО-170.

40. Ronciére De La C. La decouverte de l'Afrique au Moyen age. Cartographes et explorateurs. Le Caire. 1925. No. 1–2.

41. Russiae tabula Authore Isaaco Massa. Atlas Gerard Mercator, Henrih Hondius. T. I. Amsterdam. 1638 г.

42. Wigal D. Historic maritime maps used for historic explorations 1290–1699. N.-Y. 2000. Map № 26.

Сведения об авторе: Игорь Константинович Фоменко – старший научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук (Москва, Российская Федерация); igorfom63@gmail.com

---

THE LEGACY OF THE GOLDEN HORDE IN THE EUROPEAN CARTOGRAPHY OF 15TH–18TH CENTURIES (1)*

I.K. Fomenko
(State Historical Museum)

The article presents the development of the European cartography of Eurasia as a reflection of the gradual accumulation of geographic and ethnographic information about people and states, which history was directly connected with the formation and subsequent dissolution of Genghis Khan's empire. The author traces the gradual increase in the information on eastern regions among western cartographers, which however consistently compared the strengthened Russian State with the "Tartar kingdoms". The author emphasizes as well the importance of the information provided by the European maps for the study of the state structure of the Golden Horde, of the formation of the new Eurasian nations and of Russia's relations with the Tatar states.

Keywords: legacy of the Mongol Empire, topography of the Golden Horde, European cartography, Muscovy, cultural stereotypes.

REFERENSES

1. *Atlas Rossijskoj, sostojashhej iz devjatnadcati special'nyh kart predstavljajushhih Vserossijskuju Imperiju s pogranichnymi zemljami, sochinennoj po pravilam Geograficheskim i novejshim observacijam, s prilozhennoju pritom General'noju Kartoju Velikija vseja Imperii, staraniem i trudami Imperatorskoj Akademii Nauk* [Atlas of Russia Consisting of Nineteen Special Maps Representing the Russian Empire with the Border Lands, Composed according to the Rules of Geography and the Newest Observations with the

---

* First section of the article.

Supplement to That of the General Map of the Entire Great Empire, with Diligence and Work of the Imperial Academy of Sciences]. Sankt-Peterburg, 1745.

2. Bagrov L. *Istorija kartografii* [The History of Cartography]. Moscow, 2004.

3. Bagrov L. *Istorija russkoj kartografii* [The History of Russian Cartography]. Moscow, 2005.

4. Got'e Ju.V. *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [English Travelers in the Muscow State in 16th Century]. Rus.ed. Got'e Ju.V. Leningrad, 1937.

5. Got'e Ju.V. *Materialy po istoricheskoj geografii Moskovskoj Rusi* [Materials on the Historical Geography of the Moscow Rus]. Moscow, 1906.

6. Dzhurova A., Dimitrov B. *Slavjanski rukopisi, dokumenti i karti za bolgarskata istorija ot Vatikanska biblioteka i sekretnija arhiv na Vatikana (IX–XVII vv.)* [Slavic Manuscripts, Documents, and Maps of Bulgarian History from the Vatican Library and the Vatican Secret Archive (9th–17th Centuries)]. Sofija, 1978. Tab. LVII (Borgiano XVI).

7. Kordt V.V. *Materialy po istorii russkoj kartografii. Karty vsej Rossii i Juzhnyh ee oblastej do poloviny XVII veka* [Materials on the History of the Russian Cartography. Maps of All of Russia and Its Southern Regions until the Middle of the 17th Century]. Is. I. Kiev, 1899.

8. Kordt V.V. *Materijali do istorii kartografii Ukraini* [Materials on the History of Ukranian Cartography]. Part One. Kiev, 1931.

9. Kordt V.V. *Materialy po istorii russkoj kartografii. Karty vsej Rossii, Severnyh ee oblastej i Sibiri* [Materials on the History of Russian Cartography. Maps of All of Russia and Its Nothern Regions and Siberia]. Second series. Is. I. Kiev, 1906.

10. *Polnoe Sobranie Zakonov* [Complete Collection of Laws]. Vol. VI, no. 3534.

11. Rybakov B.A. *Russkie karty Moskovii XV – nachala XVI veka* [The Russian Maps of the Muscovy from the 15th – the Beginning of 16th Centuries]. Moscow, 1974.

12. Sigismund von Herbestein. *Zapiski o moskovitskih delah. Vvedenie, perevod i primechanija A.I. Maleina* [Notes on the Moscovian Affairs. Introduction, translation and notes by A.I. Malein]. Saint Petersburg, 1908. *Rossiya XV–XVII vv. glazami inostrancev. Podgotovka tekstov, vstupitel'naja stat'ja i kommentarii JuA. Limonova* [Russia of the 15th–17th Centuries through the Eyes of Foreigners]. Leningrad, 1986.

13. Fomenko I.K. *Atlas Tartarii. Evrazija na starinnyh kartah* [The Atlas of Tartary. Eurasia in the Ancient Maps]. Moscow, 2006.

14. Fomenko I.K. *Novoe opisanie Severnyh Regionov, vkljuchaja Moskoviju… Jan i Lukas Dutekumy (1562–1572)* [A New Description of the Northern Regions Including the Muscovy ... Jan and Lucas Dutekum (1562–1572)]. Moscow, 2010.

15. Fomenko I.K. *Obraz mira na starinnyh portolanah. Prichernomor'e. Konec XIII – XVII v.* [The Image of the World in the Ancient Portolan Charts. Black Sea Region. End of the 13th – 17th Centuries]. Moscow, 2011.

16. *Chertezhnaja Kniga Sibiri sostavlennaja tobol'skim synom bojarskim Semenom Remezovym v 1701 g.* [Drawing Book of Siberia Compiled by the Son of Boyar from Tobolsk, Semen Remezov in 1701]. Rus.ed. L.N. Zinchuk, N.E. Kotel'nikova, I.V. Levochkin, V.F. Molchanov, A.V. Postnikov, Zh.V. Ustimenko. Vol. 1–2. Moscow, 2003.

17. Abrahamus Ortelius. *Theatrum Orbis Terrarum.* Lausanne, 1964.

18. Adam Olearius. *Accúrata delineatio Nobilissimi toti Eúropae flúminis Wolgae olim Rha dictae. Sculps Christ Rothiesser.* Schleswig, 1665.

19. Almagià R. *Monumenta cartographica Vaticana.* Vol. 1. Città del Vaticano, 1944.

20. *Atlas Géographique et Universel, par et Guil. Delisle Phil. Buaché Premiers Géographes de l'Académie des Sciences. Et par Dezauche Ingénieur Géographe, et Successur des S-rs Delisle et Buaché. A Paris chez Dezauche rue des Noyers. Avec Privilège d'Auteur.* Paris, 1789.

21. Bagrow L. *A History of Cartography of Russia up to 1600.* Vol. 1. Ontario, 1975.

22. *Cartografia Mallorquina.* Barcelona, 2000.

23. Frabetti P. *Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia.* Firenze, 1978.

24. Gerardus Valk et Petrus Schenk. *Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatuum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis terras nova delineatione exhibens.* Amsterdam, the end of XVII c.

25. Gulielmo Sanson, Hubertus Jaillot. *La Russie Blanche ou Moscovie.* Paris, 1692. *Gosudarstvennyj istoricheskij muzej (GIM) – State Historical Museum*, GO-5712/25.

26. Henry Schatelen. *Carte Generale des Etats du Czar, ou Empereur de Moscovie*. Amsterdam, 1714. GIM, GO-5944.

27. Hessel Gerard (Herrits). *Tabula Russiae.* Amsterdam, 1613. GIM, GO-6523.

28. Iogann Baptist Homann. *Generalis Totius Imperii Russorum Novissima Tabula*. Norimberg, 1725. GIM, GO-6368.

29. Josse de Hondt. *Tartaria*. Amsterdam, beg. XVII c. GIM, GO-6074.

30. Kretschmer K. *Die Katalanische Weltkarte der Bibliotheca Estense zu Modena. Acta Cartographica.* Vol. II. Amsterdam, 1968. H. 358.

31. *Lithuania on the Map.* Comp. Bieliūnienė A., Kulnytė B., Subatniekienė R. National Museum of Lithuania. 2002.

32. N. Sanson le fils. *Estats du Czar ou Grand Duc de la Russie Blanche ou Moscovie.* Paris, first half of XVII c. GIM, GO-6363.

33. Niclaas Witsen. *Lant Kaarte, vant Oost Tartarie.* Amsterdam, the end of XVII c. GIM, GO-6068.

34. Nicolas Visscher. *Nouvelle Carte Geographique Du Grand Royaume De Moscovie Representant La Partie Meridionale…* Amsteldam, 1706. GIM, GO-2400/5.

35. Nordenskiöld A. E. *Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries.* Stockholm, MDCCCLXXXIX. Tab. XXXII.

36. Philipp Johann von Strahlenberg. *Nova Descriptio Geographica Tattariae Magnae iam orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territoriis una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis. Siberiae accurate ostensa.* Stocholm, 1730. GIM, GO-5951.

37. *Portolani e Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dalle collezioni del Museo Correr Venezia e Museo del Topcapi – Istanbul.* Istanbul, 1994.

38. *Regionem Septentrionalium, Moscoviam, Rutenos, Tartaros, Eorumque Hordas Conprehendentium, Ex Antonii Jenkesonii Et Sigismundi Liberi Baronis Ab Herberstein Itinerariis, Nova Descriptio. Ioannes, Lucas Duetecum. (1563–1572).* The only known exemplar. GIM, GO-6350.

39. Rizzi Zannoni. *Carte des Frontiéres de Pologne depuis Balta jusques à la Riviere de Sina-Woda; contenant le Territoire des Kosaks de Human et de Zaporow; kes Deserts des Tatares d'Oczakow, de Bessarabie et du Nogaï avec leurs Hordes telles qu'elles furent situies à la fin de 1767, par les ordres du Khan de Krimée…// Carte de la Pologne.* London, 1772. GIM, GO-170.

40. Ronciére De La C. *La decouverte de l'Afrique au Moyen age. Cartographes et explorateurs.* Le Caire, 1925. No. 1–2.

41. *Russiae tabula Authore Isaaco Massa. Atlas Gerard Mercator, Henrih Hondius. Vol. I.* Amsterdam, 1638.

42. Wigal D. *Historic maritime maps used for historic explorations 1290–1699.* New-York, 2000. Map № 26.

About the author: Igor Konstantinovich Fomenko – senior research scientist, State Historical Museum, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (Moscow, Russian Federation); igorfom63@gmail.com

УДК 94(470)"14/15":322

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XV–XVIII вв.

Р.Ю. Почекаев
(Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»)

Статья посвящена анализу новых факторов легитимации власти в позднесредневековых чингизидских государствах, образовавшихся после распада «степных империй» – империи Юань, Государства ильханов в Иране, Чагатайского улуса, Золотой Орды. Падение авторитета потомков Чингиз-хана, чьи права на власть обосновывались их происхождением, привело к появлению других претендентов на трон, которые использовали иные факторы легитимации – в частности, религиозный. Соответственно, и самим Чингизидам, чтобы сохранить власть, пришлось апеллировать к религиозной поддержке, что делали как правители тюркских государств в отношении ислама, так и монгольские правители в отношении буддизма.

Ключевые слова: Монгольская империя, степные империи, Золотая Орда, Чингизиды, факторы легитимации, религия и власть, ислам, буддизм, духовенство.

Изгнание монголов (династии Юань) из Китая, падение государства ильханов в Иране, многолетние смуты в Золотой Орде и Чагатайском улусе привели к тому, что уже к концу XIV – началу XV вв. начался закат преемников Монгольской империи – государств имперского типа, где главным источником права являлась Великая Яса Чингиз-хана.

В связи с этим происхождение от Чингиз-хана перестало являться главным основанием для получения высшей власти в тюрко-монгольских государствах, поскольку оно являлось таковым именно согласно положениям Ясы, которые в новых социально-политических оказались неактуальными. В результате на троны различных государств на территории бывшей Монгольской империи стали претендовать не только Чингизиды, но и представители других родов, прежде считавшихся менее знатными по сравнению с потомками Чингиз-хана. Так, уже во времена золотоордынской смуты 1360–1370-х гг. («великой замятни» русских летописей) несколько областных правителей попытались провозгласить себя самостоятельными государями в своих владениях. Позднее самостоятельными правителями стали ногайские бии – потомки Идегея («Едигея»), сибирские Тайбугиды, в Чагатайском улусе – Тимуриды и ряд менее знатных династий, в Кашгаре – род Дуглат и т.д.

Чингизиды продолжали считаться законными претендентами на власть в силу своего происхождения[1], однако они теперь являлись всего лишь «стар-

[1] В.В. Трепавлов удачно охарактеризовал это явление как «инерцию», см.: Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.

шими среди равных» по сравнению с другими претендентами на власть и трон. Харизме рода Чингиз-хана[2] были противопоставлены иные основания легитимации власти, главными из которых в условиях все большего распространения ислама в чингизидских государствах стали факторы религиозные. В данной работе мы намерены рассмотреть действие религиозных обоснований власти в тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв.

На наш взгляд, можно выделить три наиболее характерных религиозных фактора легитимации политической власти.

Первый из них – *апеллирование к религиозным нормам и духовным авторитетам при воцарении и при принятии важнейших государственных решений*. Значение этого фактора во многом отразило рост авторитета влиятельных представителей мусульманского духовенства – при одновременном ослаблении ханской власти и центральной администрации в поздней Золотой Орде и вообще на постимперском пространстве бывшей Монгольской державы. Сотрудничество с мусульманским духовенством обеспечивало тюрко-монгольским правителям поддержку населения регионов, имевших давние (еще с домонгольского времени) мусульманские традиции.

Поэтому вполне продуманными и логичными выглядят действия золотоордынского хана Узбека, который инкорпорировал мусульманские институты в административную систему Золотой Орды и активно привлекал видных представителей мусульманского духовенства к судебной, дипломатической и иной государственной деятельности. В условиях распада Монгольской империи и кризиса имперской государственности он мог сохранить власть в государстве с преобладанием мусульманского населения, да еще и окруженном мусульманскими же странами, только путем сотрудничества с духовными лидерами. Соответственно, при дворе Узбека в качестве сановников появилось немало влиятельных представителей духовного сословия – сейиды, шерифы, имамы, кадии и пр.[3]

Однако в эпоху Узбека власть хана была еще достаточно сильной, чтобы представители мусульманского духовенства лишь одобряли государственные решения монарха, как бы освящая их своим авторитетом, тем самым формируя позитивное отношение верующих к ханской политике. Последующие ханы были вынуждены уже не формально, но и в реальности прибегать к авторитету мусульманского духовенства, поскольку без их поддержки в новых условиях властные решения вряд ли могли быть реализованы. Апелляция к религиозным авторитетам в рассматриваемый период сопровождала все правление тюрко-монгольских государей, начиная с вступления на престол.

Так, например, в церемонии воцарения хана, проводившейся в традиционной форме курултая, в постордынскую эпоху участвовали не только члены ханского рода, знать и военачальники, но и представители мусульманского духовенства. И помимо традиционной степной клятвы вступавший на престол

---

[2] Харизма Чингизидов как основание их монопольного права на власть подробно рассмотрена Т.Д. Скрынниковой (Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997).

[3] См. подробнее: Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.

монарх клялся на Коране и получал одобрение главы духовенства ханства – такая практика имела место в Казани, Касимове, Казахском ханстве и т.д.[4]

В дальнейшем ханы и правители постоянно советовались с сейидами и другими авторитетными представителями духовенства, которые нередко своим авторитетом скрепляли решения государей, обеспечивая эффективность их исполнения. Казанские сейиды в последние годы существования ханства нередко являлись первыми советниками ханов, т.е. фактически – главами правительства ханства. Нам неизвестно, насколько была распространена в постордынских государствах практика оформления ханских решений путем издания местными богословами фетв – по крайней мере, в тюрко-монгольских государствах Средней Азии она использовалась весьма широко. Даже такой могущественный и властный правитель, как Мухаммад Шайбани-хан (основатель Бухарского ханства), предпочитал оформлять свои властные решения не путем издания ярлыков, а через принятие фетв его придворными улемами. Думается, что подобная легитимация ханских решений могла применяться и в постордынских ханствах – Казанском, Крымском, Касимовском, учитывая давние мусульманские традиции этих регионов и значительное влияние духовенства на политические дела этих ханств.

В Казанском и Касимовском ханствах роль сейидов была столь велика, что они не только являлись духовными лидерами местного мусульманского населения, но и командовали войсками. Современные исследователи даже предполагают, что касимовский сейид одновременно исполнял и функции бекляри-бека[5]. В Крымском ханстве сейиды исполняли роль главных кади, т. е. верховных судей по законам шариата. В ханских грамотах и посланиях их имена нередко ставились даже перед именами самих султанов из дома Гиреев[6]. В Казахстане ходжи, потомки первых халифов и сподвижников пророка Мухаммада (С.Г.В.), стали единственными не-Чингизидами, приобретшими статус «белой кости», т.е. равными ханам и султанам и имели не меньший авторитет в государственной политике[7].

Главным духовным авторитетом в Крымском ханстве являлся турецкий султан, правда, лишь после 1584 г., когда хан Ислам-Гирей II, ставленник Стамбула, воспитанный в турецких традициях, ввел в ханстве чтение хутбы на имя османского султана[8]. Весьма любопытно, что даже после того, как Крымское ханство по итогам Кючук-Кайнарджийского мира (1774) получило независимость, ханы продолжали апеллировать к воле султана – как халифа, т.е. духовного главы мусульман. Правда, на самом деле это была религиозно-идеологическая фикция, которой последние крымские ханы вуалировали со-

---

[4] См.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 676; Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 27; Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. С. 198.

[5] Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 71, 74–75.

[6] Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 10, 43–44, 50.

[7] См.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992. С. 346.

[8] Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. – Симферополь, 2004. С. 42. См. также: Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 150.

отнесение своей политики со Стамбулом или даже отказывались воевать против Турции на стороне России[9].

Отметим, что таким авторитетом духовные лидеры пользовались не только в постордынских государствах, но и в других улусах бывшей Монгольской империи. Например, известно, что одним из виднейших советников Амира Тимура был Сейид Береке. А в государствах Средней Азии считалось вполне обычным явлением (и даже почетным для правителей), когда монарх признавал себя мюридом какого-либо почитаемого духовного лидера – так, например, Мухаммад Шайбани-хан считался мюридом шейха ордена йасавийя Джалал ад-Дина Азизана, а могущественный кашгарский правитель XVI в. Абд ар-Рашид-хан – мюридом Ходжи Мухаммада Шарифа[10].

Международные договоры постордынских государств также нередко заключались с учетом догматов ислама и мнения мусульманского духовенства. Так, например, ногайские бии и мурзы XVI–XVII вв. в переговорах с московскими государями нередко апеллировали к своему мусульманскому вероисповеданию (правда, уподобляя, а не противопоставляя его христианству московских князей), а договоры с ними непременно скрепляли клятвой на Коране[11]. Казанские сейиды в конце XV – середине XVI вв. лично участвовали в переговорах с Москвой[12]. Велика была также роль духовенства во внешней политике Крымского ханства: например, хан Мухаммад-Гирей IV в 1659 г. уведомлял царя Алексея Михайловича, что советовался со своими «учеными», которые «сказали, что договор нарушили московцы»[13].

Более того, еще со времен золотоордынского хана Узбека и на протяжении истории всех постордынских государств мусульманские богословы неоднократно и сами отправлялись в иностранные государства с дипломатическими миссиями и даже от собственного имени направляли послания иностранным государям. Правда, во многих случаях это было связано не только с их высоким авторитетом в государстве, но и с тем, что они, в отличие от большинства царевичей и представителей племенной аристократии, были грамотными и образованными людьми[14].

Впрочем, время от времени тюрко-монгольские правители вступали в конфликт со своими советниками из числа духовенства – это само по себе говорит о том, что последние обладали значительным влиянием, коль скоро могли позволить себе конфронтацию с монархами. Исход таких противостояний бывал различным. Так, например, казанский хан Сафа-Гирей за время своего правления даже казнил двух сейидов Казани, и одного – его преемник Шах-Али[15]. А крымский хан Мурад-Гирей, пытавшийся провести в конце

---

[9] Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков… С. 155–156.

[10] Семенов А.А. Портреты эпохи Навои. – Ташкент, 1940. С. 13; Юдин В.П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 23–24.

[11] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 565.

[12] Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 36.

[13] Цит. по: Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009. С. 26.

[14] См.: Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 26, 75–77; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 571.

[15] Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 30–33.

1670-х гг. судебную реформу и заменить шариатский суд кади судом по обычному тюрко-монгольскому праву торе, напротив, был вынужден уступить в споре видному представителю духовенства Вани-эфенди и отказаться от своего намерения[16].

Любопытно отметить, что подобный религиозный фактор легитимации своей власти использовали не только правители мусульманских государств. Аналогичным образом ханский титул приобретали и ойратские правители XVII–XVIII вв. – например, хошоутский Гуши-хан, джунгарский Галдан Бошугту-хан или знаменитый калмыцкий хан Аюка: они получали ханскую инвеституру от Далай-лам – верховных иерархов Тибета[17]. И, несмотря на то, что они не являлись потомками Чингиз-хана, они признавались в ханском достоинстве даже со стороны потомков Чингиз-хана, поскольку поддержка Далай-ламы в это время значила гораздо больше, чем происхождение от Чингиз-хана. Эти примеры показывают, что в разных государствах на территории бывшей Монгольской империи в одно и то же время происходили одинаковые тенденции, и религиозные факторы легитимации политической власти были актуальны для них, независимо от того, какую религию правители этих государств и их подданные исповедовали. Поэтому апеллирование к религиозным нормам и духовным авторитетам со стороны правителей постордынских государств было весьма актуальным и свидетельствовало об их политической мудрости.

Второй фактор легитимации власти в постордынских государствах – *породнение правителей с авторитетными представителями мусульманского духовенства (в первую очередь, с сейидами и ходжами) путем женитьбы на их дочерях или выдача ханских дочерей замуж за сейидов*. Изначально этот фактор был наиболее актуален для претендентов на власть не-Чингизидского происхождения, поскольку происхождению от Чингиз-хана они старались противопоставить родство с не менее значительными деятелями. Так, например, фактический правитель Мавераннахра Амир Тимур представлен в тимуридской историографии потомком халифа Али, двоюродного брата пророка Мухаммада (весьма причудливо сочетая происхождение от него с происхождением от Алан-Гоа – праматери монголов)[18]. Выдающийся золотоордынский политик Идегей (Едигей) в степных преданиях считался потомком почитаемого в Дешт-и Кипчаке святого Ходжа-Ахмада Баба-Туклеса, через которого возводил родословие к другому праведному халифу – Абу Бакру, тестю пророка Мухаммада (С.Г.В.)[19]. Подобное происхождение от почитаемых святых давало им право на верховную власть во вновь созданных государствах, ба-

---

[16] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. М., 2005. С. 248; Почекаев Р. Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009. С. 320–326.

[17] Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Новосибирск, 1991. С. 46–49; Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. С. 107; Miyawaki J. The Legitimacy of Khanship among the Oyirad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legasy. Leiden; Boston, 1999. P. 329.

[18] См.: Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 568.

[19] DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994. P. 340; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 64.

зировавшихся уже на принципах исламской государственности, а не чингизидских имперских традициях. В качестве исторических параллелей с другими чингизидскими государствами можно также упомянуть «белогорских» и «черногорских» ходжей Кашгарии (считавшихся сейидами, т. е. потомками пророка Мухаммада (С.Г.В), также успешно боровшихся за трон с потомками Чагатая в этом регионе[20].

Столкнувшись с претензиями на трон конкурентов, чьи основания легитимации власти в условиях все возраставшей роли ислама являлись даже более значительными, чем происхождение от Чингиз-хана, Чингизиды и сами поспешили также закрепить свои права на ханский титул аналогичными аргументами. Естественно, претендовать на происхождение от пророка Мухаммада, его соратников или почитаемых святых они не могли – ведь их происхождение от Чингиз-хана было зафиксировано в многочисленных исторических и генеалогических сочинениях, на которые еще в XIII–XIV вв. было потрачено немало сил и средств, в результате генеалогия Чингиз-хана, который, в свою очередь, происходил от Борте-Чино, первопредка всех монголов, никоим образом не могла быть связана с пророком. Поэтому, в отличие от вновь новоявленных потомков первых халифов, Чингизиды старались породниться с представителями авторитетных мусульманских семейств – сейидами и ходжами, обоснованно полагая, что у потомков от этих браков будет больше прав на трон в глазах мусульманских подданных.

Наверное, наиболее ранний в хронологическом отношении пример такого брачного союза упомянут Муин ад-Дином Натанзи и относится к середине XIV в., к правлению золотоордынского хана Азиза (Азиз-Шейха?). Правда, в данном случае речь идет не о женитьбе хана на представительнице рода Сейидов, а наоборот – выдаче ханской дочери замуж за Сейид-Ата, потомка Ахмада Йасави, почитаемого в Дешт-и Кипчаке святого[21]. Тем не менее прецедент семейным связям ханов-Чингизидов и сейидов был положен, и в дальнейшем многие ханы женились на дочерях сейидов и ходжей. Поэтому неудивительно, что их потомки получили право прибавлять к своим именам почетные титулы, унаследованные по материнской линии: Суйунч-Ходжа, Махмуд-Ходжа, Сейид-Ибрахим, Сейид-Бурхан и др. Эта практика имела место и в среднеазиатских государствах вплоть до конца XIX – начала XX вв.: на дочерях сейидов Термеза женились первые бухарские правители из династии Шибанидов и кашгарские Чагатаиды. Последние бухарские эмиры Мангыты и хивинские ханы Кунграты (Инаки) носили почетное прозвище сейидов – также в силу браков с дочерьми потомков пророка: такое родство считалось более легитимным, чем происхождение от Чингиз-хана, которым эти правители похвастаться не могли[22].

---

[20] См. подробнее: Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 137 и след.

[21] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (История Казахстана в персидских источниках. Т. IV). Алматы, 2006. С. 257–258.

[22] См., напр.: Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004. С. 225–226.

Таким образом, Чингизиды, как и их противники, получили возможность претендовать на трон на основании родства с наиболее почитаемыми в мусульманском мире династиями сейидов и ходжей, опираться не только на своих кочевых подданных (которые признавали их как потомков Чингиз-хана, обладателей родовой харизмы), но и на оседлое население мусульманских регионов. Особенно актуально это было для тех монархов, которые не наследовали власть над определенными областями, а захватывали их у других династий – как, например, Шайбаниды в Бухарском ханстве.

Наконец, еще одним фактором легитимации, который задействовали тюрко-монгольские правители рассматриваемого периода, было *обоснование своих деяний защитой и распространением истинной веры*.

Преимуществом этого фактора являлось то, что под предлогом защиты и распространения веры правители могли предпринимать любые действия – лишь бы они базировались на догматах ислама и получали одобрение со стороны богословов. Наиболее веским основанием для занятия трона в глазах таких правителей являлась воля Аллаха – именно так они трактовали один из стихов Корана: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть, от кого пожелаешь»[23]. Именно на божьей воле основывал свое право на власть Амир Тимур, а также и его потомки, в т. ч. Шахрух, который и сам претендовал на титул не только хакана и султана, но и халифа – и требовал признания себя в таковом качестве от правителей Египта, Малой Азии, Индии[24]. Аналогичным образом объявил себя халифов и имамом основатель Бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан, причем вскоре после его смерти была разработана целая концепция, обосновывавшая его право на этот титул. Ее автор, знаменитый Фазлаллах б. Рузбихан Исфахани, в сочинении «Сулук ал-мулук» («Образы поведения царей»), посвященном Убайдаллах-хану, племяннику Шайбани-хана, вывел весьма своеобразную концепцию халифата: халифом может стать любой правитель, даже не обязательно араб и курайшит – более того, халифом может быть даже несколько одновременно! Основания для этого – деяния во славу ислама и непричинение вреда другим халифам, правящим в собственных владениях[25]. Интересно отметить, что хотя крымские ханы, как отмечалось выше, признавали власть турецких султанов как халифов, некоторые монархи из династии Гиреев, тем не менее, и сами присваивали себе этот титул, в частности, халифами именовались Мухаммад-Гирей III и Ислам-Гирей III[26].

Формируя свой образ как защитников и распространителей веры, тюрко-монгольские правители не только оказывали покровительство религиозным деятелям, строили богоугодные заведения и финансировали их деятельность, но и вели священные войны (газават). При этом «священной» могла быть

---

[23] Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1991. С. 39. Сура 3, стих 25/26. Весьма любопытно, что на этот стих ссылались и мусульманские придворные историографы первых монгольских ханов, стремившиеся обосновать легитимность их правления в мусульманских странах, см., напр.: Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997. P. 562.

[24] Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. С. 62.

[25] Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов... С. 288–290.

[26] См.: Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков… С. 154–155.

объявлена война и против других мусульманских государств – лишь бы придворные богословы признали, что враги являются отступниками от ислама и поэтому даже более опасными врагами, чем «неверные». Именно так Амир Тимур обосновывал свои походы против османского султана Баязида и мусульманских султанов Дели, а Мухаммад Шайбани-хан – против казахов или сибирских Шибанидов[27]. Точно так же борьба хана Кучума с сибирскими династиями Тайбугидов (по сути представляющая собой реставрацию законной династии на троне прежнего Тюменского юрта) представлена как деятельность по распространению ислама в этом языческом регионе – при одобрении и активном содействии мусульманского духовенства из Бухары и Хорезма[28]. Аналогичным образом крымские ханы и султаны обосновывали свои, по сути, реваншистские великодержавные устремления (попытки восстановить Золотую Орду, захватив власть в ранее занятых Московским царством Казанском и Астраханском ханствах) враждой с врагами веры – равно как и свои боевые действия против персидских кызылбашей. Вассалитет по отношению к османским султанам, являвшихся также и халифами, и выполнение их воли являлись в полной мере достаточным обоснованием для объявления любых боевых действий с врагами турков газаватом[29].

Естественно, подобная политика отнюдь не была изобретением потомков Чингиз-хана и их соперников – правителей тюрко-монгольских государств из других династий: ее использовали мусульманские правители, начиная с первых веков исламской эры. Принятие же ее на вооружение тюрко-монгольскими государями лишь свидетельствует об их понимании изменившейся обстановки и практически полной интеграции в Pax Islamica.

В некоторых случаях отстаивание религиозных норм и даваемых в соответствии с ними обетов являлось своего рода уловкой в политических или дипломатических целях. Так, например, ногайский бий Иштерек в 1610-е гг., чтобы не ездить в Астрахань на переговоры с русскими воеводами, говорил, что дал «завет по своей вере», что не будет посещать города. В другом случае он, не желая показывать зависимость от России, отказался снимать головной убор во время чтения грамоты царя Михаила Федоровича, объяснив свой отказ тем, что «обет дал Богу шапки с себя не снимать» (правда, после отказа русских начинать переговоры, пока он не снимет головной убор, Иштерек пошел на эту уступку – причем, опять же, посоветовавшись со своим сейидом)[30].

---

[27] Нагель Т. Тимур-завоеватель… С. 489 и след.; Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара. М., 1976. С. 105–106; Катанов Н.Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 18–28 (см. также: Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 178).

[28] См.: Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер// Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. VII. Тобольская Губернская типография. 1897. С. 51–60; [Бустанов А.К.] Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. № 1–2 (13–14). 2009. Электронная версия с сайта ИД «Медина»: http://www.idmedina.ru/books/islamic/ ?1591.

[29] См.: Документы по истории Волго-Уральского региона из древлехранилищ Турции: Сб. документов. Казань, 2008. С. 88, 104, 108.

[30] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 567, 571.

Защитой же религиозных интересов тюрко-монгольские правители и аристократы могли объяснять даже измену собственным сюзеренам. Так, например, в своем послании царевичу Саадат-Гирею от 1523 г. представители влиятельного крымского клана Ширин сообщали, что его брат – правивший в то время хан Мухаммад-Гирей I – проводит время «в обществе персидских еретиков», и его деяния «сводятся к нарушению законов веры». Как известно, вскоре после составления этого послания Мухаммад-Гирей-хан при попустительстве крымских аристократов был вероломно убит ногайскими мирзами, что могло рассматриваться его недоброжелателями как закономерное возмездие за его богохульное поведение[31].

Как и при рассмотрении первого фактора, можно отметить, что деяниями во имя веры (и в первую очередь – священной войной) объявлялись действия не только мусульманских правителей тюрко-монгольских государств – к такой же религиозно политической риторике прибегали и современные им монгольские государи-буддисты. Так, например, Гуши-хан, завоеватель Тибета, обосновывал свои действия борьбой с сектой «красношапочников», враждебной ортодоксальному в Тибете движению «желтошапочников» и самому Далай-ламе[32]. Джунгарский хан Галдан в конце XVII в. вел борьбу с казахами, преследуя цели захвата и подчинения их земель, но под предлогом распространения буддизма, и даже стремился заставить казахов отказаться от ислама и перейти в буддизм[33]. Оба эти хана имели большой авторитет в буддийском обществе и почитались в качестве идеальных правителей.

Подобные параллели дают основания считать, что в изменившихся условиях XV–XVIII вв. (в особенности в XVI–XVII вв.) на территории всех государств бывшей Монгольской империи религиозные факторы обоснования власти и властных решений становились все более и более актуальными, вытесняя прежние, «чингизидские» (имперские) основания. Ислам в этом отношении давал больше возможностей, чем буддизм, чем и объясняется более массовое принятие тюрко-монгольскими правителями именно этой религии. Соответственно, приняв ее, они в полной мере сумели использовать ее преимущества в своих политических целях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве случаев первыми к использованию религиозных факторов прибегали политические противники потомков Чингиз-хана, чтобы противопоставить свои права на власть родовой харизме Чингизидов. Однако со временем и сами представители «Золотого рода» стали использовать религиозные факторы легитимации своей власти в не меньшей степени, чем их конкуренты. Таким образом, они получили возможность сохранить власть в изменившихся социально-политических условиях, причем в большинстве государств на пространстве

---

[31] Документы по истории Волго-Уральского региона… С. 61; Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 80–81.

[32] Владимирцов Б.Я. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи. Статья первая // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 235.

[33] Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 51.

бывшей Монгольской империи. Потомкам Чингиз-хана удалось найти оптимальное соотношение факторов легитимации, имевших имперское происхождение и основанных на религиозных догматах, что и позволило им сохранять власть на постимперском пространстве вплоть до XVIII–XIX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 68–85.

2. [Бустанов А.К.] Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. № 1–2 (13–14). 2009. Электронная версия с сайта ИД «Медина»: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?1591.

3. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 112–225

4. Владимирцов Б.Я. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи. Статья первая // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 221–271.

5. Документы по истории Волго-Уральского региона из древлехранилищ Турции: Сб. документов / Сост. И.А. Мустакимов, пред. В.В. Трепавлова. Казань: Гасыр, 2008.

6. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.

7. Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 173–181.

8. Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997.

9. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 18–28.

10. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. VII. Тобольская Губернская типография. 1897. С. 51–60.

11. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992.

12. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003.

13. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Вектор СП, 1991.

14. Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

15. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991.

16. Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

17. Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тибет., пред., коммент. Р.Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.

18. Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 320–326.

19. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009.

20. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (История Казахстана в персидских источниках. Т. IV). Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

21. Семенов А.А. Портреты эпохи Навои. Ташкент: Государственное изд-во научно-технической и социально-экономической литературы УзССР, 1940.

22. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.

23. Скрынникова.Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997.

24. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005.

25. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

26. Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.

27. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001.

28. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М., 1976.

29. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. Симферополь: Доля, 2004.

30. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 527–758.

31. Юдин В.П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 4–40.

32. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University Park, 1994.

33. Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997.

34. Miyawaki J. The Legitimacy of Khanship among the Oyirad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legasy. Leiden; Boston: Brill, 1999. P. 319–331.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – доцент юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ropot@mail.ru

THE IMPACT OF RELIGIOUS FACTORS ON THE LEGITIMATION OF POWER IN THE GOLDEN HORDE AND LATE MEDIEVAL TURKIC-MONGOL STATES OF THE 15TH–18TH CENTURIES

R.Yu. Pochekaev
(St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics»)

The article deals with a new factor of legitimating power in the late medieval Chinggisid states established after the decline and fall of the 'steppe empires' of the Yuan Dynasty, Ilkhanate in Iran, Chagatai Ulus, and Golden Horde. The decrease of Chinggisid power resulted in the appearance of other claimants for the throne (non-Chinggisid dynasties) who used another factors for legitimazation, in particular – the religious one. To save their power, the Chinggisids as well had to appeal to religion – Islam in the Turkic states and Buddhism in Mongol ones.

Keywords: Mongol Empire, steppe empires, Golden Horde, Chinggisids, factors of legitimation, religion and authority, Islam, Buddhism, clergy.

REFERENCES

1. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. *Krymskoe hanstvo v nachale XVI veka: ot mongol'skoj tradicii k osmanskomu sjuzerenitetu po neopublikovannomu dokumentu iz Osmanskogo arhiva* [Crimean Khanate at the Beginning of 16th Century: From the Mongol Tradition to the Ottoman Suzerainty according to Unpublished Document from the Ottoman Archive]. *Vostochnaja Evropa Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni glazami francuzskih issledovatelej* [Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Age through the Eyes of French Researchers]. Kazan, 2009, pp. 68–85.

2. Bustanov A.K. *Famil'naja hronika sibirskih sajidov: Shadzhara Risalasi (tekst, perevod, kommentarii)* [The Family Chronicle of Siberian Sayyids: Shajare Risalasi (text, translation, commentary)]. *Islam v sovremennom mire. No. 1–2 (13–14)* [Islam in a Modern World. No. 1–2 (13–14)]. 2009. Electronic version from the website ID «Medina»: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?1591.

3. Valihanov Ch.Ch. *O sostojanii Altyshara, ili Shesti vostochnyh gorodov kitajskoj provincii Nan-lu (Maloj Buharii), v 1858–1859 godah* [On the Status of Altyshar or Six Eastern Cities of the Chinese Province of Nan-lu (Minor Bukhara) in the Years 1858–1859]. Valihanov Ch.Ch. Selected Works. Moscow, 1986, pp. 112–225.

4. Vladimircov B.Y. *Nadpisi na skalah halhasskogo Coktu-tajdzhi* [Inscriptions on the Rocks of Khalkha's Tsoktu-tayiji]. Article One. Vladimircov B.Y. Raboty po istorii i etnografii mongol'skih narodov [Works on the History and Etnography of the Mongolian Peoples]. Moscow, 2002, pp. 221–271.

5. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona iz drevlehranilishh Turcii. Sb. Dokumentov. Sost. I.A. Mustakimov, pred. V.V. Trepavlov* [Documents on the History of the Volga-Ural Region from the Turkey Archives. Collection of the Documents. Comp. by I.A. Mustakimov, pref. by V.V. Trepavlov]. Kazan, 2008.

6. Zaytcev I.V. *Krymskaja istoriograficheskaja tradicija XV–XIX vekov: puti razvitija: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th Centuries: The Ways of Development: Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow, 2009.

7. Iskhakov D.M. *K probleme etnicheskih i politicheskih svjazej tjurok Zapadnoj Sibiri i Volgo-Ural'skogo regiona v XV v.* [On the Problem of Ethnic and Political Relations

between the Turks of Western Siberia and the Volga-Ural Region in the 15th Century]. *Tjurkskie narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma* [Turkic Peoples: Materials of the 5th Siberian Symposium]. Tobol'sk, Omsk, 2002, pp. 173–181.

8. Iskhakov D.M. *Seyidy v pozdnezolotoordynskih tatarskih gosudarstvah* [Seyyids in the Late Golden Horde Tatar States]. Kazan, 1997.

9. Katanov N.F. *O religioznyh vojnah shejha Bagauddina protiv inorodcev Zapadnoj Sibiri* [On the Religious Wars of Sheikh Bagauddin against Foreigners in Western Siberia]. *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo muzeja* [The Annual of Tobolsk Provincial Museum]. 1904. Is. XIV, pp. 18–28.

10. Katanov N.F. *Predanija tobol'skih tatar o pribytii v 1572 g. muhammedanskih propovednikov v g. Isker* [The Legendaries of the Tobolsk Tatars about the Arrival in 1572 of the Muslim Preachers in Isker]. *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo muzeja* [The Annual of Tobolsk Provincial Museum] Is. VII. Tobol'skaja Gubernskaja tipografija, 1897, pp. 51–60.

11. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *Kazahstan. Letopis' treh tysjacheletij* [Kazakhstan. The Chronicle of Three Millenniums]. Almaty, 1992.

12. Kolesnik V.I. *Poslednee velikoe kochev'e: Perehod kalmykov iz Central'noj Azii v Vostochnuju Evropu i obratno v XVII i XVIII vekah* [The Last Great Camping Ground: Migration of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Back at 17th and 18th Centuries]. Moscow, 2003.

13. *Koran [Quran]*. Rus.ed. by I. Ju. Krachkovsky. Moscow, 1991.

14. Kuegelgen A. von. *Legitimacija sredneaziatskoj dinastii Mangitov v proizvedenijah ih istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The Legitimation of the Central Asian Dynasty of Mangits in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries)]. Almaty, 2004.

15. Moiseev V.A. *Dzhungarskoe hanstvo i kazahi XVII–XVIII vv.* [The Dzhungar Khanate and the Kazakhs in 17th–18th Centuries]. Alma-Ata, 1991.

16. Nagel' T. *Timur-zavoevatel' i islamskij mir pozdnego srednevekov'ja* [The Conqueror Timur and the Late Medieval Islamic World]. Rostov-on-Don, 1997.

17. Pagsam-dzhonsan: Istorija i hronologija Tibeta [Pagsam-dzhonsan: The History and Chronology of Tibet]. Rus. ed. R.E. Pubaev. Novosibirsk, 1991.

18. Pochekaev R.Yu. «Sudebnaja reforma» krymskogo hana Murad-Gireja [The “Judicial Reform” of the Crimean Khan Murad Girey]. *Tjurkologicheskij sbornik 2007–2008* [Turkological Collection 2007–2008]. Moscow, 2009, pp. 320–326.

19. Rahimzjanov B.R. *Kasimovskoe hanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on History]. Kazan, 2009.

20. *Sbornik materialov, otnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Izvlechenija iz persidskih sochinenij, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym (Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. Vol. IV)* [The Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Works collected by V.G. Tizengauzen and developed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin (The History of Kazakhstan in the Persian sources. Vol. IV)]. Almaty, 2006.

21. Semenov A.A. *Portrety epohi Navoi* [Portraits of the Navoi Era]. Tashkent, 1940.

22. Sen' D.V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnoshenijah s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ja (vtoraja polovina XVII v. – nachalo XVIII v.)* [The Cossacks of Don and the North-West Caucasus in Their Relations with Muslim States of the Black Sea Region (the second half of 17th – beginning of the 18th century)]. Rostov-na-Donu, 2009.

23. Skrynnikova. T.D. *Harizma i vlast' v epohu Chingis-hana* [The Charisma of Power in the Genghis Khan’s Era]. Moscow, 1997.

24. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj porty do nachala XVIII v.* [Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte before the 18th Century]. Moscow, 2005.

25. Sultanov T.I. *Podnjatye na beloj koshme. Potomki Chingiz-hana* [Raised on the White Felt Mat. The Descendants of Genghis Khan]. Almaty, 2001.

26. Trepavlov V.V. *Dzhuchiev ulus v XV–XVI vv.: inercija edinstva* [Ulus of Jochi in the 15th –16th Centuries: Inertia of Unity]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaja i social'no-jekonomicheskaja istorija Zolotoj Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g. Sb. statej. Is. 1* [The Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–15th Centuries)"]. Kazan, 2000, pp. 11–15.

27. Trepavlov V.V. *Istorija Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2001.

28. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. *Mihman-name-ji Buhara («Zapiski buharskogo gostja»)* [Fazlallah ibn Ruzbikhan Esfahani. Mihman-name Bukhara-yi ("Notes of the Bukhara Guest")]. Rus. ed. by R.P. Dzhalilovah, A.K. Arends. Moscow, 1976.

29. Halim Giraj Sultan. *Rozovyj kust hanov, ili Istorija Kryma* [The Khans' Rosebush or a History of Crimea]. Simferopol, 2004.

30. Hudjakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i civilizacij: Iz opyta obrazovanija i raspada imperij X–XVI vv.* [At the Crossroads of Continents and Civilizations: From the Experience of Formation and Disintegration of the Empires of 10th–16th Centuries]. Moscow, 1996, pp. 527–758.

31. Judin V.P. *Anonimnoe tjurkojazychnoe sochinenie vtoroj poloviny XVI v. iz Vostochnogo Turkestana «Tazkira-ji Hodzha Muhammad Sharif» (istoriko-istochnikovedcheskoe vvedenie, perevod, kommentarij)* [The Anonymous Turkic Work "Tazkira-i Hodzha Muhammad Sharif" of the Second Half of 16th Century from the Eastern Turkestan (historical introduction including the source's study, translation, commentary)]. *Voprosy istorii i kul'tury ujgurov* [Questions of the Uyghur History and Culture]. Alma-Ata, 1987, pp. 4–40.

32. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition.* Pennsylvania, University Park, 1994.

33. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror.* Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. Manchester, 1997.

34. Miyawaki J. The Legitimacy of Khanship among the Oyirad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle. *The Mongol Empire and Its Legasy.* Leiden; Boston, Brill, 1999, pp. 319–331.

About the author: Roman Yulianovich Pochekaev – associate professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», Kandidat nauk (scientific degree) in jurisprudence (St. Petersburg, Russian Federation); ropot@mail.ru

УДК 94(470)"14"

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В 1400–1442 гг. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В.П. Гулевич
(Аппарат Верховной Рады Украины, г. Киев, Украина)

История возникновения Крымского ханства все еще слабо изучена. Также мало известно о молодых годах первого крымского хана Хаджи Гирея, предки которого правили в Крыму и Золотой Орде.

Великий князь литовский Витовт активно вмешивался в дела Крыма в 20-х гг. XV века, пытаясь установить свой суверенитет в г. Каффа и в Золотой Орде, где старался посадить зависимых от себя ханов. Но в конце своего правления он уже не мог оказать серьезного военного давления, поскольку вплоть до смерти он был занят своей коронацией.

Границы Крымского тумена простирались от р. Днестр на Западе до Волги на Востоке, от среднего течения р. Днепр и Южный Буг на Севере до приморских городов Крымского полуострова на Юге. В причерноморских степях в первой половине XV в. еще сохранились многие стационарные поселения татар. Таким образом, тумен занимал большую территорию. Но, обладая большим военным потенциалом, правители Крыма не отделяли Крымский улус от Золотой Орды, а использовали полуостров как плацдарм для захвата власти в столице государства г. Сарае.

Татарская знать на Крымском полуострове тоже искала возможность поставить ханов в зависимость от себя. Одним из самых сильных ее представителей был Тегене-бей, который имел резиденцию в г. Солхат. Он уговорил Витовта дать им ханом Улуг-Мухаммеда. В ответ хан сделал Тегене-бея своим наместником в Крыму.

Через несколько лет Улуг-Мухаммед поссорился с Тегене-беем и литовским правителем Свидрыгайло. Великий князь литовский помог хану Сеид-Ахмету расколоть Золотую Орду и захватить власть на Правобережье Днепра в 1433 г.

По мнению многих исследователей, в 1434 г. Хаджи Гирей захватил власть в Крыму и разбил военный отряд генуэзцев. Но это не подтверждается письменными источниками и нумизматическими данными. Предположение некоторых историков, что Хаджи получил власть в Крыму с помощью великого князя литовского Жигимонта Кейстутовича, также не имеет подтверждения. До 1441 г. Крымским полуостровом владел хан Улуг-Мухаммед, а потом, короткое время, хан Сеид-Ахмет.

Где в 30-е гг. пребывал Хаджи Гирей, точно неизвестно, но в начале 40-х гг. он был в Литве. Весной 1442 г. Тегене-бей с посольством крымской знати опять приехал в Литву и уговорил нового литовского правителя Казимира дать согласие, чтобы ханом Крыма стал Хаджи.

Возможно, что действия великого князя литовского по отношению к Крыму были согласованы с его старшим братом королем Польши и Венгрии Владиславом III. От имени Владислава III летом 1442 г. к Хаджи Гирею ездил посол Т. Буцацкий, который вернулся в Венгрию с послом татарского хана. Анализ источников позволяет сделать вывод, что Хаджи Гирей стал ханом в марте-апреле 1442 г.

Хаджи Гирей пребывал под покровительством Великого княжества Литовского. Это подтверждают мирные договора, заключенные в феврале-июне 1442 г. между великим князем литовским Казимиром и правителем Молдавии Ильей.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, Золотая Орда, Великое княжество Литовское, хан Улуг-Мухаммед, хан Сеид Ахмет, хан Хаджи Гирей.

Оценивая результаты отечественных и иностранных историков в изучении отношений Золотой Орды с соседними государствами на протяжении XV в., можно констатировать, что процесс зарождения и начального существования Крымского ханства освещен все еще слабо. Дискуссионным остается даже датировка возникновения самого ханства[1].

Данная публикация имеет две цели: во-первых, проследить события в Северном Причерноморье и сопредельных территориях в период с конца XIV в. до 1442 г., а во-вторых, выяснить обстоятельства, приведшие Хаджи Гирея к власти в Крыму.

Точное место и дата рождения Хаджи Гирея неизвестны. В XVI в. в Литве считали, что он родился возле Трок[2] (современный г. Тракай), вотчине Витовта. По мнению А. Гаева, это произошло около 820 г. х. или 1417–1418 гг.[3] Это утверждение кажется нам ошибочным, о чем будет еще сказано ниже. О детстве и юности Хаджи Гирея известно больше из легенд, чем из достоверных источников[4]. Его отцом был Гияс ад-Дин[5], возможность правления которого в Крыму и Золотой Орде исследователи отрицают[6]. Но его дед Таш-Тимур в 1393–1395 гг. чеканил в г. Солхат свою монету[7].

Родной дядя Девлет-Берды дважды правил на полуострове в 1421 (1422)–1424 (?) и 1426–1428 гг.[8] [Как утверждают Супрасльская летопись и польский

---

[1] Мавріна О.С. Виникнення та становлення Кримського ханату (XV століття). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. – Київ, 2005. С. 9; Її ж. Виникнення Кримського ханату в контексті політичної ситуації в Східній Європі кінця XIV – середини XV століття // Сходознавство. Київ, 2004. № 25–26. С. 57–77; Її ж. До проблеми датування виникнення Кримського ханату // VIII Сходознавчі читання А. Кримського. Київ, 2004. С. 141–143. К сожалению, исследовательница почти не пользовалась источниками и в основном повторила предшественников, выводы которых часто есть устаревшими.

[2] Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд. МГУ, 1994. С. 64.

[3] Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Сб. ст. Вып. IV. Нумизматический сб. Т. 3. М.: Информэлектро, 2002. С. 34.

[4] Их популярно изложил Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев–Бахчисарай: Майстерня книги-Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. С. 19–25.

[5] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 61; Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. С. 40. Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев // ИТУАК. № 18 (Год 7). 1893. С. 76.

[6] Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. С. 33–34.

[7] Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М., 2005. С. 52. Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода. 5. «Да сохранится Крым от бедствий» (монеты конца XIV – начала XV в.) // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002. С. 142.

[8] Хромов К.К. Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Історико-географічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. Число 9 / НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2006. С. 366–372; Vilcu A. Un trésor d'aspres de Caffa du XVe siecle decouvert en Bulgarie (Tavole I-VII) // Annali / Istituto italiano di numismatica. 52. Roma: Nella sede dell'intituto, 2006. P. 168–172, tavola I-II; Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. № 54 (Год 31). Симферополь, 1918. № 1. С. 8–9.

хронист XVI в. М. Стрыйковский, он получил власть с помощью Витовта[9], который активно вмешивался в дела Золотой Орды во втором и первой половине третьего десятилетий XV в. Но отношения между ними быстро испортились настолько, что в 1426 г. у хана возникла необходимость объяснить правителю Литвы, что он никогда не был ему врагом[10].

Причиной ссоры могло стать нападение на Польшу. Воспользовавшись отсутствием поляков, ушедших на войну с Тевтонским Орденом, в 1422 г. «часть Орды, которая всегда нападала на Польшу», совершила набег. Что это была за «часть Орды» и какие пострадали от нее территории, неизвестно (скорее всего, Подолье), но поляки сумели разбить ее, убив более пятисот человек[11].

Витовт не поверил в правдивость слов хана и поддержал другого кандидата на власть – Улуг-Мухаммеда. Тот правил в Крыму еще в 1420 г. К этому году относится его ярлык Туглу-бею с правом собирать подати в районе г. Керчь[12]. В промежутке между правлениями Девлет-Берды Улуг-Мухаммед побывал сперва правителем Крыма, а потом и Золотой Орды[13]. Но даже наличие в Золотой Орде «своего» хана не гарантировало мир приграничным землям Великого княжества Литовского. В конце 1420 г. орденский источник сообщает о нападении татар на литовские владения[14], а осенью 1424 г. хан Куйдадат разорял земли Верхнего Поочья[15].

Поскольку в это время в Золотой Орде сразу шесть ханов боролись за власть, неудивительно, что для обороны границ от татар литовский правитель остро нуждался в средствах, которые хотел получить от духовенства, предварительно заручившись согласием Папы Мартина V[16].

Что касается Девлет-Берды, то его амбиции не ограничивались лишь Крымским полуостровом и он активно боролся за власть над всей Золотой Ордой. Но после поражения от хана Борака[17] он не сумел закрепиться даже в Крыму и сошел с политической арены. Впрочем, и сам Борак не удержал

---

[9] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. С. 59; Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 175.

[10] CEV. № 1223. P. 721–722.

[11] Długosz J. Dzieje. S. 283.

[12] Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 17–19. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 113–119.

[13] Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 533; CEV. № 1159. P. 660; ПСРЛ. Т. 35. С. 59.

[14] LEC / Hrsg. von F.G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 5: 1414–1423. Riga, 1867. № 18. P. 698.

[15] Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 205–210.

[16] Liber cancellariae Stanislae Ciołek. Ein Formelbuch der polischen Königskanzlei aus der zeit der husitischen Bewegung / Herausgegeben J. Caro. Wien, 1871. № 18. P. 49–50 (367–368) (1424 г.).

[17] Тизенгаузен В. Сборник материалов. Т. I. С. 533–534; Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. с нем. и прим. Ф. Брун // Записки императорского Новороссийского университета. Год 1. Т. 1. Одесса, 1867. С. 37.

власть[18] и скоро хозяином в Золотой Орде снова стал Улуг-Мухаммед[19]. 14 марта 1428 г. с берегов Днепра он сообщил об этом в своем известном письме турецкому султану Мураду II[20].

Став на некоторое время единым правителем Золотой Орды, Улуг-Мухаммед контролировал и Крым, сделав его столицей[21]. Правда, не совсем понятно, шла ли тут речь о Крымском полуострове вообще, или о г. Солхат, второе название которого было Крым. Действительно ли г. Крым стал его столицей, ответить сложно, но то, что полуостров был его базой, можно утверждать с большой долей вероятности.

Каким образом сложились отношения Улуг-Мухаммеда с г. Каффа, трудно сказать. Но известно, что в конце 20-х гг. Витовт[22] требовал от каффинцев поднять над городом его знамена, а на стенах установить гербы великого князя литовского. Под угрозой войны консул Каффы вынужден был согласиться с требованиями. Для переговоров в 1430 г. в Литву выехал Дарио Грилло[23], но в дороге его ограбил неназваный по имени татарский хан (imperatore tartarorum) и каффинский посол вернулся назад[24].

Для понимания требования Витовта необходимо обратиться к событиям XIV в., когда 27 ноября 1380 г. после татарско-генуэзского столкновения консул Каффы дель Боско и золотоордынский наместник Черкас составили договор, подтвержденный представителем хана Токтамыша Ильяс-беем 24 февраля 1381 г. Среди его условий было обязательство Каффы размещать изображения символов татарских ханов на башнях города[25].

Двузубые тамгоподобные изображения на каменных плитах Каффы известны давно[26], хотя общего мнения относительно их атрибутации у исследователей нет. Так, еще О. Ретовский сперва считал их свидетельством зависимости города от Золотой Орды, но со временем согласился с Н. Мурзакевичем, видевшим в них герб Каффы. Это мнение долго было доминирующим.

---

[18] Парунин А.В. Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сб. науч. тр. Астана: Мастер ПО, 2012. С. 225–236.

[19] Тизенгаузен В. Сборник материалов. Т. I. С. 534.

[20] Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С.53–61. Історія державної служби в Україні. У п’яти томах. Т.3: Документи і матеріали. V ст. до н. е. 1774 р. Київ: Ніка-Центр, 2009. № 66. С. 103–104.

[21] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов. Т. II. С. 212.

[22] Контакты Каффы с Витовтом подтверждаются документально. См.: Notes et extraits. P. 25–26. Fol. 76vº, 78–79vº. Благодарю Романа Беспалого (г. Белев) за возможность ознакомиться с текстом источника и ценные указания.

[23] Вероятно, происходил из генуэзских нобилей. См.: Яровая Е.А. О феномене генуэзской родовой геральдики // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Навук. зб. Вып. 4. Мінск: БДУ, 2008. С. 238.

[24] Карпов С.П. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.-СПб.: Алетейя, 1998. № 2. С. 36.

[25] Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivo storico italiano. Quarta serie. Vol. 20. Firenze, 1887. P. 161–165; Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro // Studi genuensi. Nuova serie. Anno V. Vol. 8. Genova, 1991. P. 11–12.

[26] Ретовский О.Ф. Генуэзские надписи, найденные в г. Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. Т. 19. Одесса, 1896. С. 15 и прим. 1.

Но в последнее время его решительно отрицает Е. Яровая, считая, что двузубая тамга – это знак ханов Джанибека и Токтамыша[27].

На сегодня полемика продолжается, поскольку недавно А. Еманов фактически реанимировал теорию XIX в.[28] Одновременно исследователь нумизматики А. Козубовский высказал предположение, что в связи со стараниями Витовта установить свой протекторат над Каффой появились и контрамаркированные литовской колюмной татарско-генуэзские монеты[29]. Это не отвечает действительности, поскольку такие контрамарки известны еще с первой половины 20-х гг.[30], когда литовский князь уже имел позитивный опыт помощи претендентам на ордынский престол.

Оставляя дискуссию относительно окончательной атрибутации тамги специалистам, хотелось сказать, что, по нашему мнению, не стоит отбрасывать версию о ее свидетельстве подчинения Каффы ханам Золотой Орды. Приведенные А. Емановым фотографии тамги[31] фактически совпадают с изображенными на некоторых ордынских монетах[32], а ряд монет, найденных в 2002 г.[33], указывает на прямые аналогии. По мнению М. Усманова, «это не просто родовой, а особый, официальный *династическо-царственный* герб»[34].

В свою очередь, когда заработал каффинский монетный двор, зависимость Каффы от крымского хана стала выражаться не в каменных плитах городских стен, а в легенде выпускаемых монет. Сперва рядом с гербом Генуи помещали гирейскую тамгу, а после перехода города в ведение Банка Св. Георгия – изображение этого святого и все ту же тамгу Хаджи Гирея[35].

Мне представляется сомнительным, что Витовт в конце своего правления мог реально угрожать Каффе войной. Во-первых, в Золотой Орде и Крыму правил его союзник Улуг-Мухаммед; во-вторых, в 1428 г. там разразилась эпидемия и в таких условиях литовский правитель вряд ли послал бы войско на полуостров; в-третьих, во второй половине 20-х гг. литовский правитель

---

[27] Яровая Е.А. Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам из Каффы, Солдайи и Чембало (XIV – I треть XVI в.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2004. С. 83–87.

[28] Еманов А.Е. Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв. // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. Сб. ст. / Университет Дмитрия Пожарского / Под ред. Д. Агеева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2006. С. 148–156.

[29] Козубовский Г.А. К вопросу о генуэзско-татарских монетах с литовскими контрамарками // Сугдейский сборник. Киев–Судак: Академпериодика, 2004. С. 167–168.

[30] Борейша Ю., Казаров А. О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидрыгайлы Ольгердовича. Минск: Тесей, 2009. С. 10–12.

[31] Еманов А.Е. Неизданные лапидарные памятники. С. 157–159. – Рис. 1–3. Ср.: Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) / Estratto dal volume LVI degli Atti della società Ligure di storia patria. – Genova, 1928. P. 31, 33 (1342 р.), 35 (1348 р.).

[32] Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. № 29 (Год 12). 1899. Таб. V. Монета 18–19.

[33] Майко В.В. Кыркерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев: Академпериодика, 2007. С. 88–89.

[34] Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. Таб. XIII. Тамга Е-Ж. С. 165, 167.

[35] Бочаров С.Г. Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // Stratum plus. № 6. СПб.–Кишенев–Одесса, 1999. С. 135.

вел активную политику по отношению к Пскову, Новгороду и Москве[36] и так же вряд ли стал бы распылять свои силы; в-четвертых, с января 1429 г. и до самой смерти Витовт был озабочен получением короны, из-за которой разразилась так называемая «коронационная буря»[37], поссорившая его с королем Владиславом Ягайло.

В таких условиях каффинцев больше беспокоило бы ухудшение торговой конъюнктуры в и без того слабеющей экономике города, чем реальное военное столкновение с Витовтом. В конце 20-х гг. ситуация в Крыму была сложной. Из армянских источников известно, что 1427 г. был «порой скудной и смутной»[38]. Уменьшение торговли с Золотой Ордой заставило Каффу в значительной мере переориентироваться на рынки Восточной Европы[39] и возможная торговая блокада со стороны Витовта вызвала бы острый кризис.

Но Витовт умер 27 октября 1430 г. и история ограбления посла не имела продолжения. Поэтому дать точный ответ, кто именно ограбил Дарио Грилло, сложно. Можно с точностью сказать, что это не Улуг-Мухаммед, который старался поддерживать дружеские отношения с правителями Литвы. Еще 9 сентября 1429 г. Витовт писал магистру Ордена, что хан предлагает ему твердый мир[40]. Когда ж в 1431 г. его зять Айдар разорил земли Верховских княжеств и чуть не дошел до Киева, он приказал вернуть награбленное и полон[41], куда попал и мценский наместник Г. Протасьев[42]. Не исключено, что ограбившим посла ханом был именно Айдар, которого летописи называют «великимъ княземъ Ординьскимъ»[43]. К его особе мы еще вернемся.

Со смертью Витовта Великое княжество Литовское утратило реальную возможность влиять на Золотую Орду. Это решительно повлияло на ситуа-

---

[36] Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 79–115.

[37] Błaszczyk G. Burza koronacyjna: Dramatyczny fragment stosunków polsko-litewskich w XV w.: Polska–Litwa, 1429–1430. Poznań, 1998. – 186 s.; Nikodem J. Spory o koronacje wielkiego księcia Litwy Witolda w latach 1429–1430. Cz. II: Proba reconstrukcji wydarzeń // Lituano-Slavica Posnanensia. Studia Historica. T. 7. Poznań, 1997. S. 154–171; Nikodem J. Zbigniew Oleśnicki wobec unii polsko-litewskiej do śmierci Jagiełły // Nasza Przeszłość. № 91. – Kraków, 1999. S. 122–129.

[38] Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV – XV вв.). Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. – Симферополь: СОНАТ, 2008. № 125.

[39] Мойсеєнко О. Чорне море у міжнародній політиці в 2-й половині XIV-го – першій половині XV століття: концепція проблеми (на прикладі торгівлі генуезької Кафи) // Четвертий міжнародний конгрес україністів. Одеса, 26–29 серпня 1999 р. Доповіді та повідомлення. Історія. Ч. I: від давніх часів до початку XX ст. Одеса-Київ-Львів, 1999. С. 87–94.

[40] CEV. № 1380. P. 866.

[41] ПСРЛ. Т. 6: Софийская вторая летопись. М., 2001. Вып. 2. Стб. 54; Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 170–171; Т. 20: Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. С. 234; Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 147; Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959. С. 186; Т. 27: Никаноровская летопись. М., 1962. С. 102.

[42] Codex epistolaris seculi decimi quinti. T. 2: 1382–1445 / Coll. opera A. Lewicki // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12. Kraków, 1891. № 189. P. 256.

[43] ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 96; Т. 12: Летописный сборник, именуемый Партиаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 15; Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 1949. С. 249; Т. 26. С. 187; Т. 27. С. 103.

цию в Крыму, где фундамент для возникновения ханства был заложен с конца XIV в. и после погрома Золотой Орды Аксак Тимуром этот процесс только ускорялся.

Историческая география Крыма, как и его место в административном устройстве Золотой Орды, изучены все еще слабо. Из ярлыка Токтамыша 19 февраля 1381 г. известно, что Крымский тумен делился на «или». В частности, Сюткельский иль занимал северную часть полуострова и простирался до Молочного лимана в Северном Приазовье[44]. Но сам полуостров не был целостной административной единицей.

Египтянин ал-Калкашанди (1355–1418) оставил географически-административное описание Золотой Орды. Поскольку среди перечисленных ханов последним упомянут Токтамыш[45], можно предположить, что крымские известия автора относятся к концу XIV – началу XV ст. Учитывая тесные контакты между Египтом, Золотой Ордой и Крымом[46], эта информация вызывает особый интерес.

Согласно ал-Калкашанди Золотая Орда делилась на десять округов (иклим). Из них три имели непосредственное отношение к полуострову – собственно Крым, Азов и Ас. Крым имел четвертый порядковый номер и центр в г. Солхат, но в его состав входили еще Судак, Каффа и далекий Укек (Увек)[47], расположенный возле современного г. Саратов[48]. Азов был под пятым номером и в его состав кроме самого Азова входила еще и Керчь[49]. Девятый округ – «страна Ас» с центром в Чуфут-Кале – был населен асами (аланами)[50].

Таким образом, Крымский тумен узким клином проходил по центральной части полуострова до городов Каффа и Судак на побережье. За его пределами он занимал большую территорию на восток через нижнее течение Днепра, Приазовье, среднее течение Дона и до среднего течения Волги. Но названная ал-Калкашанди крайняя восточная граница в районе г. Укек вызывает сомнение для XV в. и требует более детального исследования даже для реалий XIV в.

Относительно его западной границы, то она, скорее всего, проходила по Днестру. Современный молдавский историк Г. Аствацатуров связывает по-

---

[44] Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 405. Сер. Востоковед. наук. Вып. 24: Востоковедение. № 8. 1981. С. 132–133.

[45] Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник, 2001. М.: Восточная литература, 2002. С. 298.

[46] Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.; Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 1962. 40 с.

[47] Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды. С. 286–287. Город разрушен Тамерланом в 1395 г.

[48] Кротков А.А. Увек-Саратовский по данным истории и археологии // Поволжский край. Вып. 12. 2005. С. 201–212; Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.

[49] Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды. С. 288.

[50] Там же. С. 290–291. Ср.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII – XIV вв. / Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2009. С. 121. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII – XV вв.). Киев: Истина, 2004. С. 190–229.

стройку татарского замка конца XIV – начала XV вв. у г. Тягиня (современный г. Бендеры, Молдавия) с главой рода Ширин Тегене-беем[51]. Присутствие стационарных татарских поселений на востоке Молдавии подтверждает и грамота господаря Ильи, выданная в 1436 г.[52] Возможно, это упомянутые ал-Хусаини татары, осевшие в Молдавии (Кара Бугдан) после разгрома Идегея[53].

Степи Северного Причерноморья в конце XIV – середине XV вв. еще не были Диким полем, известным в XVI в. Со второй половины XIX в. археологи и краеведы нашли немало стационарных татарских поселений, существовавших там в XV в.[54] В частности, на месте г. Очаков[55]. Между Южным Бугом и Днестром поселения Ак-Мечеть, Торговица, Караул и др.[56] Особенно много их было на территории современной Запорожской области Украины. На берегах рек Конка (Конские Воды) и Жеребец (села Юрковка и Кирово, Ореховский р-н) был значительный населенный пункт[57]; большое городище в районе поселка Большие Кучугуры[58] (Васильевский р-н); Каменское городище[59] (г. Каменка-Днепровская); поселение на о. Хортица[60] и др. Хватало их и в Николаевской области – городище Великая Мечетня (с. Великая Мечетня, Кривоозерский р-н); в укреплении Балыклея возле впадения реки Чичиклея в Южный Буг (с. Покровка, Веселиновский р-н), одной из возможных ставок Джучидов, монетный двор работал и во время Менгли Гирея[61]. В Херсонской области – поселения XIII–XV вв. (у с. Васильевка, Каховский р-н, ныне затопленное Каховским водохранилищем) и XIV–XV вв. (с. Любимовка, Кахов-

---

[51] Аствацатуров Г. Бендерская крепость. Бендеры, 1997. С. 25.

[52] Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XV вв. М., 1887. № 44. С. 48–49.

[53] Тоган З.В. Восточноевропейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010. С. 215.

[54] Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татар археологиясе. № 1–2 (8–9). Казань, 2001. С. 126–165.

[55] Беляева С.А. Турецкая крепость Озю (Очаков). Некоторые материалы исторической топографии // От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С. 161.

[56] Петрунь Ф. Е. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східний світ. № 6. 1928. С. 155–175.

[57] Єльников М.В. До локалізації золотоординського городища Кінські Води // Музейний вісник. Науково-теоретичний щорічник. Вип. 9. Запоріжжя, 2009. С. 103–111; Його ж. Нові дослідження культової споруди на золотоординському поселенні Мечеть-Могила // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Зб. наук. пр. / Наук. ред. О.Б. Супруненко. – Київ-Полтава, 2011. С. 174–181.

[58] Довженок В.Й. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. X. Київ, 1961. С. 175–193.

[59] Погребова Н.Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 89. М.: АН СССР, 1962. С.15–16.

[60] Ильинский В.Е., Козловский А.А. Золотоордынское поселение на о. Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. IV. Запорожье, 1993. С. 250–263.

[61] Пиворович В.Б. К вопросу о чеканке монет Менгли Гирея I на территории крепости Балыклея на реке Южный Буг // Восточная нумизматика в Украине. Часть III. Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. Сб. публ. / Под ред. К.К. Хромова. Киев: Логос, 2013. С. 76.

ский р-н)[62]. На берегу Днестра южнее г. Брацлав существовало поселение «Митеревы Кышини», которое связывают с именем изгнанного с Подолья литовцами в 1363 г. татарского князька Темира (Демира, Дмитрия)[63]. О нем в 1419 г. упоминал паломник Зосима[64].

Перечень не претендует на полноту. Часть поселений вообще была уничтожена во время заселения этой территории с конца XVIII в., поскольку остатки городищ стали строительным материалом для колонистов[65]. Роль и значение этих поселений в истории поздней Золотой Орды и раннего Крымского ханства еще предстоит оценить. Немаловажным фактором в Поднепровье мог быть и монетный двор, по мнению А. Пачкалова, известный как «Тимур Бик-Базар», выпускавший монеты с легендой «Орда Базар»[66].

Как видим, Крымский тумен занимал большую территорию, что позволяло мобилизовать значительные силы. Но говорить о намерениях крымских правителей создать отдельное от Золотой Орды ханство для конца XIV – первой трети XV вв. будет преувеличением.

Выпуская собственную монету, Таш-Тимур принимал активное участие в войне с Тамерланом на стороне Токтамыша[67]. На монетах Солхата 1421–1422 гг. имя Девлет-Берды стоит рядом с именем Бека-Суфи, крымского наместника Идегея, имя которого, в свою очередь, выбито на тех же монетах рядом с именем Дервиш-хана и Бека-Суфи в 1419–1420 гг.[68] То есть в Крыму сложилась система управления, когда наместники ханов Золотой Орды, с резиденцией в Солхате, уживались с правителями Крымского тумена, имевшими резиденцию, возможно, в Эски-Юрте[69].

В дальнейшем выкраивая себе крымский улус и Девлет-Берды, и Улуг-Мухаммед считали себя полноценными претендентами на наследие всей Зо-

---

[62] Оленковський М.П. Археологічні пам’ятки Каховського району Херсонської області. Археологічна карта. Херсон: Айлант, 2004. С. 12, 18–19.

[63] Мыц В.Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хутайни магупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Дмитрий // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С.254–255; Его же. Битва на Синей Воде в историографии Средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України. №1. Полтава: Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації; Інститут археології НАН України, 2002. С. 109.

[64] Книга глаголемая Ксенох, сиречь Странник, Зосимы диакона о пути Иерусолимском до Царя града и до Иеросалима // Православный Палестинский сборник. Вып. 24. СПб., 1889. С. 2.

[65] Бойко А.В. Археологічні старожитності Великого Лугу в джерелах XVIII століття // Археологический вестник. № 3. Запорожье, 1992. С. 42–44.

[66] Пачкалов А.В. Тимур Бик-Базар – монетный двор XV в. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005. Тезисы докладов и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 67–68; Его же. О локализации монетного двора Орда-Базар (XV в.) // Российская археология. № 2. 2005. С. 90–91.

[67] Десей О. Обоснование Актава из Золотой Орды в Оттоманской империи Йылдырыма Баязида // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010. С. 205–206.

[68] Хромов К.К. Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. С. 371–372. – Рис. 1–3, 5–6.

[69] Гайворонский О. Мысли об Эски-Юрте // Восточная нумизматика в Украине. Сб. публ. Часть II: Монеты Джучидов XIII–XV веков и сопредельных государств / Под ред. К.К. Хромова. Киев, 2007. С. 85–98.

лотой Орды, используя Крым как плацдарм для захвата власти в Сарае[70]. Как отметил еще М. Сафаргалиев, распространение власти Улуг-Мухаммеда начиналось из Крыма на Восток к Дону и Волге[71]. Это подтверждают и нумизматические данные. Ни один другой хан – Борак, Кичи-Мухаммед, Сеид-Ахмет, Махмуд – не выпускал свою монету в Крыму[72]. То есть для появления отдельного ханства не хватало катализатора. Таким катализатором стала татарская знать и первым известным ханом, кого «старейшины ордынские» просили у Витовта дать им правителем, был Улуг-Мухаммед.

Согласно летописи, они узнали, что «славный господарь (Витовт. – *В.Г.*) близь есть, во … граде Киеви, и придоша сами, и поклонишася ему …, и дары многи принесоша, и просятъ у него царя, он же далъ имъ царя именемъ Магнета». Пребывание литовского правителя в Киеве в сентябре 1427 г. подтверждает его итинерарий[73]. Очевидно, что эти «старейшины» были из близкого Крыма, а не с берегов далекой Волги. Есть все основания предполагать, что ими руководил Тегене-бей. Возможно, что контакты литовского правителя с Тегене имели довольно тесный характер. Позднее в письме к его сыну Эминеку польский король Казимир вспоминал, что Витовт «держал в приязни и в ласке отца твого»[74].

Подтверждает сообщение летописи и «Родословная Ширинских», где сказано, что «ханы избираемы были Ширинскими беями. И первым по Кадыр-Берды избран таковым Улуг Мегмет Гирей хан, Тегене беем Ширинским»[75].

Уже в начале XV в. Ширины занимали исключительное положение в Золотой Орде. Не будучи Чингизидом, тем не менее Тегене в летописях именуется «князь великы Ординьскы»[76], в восточных источниках – эмир[77]. Свою ставку бей имел в Крыму, где он и зимовал в 1431–1432 гг. Во времена Идегея, который командовал левым крылом Золотой Орды и «был только вторым эмиром», первым эмиром и командующим правого крыла был Тегене[78]. Кроме того, по крайней мере, среди крымских беев, Ширины могли выставить наибольшее количество воинов, общее число которых оценивают в 20 тыс. чел. Хотя, как верно заметил Г. Иналджик, действующее ядро племенной аристократии было все же значительно меньше. Так, во время Черкесской кампании в 1543 г. четыре главных карачи Крымского ханства выставили лишь 10 тыс. чел.: Ширин – 5 тыс., Аргын и Кыпчак вместе – 3 тыс., Мангыт

---

[70] Миргалеев И.М. Позднезолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 118–119.

[71] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / Уч. зап. Мордовского гос. ун-та. Вып. XI. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. С. 200.

[72] Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. С. 62–69.

[73] Purc J. Itinerarium Witołda, wielkigo księca Litwy // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza. Ser. Historia. Poznań, 1971. № 74. Zesz. 11. S. 105, CEV. № 1428. S. 778, 780.

[74] Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515). Kraków-Warszawa, 1881. № 13. S. 207; Сборник Муханова. Изд. 2. СПб., 1866. № 23. С. 28.

[75] Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев // ИТУАК. № 23 (Год 9). 1895. № 55. С. 124.

[76] ПСРЛ. Т. 8. С. 96; Т. 12. С. 15–16; Т. 25. С. 249; Т. 26. С. 187; Т. 27. С. 103.

[77] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов. Т. II. С. 194.

[78] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов. Т. I. С. 553.

– 2 тыс.[79] Но главным фактором, послужившим высокому статусу, наверное, был брак Тегене с дочкой Тимур-хана[80].

Для иллюстрации положения Ширинов в Крыму стоит обратиться к ярлыку, датированному 7 марта 1453 г.[81] Несмотря на то, что он не аутентичный, а испорченный и запутанный список, составленный в конце XV – начале XVI вв.[82], привлекает внимание то, что сын Тегене «главный даруга Эминек» назван «правителем Крымского тумена». То есть у автора / авторов ярлыка реальный статус Ширинов сомнения не вызывал.

Заинтересованность Ширинов во власти Улуг-Мухаммеда объясняется их близостью к хану. Летописец второй половины XVI в. эль-Дженайби оставил упоминание, что после смерти Кадыр-Берды татарская знать посадила на трон юного Кичи-Мухаммеда, который «был отец хаканов Крымской земли». После этого им пришлось воевать с Идегеем, которого они убили[83]. Очевидно, информатор ал-Дженайи перепутал «Большого» и «Малого» Мухаммедов. Никто из них не был отцом будущего крымского хана, но Улуг-Мухаммед был в близком родстве с Девлет-Берды и, соответственно, Хаджи Гиреем. Известно, что Тегене был врагом Идегея и участвовал в его убийстве. Таким образом, если наша догадка верна, то Улуг-Мухаммед получил власть с помощью Ширинов.

Хан отблагодарил бея доходной должностью. Уже в начале января 1424 г. наместник Солхата Тегене-бей получал выплаты с Каффы в несколько сот аспров для великого хана (pro domino imperatori magno; domini imperatoris Tartarorum magno) – императора «Магомет-хана, великого повелителя татар» (Macomet-Cam, imperatori Lordo magni Tartarorum)[84].

Но уже через несколько лет хан стал тяготиться влиянием Тегене и в 1432 г. над его головой нависла опасность. Во время конфликта за ярлык на великое княжение между Юрием Дмитриевичем Галицким и его племянником Василием Васильевичем Московским обострились противоречия и в татарской верхушке, где существовало несколько центров влияния: глава племени мангыт сын Идегея Науруз, глава кунгратов, зять Улуг-Мухаммеда и бей левой руки Айдар, глава Ширинов и бей правой руки Тегене[85]. Они боролись за влияние на хана и все имели повод быть им недовольными: Науруз не имел талантов своего отца и не мог претендовать на такое положение, как

---

[79] Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III/IV. Part 1. Cambridge, Massachusetts. 1979–1980. P. 448.

[80] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов. Т. II. С. 194.

[81] Історія державної служби в Україні у 5 т. Т. 3. № 72. С. 111–113; Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сб. стат. М.: Наука, 1953. С. 187–195.

[82] Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. С. 65.

[83] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов. Т. I. С. 538.

[84] Notes et extraits. P. 32. Fol. 76v°.

[85] Ачкурин М.М. Начальная генеалогия Ширинских князей // Золотоордынское наследие. Мат. второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта, 2011. Вып. 2. Казань, 2011. С. 198. В письме Свидрыгайла (май 1431 р.) Улуг-Мухаммед «правой рукой» назвал Айдара (Карамзин Н. История государства Российского. Изд.2. Т. V. СПб., 1819. Примечания. С. 176).

Идегей; Айдар был недоволен из-за отнятой у него мценской добычи; Тегене же с 1432 г. вообще опасался за свою жизнь.

Во время отъезда Тегене в свою крымскую ставку зимой 1431–1432 гг. Айдар настроил хана против него. Улуг-Мухаммеда запугали возможной коалицией: «князь Юрьи (Дмитриевич Галицкий. – *В.Г.*) князь велики будетъ на Москве, а въ Литве князь велики побратимъ[86] его Швитригайло, а Тегиня во Орде и во царе волен»[87]. К этому нужно добавить и тесный союз литовского правителя с Тверским княжеством[88]. Все это вместе создавало для Золотой Орды небезопасные перспективы.

Эта история, как предполагает А. Григорьев, происходила «в Орде», под которой он понимает не только ставку хана, а идентифицирует ее с остатками татарского поселения на территории Великого Луга возле уже упомянутого современного поселка Великие Кучугуры[89]. Такая версия выглядит правдоподобно: это место недалеко от Волыни и Подолья, где шла война между Свидрыгайлом и поляками с активным участием татар; Улуг-Мухаммед мог откочевать к Днепру под угрозой Кичи-Мухаммеда, который начал активно действовать в 1432 г.[90]; от Крыма, где Тегене имел ставку, до Днепра значительно ближе, чем с берегов Волги или Дона.

Перепуганный влиянием Ширинов хан решил убить Тегене, если тот попросит ярлык для князя Юрия. Но бей был предупрежден своим родственником, служившим у хана, и во время споров за ярлык промолчал. В дальнейшем хан все же пошел с ним на компромисс и дал Юрию г. Дмитров со всеми волостями.

Сам Улуг-Мухаммед после смерти Витовта остался в хороших отношениях с его преемником Свидрыгайло и помогал ему воевать с поляками. Не исключено, что и хан получал поддержку от литовского правителя, поскольку в августе 1432 г. именно ему он выслал разбитого и плененного неизвестного по имени своего врага[91].

Версий относительно его особы много. Им мог быть Сеид-Ахмет, который пребывал при дворе Свидрыгайла во время переворота 1 сентября 1432 г.

---

[86] Юрий Дмитриевич был женат на дочери смоленского князя Юрия Святославовича, женой которого была дочь старшей сестры Свидрыгайла (ПСРЛ. Т. 32: Хроника Быховца. М.: Наука, 1975. С. 146; Т. 35. С. 64, 70. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки. Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальско-нижегородские, тверские и рязанские. СПб., 1891. С. 224). Л. Войтович считает, что Свидрыгайло первый раз был женат на дочке смоленского князя Ивана Святославовича (Войтович Л. Князівські династії східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. С. 311), хотя Я. Тенговский это отрицает (Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów // Biblioteka Genealogiczna. T. 2 / Pod red. M. Górnego. Poznań-Wrocław, 1999. S. 158).

[87] ПСРЛ. Т. 8. С. 96; Т. 12. С. 16 и др.

[88] Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Общ. ред. П.Д. Малыгина и П.Г. Гайдукова. Тверь, 1994. С. 288.

[89] Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов и их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 120–123.

[90] ПСРЛ. Т. 8. С. 96; Т. 12. С. 16; Т. 25. С. 250 та ін.

[91] Коцебу А. Свитрыгайло, великий князь литовский. СПб., 1835. С. 140–141; SD. № 1617. S. 136–137.

и бежал вместе с князем[92]. Мог быть и Хаджи Гирей. К сожалению, для более точных выводов не хватает источников, но бесспорно то, что уже к осени 1433 г. отношения между литовским правителем и ханом разладились.

Летом этого года Свидрыгайло планировал всеми силами ударить на Литву. Его поддержали ливонцы и тверской князь. С Волыни на помощь шел князь Александр Нос, а с Киевщины – воевода князь Михаил. Момент выбрали удачно, так как поляки не могли дать помощь Жигимонту Кейстутовичу, поскольку сами вместе с гуситами в это время напали на Тевтонский Орден[93]. Сам Жигимонт не был популярным в Литве и боялся покушения на свою жизнь[94].

Сперва успешная летняя кампания в Литве и Белоруссии обернулась мизерными результатами[95]. Из-за дождей и болезней в войске Свидрыгайло не смог захватить ни одного из главных городов Литвы – Вильно, Троки, Ковно, – и вынужден был распустить войско, после чего сам поехал в Киев. 13 сентября Орден подписал перемирие с королем Ягайло[96] и усиленное поляками войско Жигимонта Кейстутовича не только вернуло утраченные земли, но и развернуло наступление на Мстислав[97]. Теперь Свидрыгайло нуждался в помощи не для наступления, а уже для защиты верных ему земель.

Отправленный еще весной к Улуг-Мухаммеду Иван Монивидович вернулся с татарами не раньше конца сентября 1433 г. Узнав, что Жигимонт удерживает столицу и пребывает в союзе с Ягайлом, они, «обругав Ивашку (Монивидовича. – *В.Г.*), кинулись на Киевскую и Черниговскую земли и по своему жестокого обычаю опустошили их»[98]. Из этого следует, что татары пришли с Левобережья Днепра.

Возвращаясь к вопросу разрыва отношений с Улуг-Мухаммедом, необходимо сказать, что в 1433 г. для Свидрыгайла главным театром военных действий была Литва, а не Волынь или Подолье. Князь рассчитывал на обещанное ханом войско во главе с его сыном Мамутяком и зятьями Айдаром и Элбердеем[99]. Об участии татар в войне (вероятно, на Подолье) сообщает Длугош[100]. Но в Литве и Белоруссии их не было, поскольку Жигимонт Кейстутович в своем письме к Ягайле от 25 сентября 1433 г., описывая военные действия, о них не упоминает[101]. Возможно, что отсутствие татар на стратегически важном для

---

[92] LEC / Begr. von F.G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. Abteilung 1. Bd. 8: 1429 Mai – 1435. Riga, 1884. № 624. S. 365–366.

[93] Odložilik O. Husici na brzegu Bałtyki w 1433 roku // Rocznik Gdański. T. VII i VIII. Gdańsk, 1935. S. 118–124.

[94] ПСРЛ. Т. 32: Хроника литовская и жмойтская. С. 84. Ср.: LEC. Bd. 8. № 636. S. 373 (осень 1432 г.).

[95] Lewicki A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów Litwy z Koroną. Kraków, 1892. S. 197–200.

[96] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta, et Collegio archaeographico edita. T. 1. Petropoli, 1848. № 119. P. 307–308.

[97] Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwętarża Archiwum koronnego // Archiwum komisji historycznej. T. XII. Cz.1. Kraków, 1919. № 7. S. 216–217.

[98] Długosz J. Dzieje. S. 481.

[99] LEC. Bd. 8. № 681. S. 403–404; Карамзин Н. История государства Российского. Т. V. Примечания. С. 176.

[100] Długosz J. Dzieje. S. 480.

[101] Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwętarża Archiwum koronnego. № 3. S. 213–214.

Свидрыгайло направлении и стало поворотным пунктом отношения к Улуг-Мухаммеду.

Уже 10 ноября 1433 г. из Киева он сообщает Ягайлу, что посадил на трон сына татарского царя Сеид-Ахмета (Sedachmatum caesaris Tartarorum filium)[102]. Но мог ли Свидрыгайло найти возможность во время неудачной для себя войны влиять на ситуацию в Золотой Орде? Нет! Организовать переворот на протяжении одного месяца от момента опустошения Киевщины и Черниговщины практически было невозможно.

Не будет преувеличением считать, что у Свидрыгайло просто б не хватило сил для переворота, расколовшего Золотую Орду. Как справедливо указывал еще Л. Колянковский[103], учитывая ограниченные возможности Свидрыгайло в конце 1433 г., он мог только подтвердить свои дружеские отношения с Сеид-Ахметом, который, скорее всего, взял власть без участия литовского князя. К тому же он контролировал не всю Золотую Орду, а только Правобережье Днепра. А Улуг-Мухаммед продолжал кочевать со своими людьми на просторах между Левобережьем Днепра и Правобережьем Волги до зимы 1436–1437 гг., когда под давлением Кичи-Мухаммеда вынужден был уйти сперва к Белеву, а потом в Казань[104].

У исследователей нет единого мнения о происхождении Сеид-Ахмета. Большинство считает его сыном Керим-Берды. По мнению Б. Флори, очевидно, позаимствованному у Л. Колянковского, он сын Бетсуб-улана (Sydachmath Bexubowitz), одного из претендентов на ханский трон, выдвинутых Витовтом в 1418 г.[105] В литовской летописи Бетсуб-улан выступает сыном Токтамыша и противником Керим-Берды[106]. Не исключено, что «Bexubowitz» – это перекрученное имя Бека-Суфи, которого Ж. Сабитов причисляет к потомкам Тука-Тимура[107]. Впрочем, восточные генеалогии среди сыновей Токтамыша также называют и Сеид-Ахмета[108].

Очевидно, Сеид-Ахмет оценил дружбу Свидрыгайло и уже 11 апреля 1434 г. литовский князь сообщил Ордену о встрече с послом хана. Тот сообщил, что татарское войско готово прибыть на Киевщину. Об этом мы знаем из письма братианского войта к магистру, процитированного А. Коцебу и повторенного И. Даниловичем[109]. Но, к сожалению, в двух упоминаниях ни разу не названо имя хана.

Тут мы, по мнению многих историков, принявших это утверждение еще от С. Богуша-Сестренцевича, вплотную приближаемся к точке взлета Хаджи

---

[102] Ibid. № 6. S. 216.

[103] Kolankowski L. Dzieje WKL. S. 256.

[104] Беспалов Р.А. Белевское побоище 1437 г. в истории Северо-Восточной Руси первой половины XV в. // Белевские чтения. Вып. V. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005. С. 31–55.

[105] Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 183, 194, прим. 63; Kolankowski L. Dzieje WKL. S. 255 przyp. 9. Długosz J. Dzieje. S. 203.

[106] ПСРЛ. Т. 32. С. 80.

[107] Сабитов Ж.М. Золотоордынский клан Бек-Суфи: история и вопросы генеалогии // Золотоордынское наследие. Мат. второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта, 2011. Вып. 2. Казань, 2011. С. 182.

[108] Му‘ изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Джайк-Пресс, 2006. С. 45.

[109] Коцебу А. Свитрыгайло. С. 192, 194; SD. T. 2. № 1684. S. 155–156.

Гирея. По предположению А. Прохаски, в источниках он впервые фигурирует в письме Девлет-Берды к Витовту от 26 мая 1426 г. под именем «Нессоуа»[110]. Мы с этим не согласны. И в источниках на греческом языке из далекой Италии, и на латинском языке из близкого Крыма его имя всегда легко узнается – «Ατζικαρέην»[111], или – «Agicari»[112]. Как показал А. Галенко, «арабское имя Гаджжи (по-русски Хаджи) в татарском произношении утрачивало начальный глухой спирант, из-за чего Гаджжи Гирея литва, поляки и москва знали как *Ази-Гирея*, *Aczgirei'a*»[113].

По мнению Д. Лунарди, татарско-генуэзские монеты с именем Хаджи Гирея появляются около 1433 г.[114] Но атрибутация монет итальянским нумизматом имеет большое количество ошибок, зачастую грубых, поэтому не может служить надежным источником.

Другим возможным свидетельством правления Хаджи Гирея в Крыму в 30-е гг. есть сообщение греческого хрониста из Италии Лаоника Халкокондила. Он записал, что на историческую арену Хаджи вышел в Крыму сразу как «regem Scytharum Atzikarem»[115]. Немецкий исследователь Г. Диттен считает, что информатором Халкокондила мог быть кто-то из плененных в 1444 г. под Варной поляков, а запись об упомянутых ниже событиях была в период до 1447 г.[116]

Речь идет о разгроме тарами карательной экспедиции Карло Ломеллини. Действительно, эхо войны с Апеннинского полуострова докатилось и до Крыма, где 22 июня 1434 г. татары разгромили войско генуэзцев – убили около 2 тыс. и захватили немало пленных[117]. Тут следует особо отметить, что ни один синхронный источник не называет имени хана, стоявшего во главе татар.

---

[110] CEV. № 1223. P. 722 nota 5.

[111] Laonici Chalcocondilae atheniensis. Historiarum libri decim // Corpus scriptorum historiae Byzantinae / Ex rec. I. Bekkeri. Bonne, 1843. Liber tertius. P. 130; Liber sextus. P. 284.

[112] Notes et extraits. P. 35, 36, Fol. 99v°.

[113] Галенко О. Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях / НАН України. Ін-т іст. України / Наук. ред. Ф.М. Шабульдо. Упор. О.Д. Брайченко. Київ, 2005. С. 138.

[114] Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi. Genova, 1980. – P. 81, 86–89, 91–93, 96–100, 103–106 (на основе материалов О. Ретовского).

[115] Chalcocondilae L. Historiarum libri decim. Liber sextus. P. 284.

[116] Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // Византийский Временник. Т. 21 (46). М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 92.

[117] Manfroni C. Due nuovi documenti per la storia della marineria genovese // Giornale storico e letterario della Liguria. Anno V. Fasc. 1–2. La Spezia: Società d'Incoraggiamento editrice, 1904. Gennaio-Febrario. Doc. 1. P. 38–39; Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434 // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol. XVII (91). Fasc. II. Genova, 1977. Doc. 2. P. 516; Крим у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) / Перекл. і вступ. стат. О. Галенка // Україна в минулому. Вип. VIII. – Київ-Львів, 1996. С. 180. В соответствующем месте явная ошибка. Вместо «за несколько дней перед этим» (речь о 1438 г.) нужно – «за несколько лет перед этим», т. к. в том году никакой войны татар с каффинцами не было. Chalcocondilae L. Historiarum libri decim. – Liber sextus. P. 284.

Подробности войны см.: Мыц В.Л. Война 1433–1441 гг. между Каффой и Феодоро // АДСВ. № 31. Екатеринбург, 2000. С. 348–351; Его же. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. С. 164–165; Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Каффы с татарами в XV веке // ИТУАК. № 50 (Год 26). 1913. С. 116–120; Vasiliev A.A.

Каким образом Хаджи мог бы в 1433–1434 гг. получить власть в Крыму, никто из исследователей еще не объяснил. М. Сафаргалиев считал Хаджи ставленником Жигимонта Кейстутовича в противопоставление союзнику Свидрыгайла хану Улуг-Мухаммеду[118]. И хотя в названом источнике Автора[119] ничего подобного нет, эту версию вроде бы подтвердил Л. Колянковский. В своей книге он процитировал отрывок из неопубликованного письма польского короля Жигимонта Старого к хану Саадат Гирею о том, что Хаджи некоторое время скрывался у Жигимонта Кейстутовича и со временем «он его в Орде перекопской своей помощью, средствами и выправою на царстве посадил»[120].

Приведенный Л. Колянковским текст высказывается однозначно. Но дело не такое простое, каким кажется на первый взгляд. Вопрос состоит в том, мог ли вообще Жигимонт Кейстутович дать помощь претенденту на ханский трон в 1433–1434 гг.?

Переворот в Литве в ночь на 1 сентября 1432 г. расколол Великое княжество Литовское. Южные и восточные регионы державы остались верными Свидрыгайлу и в октябре того же года он уже воевал с Жигимонтом. Летом 1433 г. происходил самый больший из всех организованных сверженным князем походов против его врага. До поздней осени Жигимонт ни разу не отважился дать бой войскам Свидрыгайла, не говоря уже о военной помощи претенденту на правление в Крыму или Золотой Орде. Одновременно с конца 1433 г. нижнее Правобережье Днепра уже контролировал союзник Свидригайла Сеид-Ахмет, а левобережье, Улуг-Мухаммед, который хоть и стал на сторону Жигимонта, но вряд ли согласился бы отдать стратегически важный Крым под власть другого правителя. То есть мы имеем все основания сомневаться, что в 1433–1434 гг. Хаджи Гирей вообще мог править в Крыму.

Анализ татарско-генуэзских монет К. Хромова привел его к выводу, что Крымом до 1443 г. владел Улуг-Мухаммед, а известия о захвате полуострова Сеид-Ахметом или Кичи-Мухаммедом не находят подтверждения[121]. Это не совсем так. По крайней мере, Сеид-Ахмет был в Крыму в марте 1441 г.[122] А вот выпуск крымских монет Хаджи Гирея до 1442 г. действительно выглядит более чем сомнительно. Поэтому логичнее допустить, что генуэзцев в 1434 г. разбил, скорее, Тегене-бей, имевший в Солхате свою резиденцию, нежели Хаджи Гирей. Но это предположение требует дополнительного исследования.

The Goths in the Crimea. – Cambridge Mass., 1936. P. 209; Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 183–193.

[118] Аналогично Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 57.

[119] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 239. ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907. – Стб. 543.

[120] Kolankowski L. Dzieje WKL. S. 257–258 przyp. 9.

[121] Хромов К.К. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в нижнеднепровском регионе // Его же. Восточная нумизматика в Украине. Сб. публ. Ч. 1: Монеты Джучидов XIII – XV веков. Киев, 2004. С. 56.

[122] Notes et extraits. P. 36. Fol. 119.

Таким образом, вопрос о том, где был и чем занимался Хаджи в 30-х гг. остается открытым. На наш взгляд, может быть две версии. Если Хаджи родился в Литве в окрестностях Трок, то его семья могла осесть там еще во времена побега Таш-Тимура от войск Тамерлана «в область Хармадай», под которой, возможно, следует понимать Великое княжество Литовское[123]. Поскольку ни Таш-Тимур, ни Гияс ад-Дин в дальнейшем не проявляли себя на политической арене, то вполне возможно, что все они пребывали в Литве до момента, когда Хаджи получил от Жигимонта Кейстутовича г. Лиду[124], где он «хлеб и соль елъ» и откуда выехал на правление в Крым[125].

Уже в 1456 г., по крайней мере, три сына Хаджи – Девлетяр, Нур-Девлет и Айдар – были взрослыми. В этом году в результате военного столкновения с Золотой Ордой хан на короткое время потерял власть[126] и престол, по предположению некоторых историков, занял его третий сын Айдар. Поэтому вполне возможно, что Хаджи мог родиться в конце XIV – начале XV вв. и на момент смерти был в возрасте около 70 лет. В Литве, по свидетельству де Лануа, у него было немало единоверцев и кое-кто из татарской знати был приближен к Витовту уже в 20-х гг.[127] Не исключено, что это мог быть кто-то из родственников Хаджи – Улуг-Мухаммед, Девлет-Берды, сам Таш-Тимур или же Гияс ад-Дин. Со временем, проявив свои таланты и верность, Хаджи был посажен на крымский трон Казимиром Ягайловичем.

Если же после рождения Хаджи его семья и далее искала счастья в степях[128], мне кажется маловероятным, чтобы в 1432–1433 гг. он мог бы найти пристанище в Литве и получить военную помощь, о чем уже было сказано выше. В таком случае его приезд в Литву, скорее всего, мог произойти после того, как Свидрыгайло окончательно утратил власть в русских землях Великого княжества Литовского, то есть – в 1437–1438 гг.

С конца 1433 г. Золотая Орда вновь раскололась. К началу 1440-х гг. в Москве некоторое время признавали царями «Кичи-Ахметя» и «Сиди-Ахметя»[129]. Но, как известно, Улуг-Мухаммед утратил власть и влияние не сразу. В 1436 г. от него к хану Кичи-Мухаммеду перешел бей Науруз[130]. Покинул хана и его «правая рука» зять Айдар, который в марте 1441 г. пребывал

---

[123] Десей О. Обоснование Актава из Золотой Орды в Оттоманской империи. С. 205–206.

[124] ПСРЛ. Т. 32. С. 160.

[125] АЗР. № 102. С. 119.

[126] Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). № 161. С. 45.

[127] Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа // Вестник Западной России. № 7. 1867. Отд. 1: Материалы для истории Литвы. С. 40, 45 = Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1390–1450 // ЗООИД. Т. 3. Одесса, 1853. С. 435.

[128] Приведенная В. Смирновим легенда говорит, что Хаджи вынужден был жить в изгнании в степи шесть лет. См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 215–216.

[129] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1950. № 38. С. 108, 111, 113, 116.

[130] Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в. XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. § 14. С. 140–141. Ж. Сабитов считает, что сестра Науруза могла быть матерью Кичи-Мухаммеда (Сабитов Ж. Чекре-хан и Мухаммед-хан // Зертеуші. 2011. № 3–4. С. 102).

в Крыму вместе с Сеид-Ахметом[131]. Учитывая давнюю вражду между Тегене и кунгратами, можно с уверенностью сказать, что бей имел все основания для поиска нового правителя хотя бы на полуострове.

Далее происходили уже хорошо известные события. По сообщению Хроники Быховца, крымские «князи и огланы, и все мурзы Ширинов и Баринов, от всей Перекопской Орды» просили Казимира Ягайловича дать им правителем Хаджи Гирея. Случилось это в тот же год, когда литовский правитель дал Луцк своему дядьке Свидрыгайло, после его возвращения из Молдавии. Как известно, Свидрыгайло занял Волынь в марте – апреле 1442 г.[132]

К этому времени в Степи произошла очередная перегруппировка сил. Как было сказано выше, с 1437 г. Улуг-Мухаммед больше не был фактором влияния на события в Великом княжестве Литовском. К концу 30-х гг. Сеид-Ахмет был в полной силе. Весной 1438 г. он нанес тяжелое поражение подольской шляхте[133]. И, похоже, он поставил под свой контроль и территорию между Левобережьем Днепра и Правобережьем Дона. После того как Свидрыгайло окончательно потерял власть в 1437–1438 гг., хан быстро наладил добрые отношения с Жигимонтом Кейстутовичем. В пользу этого свидетельствуют долголетние дружественные отношения Сеид-Ахмета с сыном убитого в 1440 г. Жигимонта Кейстутовича, опальным князем Михаилом Жигимонтовичем, который в конце 40-х гг. нашел у хана приют и военную поддержку[134].

Казимир Ягайлович удовлетворил просьбу татарской знати, и Хаджи был провозглашен ханом прямо в Вильно. В этом не было бы необходимости, если бы у Литвы с Сеид-Ахметом сохранились союзные отношения. Очевидно, что для влияния на Золотую Орду в целом у едва вышедшей из внутренней войны Литвы сил не было, но для противовеса Сеид-Ахмету их хватило. Земский маршалок Радзивилл, который еще при Витовте выполнял аналогичные поручения, сопроводил Хаджи в Крым, где и посадил его на трон[135].

Вполне возможно, что эта акция была согласована со старшим братом Казимира Ягайловича польским и венгерским королем Владиславом III. Будучи в Буде, 29 сентября 1442 г. король наградил Теодорика Бучацкого должностью подольского старосты за оборону Галиции и Подолья от татар и за посольство к «татарскому императору» (Caesarem Tartarorum). Тогда же староста получил 200 гривен на ежегодные «упоминки» (munuscula) татарам[136].

Поскольку Подолье непосредственно граничило с кочевьями Сеид-Ахмета на Правобережье Днепра, то, скорее всего, именно с ним и воевал Теодорик в начале 1440-х гг. Подтверждением тому служат пожалованные Бучацкому 30 сентября 1442 г. владения в междуречье Буга и Днестра для возведения там укреплений – Черногород (Czarnigrad), Хаджибей (Caczibeiow), Караул (Caravul)[137]. Территория днепровско-днестровского междуре-

---

[131] Notes et extraits. P. 36. – Fol. 119.

[132] Halecki O. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa Wołyńska za Kazimierza Jagiellończika. Kraków, 1915. S. 25–45.

[133] Długosz J. Dzieje. S. 549–550.

[134] Kopysiański A. Księże Michał Zygmuntowicz // Kwartalnik Historyczny. Rocznik XX. Lwów, 1906. S. 145–165.

[135] Stryjkowski M. Kronika. S. 212–213; ПСРЛ. Т. 32. С. 160.

[136] Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwętarża Archiwum koronnego. S.163.

[137] Грушевский М. Барское староство, исторические очерки. Киев, 1894. С. 25–27 прим. 3 = Грушевский М. Вместо вступления // Архив Юго-Западной России, издаваемый

чья могла быть очищена от татар в результате весеннего похода в 1442 г., но все еще не была безопасной, поскольку и в дальнейшем король жаловал там земли за оборону от степняков (in terris Podoliae granicias nostras a Thartaris defendo)[138]. Тем не менее на территории Восточного Подолья началась интенсивная колонизация шляхты[139].

В Венгрию Т. Бучацкий прибыл уже вместе с послом неназваного татарского правителя. Но вряд ли это был посол Кичи-Мухаммеда. Еще 4 июля 1442 г. Бучацкий выдал документ, которым уступил с. Кросенки на Подолье некоему М. Клушу[140]. В Буде Теодорик зафиксирован 29 сентября 1442 г.[141], хотя, скорее всего, прибыл туда несколько ранее. В посольство к татарам, по всей видимости, он ездил не позже середины июля – конца августа. Беря во внимание удаленность Венгрии от Сарая, можно думать, что татарский посол ехал, скорее, из Крыма от Хаджи Гирея, чем с берегов Волги. Важность посольства Бучацкого в Крым подтверждает вознаграждение не только Теодорика, но и сопровождавшего его Томаша из Гинковиц[142].

Несколько слов относительно «упоминков». Король старался избавить себя от этой тяжести и через три года Т. Бучацкий уже выплачивал их из своих средств[143]. Но, возможно, это связано с гибелью Владислава III в бою с турками в 1444 г. и с отсутствием в Польше короля, вплоть до 1447 г. Практика «упоминок», наверное, не была долгой, поскольку следующее достоверное упоминание дани с русских земель Великого княжества Литовского отмечено без малого через пятьдесят лет – в декабре 1492 г.[144]

По мнению М. Сафаргалиева, А. Некрасова и О. Гайворонского, Хаджи Гирей был провозглашен ханом не позднее 1443 г. или даже в 1442 г.[145] Но документальное подтверждение, что Хаджи правил в Крыму, относится еще к

Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Ч. 8. Т. 1: Материалы для истории местного управления в связи с историею сословной организации. Акты барского староства XV–XVI вв. Киев, 1893. С.25–27 прим. 3.

[138] Михайловський В. Надання земельної власності у Подільському воєводстві за панування Владислава III (1434–1444) // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 8/9 / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Київ-Нью-Йорк: Видавництво М.П. Коць, 2004. С. 241–242.

[139] Грушевский М. Барское староство. С. 32–43.

[140] K atalog dokumentów pergaminowych ze zbiorów Tomasza Niewodniczańskiego w Bitburgu / Opracowali J. Tomaszewicz i M. Zdanek, pod red. W. Bukowskiego. Kraków, 2004. № 65. S. 31.

[141] Михайловський В. Матеріали до itineraria подільський воєвод, каштелянів і старост у XV ст. // Молода нація. Альманах / Ін-т східноєвропейських досліджень НАН України. № 3. Київ: Смолоскип, 2001. С. 163.

[142] Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowe. T. VI. Lwów, 1876. № XX. S. 31–32.

[143] Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwętarża Archiwum koronnego. S.163–164; Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х рр. XVI ст. Київ: Темпора, 2012. С. 139 прим. 3.

[144] Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением привилегий на входы в пущи и на земли. Т. 1. – Вильна, 1867. С. 330, 340.

[145] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 261–262; Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. № 2. М., 1999. С. 50; Гайворонский О. Повелители двух материков. С. 25, 41 прим. 32.

первой половине 1442 г.[146] Если сообщение белорусско-литовской летописи о временной связи событий на Волыни и в Крыму верно, то Хаджи стал правителем весной 1442 г., точнее в промежутке между мартом и концом апреля этого года. На такую мысль наводят и тексты мирного договора между правителем Молдавии воеводой Ильей и великим князем Казимиром Ягайловичем.

В своем экземпляре договора от 9 февраля воевода Илья обязуется помогать Казимиру против всех возможных врагов, кроме польского и венгерского короля Владислава III. Татары в договоре не упомянуты. А в экземпляре договора великого князя литовского от 8 июня оговорено, что он также будет помогать воеводе против всех возможных врагов, кроме Владислава III и «царя Татаръского, занежъ царъ есть волный». Поэтому его помощь в случае конфликта с татарами будет исключительно «прозбою и послы (к хану. – *В.Г.*), без хитрости»[147].

Нам видится тут два момента. Во-первых, договор указывает, что «вольный царь» есть независимый от правителя Золотой Орды. По крайней мере, так его принимают в Литве. Во-вторых, литовцы дали понять, что Хаджи их союзник и он важен для них. Для этого Казимир должен был иметь подтверждение, что Хаджи закрепился на престоле. Преодоление расстояния от Вильно до Кырк-ера у послов занимало до полутора месяцев[148], хотя гонец проделывал его, разумеется, быстрее. Учитывая время на поход Радзивилла в Крым, проезд гонца в Вильно и подготовку составления договора с воеводой Ильей, датировать утверждение Хаджи Гирея в Крыму следует не позже конца апреля 1442 г.

Но этот временной промежуток можно сузить. Первые крымские монеты Хаджи Гирея О. Ретовский датировал 845 г. х.[149] Его начало по европейскому календарю приходится на 22 мая 1441 г., а конец – на 12 апреля 1442 г.[150] Таким образом, получается, что Хаджи утвердился в Крыму в марте – начале апреля 1442 г.

Имея опору в Великом княжестве Литовском, Хаджи Гирей чувствовал себя в Крыму уверенно. Это понимали и в Каффе, которая еще не забыла угроз Витовта. Поэтому, опасаясь ханского гнева, консул Каффы не дал согласия на крещение какого-то татарина, хотевшего таким образом избежать наказания за побег доверенного ему невольника[151].

Так началась история Крымского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1340–1506. СПб., 1846.

---

[146] Notes et extraits. P. 35. Fol. 99v°.

[147] АЗР. № 40. С. 54–55.

[148] Безпалько В. Датування кримсько-литовських посольських документів 1506–1507 рр. Книги записів № 7 Литовської Метрики // Україна в Центрально-Східній Європі / НАН Укр. Інститут історії України. Вип. 9–10. Київ: Ін-т історії України, 2010. С. 297.

[149] Retowski O. Die Münzen der Gireї // Труды Московского нумизматического общества. Т. 2. Вып. 3. М., 1901. S. 244–246.

[150] Синхронические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 175.

[151] Карпов С.П. Регесты. № 121. С. 34 (сентябрь 1442 р.).

2. Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 1962.

3. Аствацатуров Г. Бендерская крепость. Бендеры, 1997.

4. Ачкурин М.М. Начальная генеалогия Ширинских князей // Золотоордынское наследие. Мат. второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта, 2011. Вып. 2. Казань, 2011.

5. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в. XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971.

6. Безпалько В. Датування кримсько-литовських посольських документів 1506–1507 рр. Книги записів №7 Литовської Метрики // Україна в Центрально-Східній Європі / НАН Укр. Інститут історії України. Вип. 9–10. Київ: Ін-т історії України, 2010.

7. Беляева С.А. Турецкая крепость Озю (Очаков). Некоторые материалы исторической топографии // От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003.

8. Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872.

9. Беспалов Р.А. Белевское побоище 1437 г. в истории Северо-Восточной Руси первой половины XV в. // Белевские чтения. Вып. V. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005.

10. Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009.

11. Беспалов Р.А. Хан Улуг-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012.

12. Бойко А.В. Археологічні старожитності Великого Лугу в джерелах XVIII століття // Археологический вестник. № 3. – Запорожье, 1992.

13. Борейша Ю., Казаров А. О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидрыгайлы Ольгердовича. Минск: Тесей, 2009.

14. Бочаров С.Г. Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // Stratum plus. № 6. СПб.–Кишенев–Одесса, 1999.

15. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина, 2004

16. Войтович Л. Князівські династії східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. – Львів, 2000.

17. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Сб. ст. Вып. IV. Нумизматический сб. Т. 3. М.: Информэлектро, 2002.

18. Гайворонский О. Мысли об Эски-Юрте // Восточная нумизматика в Украине. Сб. публ. Часть II: Монеты Джучидов XIII–XV веков и сопредельных государств / Под ред. К.К. Хромова. Киев, 2007.

19. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев–Бахчисарай: Майстерня книги-Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010.

20. Галенко О. Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях / НАН України. Ін-т іст. України / Наук. ред. Ф.М. Шабульдо. Упор. О.Д. Брайченко. Київ, 2005.

21. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник, 2001. М.: Восточная литература, 2002.

22. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006.

23. Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов и их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007.

24. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Ученые записки Ленинградского государственного университета. №405. Сер. востоковед. наук. Вып. 24: Востоковедение. № 8. Л., 1981.

25. Грушевский М. Барское староство, исторические очерки. Киев, 1894.

26. Грушевский М. Вместо вступления // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Ч. 8. Т. 1: Материалы для истории местного управления в связи с историею сословной организации. Акты барского староства XV–XVI в. Киев, 1893.

27. Десей О. Обоснование Актава из Золотой Орды в Оттоманской империи Йылдырыма Баязида // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010.

28. Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // Византийский Временник. Т. 21 (46). М.: Изд-во АН СССР, 1962.

29. Довженок В.Й. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. X. Kiev, 1961.

30. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

31. Єльников М.В. До локалізації золотоординського городища Кінські Води // Музейний вісник. Науково-теоретичний щорічник. Вип. 9. – Запоріжжя, 2009.

32. Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татар археологиясе. № 1–2 (8–9). Казань, 2001.

33. Єльников М.В. Нові дослідження культової споруди на золотоординському поселенні Мечеть-Могила // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Зб. наук. пр. / Наук. ред. О.Б. Супруненко. Київ-Полтава, 2011.

34. Еманов А.Е. Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв. // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. Сб. ст. / Университет Дмитрия Пожарского / Под ред. Д. Агеева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2006.

35. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966.

36. Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

37. Історія державної служби в Україні. У п'яти томах. Т. 3: Документи і матеріали. V ст. до н. е. – 1774 р. Київ: Ніка-Центр, 2009.

38. Ильинский В.Е., Козловский А.А. Золотоордынское поселение на о. Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. IV. Запорожье, 1993.

39. Карамзин Н. История государства Российского. Изд.2. Т. V. СПб., 1819.

40. Карпов С.П. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.-СПб.: Алетейя. 1998.

41. Книга глаголемая Ксенох, сиречь Странник, Зосимы диакона о пути Иерусолимском до Царя града и до Иеросалима // Православный Палестинский сборник. Вып. 24. СПб., 1889.

42. Козубовский Г.А. К вопросу о генуэзско-татарских монетах с литовскими контрамарками // Сугдейский сборник. Киев–Судак: Академпериодика, 2004.

43. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. / Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2009.

44. Коцебу А. Свитрыгайло, великий князь литовский. СПб., 1835.

45. Кротков А.А. Увек-Саратовский по данным истории и археологии // Поволжский край. Вып. 12. 2005.

46. Крим у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) / Перекл. і вступ. стат. О. Галенка // Україна в минулому. Вип. VIII. Київ–Львів, 1996.

47. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Общ. ред. П.Д. Малыгина и П.Г. Гайдукова. Тверь, 1994.

48. Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // ИТУАК. № 50 (Год 26). 1913.

49. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев // ИТУАК. № 23 (Год 9). 1895.

50. Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода. 5. «Да сохранится Крым от бедствий» (монеты конца XIV – начала XV в.) // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002.

51. Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV вв.) // Вестники Одесского музея нумизматики. Выпуски № 1–19 / Сб. ст. по нумизматике Северного Причерноморья. Одесса, 2004.

52. Лебедев В. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды. III. Монеты времени Токтамыша, его соперников и преемников (1375–1430) // Нумізматика і фалеристика. № 3. Київ, 2000.

53. Мавріна О.С. Виникнення Кримського ханату в контексті політичної ситуації в Східній Європі кінця XIV – середини XV століття // Сходознавство. № 25–26. Київ, 2004.

54. Мавріна О.С. Виникнення та становлення Кримського ханату (XV століття). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2005.

55. Мавріна О.С. До проблеми датування виникнення Кримського ханату // VIII Сходознавчі читання А. Кримського. Київ, 2004.

56. Майко В.В. Кыркерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев: Академпериодика, 2007.

57. Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сб. ст. М.: Наука, 1953.

58. Миргалеев И.М. Позднезолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.1. Казань, 2009.

59. Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х рр. XVI ст. Київ: Темпора, 2012.

60. Михайловський В. Матеріали до itineraria подільський воєвод, каштелянів і старост у XV ст. // Молода нація. Альманах / Ін-т східноєвропейських досліджень НАН України. № 3. Київ: Смолоскип, 2001.

61. Михайловський В. Надання земельної власності у Подільському воєводстві за панування Владислава III (1434–1444) // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 8/9 / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Київ-Нью-Йорк: Видавництво М.П. Коць, 2004.

62. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд. МГУ, 1994.

63. Мойсеєнко О. Чорне море у міжнародній політиці в 2-й половині XIV-го – першій половині XV століття: концепція проблеми (на прикладі торгівлі генуезької Кафи) // Четвертий міжнародний конгрес україністів. Одеса, 26–29 серпня 1999 р.

Доповіді та повідомлення. Історія. Ч. І: від давніх часів до початку XX ст. – Одеса-Київ-Львів, 1999.

64. Му‘ изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Джайк-Пресс, 2006.

65. Мыц В.Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хутайни магупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Дмитрий // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001.

66. Мыц В.Л. Битва на Синей Воде в историографии Средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1. Полтава: Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації; Інститут археології НАН України, 2002.

67. Мыц В.Л. Война 1433–1441 гг. между Каффой и Феодоро // АДСВ. Екатеринбург, 2000. № 31.

68. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.

69. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература РАН, 2000.

70. Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. № 2. М., 1999.

71. Оленковський М.П. Археологічні пам’ятки Каховського району Херсонської області. Археологічна карта. Херсон: Айлант, 2004.

72. Парунин А.В. Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сб. науч. тр. – Астана: Мастер ПО, 2012.

73. Пачкалов А.В. О локализации монетного двора Орда-Базар (XV в.) // Российская археология. №2. 2005.

74. Пачкалов А.В. Тимур Бик-Базар – монетный двор XV в. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005. Тезисы докладов и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005.

75. Петрунь Ф. Е. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східний світ. 1928. № 6.

76. Пиворович В.Б. К вопросу о чеканке монет Менгли Гирея I на территории крепости Балыклея на реке Южный Буг // Восточная нумизматика в Украине. Часть III. Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. Сб. публ. / Под ред. К.К. Хромова. Киев: Логос, 2013.

77. Погребова Н.Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 89. М.: АН СССР, 1962.

78. ПСРЛ. Т.6: Софийская вторая летопись. Вып. 2. М., 2001.

79. ПСРЛ. Т.8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

80. ПСРЛ. Т.12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901.

81. ПСРЛ. Т.17: Западнорусские летописи. СПб., 1907.

82. ПСРЛ. Т.18: Симеоновская летопись. М., 2007.

83. ПСРЛ. Т.20: Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.

84. ПСРЛ. Т.23: Ермолинская летопись. СПб., 1910.

85. ПСРЛ. Т.25: Московский летописный свод конца XV века. М., 1949.

86. ПСРЛ. Т.26: Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959.

87. ПСРЛ. Т.27: Никаноровская летопись. М., 1962.

88. ПСРЛ. Т.32: Хроника Быховца. Хроника литовская и жмойтская. М.: Наука, 1975.

89. ПСРЛ. Т.35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.

90. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. с нем. и прим. Ф. Брун // Записки императорского Новороссийского университета. Год 1. Т. 1. Одесса, 1867.

91. Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа // Вестник Западной России. № 7. 1867. Отд. 1: Материалы для истории Литвы.

92. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом Княжестве Литовском с присовокуплением привилегий на входы в пущи и на земли. Т. 1. Вильна, 1867.

93. Ретовский О.Ф. Генуэзские надписи, найденные в г. Феодосии в 1894 г.// ЗООИД. Т. 19. Одесса, 1896.

94. Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. № 29 (Год 12). 1899.

95. Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев // ИТУАК. № 18 (Год 7). 1893.

96. Сабитов Ж.М. Золотоордынский клан Бек-Суфи: история и вопросы генеалогии // Золотоордынское наследие. Мат. второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта, 2011. Вып. 2. Казань, 2011.

97. Сабитов Ж. Чекре-хан и Мухаммед-хан // Зертеуші. 2011. № 3–4.

98. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М., 2005

99. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / Уч. зап. Мордовского гос. ун-та. Вып. XI. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960.

100. Сборник Муханова. Изд. 2. СПб., 1866.

101. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2008.

102. Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2011.

103. Синхронические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

104. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

105. Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК. № 54 (Год 31). 1918.

106. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

107. Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.

108. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

109. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

110. Тоган З.В. Восточноевропейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010.

111. Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XV в. М., 1887.

112. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.

113. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001.

114. Хромов К.К. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в нижнеднепровском регионе // Его же. Восточная нумизматика в Украине. Сб. публ. Ч. 1: Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев, 2004.

115. Хромов К.К. Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Історико-географічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. Ч. 9 / НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2006.

116. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки. Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальско-нижегородские, тверские и рязанские. СПб., 1891.

117. Яровая Е.А. Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам из Каффы, Солдайи и Чембало (XIV – I треть XVI в.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2004.

118. Яровая Е.А. О феномене генуэзской родовой геральдики // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Навук. зб. Вып.4. Мінск: БДУ, 2008.

119. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol. XVII (91). Fasc. II. Genova, 1977.

120. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowe. Vol. VI. Lwów, 1876.

121. Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro. Studi genuensi. Nuova serie**.** Anno V. Vol. 8. Genova, 1991.

122. Błaszczyk G. Burza koronacyjna: Dramatyczny fragment stosunków polsko-litewskich w XV w.: Polska – Litwa, 1429–1430. Poznań, 1998.

123. Codex epistolaris seculi decimi quinti. Vol. 2: 1382–1445. Coll. opera A. Lewicki. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. 12. Kraków, 1891.

124. Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów papieżkih, cesarskich, królewskich, księżecyzch, uchwał narodowych, postanowień różnych wład i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dzjejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów (SD). Vol. 2. Wilno, 1862.

125. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. Archivo storico italiano. Quarta serie. Vol. 20. Firenze, 1887.

126. Jana Długosza Dziejów Polskich księg dwanaście. Vol. IV. Ks. XI–XII. Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, 1869.

127. Halecki O. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa Wołyńska za Kazimierza Jagiellończika. Kraków, 1915.

128. Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwętarża Archiwum koronnego. Archiwum komisji historycznej. Vol. XII. Cz. 1. Kraków, 1919.

129. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray. Harvard Ukrainian Studies. Vol. III/IV. Part 1. Cambridge, Massachusetts, 1979–1980.

130. Katalog dokumentów pergaminowych ze zbiorów Tomasza Niewodniczańskiego w Bitburgu. Opracowali J. Tomaszewicz i M. Zdanek, pod red. W. Bukowskiego. Kraków, 2004.

131. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów (Dzieje WKL). Vol. 1: 1377–1499. Warszawa, 1930.

132. Kopysiański A. Księże Michał Zygmuntowicz. Kwartalnik Historyczny. Rocznik XX. Lwów, 1906.

133. Liber cancellariae Stanislae Ciołek. Ein Formelbuch der polischen Königskanzlei aus der zeit der husitischen Bewegung. Herausgegeben J. Caro. Wien, 1871.

134. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (LEC). Hrsg. von F.G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 5: 1414–1423. Riga, 1867.

135. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (LEC). Begr. von F.G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. Abteilung 1. Bd. 8: 1429 Mai – 1435. Riga, 1884.

136. Laonici Chalcocondilae atheniensis. Historiarum libri decim. Corpus scriptorum historiae Byzantinae / Ex rec. I. Bekkeri. Bonne, 1843.

137. Lewicki A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów Litwy z Koroną. Kraków, 1892.

138. Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi. Genova, 1980.

139. Manfroni C. Due nuovi documenti per la storia della marineria genovese. Giornale storico e letterario della Liguria. Anno V. Fasc. 1–2. La Spezia: Società d'Incoraggiamento editrice, 1904. Gennaio-Febrario.

140. Nikodem J. Spory o koronacje wielkiego książia Litwy Witolda w latach 1429–1430. Cz. II: Proba reconstrukcji wydarzeń. Lituano-Slavica Posnanensia. Studia Historica. Vol. 7. Poznań, 1997.

141. Nikodem J. Zbigniew Oleśnicki wobec unii polsko-litewskiej do śmierci Jagiełły. Nasza Przeszłość. № 91. Kraków, 1999.

142. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Publiés par N. Jorga. T. I. Paris: Ernest Leroux, 1899.

143. Odložilik O. Husici na brzegu Bałtyki w 1433 roku. Rocznik Gdański. Vol. VII i VIII. Gdańsk, 1935.

144. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515). Kraków-Warszawa, 1881.

145. Purc J. Itinerarium Witołda, wielkigo księca Litwy. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza. Ser. Historia. № 74. Zesz. 11. Poznań, 1971.

146. Retowski O. Die Münzen der Gireï. Труды Московского Нумизматического общества. Т. 2. Вып. 3. М., 1901.

147. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava). Estratto dal volume LVI degli Atti della società Ligure di storia patria. Genova, 1928.

148. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi. Vol. 2. Warszawa, 1846.

149. Supplementum ad Historica Russiae Monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta, et Collegio archaeographico edita. Vol. 1. Petropoli, 1848.

150. Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Biblioteka Genealogiczna. Vol. 2. Pod red. M. Górnego. Poznań-Wrocław, 1999.

151. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.

152. Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1390–1450. ЗООИД. Vol. 3. Одесса, 1853.

Сведения об авторе: Владислав Петрович Гулевич – главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины, магистр истории (Киев, Украина); gulevych_v@ukr.net

THE NORTHERN BLACK SEA REGION FROM 1400–1442 AND THE ORIGIN OF THE CRIMEAN KHANATE

V.P. Gulevych
(Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine, Kiev, Ukraine)

The history of the Crimean Khanate's foundation still remains poorly studied. Also, little is known about the early years of the first Crimean khan Haci I Giray whose ancestors ruled in the Crimea and the Golden Horde.

In the 20s of the 15th century the Grand Duke of Lithuania Vytautas actively intervened in the affairs of the Crimea and the Golden Horde trying to establish his sovereignty in the city of Caffa, where he strove to nominate subordinated khans. However, at the end of his reign, he could not exert a serious military pressure because until he died, he was occupied with his coronation.

The boundaries of the Crimean tumen extended from the river Dniester in the West to the Volga River in the East, from the mean flow of the Dnieper and Southern Bug River in the North to the coastal cities of the Crimean peninsula in the south. In the first half of 15th century, there were many stationary settlements of Tatars in the Black Sea steppes. Thus, the tumen occupied a large territory.

Having a great military power, the Crimean rulers did not separate the Crimean Ulus from the Golden Horde, but used the peninsula as a staging area for the seizure of power in the state capital city of Sarai.

The Tatar nobility also sought to enthrone those khans who would be dependent on them. One of their strongest representatives was Tehene-bey who had a residence in Solkhat on the Crimean peninsula. He persuaded Vytautas to give them Ulugh Muhammad as a khan. In response, the khan nominated Tehene-bey as his deputy in the Crimea.

A few years later, Ulugh Muhammad quarreled both with Tehene-bey and the Lithuanian ruler Švitrigaila. In 1433, the Grand Duke of Lithuania helped Khan Sayid Ahmad II both to split the Golden Horde and to seize power on the right bank of the Dnieper.

According to many historians, Haci Giray seized power in the Crimea and defeated a Genoese military detachment in 1434, but this statement is not confirmed by the written sources and numismatic data. The assumption of some historians that Haci Giray took power with the help of the Lithuanian Grand Duke, Sigismund Keystutovich, has no confirmation. The Crimean peninsula had been owned by Ulugh Muhammad Khan before 1441, and thereafter by Sayid Ahmad II for a short time.

It is not known exactly where Haci I Giray had been staying in the 30s, but in the early 40's, he resided in Lithuania. In the spring of 1442, Tehene-bey arrived in Lithuania with the Embassy of the Crimean nobles and convinced the new Lithuanian ruler, Casimir, to allow Haci Giray to become the Khan of Crimea.

The analysis of sources leads to the conclusion that Haci Giray appeared as a khan in March-April 1442. Possibly the actions of the Lithuanian Grand Duke in relation to Crimea were agreed with his elder brother Władysław III, King of Poland and Hungary. The Ambassador T. Buczacki visited Haci Giray in the summer of 1442 on behalf of Władysław III. He returned to Hungary together with the ambassador of the Tatar khan.

Haci I Giray remained under the patronage of the Grand Duchy of Lithuania. This is confirmed by the peace agreements signed in February and June 1442 between the Grand Duke of Lithuania, Casimir and ruler of Moldavia, Iliaş I.

Using the patronage of the Lithuanian ruler, Haci Giray quickly established his authority on the Crimean peninsula.

Keywords: North Black Sea region, Crimea, Golden Horde, Grand Duchy of Lithuania, Ulugh Muhammad khan, Sayid Ahmad II khan, Haci Giray khan.

REFERENSES

1. *Akty, otnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju* [Acts Relating to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archeological Commission]. Vol. 1: 1340–1506. Saint-Petersburg, 1846.

2. Al'-Holi A. *Svjazi mezhdu Nilom i Volgoj v XIII–XIV vv.* [Relations between the Nile and the Volga in the 13th – 14th Centuries]. Moscow, 1962.

3. Astvacaturov G. *Benderskaja krepost* [The Bender Fortress]. Bendery, 1997.

4. Achkurin M.M. *Nachal'naja genealogija Shirinskih knjazej* [Initial Genealogy of the Shirinsk Princes]. *Zolotoordynskoe nasledie. Mat. vtoroj Mezhdunar. nauch. konf. «Politicheskaja i social'no-jekonomicheskaja istorija Zolotoj Ordy», posv. pamjati M.A. Usmanova* [The Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Conference "The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde", in memory of M.A. Usmanov]. Kazan, 29–30 march, 2011. No. 2.

5. Barbaro Iosafat. *Puteshestvie v Tanu*. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkih svjazej v XV v. [Travel to Tana. Barbaro and Contarini on Russia. On the History of the Italian- Russian Relations in 15th Century]. Transl. by E.Ch. Skrzhinskayah. Moscow, 1971.

6. Bezpal'ko V. *Datuvannja krims'ko-litovs'kih posol's'kih dokumentiv 1506–1507 rr. Knigi zapisiv no. 7 Litovs'koï Metriki. Ukraïna v Central'no-Shidnij Єvropi* / NAN Ukr. Institut istoriï Ukraïni. Vip. 9–10. Kiïv: In-t istoriï Ukraïni, 2010.

7. Beljaeva S.A. *Tureckaja krepost' Ozju (Ochakov). Nekotorye materialy istoricheskoj topografii. Ot Stambula do Moskvy. Sb. st. v chest' 100-letija professora A.F. Millera* [The Turkish Fortress Ozyu (Ochakov). Some Materials of the Historical Topography. From Istanbul to Moscow. Col. of Art. in honor of the 100th anniversary of Professor A.F. Miller]. Moscow, 2003.

8. Berezin I.N. *Tarhannye jarlyki krymskih hanov Mengli-Gireja i Muhammed-Gireja* [The Tarhan yarlyks of Crimean Khans Mengli Girey and Muhammad Girey]. Vol. 8. Odessa, 1872.

9. Bespalov R.A. *Beljovskoe poboishhe 1437 g. v istorii Severo-Vostochnoj Rusi pervoj poloviny XV v.* [The Belyov battle in 1437 in the History of the North-Eastern Russia in the First Half of 15th Century]. Beljovskie chtenija. No. V. Moscow, 2005.

10. Bespalov R.A. *Bitva koalicii feodalov Verhnego Pooch'ja s hanom Kuydadatom osen'ju 1424 goda* [The Battle of the Coalition of the Feudal Lords from the Upper Poochya with Khan Kuydadat in Autumn 1424]. Verhnee Podon'e: Arheologija. Istorija. No. 4. Tula, 2009.

11. Bespalov R.A. *Han Ulu-Muhammed i gosudarstva Vostochnoj Evropy: ot Beljova do Kazani (1437–1445)* [Khan Ulu Muhammad and the States of Eastern Europe: From Belyov to Kazan (1437–1445)]. *Zolotoordynskaja civilizacija. Sb. st.* [The Golden Horde Civilization]. No. 5. Kazan', 2012.

12. Bojko A.V. *Arheologichni starozhitnosti Velikogo Lugu v dzherelah XVIII stolittja*. *Arheologicheskij vestnik*. Zaporozh'e, 1992, no. 3.

13. Borejsha Ju., Kazarov A. *O nadchekankah «koljumn» Vitovta Kejstutovicha i Svidrygajly Ol'gerdovicha* [On the Countermarks "kolyumn" of Vytautas Keystutovich and Svidrygayly Olgerdovich]. Minsk, 2009.

14. Bocharov S.G. *Genujezsko-tatarskie mednye monety Kaffy* [The Genoese-Tatar Copper Coins of Kaffa]. Stratum plus, no. 6. Saint-Petersburg-Kishenev-Odessa, 1999.

15. Bubenok O.B. *Alany-asy v Zolotoj orde (XIII – XV vv.)* [Alan-Ases in the Golden Horde (13th – 15th Centuries)]. Kiev, 2004.

16. Vojtovich L. *Knjazivs'ki dinastiï shidnoï Evropi (kinec' IX – pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politichna rol'. Istoriko-genealogichne doslidzhennja*. L'viv, 2000.

17. Gaev A.G. *Genealogija i hronologija Dzhuchidov. K vyjasneniju rodoslovija numizmaticheski zafiksirovannyh pravitelej ulusa Dzhuchi* [The Genealogy and History of the Juchids. To the Question of Genealogy of the Numismatically Documented Rulers of

the Ulus of Jochi]. *Drevnosti Povolzh'ja i drugih regionov. Sb. st. No. IV. Numizmaticheskij sb. Vol. 3.* Moscow, 2002.

18. Gajvoronskij O. *Mysli ob Eski-Jurte* [Thoughts on Eski Yurt]. *Vostochnaja numizmatika v Ukraine. Sb. publ. Chast' II: Monety Dzhuchidov XIII – XV vekov i sopredel'nyh gosudarstv*. Pod red. K.K. Hromova. Kiev, 2007.

19. Gajvoronskij O. *Poveliteli dvuh materikov. Vol. 1: Krymskie hany XV–XVI stoletij i bor'ba za nasledstvo Velikoj Ordy* [The Lords of the Two Continents. Volume 1: The Crimean khans of 15th–16th Centuries and the Struggle for the Legacy of the Great Horde]. Kiev-Bahchisaraj, 2010.

20. Galenko O. *Zolota Orda u bitvi bilja Sinih Vod 1362 r. Sin'ovods'ka problema u novitnih doslidzhennjah. NAN Ukraïni. In-t ist. Ukraïni / Nauk. red. F.M. Shabul'do. Upor. O.D. Brajchenko.* Kiev, 2005.

21. Grigor'ev A.P., Frolova O.B. *Geograficheskoe opisanie Zolotoj Ordy v enciklopedii al-Kalkashandi* [Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of al- Kalkashandi]. *Tjurkologicheskij sbornik,* 2001. Moscow, 2002.

22. Grigor'ev A.P. *Zolotoordynskie jarlyki: poisk i interpretacija* [The Golden Horde Yarlyks: Search and Interpretation]. *Tjurkologicheskij sbornik.* 2005. *Tjurkskie narody Rossii i Velikoj stepi.* Moscow, 2006.

23. Grigor'ev A.P. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy: mestopolozhenie gorodov i ih naimenovanija* [Historical Geography of the Golden Horde: The Location of Cities and Their Names]. *Tjurkologicheskij sbornik.* 2006. Moscow, 2007.

24. Grigor'ev A.P. *Pozhalovanie v jarlyke Toktamysha* [The Award in Toktamysh's Yarlyk]. *Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta. No.405. Ser. Vostokoved. nauk. No. 24: Vostokovedenie. No. 8.* Leningrad, 1981.

25. Grushevskij M. *Barskoe starostvo, istoricheskie ocherki* [The Noble Starostvo, Historical Essays]. Kiev, 1894.

26. Grushevskij M. *Vmesto vstuplenija. Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii, izdavaemyj Komissieju dlja razbora drevnih aktov, sostojashhej pri kievskom, podol'skom i volynskom general-gubernatore* [Instead of Introduction. The Archive of Southwest Russia, published by the Commission for Analysis of the Ancient Acts from Kiev, Podol'sk and Volyn Provinces] *Ch. 8. Vol. 1: Materialy dlja istorii mestnogo upravlenija v svjazi s istorieju soslovnoj organizacii. Akty barskogo starostva XV – XVI v.* Kiev, 1893.

27. Desej O. *Obosnovanie Aktava iz Zolotoj Ordy v Ottomanskoj imperii Jyldyryma Bajazida* [The Rationale of Aktav from the Golden Horde in the Ottoman Empire of Yildirim Bayezid]. *Zolotoordynskaja civilizacija. Sb. st. No. 3.* Kazan', 2010.

28. Ditten G. *Izvestija Laonika Halkokondila o Rossii* [The News about Russia of Laonikos Chalkokondyle]. *Vizantijskij Vremennik. Vol. 21 (46).* Moscow, 1962.

29. Dovzhenok V.J. *Tatars'ke misto na Nizhn'omu Dnipri chasiv pizn'ogo seredn'ovichchja* [The Tartar City on the Lower Dnieper during the Late Middle Ages]. *Arheologichni pam'jatki URSR. Vol. X.* Kiïv, 1961.

30. *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV–XV vv* [Spiritual and Contractual Documents of the Great and Appanage Princes of 14th–15th Centuries]. Prep. for publ. by L.V. Cherepnin. Moscow, 1950.

31. El'nikov M.V. *Do lokalizaciï zolotoordins'kogo gorodishha Kins'ki Vodi* [On the Localisation of the Golden Horde Settlement Kinsky Vody]. *Muzejnij visnik. Naukovo-teoretichnij shhorichnik.* Zaporizhzhja, 2009, no. 9.

32. El'nikov M. *Pamjatniki perioda Zolotoj Ordy Nizhnego Podneprov'ja: istorija izuchenija, itogi i perspektivy* [Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Dnieper: The History of the Study, Results and Prospects]. *Tatar arheologijase.* Kazan', 2001, no. 1–2 (8–9).

33. El'nikov M.V. *Novi doslidzhennja kul'tovoï sporudi na zolotoordins'komu poselenni Mechet'-Mogila* [New Research of the Worship at the Golden Mosque Tomb Settlement]. *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprov'ja.Zb. nauk. pr. Rus.ed. O.B. Suprunenko.* Kiïv-Poltava, 2011.

34. Emanov A.E. *Neizdannye lapidarnye pamjatniki genujezskih poselenij Kryma XIV–XV vv.* [Unpublished Lapidary Monuments of the Genoese Settlements in Crimea of 14th–15th Centuries]. *Voprosy epigrafiki. No. 1. Sb. st.Universitet Dmitrija Pozharskogo. Rus.ed. D. Ageeva.* Moscow, 2006.

35. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnoshenija Zolotoj Ordy s Egiptom (XIII–XIV vv.)* [The Golden Horde Diplomatic Relations with Egypt (13th – 14th Centuries)]. Moscow, 1966.

36. Ivanov D.I. *Moskovsko-litovskie otnoshenija v 20-e gody XV stoletija* [Moscovian-Lithuanian Relations in the 20s of the 15th Century]. *Srednevekovaja Rus'. No. 2.* Moscow, 1999.

37. *Istorija derzhavnoï sluzhbi v Ukraïni. U p'jati tomah* [The History of the State Service in Ukraine. In five volumes. Vol. 3: Documents and Materials]. Kiev, 2009.

38. Il'inskij V.E., Kozlovskij A.A. *Zolotoordynskoe poselenie na o. Hortica* [The Goldne Horde Settlement on the Iceland of Khortica]. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ja i Kryma. Vol. IV.* Zaporozh'e, 1993.

39. Karamzin N. *Istorija gosudarstva rossijskogo* [History of the Russian State]. Izd.2. Vol. V. Saint-Petersburg, 1819.

40. Karpov S.P. *Regesty dokumentov fonda Diversorum Filze sekretnogo arhiva Genui, otnosjashhiesja k istorii Prichernomor'ja.Prichernomor'e v srednie veka* [Registers of the Documents of the fund Diversorum Filze from the Secret Archiv of Genoa, Related to the History of the Black Sea. Black Sea Region in the Middle Ages]. *Is. 3.* Moscow-Saint-Petersburg, 1998.

41. *Kniga glagolemaja Ksenoh, sirech' Strannik, Zosimy diakona o puti Ierosolimskom do Carja grada i do Ierosalima* [The Book of Deacon Zosima Named Ksenoh, i.e. Wanderer, on the Way to Jerusalem as far as to Constantinople and to Jerusalem]. *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik – Orthodox Palestinian Collection. Is. 24.* Saint-Petersburg, 1889.

42. Kozubovskij G.A. *K voprosu o genujezsko-tatarskih monetah s litovskimi kontrmarkami* [On the Question of Genoese-Tatar Coins with Lithuanian Countermarks] *Sugdejskij sbornik – Judicial Collection*. Kiev- Pike, 2004.

43. Konovalova I.G. *Vostochnaja Evropa v sochinenijah arabskih geografov XIII–XIV vv.* [Eastern Europe in the Writings of Arab Geographers of 13th–14th Centuries]. *Drevnejshie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy – The Earliest Sources on the History of Eastern Europe.* Moscow, 2009.

44. Kocebu A. *Svitrygajlo, velikij knjaz' litovskij* [Svitrigaila, the Grand Duke of Lithuania]. Saint-Petersburg, 1835.

45. Krotkov A.A. *Uvek-Saratovskij po dannym istorii i arheologii* [Uvek of Saratov according to the Historical and Archaeological Research]. *Povolzhskij kraj – The Volga Region.* 2005, no. 12.

46. *Krim u 1438 r. (Podorozhni notatki Pero Tafura)* [Crimea in 1438. (The Travel Notes of Pedro Tafur)] / *Perekl. i vstup. stat. O. Galenka. Ukraïna v minulomu. Is. VIII.* Kiev-L'viv, 1996.

47. Kljug Je. *Knjazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.)* [The Principality of Tver (1247–1485) *(Russ. ed. P.D. Malygina and P.G. Gaidukova).* Tver', 1994.

48. Kolli L.P. *Hadzhi-Girej-han i ego politika (po genujezskim istochnikam). Vzgljad na politicheskie snoshenija Kafy s tatarami v XV veke* [Haci Giray Khan and His Politics (according to the Genoese Sources). A Look at the Tatars' Political relations with Kaffa in the 15th Century]. *ITUAK – Proceedings of the Tauride Scientific Archive Commission*. No. 50 (God 26). 1913.

49. Lashkov F.F. *Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladenija. Otdel vtoroj: Dokumenty beev* [The Collection of Documents on the History of the Crimean Tatar Land-tenure. Section Two: Documents of Beys]. *ITUAK – Proceedings of the Tauride Scientific Archive Commission*. No. 23 (God 9). 1895.

50. Lebedev V.P. *K numizmatike Kryma zolotoordynskogo perioda. 5. «Da sohranitsja Krym ot bedstvij» (monety konca XIV – nachala XV v.)* [On the Crimean Numis-

matics of the Golden Horde Period (coins of the 14th – 15th centuries)]. Numizmaticheskij sbornik Moskovskogo numizmaticheskogo obshhestva [Numismatic Collection of the Moscow Numismatic Society]. Is. 9. Moscow, 2002.

51. Lebedev V.P. *Korpus monet Kryma v sostave Zolotoj Ordy (ser. HIII – nach. XV vv.)* [The Corpus of Crimean Coins from the Golden Horde Period (the middle of 13th – beg. of 15th Century)] *Vestniki Odesskogo muzeja numizmatiki* [Bulletin of the Odessa Numismatic Museum]. *Issues no. 1–19 / Sat Art. Numismatic Northern Black Sea).* Odessa, 2004.

52. Lebedev V. P. *Korpus monet Kryma v sostave Zolotoj Ordy. III. Monety vremeni Toktamysha, ego sopernikov i preemnikov (1375–1430)* [The Corpus of Crimean Coins from the Golden Horde Period. III. Coins of Toktamysh Time, of his Rivals and Successors (1375–1430)] *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Faleristics]. Kiev, 2000, no.3.

53. Mavrina O.S. *Viniknennja Krims'kogo hanatu v konteksti politichnoï situacії v Shidnij Єvropi kincja XIV – seredini XV stolittja* [The Emergence of the Crimean Khanate in the Context of the Political Situation in Eastern Europe, the End of 14th – the Middle of 15th Century]. *Shodoznavstvo – Oriental Studies.* Kiev, 2004, no. 25–26.

54. Mavrina O.S. *Viniknennja ta stanovlennja Krims'kogo hanatu (XV stolittja) Avtoreferat disertacії na zdobuttja naukovogo stupenja kandidata istorichnih nauk* [The Emergence and Development of the Crimean Khanate (15th century): Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of History]. Kiev, 2005.

55. Mavrina O.S. *Do problemi datuvannja viniknennja Krims'kogo hanatu* [On the Problem of Dating the Formation of the Crimean Khanate]. *VIII Shodoznavchi chitannja A. Krims'kogo – VIII Oriental Readings of A.Krymsky.* Kiev, 2004

56. Majko V.V. *Kyrk-erskij klad gorodishha Chufut-Kale v jugo-zapadnom Krymu* [The Kyrk-erskyy Hoard from the Settlement Chufut-Kale in Southwest Crimea]. Kiev, 2007.

57. Malov S.E. *Izuchenie jarlykov i vostochnyh gramot* [Study on the Yarlyks and Eastern Charters] *(To Academician V.A. Gordlevsky at his seventieth birthday. Sat Art.)* Moscow, 1953.

58. Mirgaleev I.M. *Pozdnezolotoordynskie hanstva: k opredeleniju verhnej daty sushhestvovanija zolotoordynskogo gosudarstva* [The Late Golden Horde Khanates: On the Determination of the Top Date of the Golden Horde State's Existence]. *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva* [The Medieval Turkic -Tatar States]. Is 1. Kazan, 2009.

59. Mihajlovs'kij V. *Elastichna spil'nota. Podil's'ka shljahta v drugij polovini XIV – 70-h rr. XVI st.* Kiev, 2012.

60. Mihajlovs'kij V. *Materiali do itineraria podil's'kij voєvod, kashteljaniv i starost u XV st.Moloda nacija. Al'manah / In-t shidnoєvropejs'kih doslidzhen' NAN Ukraïni* Kiïv, 2001, no. 3.

61. Mihajlovs'kij V. *Nadannja zemel'noï vlasnosti u Podil's'komu voєvodstvi za panuvannja Vladislava III (1434–1444). Ukraïns'kij arheografichnij shhorichnik. Nova serija. No. 8/9 / In-t ukraïns'koï arheografiï ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs'kogo NAN Ukraïni.* Kiev – New York, 2004.

62. Mihalon Litvin. *O nravah tatar, litovcev i moskvitjan* [On the Customs of the Tatars, Lithuanians, and Muscovites] Rus. ed. Vol. I. Matuzova, A.L. Horoshkevich. Moscow, 1994.

63. Mojseєnko O. *Chorne more u mizhnarodnij politici v 2-j polovini XIV-go – pershij polovini XV stolittja: koncepcija problemi (na prikladi torgivli genuez'koï Kafi). Chetvertij mizhnarodnij kongres ukraïnistiv. Odesa, 26–29 serpnja 1999 r. Dopovidi ta povidomlennja. Istorija. Ch. I: vid davnih chasiv do pochatku HH st.* – Odesa-Kiïv-L'viv, 1999.

64. *Mu' izz al-ansab (Proslavljajushhie genealogii)* [Mu ' izz al- ansab (The Glorifiing Genealogies)] *(Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah* [History of Kazakhstan in the Persian Sources]. Almaty, 2006.

65. Myts V.L. *Bitva na Sinej Vode v 1363 g. Turmarh Hutajni magupskoj nadpisi 1361/62 gg. ili mnimyj knjaz' Feodoro Dmitrij* [The Battle of the Blue Water in 1363 in the Turmarh Hutayni Magup Inscription of 1361/62 or the Supposed Prince Dmitry of the Principality of Theodoro]. *Antichnaja drevnost' i Srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg, 2001, no. 32.

66. Myts V.L. *Bitva na Sinej Vode v istoriografii Srednevekovogo Kryma* [The Battle of the Blue Water in the Historiography of Medieval Crimea]. *Arheologichnij litopis Livoberezhnoï Ukraïni.* Poltava, 2002, no. 1.

67. Myts V.L. *Vojna 1433–1441 gg. mezhdu Kaffoj i Feodoro* [The War of 1433–1441 between Kaffa and the Principality of Theodoro] *Antichnaja drevnost' i Srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg, 2000, no. 31.

68. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty* [Kaffa and the Princiality of Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts.]. Simferopol, 2009.

69. Nedashkovskij L.F. *Zolotoordynskij gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde City of Ukek and Its Districts]. Moscow, 2000.

70. Nekrasov A.M. *Vozniknovenie i evoljucija Krymskogo gosudarstva v XV–XVI vekah* [The Origin and Evolution of the Crimean State in 15th–16th Centuries]. *Otechestvennaja istorija – Patriotic history*, 1999, no. 2.

71. Olenkovs'kij M.P. *Arheologichni pam'jatki Kahovs'kogo rajonu Hersons'koï oblasti. Arheologichna karta*. Herson, 2004.

72. Parunin A.V. *Smert' Barak-hana: opyt rekonstrukcii* [The Death of Barak Khan: The Experience of Reconstruction]. *Problemy jetnicheskoj istorii tjurkskogo naselenija Zapadnoj Sibiri. Sb. nauch. tr.* [Problems of the Ethnic History of the Western Siberian Turkic Population. Collection of Research Works]. Astana, 2012.

73. Pachkalov A.V. *O lokalizacii monetnogo dvora Orda-Bazar (XV v.)* [On the Localization of the Horde-Bazar Mint (15th Century)]. *Rossijskaja arheologija* [Russian Archeology]. 2005, no. 2.

74. Pachkalov A.V. *Timur Bik-Bazar – monetnyj dvor XV v* [Timur Bik-Bazar – The Mint of 15th Century]. *Trinadcataja Vserossijskaja numizmaticheskaja konferencija.* Moskva, 11–15 aprelja 2005 [The Thirteenth National Numismatic Conference. Moscow, 11–15 April 2005]. *Tezisy dokladov i soobshhenij* [Abstracts of papers and communications)]. Moscow, 2005.

75. Petrun' F. E. *Nove pro tatars'ku starovinu Boz'ko-Dnistrjans'kogo stepu. Shidny Svet*, 1928, no. 6.

76. Pivorovich V.B. *K voprosu o chekanke monet Mengli Gireja I na territorii kreposti Balykleja na reke Juzhnyj Bug* [On the Question of the Mengli Giray I's Coinage in the territory of the fortress Balykleya on the Southern Bug] *Vostochnaja numizmatika v Ukraine. Chast' III. Ulus Dzhuchi, Krymskoe hanstvo i sopredel'nye gosudarstva v XIII – XVIII vv. Sb. publ. / Rus. ed. K.K. Hromov.* Kiev, 2013.

77. Pogrebova N.N. *Srednevekovye pamjatniki na skifskih gorodishhah Nizhnego Dnepra* [Medieval Monuments in the Scythian Settlements of the Lower Dnieper]. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta arheologii AN SSSR. Is. 89.* Moscow, 1962.

78. PSRL. Vol. 6: *Sofijskaja vtoraja letopis'* [The Sofia Second Chronicle]. Is. 2. Moscow, 2001.

79. PSRL. Vol. 8: *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Manuscript] Saint-Petersburg, 1859.

80. PSRL. Vol. 12: *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Partiarsheju ili Nikonovskoju letopis'ju* [Chronicles Collection Named as Patriarchal or Nikon Chronicle]. Saint-Petersburg, 1901.

81. PSRL. Vol. 17: *Zapadnorusskie letopisi* [The Western Russian Chronicles] Saint-Petersburg, 1907.

82. PSRL. Vol. 18: *Simeonovskaja letopis* [The Simeon Chronicle] Moscow, 2007.

83. PSRL. Vol. 20: *Pervaja polovina. L'vovskaja letopis'* [The First Half. The Lvov Chronicle]. Part 1. Saint-Peterburg, 1910.

84. PSRL. Vol. 23: *Ermolinskaja letopis'* [The Ermolinskaya Chronicle] Saint-Petersburg, 1910.

85. PSRL. Vol. 25: *Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka* [The Moscow Chronicles of the end of the 15th Century]. Moscow, 1949.

86. PSRL. Vol. 26: *Vologodsko-Permskaja letopis'* [The Vologda-Perm Chronicle]. Moscow-Leningrad, 1959.

87. PSRL. Vol. 27: *Nikanorovskaja letopis'* [The Nikanorovskaya Chronicle]. Moscow, 1962.

88. PSRL. Vol. 32: *Hronika Byhovca. Hronika litovskaja i zhmojtskaja* [The Byhovets Chronicle. The Lithuanian and Zhmoytskaya Chronicle]. Moscow, 1975.

89. PSRL. Vol. 35: *Letopisi belorussko-litovskie* [The Belarusian- Lithuanian Chronicle]. Moscow, 1980.

90. *Puteshestvija Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god* [TheTravel of Johann Schiltberger in Europe, Asia and Africa, from 1394 till 1427]. *Rus. ed. F. Brun. Zapiski imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. Vol. 1.* Odessa, 1867.

91. *Puteshestvie po Litve v XV veke Zhil'berta de Ljanua* [The Journey of Guillebert de Lannoy to Lithuania in 15th Century]. *Vestnik Zapadnoj Rossii – Bulletin of Western Russia. No. 7. 1867. Otd. 1: Materialy dlja istorii Litvy* [Div. 1: Materials for the History of Lithuania].

92. *Revizija pushh i perehodov zverinyh v byvshem Velikom Knjazhestve Litovskom s prisovokupleniem privilegij na vhody v pushhi i na zemli* [Revision of the Forests and Animal Transitions in the Former Grand Duchy of Lithuania with the Supplement of Privileges for the Entrances to the Forests and Lands]. Vol. 1. Vilna, 1867.

93. Retovskij O.F. *Genujezskie nadpisi, najdennye v g. Feodosii v 1894 g* [The Genoese Inscriptions found in Feodosia in 1894]. ZOOID. Vol. 19. Odessa, 1896.

94. Retovskij O. *Genujezsko-tatarskie monety goroda Kaffy* [The Genoese-Tatar Coins of Kaffa]. *ITUAK – Proceedings of the Tauride Scientific Archive Commission*. no. 29 (God 12). 1899.

95. Retovskij O.F. *K numizmatike Gireev* [On Numismatics of the Gireys]. *ITUAK – Proceedings of the Tauride Scientific Archive Commission*. No. 18 (God 7). 1893.

96. Sabitov Zh.M. *Zolotoordynskij klan Bek-Sufi: istorija i voprosy genealogii* [The Golden Horde Clan Beck-Sufi: History and the Questions of Genealogy]. *Zolotoordynskoe nasledie. Mat. vtoroj Mezhdunar. nauch. konf. «Politicheskaja i social'no-jekonomicheskaja istorija Zolotoj Ordy», posv. pamjati M.A. Usmanova. Kazan', 29–30 marta, 2011. Is. 2.* Kazan', 2011.

97. Sabitov Zh. M. *Chekre-han i Muhammed-han* [Chekre Khan and Muhammad Khan] Zerteushi. 2011, no. 3–4.

98. Sagdeeva R.Z. *Serebrjanye monety hanov Zolotoj Ordy* [Silver Coins of the Golden Horde Khans]. Moscow, 2005.

99. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoj Ordy* [The Dissolution of the Golden Horde] Uch. Rec. State of Mordovia. Univ. MY. XI. Saransk, 1960.

100. *Sbornik Muhanova* [The Mukhanov Collection]. Saint-Petersburg, 1866.

101. *Svod armjanskih pamjatnyh zapisej, otnosjashhihsja k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV – XV vv.)* [Collection of the Armenian Memorial Records Relating to the Crimea and Adjacent Regions (14th–15th Centuries)] (Russ. ed.:T.Je. Sargsjan). Simferopol', 2008.

102. Seliverstov D.A. *Srazhenie pri Solhate (Kastadzone) 22 ijunja 1434 goda* [The Battle of Solkhat (Kastadzone) June 22, 1434]. *Voennoe delo Zolotoj Ordy: problemy i perspektivy izuchenija. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkah Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma (Kazan', 30 marta 2011 g.).* Kazan, 2011.

103. *Sinhronicheskie tablicy hidzhry i evropejskogo letoschislenija* [Synchronic Tables of the Hijra and European Chronology]. Moscow-Leningrad, 1961.

104. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte before the 18th Century]. Saint-Petersburg, 1887.

105. Smirnov V.D. *Tatarsko-hanskie jarlyki iz kollekcii Tavricheskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii* [The Yarlyks of Tatar Khans from the Collection of the Tauride Scientific Archive Commission]. *ITUAK – Proceedings of the Tauride Scientific Archive Commission*. No. 54 (God 31). 1918.

106. Sultanov T.I. *Pis'mo zolotoordynskogo hana Ulug-Muhammada tureckomu sultanu Muradu II* [Letter of the Golden Horde Khan Ulugh Muhammad to Sultan Murad II]. *Tjurkologicheskij sbornik 1973* [Turkological Collection 1973]. Moscow, 1975.

107. *Tavarih-i guzida-ji nusrat-name* [Tavarih-i guzida-ji nusrat-name]. *Materialy po istorii kazahskih hanstv XV – XVIII vv. (Izvlechenija iz persidskih i tjurkskih sochinenij)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of 15th–18th Centuries. (Excerpts from the Persian and Turkic works)]. Alma-Ata, 1969.

108. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, otnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy Vol. I: Izvlechenija iz sochinenij arabskih* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings]. Saint-Petersburg, 1884.

109. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov otnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Vol. II: Izvlechenija iz persidskih sochinenij* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. Moscow-Leningrad, 1941.

110. Togan Z.V. *Vostochno-evropejskaja politika Timura* [The Eastern European Politics of Timur] *Zolotoordynskaja civilizacija. Sb. st.* Kazan', 2010, no. 3.

111. Uljanickij V.A. *Materialy dlja istorii vzaimnyh otnoshenij Rossii, Pol'shi, Moldavii, Valahi i Turcii v XIV–XV v.* [Materials for the History of Mutual Relations between Russia, Poland, Moldavia, Wallachia, and Turkey in the 14th–15th Centuries]. Moscow, 1887.

112. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XV vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–15th Centuries]. Kazan, 1979.

113. Florja B.N. *Orda i gosudarstva Vostochnoj Evropy v seredine XV veka (1430–1460)* [The Horde and the States of Eastern Europe in the Middle of the 15th Century (1430–1460)] *Slavjane i ih sosedi. Slavjane i kochevoj mir. Is. 10* [The Slavs and Their Neighbors. The Slavs and Nomadic World]. Moscow, 2001.

114. Hromov K.K. *Monetnyj dvor vtoroj chetverti XV veka «Orda Bazar» v nizhnedneprovskom regione* [The Mint “Horde Bazar” of the Lower Dnieper Region in the Second Quarter of 15th Century] *Vostochnaja numizmatika v Ukraine. Sb. publ. Ch. 1: Monety Dzhuchidov XIII – XV vekov.* Kiev, 2004.

115. Hromov K.K. *Pravlenija hanov v Krymskom uluse Zolotoj Ordy v 1419–1422 gg. po numizmaticheskim dannym* [The Khans Rule in the Crimean Ulus of the Golden Horde in 1419–1422 gg. according to Numismatic Data]. *Istoriko-geografichni doslidzhennja v Ukraïni: Zb. nauk. pr.* Part 9 / NAN Ukraïni. In-t istoriï Ukraïni. Kiïv, 2006.

116. Jekzempljarskij A.V. *Velikie i udel'nye knjaz'ja Severnoj Rusi v tatarskij period, s 1238 po 1505 g. Biograficheskie ocherki. Vol. 2: Vladetel'nye knjaz'ja vladimirskih i moskovskih udelov i velikie i udel'nye vladetel'nye knjaz'ja suzdal'sko-nizhegorodskie, tverskie i rjazanskie* [The Great and Appanage Princes of the Northern Russia in Tatar Period, from 1238 till 1505. Biographical Essays. Vol. 2: The Sovereign Princes of Vladimir and Moscow and the Great and Appanage Princes of Suzdal- Nizhny Novgorod, Tver, and Ryazan]. Sant Petersburg, 1891.

117. Jarovaja E.A. *Geral'dika genujezskogo nobiliteta po kamennym plitam iz Kaffy, Soldaji i Chembalo (XIV – I tret' XVI v.)* [The Heraldry of Genoese Nobility on the Memorial Stones of Kaffa, Soldaia and Cembalo (14th – first third of the 16th century)]. Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. Sant-Petersburg, 2004.

118. Jarovaja E.A. *O fenomene genujezskoj rodovoj geral'diki* [On the Phenomenon of the Genoese Family Heraldry]. *Krynicaznaўstva i specyjal'nyja gistarychnyja dyscypliny. Navuk. zb. Is.4.* Minsk, 2008.

119. Agosto A. *Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol. XVII (91). Fasc. II.* Genova, 1977.

120. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowe. Vol. VI.* Lwów, 1876.

121. Basso E. *Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro. Studi genuensi. Nuova serie. Anno V. Vol. 8.* Genova, 1991.

122. Błaszczyk G. *Burza koronacyjna: Dramatyczny fragment stosunków polsko-litewskich w XV w.: Polska Litwa, 1429–1430.* Poznań, 1998.

123. *Codex epistolaris seculi decimi quinti. T. 2: 1382–1445 / Coll. opera A. Lewicki. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12.* Kraków, 1891.

124. Daniłowicz I. *Skarbiec dyplomatów papieżkih, cesarskich, królewskich, księżecyzch, uchwał narodowych, postanowień różnych wład i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dzjejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów (SD). T. 2.* Wilno, 1862.

125. Desimoni C. *Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. Archivo storico italiano. Quarta serie. Vol. 20.* Firenze, 1887.

126. *Jana Długosza Dziejów Polskich księg dwanaście. T. IV. Ks. XI–XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego.* Kraków, 1869.

127. Halecki O. *Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa Wołyńska za Kazimierza Jagiellończika.* Kraków, 1915.

128. Halecki O. *Z Jana Zamojskiego inwętarża Archiwum koronnego. Archiwum komisji historycznej. T. XII. Cz. 1.* Kraków, 1919.

129. Inalcik H. *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray. Harvard Ukrainian Studies. Vol. III/IV. Part 1.* Cambridge, Massachusetts, 1979–1980.

130. *Katalog dokumentów pergaminowych ze zbiorów Tomasza Niewodniczańskiego w Bitburgu / Opracowali J. Tomaszewicz i M. Zdanek, pod red. W. Bukowskiego.* Kraków, 2004.

131. Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów (Dzieje WKL). T. 1: 1377–1499.* Warszawa, 1930.

132. Kopysiański A. *Księże Michał Zygmuntowicz. Kwartalnik Historyczny. Rocznik XX.* Lwów, 1906.

133. *Liber cancellariae Stanislae Ciołek. Ein Formelbuch der polischen Königskanzlei aus der zeit der husitischen Bewegung / Herausgegeben J. Caro.* Wien, 1871.

134. *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (LEC) / Hrsg. von F.G. von Bunge. Abteilung 1. Bd. 5: 1414–1423.* Riga, 1867.

135. *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (LEC) / Begr. von F.G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. Abteilung 1. Bd. 8: 1429 Mai – 1435.* Riga, 1884.

136. *Laonici Chalcocondilae atheniensis. Historiarum libri decim. Corpus scriptorum historiae Byzantinae / Ex rec. I. Bekkeri.* Bonne, 1843.

137. Lewicki A. *Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów Litwy z Koroną.* Kraków, 1892.

138. Lunardi G. *Le monete delle colonie genovesi.* Genova, 1980.

139. Manfroni C. *Due nuovi documenti per la storia della marineria genovese. Giornale storico e letterario della Liguria. Anno V. Fasc. 1–2.* 1904, Gennaio-Febrario.

140. Nikodem J. *Spory o koronacje wielkiego ksiącia Litwy Witolda w latach 1429–1430. Cz. II: Proba reconstrukcji wydarzeń. Lituano-Slavica Posnanensia. Studia Historica. T. 7.* Poznań, 1997.

141. Nikodem J. *Zbigniew Oleśnicki wobec unii polsko-litewskiej do śmierci Jagiełły. Nasza Przeszłość. No. 91.* Kraków, 1999.

142. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga. T. I.* Paris, Ernest Leroux, 1899.

143. Odložilik O. *Husici na brzegu Bałtyki w 1433 roku. Rocznik Gdański. T. VII i VIII.* Gdańsk, 1935.

144. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515).* Kraków-Warszawa, 1881.

145. Purc J. *Itinerarium Witołda, wielkigo księca Litwy. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza. Ser. Historia. No. 74. Zesz. 11.* Poznań, 1971.

146. Retowski O. *Die Münzen der Gireï. Trudy Moskovskogo Numizmaticheskogo obshhestva. T. 2. Is. 3.* Moscow, 1901.

147. Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) / Estratto dal volume LVI degli Atti della società Ligure di storia patria.* Genova, 1928.

148. Stryjkowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi. T. 2.* Warszawa, 1846.

149. *Supplementum ad Historica Russiae Monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta, et Collegio archaeographico edita. Vol. 1.* Petropoli, 1848.

150. Tęgowski J. *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Biblioteka Genealogiczna. T. 2 / Pod red. M. Górnego.* Poznań-Wrocław, 1999.

151. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea.* Cambridge, Massachusetts, 1936.

152. *Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1390–1450.* ZOOID. T. 3. Odessa, 1853.

About the author: Vladislav Petrovich Gulevych – chief adviser, Office for Relations with the Local Government and Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine, MA (History) (Kiev, Ukraine); gulevych_v@ukr.net

УДК 94(470)"1238/1480"

КРЫМ ПОД ВЛАСТЬЮ ОСМАНОВ И СПОР О ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЫХ ДОКУМЕНТОВ (1)*

Халил Иналджик
(Университет Билкент, г. Анкара, Турция)

В статье рассматриваются вопросы перехода Крымского ханства под протекторат Османского государства. Недавно в архиве музея дворца Топкапы были обнаружены документы по истории Золотой Орды, крымских ханов и беев. На основе исторических источников автор проясняет спорные моменты договора, подписанного между Мехмедом Фатихом и Менгли Гиреем, раскрывая причины, которые привели к подчинению Крыма Османской империи.

Ключевые слова: экспансия Османской империи, Речь Посполитая, Северное Причерноморье, Крымское ханство, Золотая Орда.

Одним из крупнейших успехов Мехмеда Фатиха, оставивших глубокий след в истории, является подчинение Крымского ханства Османской империи. Зависимое положение Крыма было большой честью и славой для османских султанов в первую очередь ввиду того, что крымские ханы происходили из рода Чингиз-хана, который одно время властвовал практически во всей Азии. Баязит II хвалился этим в своем письме правителю Аккоюнлу Йакубу (1478–1490), написанному после победы при Аккермане[1]. Однако наиболее значимая причина заключалась в том, что Османское государство, держа Крым в зависимости, обеспечивало сохранность своего господства на Черном море и одновременно возможность проведения активной политики на территориях, расположенных на его северном берегу. Также, благодаря этому, османы своей мощью подчинили Молдавию, тем самым предупредив попытку Ягеллонов, самой могущественной на тот момент державы в Восточной Европе, обосноваться в этом регионе. Османское государство защищало Крым от опасностей с севера, которые в тот период несла в основном Золотая Орда (Большая Орда. – *И.М.*). В свою очередь ханство сторожило берега Черного моря и являлось самым мощным оружием осман в Восточной Европе в случае появления в регионе каких-либо политических течений, способных пошатнуть господство Османской империи. Изначально Крымское ханство, называемое европейцами «правой рукой империи», способствовало отдалению Золотой Орды от региона, а затем, до конца XVIII века, стало главной силой, противостоящей высадке русских войск на Черном море. Здесь и на северных границах империя опиралась на тюркско-мусульманское госу-

---

* Начало статьи. Печатается по: Halil İnalcık. Yeni vesikalara göre Kırım hanlığının osmanlı tâbiliğine girmesi ve ahidname meselesi. 30 sayılı Belleten'den ayrı basım. Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 1944 (Отдельный оттиск Сборника статей №30 Турецкого исторического общества. Анкара, 1944). Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеевой и И.М. Миргалеева.

[1] Feridun bey, Mümşeat-üs-selatin, İstanbul 1274, s. 296 (184, 1).

дарство, которое было подвластно лично ей[2]. Сейчас мы намерены оставить в стороне несколько вопросов относительно того, что это государство было продолжением Золотой Орды, которые с особым вниманием изучались в турецкой истории, и уделить больше внимания, опираясь на наши последние материалы, тому, что послужило причиной его зависимого положения и каким образом оно осуществлялось.

* * *

Стоит признаться, что в связи с запутанностью источников, относящихся к этой проблеме, материалы, как в османской историографии, так и в специальных работах о Крымском ханстве имеют различные недочеты и в основном являются ошибочными. Хаммер[3] сетовал на то, что ни один европеец до него не занимался этим вопросом, используя восточные источники. Сам он коснулся этой темы в известной работе по истории Османской империи и, в особенности, в книге о крымских ханах[4]. Однако вся работа Хаммера свелась к тому, что он, не подвергая никакой критике, всего лишь процитировал работу Дженаби. Дженаби к концу XVI века написал труд о всеобщей истории на арабском языке, где и упомянул крымских ханов. Дальше мы увидим, как он перепутал некоторые события из-за нескольких хронологических ошибок и истолковал их, уже поддавшись влиянию своего воображения. Те же, кто писал работы об истории Османского государства после Хаммера, конечно же, опирались на его труды: Зинкейсен[5] в своей работе дает ту же информацию, а Николае Йорга не делает ничего больше, чем просто вкратце переписывает слова Хаммера[6].

Что касается непосредственно османских источников, то мы не встречали в наиболее древних описаниях событий никаких данных о связи Крымского ханства с османским государством[7]. Лишь в конце XVI века во всеобщей ис-

---

[2] Еще в середине XVII века Эвлия Челеби писал в «min indillah-i taala al-i Osman önüne sedd-i sedid olan» (VII, 508) какую важную роль играет Крымское ханство в противостоянии опасностям с севера. (См. подробнее VIII, 534, запись 1). Не стоит также забывать и о том, что Крымское ханство кроме этого принимало активное участие во всех войнах Османской империи на востоке и западе против Ирана, Польши и Австрии. Были времена, когда крымское войско, состоявшее из смелых и быстрых всадников, спасало империю от серьезных несчастий. В один момент судьба империи оказалась в руках крымских ханов: в 1689 году империя оказалась на краю бездны из-за внешних и внутренних неурядиц. Активная борьба Хаджи Селим Гирей хана (Hacı Selim Girey Han) оставила империю в живых. Султан обратился к нему следующим образом: «Спасибо Вам. Этот случай был оставлен нашим министрам. Что стало бы с нами» (Silahdar tarihi, Ahmet Refik tabı, İstanbul 1928, II, 422; скоро будет издано произведение «Büyük Ric'atte Osmanlı İmparatorluğu ve Kırım Hanlığı», где описывается важная роль ханства в этот период). И наконец, если взять во внимание, какой важный вклад внесло Крымское ханство в османскую культуру, можно вспомнить книгу «Kırım müellifleri» Мехмеда Тахира Бурсалы, (İstanbul 1335). Здесь мы находим точку зрения о месте этой страны в истории империи. (186, 1).

[3] Devlet-i Osmaniye tarihi, Ata tercümesi, III, 149. (Стр. 186, ссылка 2).

[4] Geschichte der Khane der Krim, Viyana 1856, s. 32–35. (186, 3).

[5] Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II. Gotha, 1909, 387.(187, 1).

[6] Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II. Gotha, 1909, 175. (187, 2).

[7] Среди хроник Лютфи Паши (Lütfi Paşa) 880 года встречается следующее: «Kırım ve Deşt çerisi ... olup» (Ali tabı, İstanbul 1341, s. 189). (187, 3).

тории в разделе о крымских ханах Дженаби[8] пишет, каким образом Крым попал в зависимость от осман. Вымысел Дженаби повторили последующие историки, обращавшиеся к этой теме; таким образом, до сегодняшнего дня он воспринимался общественностью как неоспоримый факт[9]. В конце XVII века Хюсейн Хезарфен[10], Мюнеджимбаши[11], Кара Челебизаде Абдулазиз, некоторые историки, занимавшиеся Крымом, – Ридван пашазаде Абдуллах[12], Мехмет Гирей[13], Умдет-ат-таварих[14] и аноним из Парижа[15] также воспользовались его материалом. И напоследок, этот вымысел дошел до нас вместе с Османской историей[16] Абдуррахмана Шерефа и Нетайидж-уль-вукуат[17]. Она гласит, что в 1475 году, после завоевания Кафы, Менгли Гирей попал в Стамбул вместе с пленными. Позже из Крыма султану посыпались просьбы, и он торжественно назначил Менгли Гирея ханом. Кроме этого Дженаби также пишет, что хана должны были казнить, но он удостоился помилования падишаха. Таким образом, до сегодняшнего дня в современной истории причина того, что крымские ханы оказались под властью султана, крылась именно в этом. Впрочем, стоит сказать, что если этот вымысел и не соответствует истине, он проливает свет другому факту, относящемуся к более позднему периоду. Дальше мы увидим, в чем именно ошиблись летописцы и опиравшиеся на них историки. Так или иначе, у Эссеб ас-сеййар[18], Гюльбюн-и Ханан[19] и Джевдет паши[20] встречается ряд других вымыслов, которые противоречат этой точке зрения. Вот как крымские ханы попали в зависимость от осман:

---

[8] Завершенная к 1588 году всеобщая история на арабском языке « الميام الظامى فى احوال الاوائل و الاواخر» (рукопись). (187, 4).

[9] Также мы знаем, что Дженаби кроме труда Гаффари воспользовался работами Хафыза Мехмета Ташкенди и других «учеными Дешта» «ulema-i ehl-i Deşt». Мы считаем, что упомянутый в Умдет-ат-таварих Тарих-и Дост-султан занимает одно из важнейших мест в этой теме. Один экземпляр этого труда хранится сейчас в личной библиотеке профессора Зеки Велиди Тогана. (187, 5).

[10] Завершенная в 1673 году всеобщая история на турецком языке «Tenkih-i Tevarih-i Mülük» (рукопись) (187, 6).

[11] Sahaif-ül-ahbar, İstanbul 1285, I, 698–699 – здесь автор пишет немного по-другому в отличие от Дженаби: завоеватель Кафы Ахмет паша узнал его среди пленных и с почестями отправил в Стамбул. (187, 7).

[12] Tarih-i hanan-ı Tatar ve Deşt-i Kırçak – это произведение хранится в Стамбуле в библиотеке Йылдыз (Yıldız kütüphanesi) под номером 101. Здесь Deguignes дает важные сведения о крымских ханах, что является главным источником. (См. подробнее Hist generule des Huns, des Turks, des Mongols: Paris, 1757) (188, 8).

[13] Произведение описывает крымскую и османскую историю между 1699–1703 годами. Единственный известный на сегодняшний день экземпляр хранится в Венской национальной библиотеке (№ 1080). Его автором является сын Мюбарек Гирея Мехмед Гирей (44а). Там говорится, что он является дядей Саадет Гирея (33 б), поэтому его считают внуком Селямет Гирей хана (1608–1610). Ф. Бабингер заблуждался на счет того, что он является сыном Хаджи Гирея Мехмет Гиреем (GOW, 235–6). (187, 9).

[14] TOEM Tabı, 97–98 (187, 10).

[15] Перевод Казимирского на французский язык, Journal Astatique, XII, 1833, s. 350 v d. (188, 1).

[16] Tarih-i Devlet-i Osmaniye, İstanbul 1315, I, 176–177. (188, 2).

[17] İkinci tabı, İstanbul, 1329, I, 45–46. (188, 3).

[18] Kazım bik tabı. Kazan, 1832, s. 74–75 (188, 4).

[19] Произведение Халим Гирея, написанное в 1791 году, биографии крымских ханов, Стамбул 1287, с. 9. (188, 5).

[20] Tarih-i Cevdet, I, 261. (188, 6).

под влиянием Эминек мирзы Менгли Гирей устранил своих братьев и стал правителем ханства. Он вознамерился также избавить крымские порты от генуэзцев (Cenevizliler), но решил, что не сможет захватить крепости, надеясь только на свои силы. В связи с этим он заключил союз с Мехмедом Фатихом и после разгрома генуэзцев стал зависимым от осман[21]. Итак, мы ясно видим, что этот рассказ ничему не дает ответ. Понятным является лишь то, почему Менгли Гирей, оказавшись в плену в Стамбуле, назначается султаном крымским ханом[22]. Если мы отложим в сторону работу Л. Ланглеса о крымских ханах[23], древнюю книгу Богуша-Сестренцевича[24] и Говарда[25], то, несомненно, одним из первых ученых, основательно взявшихся за этот вопрос, пытавшихся найти единый смысл в запутанных и противоречащих друг другу событиях, был русский востоковед В.Д. Смирнов. В своей известной книге о Крымском ханстве[26] он выдвигал гипотезы относительно противоречивых событий, сравнивая и внимательно изучая информацию, полученную из других источников – русских и генуэзских, но продвинуться дальше этого не смог[27]. Бедрийе Сабит Толунай выпустил брошюру под названием «Проблема присоединения Крыма к Османской империи» (Стамбул, 1934). Основную информацию о Крымском ханстве он взял из ненапечатанной диссертации[28] по-

---

[21] “Dest-I inabetin nihade-I zeyl-i tahir-I Padişah-I heft-kişver idüb halka-I ubudiyet-I müluk-I osmaniyaı ziver-I güş-I itaat etmekte ol zümrenin pişvası’’ (Eseb-üs-seyyar, 75). (188, 7).

[22] «Менгли Гирей с легкостью захватил крепости Кафа и Менкуп (Menküp), взяв при этом в плен их население, через какое-то время взял бучук, знамя.....» (Esseb-üs-seyyar, 74). (188, 8).

[23] «Notice chronologique des Khans de Crimee» – дополнение к последней части «Voyage du Bengale u Petersbourg» (Париж, 1802). (189, 1).

[24] См. подробнее критические статьи Kochne о «İstoria o Tavrii» «Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии. Т. 2. Санкт-Петербург, 1806. Перевод с французского на русский язык. Mem, de la Soe, darcheo. et de numism. de S. Petersb. III, 82, v d. (189, 2).

[25] Howorth Henry H. History of the Mongols from the 9th to the 19th centry. Part II: The so-called Tartars of the Russia and Central Asia. Division I. London, 1880, p. 448–626. Работа Говарда, опиравшаяся на «историю Государства Российского» Карамзина, известную работу С. Богуша-Сестренцевича и В. Вельяминова-Зернова, имеет много недостатков. (189, 3).

[26] Смирнов В.Д. Крымское ханство. СПб., 1887. 201 (189, 4).

[27] К сожалению, мы не смогли воспользоваться работами польского востоковеда Колянковского «Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księnstwa Litevskiego za Jagiellonóv». T. 1: 1377-1499. Warszawa, 1930). Пуласки (Pułaski K.) Stosunski z Mendli-Girajem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515). Kraków-Warszawa, 1881. Ф. Конечны (Koneczny F.) Sprawy z Mengli-Girejem // Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe, poświęncione babaniom przeszłości ziem W. X. Litewskiego. R. IV. Zesz. 12. Vilno, 1927, содержащие важные сведения относительно этого периода истории Крыма (189, 5).

[28] Хамди Гирей «Начальный период истории Крымского ханства» – Хамди Гирей здесь в точности использовал Эссеб ас-сеййар, Умдет-ат-таварих и Хаммера, в то же время вкратце обозначил идеи Смирнова. Он пришел к выводу, что в противоречии этих легенд невозможно найти просвета, и говорит следующее: Менгли Гирей в 1466 году после смерти Хаджи Гирея начал борьбу со своими братьями. Однако он не добился успеха в этом и попросил помощи у генуэзцев. С 1469 по 1475 год он оставался при них. О том, что он в этот период времени был ханом и лишь в 1475 году попросил поддержки генуэзцев, мы знаем из генуэзских источников (см. Heyd , Hist. Du Commrce du Levant, II, s. 399 vd). Несмотря на это, Хамди Гирей, используя работу Смирнова, сам рассказывает о том, что Менгли Гирей оставил в 1475 году ханский престол и положился на генуэзцев. Не ведется никакая дискуссия о том, как Менгли Гирей оказался зависимым от Османской империи. Ограничиваются лишь переводом Смирнова о неизвестном соглашении, о существовании которого говорил Пейссонель де Ш-К. (Peissonel), а также, что он был подписан между Менгли Гиреем и Фа-

койного Хамди Гирея из Института тюркологии. Более менее известные по этой теме труды им использованы не были, таким образом, ничего нового Толунай не привнес, кроме того, допустил ошибки в некоторых фактах[29].

Как можно заметить, до сегодняшнего дня не было ни одного закрепившегося мнения относительно этой темы, которое могло бы нас убедить. Несомненно, проблема не была изучена так широко, как было необходимо. Здесь влияние оказало и то, что у нас на руках имелось надежных ниточек для определения истины в противоречивых изложениях событий. Недавно в архиве музея дворца Топкапы проводилась классификация имеющихся материалов, в ходе которой были обнаружены новые документы[30] по Золотой Орде, крымским ханам и беям. Эти документы представляют собой необыкновенную важность ввиду содержащихся там разнообразных источников, ценность и достоверность которых необходимо понять и изучать эту проблему по-новому. Дальше мы постараемся пролить свет на причины, которые повлияли на то, что Крым оказался подвластным Османской империи и, наконец, исследуем вопрос о действительном существовании подписанного между Мехмедом Фатихом и Менгли Гиреем договора, о его характере в свете обнаруженных недавно документов.

* * *

тихом. В связи с тем, что Хамди Гирей являлся историком, серьезно интересовавшимся этой важной частью нашей истории, мы должны вспоминать о нем с большой признательностью. (189, 6).

[29] К примеру, Менгли Гирей в 1475 году был привезен в ханство вместо Нур-девлета (с. 20). Здесь, видимо, его спутал Хайруллах эфенди (Hayrullah Efendi tarihi, VIII, 147). И снова, согласно автору, в 1476 году Менгли Гирей был свергнут с престола Сейид Ахмед ханом, спустя какое-то время он вернулся в ханство и начал действовать против Сейид Ахмеда и оказался им повержен (с. 20 vd). На самом деле, весной 1476 года Менгли Гирей сначала начал действия против Сейид Ахмеда, затем был им повержен и свергнут с престола. После этого Менгли Гирей будет далеко от ханства до 1478 года. Толунай приводит несколько утверждений, которые не подтверждает документами и не может разъяснить. К примеру, согласно ему, Крымское ханство стало выдающимся османским регионом в период правления Баязида II (с. 24). Он ограничился лишь тем, что процитировал информацию из документов о пленении Менгли Гирея и его назначении ханом (с. 19 vd). Привлекает внимание только письмо Менгли Гирея, которое автор добавил как приложение к своей брошюре. (190, 1).

[30] Fevzi Kurdoğlu, İlk Kırım hanlarının mektupları, Belleten, sayı 3–4, 1937 s. 641–55, levha IX–XVI (IX – письмо, относящее к концу месяца Джумада ас-сани 881 года, от Эминека (Eminek) Мехмеду Фатиху; X – недатированный лист, от Менгли Гирея Фатиху; XI – письмо от начала месяца Сафера 882 года от Нур-девлета Мехмеду Фатиху; XII – письмо от начала месяца Сафера 883 года от Менгли Гирея Мехмеду Фатиху; XIII – недатированнное письмо Менгли Гирея Мехмеду Фатиху; XIV – письмо конца 884 года от Менгли Гирея Мехмеду Фатиху; XV – недатированное письмо Менгли Гирея Баязиду II; XVI – недатированное письмо Ислам Гирею) – Prof. Dr. Akdes Nimet Kurat, Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yaralık ve bitikler, İstanbul 1940; (документы, относящиеся к Крыму: IV – Тарханный ярлык Хаджи Гирею от 26 Сафера 857 года, V – письмо от 18 Раби ас-сани 874 года от Менгли Гирея Мехмеду Фатиху, VI – письмо Менгли Гирея начала месяца Раби аль-авваль 880 года, VII – недатированное письмо Менгли Гирея Мехмеду Фатиху, ранее упоминавшееся F. Kurdoğlu, VIII – письмо, относящее к концу месяца Джумада ас-сани 881 года, от Эминека Мехмеду Фатиху. Ранее упоминалось F. Kurdoğlu, IX – письмо от середины месяца Раджап 883 года от Эминека Мехмеду Фатиху – кроме этого А.Н. Курат сообщает, что в том же архиве содержатся еще два письма: одно принадлежит Менгли Гирею (см. с. 78), другое – Эминеку (с. 107)). (190, 2).

Крым являлся одним из последних пунктов в западной части Великого Шелкового пути и вместе с тем объединял Восточную Европу с Малой Азией и Средиземноморьем. Это было основной причиной, почему этот полуостров занимал необыкновенно важное место среди регионов, входивших в состав Золотой Орды[31]. На севере располагались прекрасные пастбища, таким образом, регион славился своей торговлей и сельским хозяйством[32]. Уже с конца XIII века под управлением Ногая население Крыма во внутренних междоусобицах успешно справлялось с гнетущим господством Сарай-Бату, а в периоды особо сильной внутренней борьбы люди, недовольные господствующим классом, бежали именно в эту часть Орды – особенно в период смуты после смерти Бердибека (1359) и нашествий Тимура[33]. Нам известно, что в 1392 году отец или дед Хаджи Гирея Таш-Тимур, воспользовавшись борьбой Тимура и Токтамыша, создал на территории Крыма свое ханство и начал чеканку собственных монет[34]. Как бы там ни было, часть племен, представлявших основную опору Золотой Орды, стараясь избавиться от постоянных беспорядков, бежала на территорию современной казахско-киргизской степи, другая же часть отходила к западным границам империи к северным степям Крыма и Черноморья[35]. Возможность создания в Крыму отдельного независимого ханства под властью внуков Тука-Тимура – брата Бату – была обусловлена следующими причинами: с одной стороны, благоприятные географические условия, обеспечивавшие экономическую независимость, с другой – приход в этот регион активных воинственных племен. Таким образом, политика, проводившаяся, возможно, первым крымским ханом Хаджи Гиреем (?–1466), была ясна и не менялась в начальный период образования ханства. Основная же головная боль Менгли Гирея, как и Хаджи Гирея, заключалась в достижении полной независимости. Для этого требовалось объединиться со всеми противниками Золотой Орды, особенно с Московским княжеством, добиться дружбы с могущественными властителями Великого княжества Литовского и Речи Посполитой Ягеллонами, а также притянуть в Крым оставшиеся в районе Волги племена для того, чтобы усилить военную мощь ханства[36]. Нако-

---

[31] См. подробнее B. Grekov et A. İakoubovski, La Horde d'Or, Parıs 1939, о торговле – W. Heyd, Hist. du Commerce du Levant, II, 156–215, 365–407. İ.İ. Bratianu, Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire, Paris 1929, 197–250 (191, 1).

[32] Еще до прихода монголов кыпчаки начали переходить от кочевого к оседлому образу жизни и селились в городах в тех регионах, которые были пригодны для занятия земледелием (İakoubovski, 22 vd.). Среди стран, входивших в Золотую Орду, Крым являлся одним из наиболее пригодных для земледелия регионов и цивилизации городов (то же произведение, 102; а также Bratianu, 248). (191, 2).

[33] В 1380 году Мамай бежал в Крым после поражения от Токтамыша. Точно также Идегей при каждом конфликте с Токтамышем, после того, как его выгоняли из Сарай-Бату, отправлялся в Крым и оттуда снова начинал борьбу. Улуг-Мухаммед хан в 1425 и 1436–1437 годах, после изгнания из Сарай-Бату, также просил защиты в Крыму (A.N. Kurat, 17–30). (191, 3).

[34] Hasan Ortekin, Kırım hanların şeceresi, İstanbul 1938, s. 7. (192, 1).

[35] «В тот момент (начало 16 века) большое количество татарских племен переселялись из кыпчакских степей к границам Крыма» (Esseb-üs-seyyar 67,92; «Улу-Мехмед хан отправился в сторону Крыма, переселив находящийся на западе Волги народ», Umdet-üt-tevarih, 84). (192, 2).

[36] См. подробнее Esseb-üs-seyyar, 73. Вот что пишет о важности нахождения для ханства этих воинственных племен в Крыму Эминек мирза : «İl kider ben yalguz dutmazın bu cezire dahi hep biklikimiz dahi bu ile durur» (A.N. Kurat, yarlık ve bitkiler, vesika IX). В то

нец, для того, чтобы завладеть полным господством, было необходимо покорить генуэзские колонии на севере, препятствуя интригам, которые они проводили против ханства, активно участвуя в местной торговле[37]. Таким образом, борьба с генуэзцами и походы, организованные энергичным правителем Золотой Орды Сейид Ахмет ханом для того, чтобы усмирить земли, пытающиеся отсоединиться, стали основной причиной того, что Крым заключил союз с Османской империей, а затем оказался в зависимости от нее[38].

* * *

Сейчас, перед тем, как непосредственно перейти к ходу событий, мы рассмотрим, каким образом начались отношения между Османской империей и Крымом и какие причины повлияли на это.

Прежде всего, уже с давних пор географические и экономические условия, в которых находился Крым, тесно связывали его со средиземноморскими цивилизациями, в том числе и со Стамбулом. Сущность заключалась в том, что их отношения, связанные с географическим положением местности, были постоянными. К тому же, несмотря на постоянную смену племен и государств, по ходу всей истории она сохраняла свою особенность и влияла на ход исторических событий. Давно известно, что крымские порты образовывались древнегреческими колониями и уже с тех времен являлись центром международной торговли между государствами Средиземноморья, Восточной Европы и Азией. Население Средиземного моря придавало этим портам огромное значение. С другой стороны, не стоит забывать о следующем важном пункте – это господствующее положение Проливов и Стамбула на Черном море и в прилегающих к нему крымских торговых портов. После того, как Стамбул стал центром могущественного государства, Крым и порты оказались в зависимом от него положении. Таким образом, уже с давних пор крымский вопрос тесно связан с вопросом Черного моря и Проливов, так как Византийская империя веками держала их в зависимости, а население было вынуждено подчиняться, чтобы сохранить независимость. После того, как Стамбул был завоеван латинянами в 1204 году, они какое-то время входили в состав Трапезундской империи. В тот же период сельджуки, переживавшие наивысший расцвет, пытались подчинить[39] себе Крым, который имел тогда тесные торговые связи с Анатолией[40]. Однако торговлей на Черном море завладели венецианцы, контролировавшие на тот момент проливы. Спустя какое-то время, в 1261 году, генуэзцы вернули центр империи своего союзника Михаила Палеолога Византии, покончив, таким образом, с их торговой мо-

---

время как Сейит Ахмет хан опирался на Кунгратов, Хаджи Гирей полагался на Ширинов (Şirinler) (Esseb-üs-seyyar, 71). (192, 3).

[37] Подробные сведения и пояснения к событиям, относящимся к периоду правления хана Хаджи Гирея, имеются в готовящейся к выпуску и составленной совместно с профессором Абдуллахом Зихни Сосьялем книге «Kırım hanlığı tarihi». (192, 4).

[38] В ярлыке Хаджи Гирея (A.N. Kural, vesika VI) упоминается, что весь Крымский полуостров, Таман (в документе تامن), Кабарлай (قبارا) и Кыпчак входили в состав его ханства. (193, 1).

[39] См. подробнее, İbni Bibi, M. Nuri Gencosman tercümesi, Ankara 1911, 118–127. (194, 1).

[40] Брэтиану, ссылаясь на генуэзские источники, отметил, что в конце XIII века в Кафе встречалось очень много тюркских купцов из Анатолии (Bratianu, 228); к тому же Рубрук обращает внимание на значительную интенсивность торговых отношений между Судаком (Sudak) и Турцией (Voyage de G. de Rubrouck, Paris 1877, s. 5). (193, 2).

нополией на Черном море[41]. В это время крымские порты, принадлежавшие империи Чингиз-хана, находились на пороге невиданного до этой поры торгового расцвета, благодаря господству над торговыми путями. К 1266 году[42] генуэзцы добились от хана Золотой Орды Менгу Тимура[43] разрешения обосноваться в Кафе с целью ведения здесь своей торговли. Здесь, а также со временем и на берегах других колоний, они построили крепостные стены[44]. Даже после того, как управление этими космополитическими портами[45] перешло в их руки, официально эта территория принадлежала хану[46]. В Кафе находился тудун, который от имени хана ведал делами тюркско-мусульманского населения, а также досмотрщик, собиравший доходы с таможни[47]. В тот период велась активная торговля между Западом, Малой Азией и крымскими портами. К примеру, если вывоз из Крыма зерновых культур прекращался, то в Стамбуле начинался дефицит этих продуктов[48]. Особо распространены здесь были специи, дальневосточный шелк, из Египта привозили рабов, с Севера – меха, разного рода кожу, рыбу, высококачественный воск и соль[49].

После установления контроля над проливами Мехмедом II[50], взятия Стамбула и расположения на этой территории могущественной Османской империи вместо слабой Византии снова встал вопрос о господстве над Черным морем. До этого проливы и Черное море находились под управлением генуэзцев и венецианцев. Османский султан, особенно после образования империи, не мог, как Византия, отдать в их руки крымские порты, имеющие важное торговое значение и приносившие значительный доход в казну. Его

---

[41] Нимфейское соглашение «генуэзцы выдвинули условие, что в случае обещанной помощи Михаилу Палеологу это море будет закрыто для венецианцев» (Heyd II, 156). (194, 2).

[42] Полемика относительно этой даты: Heyd II, 162–164; Bratianu, 198 vd. (194, 3).

[43] Менгу Тимур, после того как взошел на престол, отдал Кафу и Крым в качестве имения сыну Тука-Тимура Уран-Тимуру (Ebulgazi Bahadur Han, 173). Генуэзцам после их прошения Кафу отдал Уран-Тимур (Heyd II, 162 vd). (194, 4).

[44] К концу XIV столетия они подчинили себе всю береговую линию от Судака до Балаклавы. В 1381 году они подтвердили свою власть на этих землях соглашением с Золотой Ордой (Heyd, 205). Также Хейд утверждает, что генуэзцы никогда не распространяли свое господство на внутренние районы, а Мангуп (Mangup) никогда не был их владением (II, 210–11). (194, 5).

[45] Кроме большого количества мусульманского населения, в городе также жили генуэзцы, русские, греки и армяне. Округа города по направлению к внутренним регионам территории была населена татарами. Шельтбергер пишет, что в начале XV века во внутренней части города находилось 6000 домов, в наружной – 11000 и в наружных кварталах – 4000. Генуэзцы утверждали, что Кафа была населена столь же, сколько и Стамбул (Heyd, II, 174). (194, 6).

[46] См. подробнее: Heyd, II, 175, – ярлык Тимура Кутлуга (Timur Kutluk) (A.N. Kurat, s. 148) (194, 7).

[47] Heyd, 370 vd. – Из ярлыка Тимура Кутлуга (A.N. Kurat, 148; конец XIV в.) и Хаджи Гирей хана (A.N. Kurat, vesika IV, середина XV в.). Мы знаем, что купцы, которые отправлялись в Кафу, назывались «тамга» и ترتناق. A. N. Kurat определяет тамгу как таможня и, опираясь на Абдуллахоглу Хасана, «тартнак» как весы. Определения «тамги» и «тартнака» смотрите отдельно H. Feyizhan – V.V. Zernov, Yarlıklar ve hatlar, 4. (194, 8).

[48] Heyd, II, 166; Bratianu, 248. (195, 1).

[49] Heyd, II, 175; Bratianu, 271 vd. (195, 2).

[50] Только вступив на престол, первым его делом было строительство перекрывающего пролив укрепления на Румелийской части для того, чтобы предотвратить прохождение через них немусульманских кораблей (см. подробнее Tacüttevarih, İstanbul, 1279, I, 416–418). (195, 3).

не должны были остановить даже попытки генуэзцев обороняться, а они делали это не хуже, чем византийцы при осаде Стамбула. Мехмед Фатих после завоевания Стамбула, движимый геополитической необходимостью, начал проводить активные действия с целью установления на Черном море господства осман вместо генуэзского и присвоения ему статуса внутреннего моря Османской империи[51]. Завоевание в 1461 году Амасры, Синопа, Трабзона, войны за Кафу в 1475 году и за Молдавию в 1476 были ничем иным, как первыми шагами к осуществлению этой цели. На тот момент не существовало ни одного равного противника, способного помешать османам достичь этой цели. Золотая Орда находилась на пороге заката и была не в том состоянии, чтобы вспоминать о власти над этими территориями. Она никак не могла отделаться от нескончаемой войны с Альфонсом де Арагон в Генуе. Размещенные по обоим берегам пролива пушки легко могли стать препятствием генуэзским кораблям, идущим на помощь к своим черноморским колониям[52]. Сложившаяся на севере Крыма ситуация также могла облегчить движение против генуэзцев, так как Хаджи Гирей – враг Золотой Орды и генуэзцев – предлагал союзнические отношения Мехмеду Фатиху. Так, спустя всего лишь год после захвата Константинополя, османский султан перешел к активным действиям против генуэзцев и при помощи крымского хана совершил первый удар по их господству.

* * *

Можно сказать, что первые союзнические отношения между османами и Крымом начались в этот период, однако имеются сведения и о более ранних контактах. Известно, что еще в конце XIV века существовали тесные взаимоотношения между османами и Золотой Ордой: Токтамыш и Баязид I отправляли друг к другу послов[53]. По всей видимости, они стали укрепляться ввиду общей опасности перед Тимуром. С другой стороны, в связи с потерей могущества золотоордынских ханов и, одновременно с этим, в связи с войнами во имя веры, организованными османами, их завоевания увеличивали их авторитет, как в мусульманском мире, так и среди северных соплеменников. В XV веке ханы придавали большое значение дружбе с османами, даже Улуг Мухаммед хан предлагал Мураду II союзнические отношения[54]. Профессор А.Н. Курат обратил внимание на то, что в письмах к османским султанам использовались все более восхвалительные обращения, и это являлось открытым доказательством нарастания авторитета осман[55]. Нет сомнения в том, что среди крымских ханов их влияние все более усиливалось после завоевания

---

[51] По всей видимости, даже современники Мехмеда Фатиха осознали важность этой ситуации. Критовулос пишет: «Падение Константинополя изменило весь ход политики на востоке: в связи с тем, что проливы Стамбула теперь отошли к османам и все пути к Черному морю и его берегам были открыты, это стало причиной того, что некоторые земли Азии (Трабзон) начали склонять голову перед османским господством» (перевод Karolidi, TOEM ilavesi, 146; см. подробнее Aşıkpasezade, Giese tabı, 175). Если взять во внимание тесные связи, которые существовали после взятия Стамбула, проливов и Черного моря, то нам становятся понятны слова Н. Логанина о том, что, захватив Стамбул, любое государство стало бы могущественной державой (Formes byzantes et realıtes balkaniqrs, 126). (195, 4).

[52] См. подробнее Heyd, II, 38387 vd. (196, 1).

[53] См. подробнее письмо Мураду II от Улуг Мухаммед хана (A.N. Kurat, vesika I). (196, 2).

[54] Там же. (196, 3).

[55] См. подробнее A.N. Kurat, vesika I, II, III. (196, 4).

Стамбула. Хаджи Гирей вел с генуэзцами частые войны, но используемые им пушки и осадные приспособления не могли справиться с крепкими крепостными стенами[56]. Вполне естественно, что ввиду существовавших традиционных связей крымский хан обратился за помощью к более могущественному османскому султану. Возможно, он предполагал, что сможет прервать связь генуэзских колоний, находящихся в Крыму, с их родиной благодаря этому союзу, который может обеспечить закрытие проливов. Хейд пишет, что между Хаджи Гиреем и Мехмедом Фатихом даже был подписан договор. Договор предполагал под собой совместное нападение на Кафу; в случае успеха власть над городом переходит к хану, а османы на кораблях увозят жителей и военные трофеи[57]. Конечно, мы не можем решительно утверждать, что подобный договор был подписан[58], но летом 1454 года объединившиеся крымско-османские силы осадили Кафу, и это является неоспоримым фактом. Генуэзские источники[59], предоставленные Хейдом, доказывают, что летом 1454 года турецкий флот, состоящий из 56 кораблей, вышел в Черное море. В первую очередь атаке подверглась крепость Монкастро (Akkerman), однако осман встретили здесь энергичным сопротивлением. Отплыв к берегам Кавказа, они захватили Севастополь, отплыли оттуда 11 июля и бросили якорь у Кафы. Через пару дней к подножиям крепости во главе 6000 конного войска подошел и крымский хан. Однако союзники не ощущали себя достаточно сильными, в связи с чем и оказались в опасном положении. Между тем до того, как на помощь прибыл морской флот, к генуэзцам был отправлен посланник с предложением выплаты дани султану. Население Кафы согласилось выплачивать 600 сомми (sommi) в год (приблизительно равняется 1600 дукатам). С этим осаждавшие отправились домой. Переговоры продолжились в Стамбуле, в результате которых было принято решение о том, что генуэзцы будут уплачивать дань 3000 золотом, так они откупили свою свободу[60]. Кроме этого, генуэзцы обязались платить ежегодную дань и крымскому хану Хаджи Гирею[61] [непропечатано в источнике, стр. 198, 4–5 строчка], османы использовали каждую возможность, чтобы при помощи оружия препятствовать проходу генуэзских кораблей по проливам. Они добивались их ослабления и го-

---

[56] О давлении, оказываемом на генуэзцев Кафы см. подробнее Heyd, II, 382. (197, 1).

[57] Heyd, II, 383. (стр. 197, сс. 2) (197, 2).

[58] Хейд решительно склоняется к тому, что договор все-таки был подписан. Однако вместе с тем он не предоставляет никаких источников, доказывающих этот факт. В тревожных письмах, приходящих из Кафы в Геную, говорилось о том, что хан собирается захватить генуэзские города в Крыму, население будет взято в плен и продано на рынках Стамбула. (Abdullah oğlu Hasan, Ceneviz menbalarına göre XV. Asırda Kırım Hanlığı, Azerbaycan Yurt Bilgisi Mecmuası, sayı II, 1932, s. 376). Смирнов считает, что в существование этого договора следует верить (Смирнов В.Д. Крымское ханство, 281). На самом деле османские и крымские силы в это время были замечены у подножий крепости, что наводит на мысль о действительном существовании подобного соглашения. В 1469 году Менгли Гирей написал Мехмеду Фатиху письмо, и вот как он выразился об их дружбе: «Как и в старые времена, мой отец хан был с Вами другом и братом» (Mengli Girey'den Fatih'e bitik, A.N. Kurat, vesika V). (197, 3).

[59] II, 383. (197, 4).

[60] Heyd, в 387–1465 году в Кафе для султана собрали сапсанов, но они пропали. В связи с этим дань увеличили на 600 дукатов (Heyd, 391). В 1470 году сумму дани внезапно увеличили до 8000 дукатов. Разволновавшееся население Кафы по ходу переговоров смогло снизить ее до 4000 (там же, 399). (198, 1).

[61] Abdullah oğlu Hasan, 376. (198, 2).

товили удобный случай для повторного захвата крепости. Кафинские генуэзцы находились в напряжении, постоянно ожидая атаки осман. В связи с этим некоторые решили уходить из города. Мехмед Фатих временно взымал дань с Кафы, тем самым оттягивая взятие крепости. Этому способствовало несколько причин, основная из которых заключалась в том, что крымский хан как преемник Золотой Орды являлся полноправным правителем этого города, и султан, возможно, не решался пока в это вмешиваться. Известно, что в своих ярлыках Хаджи Гирей упоминал Кафу как часть своих владений[62], и если упомянутый договор все же был подписан, то согласно ему, в случае взятия крепости, ее властителем будет крымский хан[63]. Мехмед Фатих, умевший выбирать наиболее подходящий момент для совершения нападения, считал, что даже если спустя годы Крымское ханство окажется вовлеченным во внутренние распри, оно все равно попросит у него помощи для завоевания Кафы. Однако мы видим, что через какое-то время Хаджи Гирей отказался от открытой вражды с кафинскими генуэзцами. После попытки завоевания крепости в 1454 году, давление на нее все же продолжалось. Он блокировал все пути, идущие из внутренних регионов его страны к Кафе, а свои товары отправлял к другим портам, чтобы оттуда на кораблях перевозить их на рынки Самсуна и Черного моря[64]. В связи со сложившейся ситуацией генуэзцы решили воспользоваться слабостью тюркских ханств и избавиться от крымского хана. Они помогли[65] Хайдару, сыну Хаджи Гирея[66], действовавшего против своего отца, прибрать ханство к своим рукам (1456). Но Хаджи Гирею все же удалось вернуть власть над ханством. Он сменил линию политики, которой придерживался уже до самой смерти (1466). Отношения с генуэзцами вошли в нормальное русло[67].

После смерти Хаджи Гирея Крым впал в период внутренних и внешних проблем, Кафу захватили османы, а регион оказался под покровительством Османской империи. Все эти события, безусловно, тесно связаны между собой.

* * *

После смерти Хаджи Гирея многочисленные беспорядки, ставшие причиной распада Золотой Орды, проявились в Крымском ханстве. Основной причиной является тот социально-политический строй, который Крым получил как преемник Золотой Орды. Крымское государство, как и золотоордынское, держалось на власти аристократов, во главе которых стояли представители военных родов. Не стоит забывать и о том, что в тот момент в Крыму находились личности, сыгравшие основную роль в организации мятежей в

---

[62] Ярлык Хаджи Гирей хана, A.N. Kurat, vesika IV. (198,3).

[63] Следует обратить внимание на следующее событие: в 1469 году крымский хан Менгли Гирей открыто высказался Мехмеду Фатиху по поводу османского посягательства на Кафу (см. подробнее письмо Менгли Гирея Мехмеду Фатиху, A.N. Kurat, vesika V). (198, 4).

[64] Heyd, II, 386–387. (198, 5).

[65] В 1456 году в приказном письме от 29 ноября, отправленном сановникам Кафы, отмечено следующее: «Властные полномочия оставались у хана, а для борьбы с врагами предлагалась помощь» (Abdullah oğlu Hasan, s. 377, см. Heyd, II, 398). (199, 1).

[66] Абульгази (Demaisons neşri, s. 178) упоминает среди сыновей Хаджи Гирей хана и Хайдар хана. (198, 6).

[67] Heyd, II, 398. – известно, что после этого он вел борьбу с ханом Золотой Орды. (199, 2).

Золотой Орде[68]. У них существовала собственная иерархия, во главе которой был род Ширин, глава же этого рода назывался «баш бей»[69]. Беев выбирали совместно, а утверждение оставалось ханским делом[70]. Ни одно важное решение не принималось без их участия[71]. Фактически, именно от их мнения зависело то, кто будет ханом. Таким образом, их влияние на потомков династии Гиреев и тем самым беспрепятственное участие в борьбе и являются той главной причиной, из-за чего государство оказалось в состоянии анархии. Дальше мы увидим, что некоторые наследники престола, действуя против мятежной крымской аристократии и соперников, не упускали возможности воспользоваться помощью более могущественных соседей и принимали их покровительство, чтобы спокойно взойти на престол.

После смерти Хаджи Гирея в конце лета 1466 года в таком же положении оказались его дети. Они постоянно вели между собой борьбу за право управлять ханством[72]. Так было с Нур-девлетом и Менли Гиреем[73]. Изначально в каждой схватке удача сопутствовала Нур-девлету[74]. Это было связано, как с тем, что большая часть крымской аристократии и братья склонялись на его сторону, так и со смертью сторонника Менгли Гирея ширинского бея Текине мирзы (تكنه)[75]. Однако неоспоримым фактом является то, что в 1467 году Менгли Гирей в одной из частей ханства управлял Кыркером, новой столицей ханов[76]. Доказательством является сохранившийся до сегодняшнего дня тарханский ярлык, который он вручил в этом городе в августе 1467 года не-

---

[68] Возглавляли их Ширины, Кунграты, Барыны. Во времена Токтамыш хана Ширин бей (سركتيمور) был Баш Карачы либо Эмири Кебир (Великий Эмир), был правой рукой хана (Umdetüttevarih, 7 ve 194). Согласно Tarih-i Dost (Umdetüttevarih, 78–79) Барын бей, убивший известного Идегея Мирзу, был Сарай беем. (199, 3).

[69] Аргыны, Барыны и Кыпчаки во главе с Ширинами к концу XV века были «четырьмя Карачу беями» (Esseb-üs-seyyar, 75). В середине XVIII века Абдульгафар писал, что наряду с ними были Ширин, Мансур оглу, Барын и Сидживут (Umdetüttevarih 194). Сидживуты в эпоху Сахиб Гирея (1532–1551) начали слишком много себе позволять (Eseb-üs-seyyar, 93). Несомненно, нам также известно, что кроме этих родов в Крыму были и другие, которые принимали участие в совете (Umdet, 195, Eseb-üs-seyyar, 231, Mehmed Girey tarihi, 57 b, 60 a). О различных родах Крыма см. подробнее в Osman Akçoraklı, Kırım Tatar ... (199,4).

[70] Esseb-üs-seyyar, 262. (200, 1).

[71] Umdetüttevarih, 193 – в двух километрах к северу от древней деревни Сарабоз на севере Акынесджита в Крыму есть скала, на которой имеются метки 60 родов. Предание одного народа гласит, что представители родов этих мест как-то собрались для обсуждения важного дела. (См. Osman Akçoraklı, s. 5–6). Это предание очень ценно. Согласно историческим источникам «Akkaya» и «Kayalar-altı» были местом сбора беев из крымских родов в ответственные моменты (см. Mehmed Girey tarihi, 110, Смирнов, 326 vd). (200,2).

[72] В некоторых источниках дается информация, что сыновей было 12 (Müneccim başı, II, 698), а в некоторых – 8. Абулгази пишет, что сыновей было 8, и дает их имена в следующем порядке: Девлетйар, Нур-девлет хан, Хайдар хан, Кутлук заман, كادياش, Менгли Гирей хан, Йамгурчи, Озтимур. По Эссеб ас-Сеййар (s. 73), Нур-девлет не является сыном Хаджи Гирея, «он один из сыновей дяди Сейид Ахмедина». Однако то, что Нур-девлет является сыном Хаджи Гирея, – это факт (см. Fraehn. Cuci ulusunun paraları, 40). Эссеб ас-Сеййар также говорит о брате Нур-девлета –Келди-бае (s. 74). (200, 3).

[73] Hayrullah efendi (VIII, 147) говорит, что место Хаджи Гирея занял его старший сын Нур-девлет. (200, 4).

[74] Там же и Heyd, II, 399. (200, 5).

[75] Esseb-üs-seyyar, 73 (200, 6).

[76] Barthold, Baghçesaray, Eneye de I'İslam. (200, 7).

кому Хаджи бею; а также ярлык, данный им Махмудеку в 1468 году[77]. Таким образом, Менгли Гирей властвовал в Кыркере и внутренних районах Крыма[78], а Нур-девлет и аристократия – по берегам Крыма на Днепре. Эссеб ас-Сеййар пишет, что когда Менгли Гирей бежал в Кафу, Нур-девлет находился на берегах Днепра[79]. Оба они стремились завоевать дружбу Ягеллонов, которые находились на тот момент на пике своего могущества и помогли когда-то укрепиться на престоле их отцу[80]; и отправили к Казимиру Ягеллону своих посланников с предложением подписать дружественный договор[81]. Король, обратив внимание на то, что крымская аристократия в большинстве своем поддерживает Нур-девлета, решил оказывать поддержку именно ему. Для того, чтобы лучше понять ход дальнейших событий, следует обратить внимание на то, какое значение придавали противоборствующие ханы дружбе с мощным государством, чтобы крепче укрепиться на престоле. Нам известно, что Менгли Гирей, проиграв эту борьбу, бежал к генуэзцам в Кафу и попросил у них защиты[82]. Что касается последующих фактов, то имеющиеся у нас на руках источники достаточно противоречивы. Несмотря на это, удалось прийти к общему мнению о том, что в борьбе за престол Нур-девлет соперничал не только с Менгли Гиреем, но и с другими братьями[83]. Такое положение Нур-девлета, видимо, и придало смелости Менгли Гирею вновь перейти к активным действиям.

Нам известно, что в Кафе проживало большое количество татар. В тот период тудуном здесь был бей из рода Ширин (Мамак, Эминек), который, возможно, являлся сторонником Менгли Гирея[84], и основной причиной того, что хан бежал сюда, был именно он, а не только генуэзские крепостные стены. Хейд пишет, что они оказали ему военную помощь, состоящую из наемных воинов. Большая их часть, несомненно, являлась кафинскими татарами, так как известно, что численность самих генуэзцев в армии Кафы не была

---

[77] A.N. Kurat, 97 – у нас на руках имеется копия ярлыка, данного Хаджи бею, а не оригинал (см. Abdulla oğlu Hasan, Birinci Mengli Girey Han yarlığı, Türkiyat mecmuası, IV, 99). Если сравнить этот ярлык с ярлыком Хаджи Гирей хана I, то можем заметить ценные различия: приказы Хаджи Гирея охватывали более широкое пространство, в то время как приказы Менгли Гирея относились «к внутренним городам». Привлекает внимание и то, что ярлык написан в Кыркере. Значит, новая столица ханов в тот период была в руках Менгли Гирея. (201, 1).

[78] Внутренние деревни, поселения и города. (201, 2).

[79] Эссеб ас-Сеййар, 74; Heyd, II, 399 (Согласно генуэзским источникам). (201, 3).

[80] См. подробнее Smirnov, 220 vd. (201, 4).

[81] См. подробнее Halil İnalcık – Abdullah Zihni Soysal, Kırım Hanlığı tarihi. (201, 5).

[82] Heyd, II, 399; Esseb-üs-seyyar, 74. (201, 6).

[83] Esseb-üs-seyyar (s. 74) пишет, что он рассорился со своими братьями и убил их вместе с их детьми. Однако сведение о том, что брат Нур-девлета Келди-бей его убил, ошибочно, так как мы знаем, что Нур-девлет с 1476 по 1478 год еще раз вступил на престол, а в том же 1478 году бежал в Москву и жил там в течение большого промежутка времени. (201, 7).

[84] См. подробнее Эссеб ас-Сеййар, 73–74; Heyd (II, 400), согласно данным, приведенным в генуэзских источниках, тудуном в этот период был Мамак. В Умдет ат-таварих записано, что Мамак был сыном известного Текине мирзы, Ширинский бей, сыгравший важную роль в основании Крымского ханства (TOEM tabı, 98). Esseb-üs-seyyar (s.73) говорит, что в этот период Эминек был в крайне молодом возрасте, но в ярлыке Хаджи Гирея 1453 года (A.N. Kurat, vesika IV) он занимал важную позицию во главе Туманских и Даругаских крымских беев. (202, 1).

достаточно велика[85]. Вместе с тем генуэзцы были не против того, чтобы во главе ханства находился должный им человек, поэтому они не уклонялись от поддержки Менгли Гирея. Спустя определенный промежуток времени в 1468 году[86], Менгли Гирей одолел Нур-девлета и завладел всей территорией ханства. Возможно, что после поражения Нур-девлет отправился к генуэзцам просить у них защиты, но был схвачен вместе с 4 братьями и заключен в темницу[87]. Если взять во внимание то, как в 1456 году был свергнут с престола Хаджи Гирей и рассмотренные нами недавно события, то становится ясно, что генуэзцы никогда не упускали возможности вмешиваться во внутренние дела Крыма. Позже это и явится основной причиной того, что население Крыма обратилось за помощью не к ним, а к османам. Менгли Гирей всеми силами старался ладить с генуэзцами, так как они держали в заточении его врагов. В 1468 году он посетил город, обновил с ними старый договор, а также снизил какую-то часть дани. Польстившись на подобные дружественные отношения, генуэзцы стали надеяться на то, что крымский хан окажет им помощь в борьбе с Османским государством[88], и не без основания, потому что, как мы отмечали выше, крымские ханы считали Кафу частью своего ханства и не были бы согласны столь легко ее отдать. Вместе с тем Кафа платила османам харадж, и Менгли Гирей не противился этому[89], одновременно он продолжал настаивать на своем праве на господство, не останавливаясь даже перед нескончаемыми войнами. 25 октября 1469 года Менгли Гирей отправил письмо Мехмеду Фатиху, в котором, обращаясь к нему со словами «мой брат», жаловался на то, что некий османский командир по имени Йакуп[90] прибыл в Крым на военных кораблях, предал огню два города, забрав при этом пленных, среди которых находился важный для него человек[91]. Хан требовал вернуть пленных обратно на родину. Менгли Гирей в письме обращался к султану в очень уважительной форме, но при этом не смог сдержаться от высказывания: «Ущерб, причиненный Кафе, равняется тому ущербу, который вы причинили нам». Это письмо было написано за 6 лет до того, как Менгли Гирей оказался под покровительством султана. Оно является важным источником, демонстрирующим нам положение хана перед османским падишахом.

---

[85] См. подробнее Heyd, II, 385 и 399. (202, 2).

[86] Самыми достоверными источниками в этом вопросе являются генуэзские документы, согласно которым самая поздняя дата, когда он стал ханом, это 1468 год (см. Heyd, II, 399). Смирнов (с. 258) и А.Н. Курат (A.N. Kurat, s. 97) в свою очередь продлевают период ханства Нур-девлета до 1769 года. (202, 3).

[87] Heyd, II, 399. (202,4).

[88] Там же. (203, 1).

[89] «Кафа – место, где вы собираете харадж, а мы останавливаемся для стоянки» (A.N. Kurat, vesika V). (203, 2).

[90] Йакуп был известен своим опытом и умением в морских делах. Во время трабзонской кампании Мехмеда Фатиха в 1461 году он был назначен командиром морских сил и независимым главнокомандующим, в 1462–1463 годах он был назначен губернатором Гелиболу и Севахиль беем. (Kritovulos, Tarih-i Sultan Mehmet Han-ı, Karolidi tercümaesi, s. 146,149, 167, 173). (203, 3).

[91] Йакуп бей совершил нападение и увел мужчин в ответ на то, что кто-то из жителей Кафы ограбил некоторых осман и убил одного человека. (Письмо Менгли Гирея Мехмеду Фатиху, A.N. Kurat, vesika V). В изученных нами основных османских источниках (Dursun-bey, Aşık Paşazade, Neşri, tacüttevarih, Solak zade, Karaçelebi zade, Ali, Müneccimbaşı) об этом сведений не имеется. (203, 4).

Разобравшись с внутренним положением в ханстве, Менгли Гирей обновил договор с королем Речи Посполитой, вместе с тем укрепив союз с Москвой ввиду общей опасности перед Золотой Ордой[92]. Одновременно с этим поляки подстрекали Золотую Орду против Москвы, тем самым положив начало двум противоборствующим блокам: Крым – Москва и Золотая Орда – Речь Посполитая. Период, когда настал закат Золотой Орды, а Восточная Европа вступала в эпоху политического расцвета, стал поворотным в истории. Менгли Гирей планировал заключить союз с Московским княжеством против Золотой Орды и объединить земли, входившие в ее состав, под своим руководством. Однако, ввиду разных исторических случайных событий, плоды этого союза было суждено собрать хитрым московским князьям, которые и заложат основу будущей Российской Империи[93]. Дальше мы увидим, какую важную роль в политическом прогрессе сыграло то, что Османское государство обосновалось в Крыму и проводило активную политику на севере Черного моря.

Наконец, в 1475 году несогласованность действий с генуэзцами и неповиновение крымской аристократии привели к очередной внутренней войне в ханстве. Это дало возможность Мехмеду Фатиху незамедлительно начать осаду Кафы. Мы уже упоминали о том, что в Кафе находился представитель хана – тудун, в тот момент им был ширинский бей Мамак. Так, он умер в 1473 году, а хан, получив согласие консула Кафы, советника и Uffizio della Campagna (комиссия, состоящая из 4 членов), выбрал тудуна; им стал брат Мамака Эминек. Но через какое-то время между ним и генуэзцами возникло недопонимание. Вдова Мамака хотела поставить на это место своего сына Сартака или Сейидака[94], тут она начала плести различные интриги, в результате которых генуэзцы обвинили Эминека в союзе с османами и сместили[95]. Но на его место назначили Кара мирзу[96]. Генуэзцы же, получившие взятку от вдовы Мамака, настаивали на том, чтобы тудуном стал Сартак. Один из них даже угрожал Менгли Гирею, что выпустит на волю его братьев. Хан сдался и по желанию генуэзцев сделал Сартака тудуном. После этого Эминек собрал всю татарскую аристократию для подготовки мятежа. Крымский хан понял, что в Кыркере удержаться не сможет, и с 1500 верными себе всадниками бежал в Кафу к генуэзцам. Эминек мирза был уже готов к осаде и отправил приглашение османскому султану для захвата крепости и других генуэзских

---

[92] Союз между Московским княжеством и Крымским ханством был заключен еще во времена Хаджи Гирей хана, каждая из сторон была непокорна ханам Сарай-Бату. (203, 5).

[93] См. подробнее об этих событиях – Halil İnacılık – Abdullah Zihni, Kırım Hanlığı tarihi. (204, 1).

[94] См. В.Д. Смирнов, 265, Hammer (Ata tercimesi, III, 150), это имя записано как «Şeytan». (204, 2).

[95] Если обратить внимание на то, в какой степени после этого Эминек Мирза стал зависим от осман, и какую роль он сыграл в том, что Крымское ханство теперь подчинялось Османскому государству; станет ясно, что все не утверждение является несправедливым. Heyd, цитируя записанное в письме Canale M. Della Crimea, del suo commerce e del sui dominatori dalle origini fino al di nostri commentatori storici. Vol. 1-3. Genova, 1855-1856, 1861, справедливо отмечает здесь (II, 401, not 1), что какая-то клевета не может быть темой обсуждения. (204, 3).

[96] Кара Муса (Ata tercümesi, III, 150) – возможно, это одна и та же личность, объединившаяся с Эминеком, о которой упоминал Хаммер. (205, 1).

колоний[97]. Мехмед Фатих понял, что подходящий момент настал[98], и дал приказ Гедик Ахмед паше начинать подготовку к походу[99].

Сведения об авторе: Халил Иналджик – профессор, университет Билкент, доктор исторических наук (Анкара, Турция); inalcik@bilkent.edu.tr

---

CRIMEA UNDER THE RULE OF THE OTTOMANS AND THE DISPUTE OVER CONCLUSION OF THE AGREEMENT: BASED ON NEW DOCUMENTS (1)*

Halil İnalcık
(Bilkent University, Ankara, Turkey)

The article examines the period of transition of the territory of Crimea under the protectorate of the Ottoman Empire. Recently in the archives of the Topkapi Palace Museum, new documents have been discovered on the history of the Golden Horde containing the letters of the Crimean khans and beys. On the basis of these new historical sources, the author clarifies the contentious issues related to the agreement between Sultan Mehmed the Conqueror and Mengli I Giray and reveals the reasons that influenced the way the Crimea became subservient to the Ottoman Empire.

Keywords: expansion of the Ottoman Empire, Polish-Lithuanian Commonwealth, Northern Black Sea, Crimean Khanate, new sources on the history of the Golden Horde.

REFERENCES

1. Abdulla oğlu Hasan. Birinci Mengli Girey Han yarlığı. Türkiyat mecmuası, IV.
2. Abdullah oğlu Hasan. Ceneviz menbalarına göre XV. Asırda Kırım Hanlığı. Azerbaycan Yurt Bilgisi Mecmuası, sayı II, 1932.
3. Akdes Nimet Kurat. Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altınordu. Kırım ve Türkistan hanlarına ait yaralık ve bitikler. İstanbul, 1940.
4. B. Grekov et A. İakoubovski. La Horde dor. Parıs, 1939.

---

[97] Heyd, II, 401, В.Д. Смирнов 266 vd. – Хамди Гирей в своей диссертации перевел эту часть; если обратить внимание на выражение Эссеб ас-Сеййар (s. 75), осман позвал Менгли Гирей. Однако большую часть событий этого периода он перепутал. В ответ на это с этой точки зрения ценными являются уже упомянутые письма Менгли Гирея, отправленные им в Стамбул спустя пару месяцев после захвата Кафы: «… Кафа стала частью мусульманских земель». (A.N. Kurat, vesika VI). Однако возможно, что после завоевания Кафы обе стороны независимо друг от друга обратились к султану. (205, 2).

[98] В некоторых источниках имеются следы того, какое влияние оказал Мехмед Фатих на беспорядки, творившиеся в Крыму. Например, Умдет ат-таварих (s. 97) – «зная, что у сына Хаджи Гирея было твердое решение совершения мятежа, совершил попытку в необходимой степени захвата Крымского полуострова». – Так же см. Rıdvan paşazade Abdullah ve Ravzat-üt-ebrar, 383. (205, 3).

[99] «Султан Мехмед Гази приказал своему поверенному Ахмеду, … тот тебя на священную войну отправляет» (Aşık paşazade, Ali tabı, 182). (205, 4).

*First section of the article.

5. Barthold. Baghçesaray, Eneye de I'İslam.
6. Bratianu İ.İ. Recherches sur le commerce génoıs dans la Mer Noire. Paris, 1929.
7. Bursalı Mehmed Tahir. Kırım müellifleri. İstanbul, 1335.
8. Devlet-i Osmaniye tarihi, Ata tercümesi, III.
9. Ebulgazi. Demaisons neşri.
10. Esseb-üs-seyyar (рукопись).
11. Evliya Çelebi. VII, VIII.
12. Feridun bey, Mümşeat-üs-selatin, İstanbul, 1274.
13. Fevzi Kurdoğlu, İlk Kırım hanlarının mektupları, Belleten, sayı 3–4, 1937.
14. Fraehn. Cuci ulusunun paraları.
15. G. De Rubrouck, Paris, 1877.
16. Geschichte der Khane der Krim, Viyana, 1856.
17. Geschichte der osmanischen Reiches, II.
18. Gülbün-I hanan (рукопись).
19. H. Feyizhan, V.V. Zernov, Yarlıklar ve hatlar, 4.
20. Halim Girey, İstanbul, 1791 (1287).
21. Hasan Ortekin, Kırım hanların şeceresi, İstanbul, 1938.
22. Hayrullah Efendi tarihi, VIII.
23. Heyd, Hist. du Commrce du Levant, II.
24. Hist. générale des Huns, des Turks, des Mongols, Paris, 1757.
25. Howorth, Hist. of the Mongols. II.
26. İbni Bibi. M. Nuri Gencosman tercümesi. Ankara, 1911.
27. İkinci tabı, İstanbul, 1329, I.
28. Istoriya o Tavrii [The History on the Taurida]. Saint-Petersburg, 1806.
29. J. Rypka, Briefwechsel der Hohen Pforte mit den Krimchanen in II. Bande von Feridan's münşeat, Festsehrift Georg Lakob, Leipzig, 1932.
30. Journal Asiatique, XII, 1833.
31. Kazım bik tabı. Kazan, 1832.
32. Kritovulos, Tarih-i Sultan Mehmet Han-ı, Karolidi tercümaesi.
33. Lütfi Paşa. Ali tabı, İstanbul, 1341.
34. Mehmed Girey tarihi (рукопись).
35. Mem, de la Soe, darcheo. et de numism. de S. Petersb., III.
36. Müneccim başı, II.
37. Rycaut, Hist.de l'état present de l'Emp. Ottoman, Paris, 1670.
38. Sahaif-ül-ahbar, İstanbul 1285, I.
39. Sahip Girey Han Tarihi (рукопись).
40. Silahdar tarihi, Ahmet Refik tabı, İstanbul, 1928, II.
41. Smirnov V.D. Krymskoe khanstvo [The Crimean Khanate]. Saint-Petersburg, 1887.
42. Tacüttevarih, İstanbul, 1279, I.
43. Tarih-i Cevdet, I.
44. Tarih-i Devlet-i Osmaniye. İstanbul, 1315, I.
45. Tarih-i hanan-ı Tatar ve Deşt-i Kıpçak. İstanbul. Yıldız kütüphanesi. No. 101.
46. Tenkih-i Tevarih-i Mülük, 1673 (рукопись).
47. Umdet-üt-tevarih (рукопись).
48. Voyage du Bengale à Petersbourg. Paris, 1802.
49. W. Sobieskş, Hist. de Pologne. Paris, 1934.

About the author: Halil İnalcık – professor, Bilkent University, Doctor of historical sciences (Ankara, Turkey); inalcik@bilkent.edu.tr

УДК 39(498=512.145)

ТАТАРЫ ДОБРУДЖИ И БУДЖАКА*

Тасин Таир Джемиль
(Институт тюркологии и исследований Средней Азии,
при университете им. Бабеша-Больяй)

Хотя татары занимают важное место в истории юго-восточной Европы, однако большинство местных историков преуменьшали значимость татар, и эта тенденция имеет место и сегодня. Причиной этому, в первую очередь, является тот факт, что татар путали с монголами, и из-за этого ошибочного восприятия христианская церковь веками вела пропаганду против татар. Румынские историки также подходят к темам, имеющим отношение к татарам, с предубеждением. Важнейшим историческим фактом является то несомненное и значительное влияние, которое оказали татары и их предки кыпчаки/половцы (куманы) на формирование и последующее развитие румынской народности и государственности. В румынской истории татары и османы выступают в качестве защитников.

Ключевые слова: татары, османы, Добруджа, Буджак, Румыния, юго-восточная Европа.

Располагающиеся сегодня на юго-востоке Румынии Добруджа и на юго-западе Украины Буджак могут быть охарактеризованы как своего рода продолжение широких равнин, которые раньше называли Кыпчакскими степями. Возможно, по этой причине на добруджских и буджакских землях на протяжении 1500 лет основывали свои поселения и безраздельно господствовали тюркские народы и государства. Добруджа и Буджак неотделимы друг от друга как с географической точки зрения, так и с исторической. Татары, являющиеся наследниками древних тюрок, а точнее кыпчаков, воспитывают в сознании свою коренную принадлежность к этим территориям[1]. В восточных и южных частях нынешней румынской территории, включая и области Добруджи и Буджака, татары продолжали господствовать на этих землях до конца XIV в. В опиравшемся на надежные источники труде «История сельджуков», законченном в 1424 г., о северной Добрудже, которая со второй половине XIII в. находилась под властью Золотой Орды, Али Языджизаде писал следующее: *«Большую часть времени в иле Добруджа было 2–3 мусульманских города и 30–40 тюркских кочевий»*[2]. Тот же автор сообщил очень интересную информацию о периоде правления Берке (1257–1266), касающуюся Буджака и территорий, расположенных восточнее: *«Долгое время земли от Крыма и Черной Богдании до вилайета были территорией ислама. В Черной Богдании стоит мечеть <Берке Хана>, которую позже неверные превратили в хлев для свиней»*[3]. Территория между реками Прут и Днестр, включая Буджак, примерно в 1370 г. была

* Перевод с турецкого языка Л.Б. Болтаевой, И.М. Миргалеева.

[1] См. Tasin Gemil.“Peste un mileniu de existenţă a populaţiei turco-tătare pe teritoriul României”, Moştenirea istorică a tătarilor, vol.I, ed. Tasin Gemil – Nagy Pienaru, Bucureşti, 2010, s. 9–22.

[2] Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi – Istanbul, R–1390/91, y. 234.

[3] Там же, с. 235.

отделена Молдавским государством (Черная Богдания) от Золотой Орды. Посетивший Добруджу в 1330 г. знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута называл татар Золотой Орды тюрками и писал следующее: «Наконец добрались до небольшого города, известного по имени Баба Салтука, где заканчивалась земля тюрок… Между Баба Салтуком и первым византийским вилайетом простирается совершенно пустая степь, преодоление которой занимает 18 дней пешего пути»[4]. Городок Баба Салтука сегодня известен как село Баба-Даг, располагающееся на севере Добруджи. В XIII–XIV веках, в эпоху Золотой Орды, Добружда в действительности не была пустующей землей[5]. В конце XIII века принц Ногай, основавший центр независимого государства, поселился в Добрудже, в городе Исакчы[6]. В середине XIV в. снова в Добрудже, в крепости Ени-Сала расположился центр другого государства татар[7]. Присутствие татар на землях Добруджи и Буджака в XIV веке подтверждают различные письменные источники и археологические находки. С 80-х годов XIII века в европейских источниках упоминаются «дунайские скифы» “paristrion skitleri”, то есть начинают появляться сведения[8]. Должно быть, эти татары не были малочисленными, поскольку их вооруженное войско успешно вмешивалось в междоусобицы и беспорядки, происходившие в Болгарском государстве, а также защищало границы Золотой Орды от любых вторжений с Балкан[9]. В середине XIII в., во времена правления Берке хана, миссионеры из Средней Азии принесли на территорию Добруджи ислам. Имена этих мусульманских миссионеров сохранились до наших дней в названиях некоторых городов Добруджи: Баба-Даг (Баба Салтук/ Мухаммад аль-Бухари), Мачин (Баба Мачин), Исакча (Баба Исхак), Тулча (Баба Тулчи/Кулчи). Распространение ислама в Добрудже окончательно доказал арабский географ *Абу-ль-Феда* (1273–1323)[10].

В конце XIV в., когда османы впервые посетили Добруджу, они обнаружили здесь одну мусульманскую общину татар. После разрушительного нашествия Амира Тимура в Поволжье в 1395 г. многие татары бежали в Добруджу и Румелию[11]. Следовательно, между татарами Волги и Дуная существует достаточно сильная связь. Актау, один из главных эмиров Токтамышхана, вместе с воинами участвовал в сражениях на службе Османского госу-

---

[4] İbn Battuta Seyahatnamesi, çeviri ve kısa notlar A.Sait Aykut, YKY, Istanbul, 2005, s. 331.

[5] См. Aurel Decei, “Problema colonizării turcilor selgiucizi în Dobrogea secolului al XIII-lea”, Relaţii româno-orientale. Culegere de studii, Bucureşti, 1978, s.191; Halil Inalçık, “Dobrudja”, The Enciclopaedia of Islam. New Edition, II, E.J.Brill-Leiden, 1986, s. 610.

[6] Ernest Oberlander-Târnoveanu, “Inceputurile prezenţei tătarilor în zona gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice”, Originea Tătarilor. Locul lor în România şi în lumea turcă, ed. Ta(h)sin Gemil, Editura Kriterion, Bucureşti, 1997, 49–63.

[7] 22 июня в 1368 году король Венгрии Людовик I предоставил документ татарскому купцу, где написано: “dominus Demetrius princeps Tartarorum” (Documenta Romaniae Historica, D, I, nr.49, Bucureşti, 1977). Румынский историк Н.Йорга перевел ее как «Хан татар Те<й>мур» (N.Iorga, Histoire des Roumains et de la romanité orientale, III, Bucureşti, 1937, s. 264). Другие румынские историки это татарское государство размещали в Буджаке (Victor Spinei, Moldova în secolele XI–XIV, Bucureşti, 1982, s.274–278).

[8] Fontes Historiae Daco-Romanae, III, Bucureşti, 1975, s. 510–511; Alexandru Gonţa, Românii şi Hoarda de Aur. 1241–1502, München, 1983, s. 98.

[9] Spinei, Moldova, 1982, s. 176–177.

[10] Aurel Decei, “Dobruca”, İslam Ansiklopedisi, cilt 3, İstanbul, 1945, s. 632–633.

[11] B.D. Grecov şi A.I. Iacubovschi, Hoarda de Aur şi decăderea ei, Bucureşti, 1953, s. 342–344.

дарства и Валахии. Судя по сведениям османских и византийских историков XV века, численность этих татар составляла 35 000. В битве при Никополе (1396) они пополнили османский фронт, чем сильно повлияли на исход сражения[12]. В XVI в. «Татары Актава» снова фигурируют в официальных документах в качестве воинов на службе Османского государства[13]. Во времена правления султана Мехмеда I (1413–1421) татары из Анатолии были перевезены в Румелию[14]. Вполне вероятно, что часть из них расположилась в Добрудже.

В 1417 г. на долгий 460-летний период Добруджа полностью перешла под власть осман. До сих пор не найдено никаких значимых сведений о татарах Добруджи, относящихся к XV в. Область, называемая Буджак, в этот период, то есть в XV в., находилась в пределах границ Молдавского государства, однако там численность татар была совсем незначительной. В XV в. в собственности Молдавского государства находились «татарские рабы»[15]. С конца того же века это выражение начали уничтожать из официальных бумаг. Примерно в 1370 г. при поддержке Польши и Литвы Молдова положила конец господству Золотой Орды на территории между Прутом и Днестром. В течение этих войн город современной республики Молдова, Оргеев, деревня Костешти и два близлежащих развитых татарских города были уничтожены, а жители уничтожены или забраны в рабство[16]. Вероятно, выражение «татарские рабы» осталось с тех времен. Однако, на мой взгляд, этими рабами должны были быть цыгане, приведенные татаро-монголами. В любом случае эти «татарские рабы», большинство которых находилось в Молдове, исчезли, смешавшись с «цыганскими рабами».

С конца XV в. татары снова начали приходить на территорию Буджака, заранее зная, что там уже проживают их земляки. Хотя они здесь и не были очень многочисленными, тем не менее они оставили след в европейских источниках как храбрые воины на службе польского короля и молдавского воеводы[17]. В 1484 г. в результате политического и военного сотрудничества между османским султаном Баязидом II и крымским ханом Менгли Гиреем I юго-восточная область Молдовы, то есть Буджак, перешла под власть османского и крымского государств. Османский султан захватил крепости Килия и Аккерман с прилежащими территориями, а крымскому хану отошли города Каушаны, Дубоссары и их окрестности[18]. Здесь расселились татары. О том,

---

[12] Cronici turceşti privind ţările române. Extrase. Sec.XV – mijlocul sec.XVII, ed. Mihail Guboglu şi Mustafa A.Mehmet, Editura Academiei, Bucureşti, 1966, s.40 (Enveri), 50 (Oruc); Laonic Chalcocondil, Expuneri istorice…, ed. Vasile Grecu, Editura Academiei, 1958, s.75; Gonţa, Românii şi Hoarda de Aur, s. 158.

[13] M. Tayyib Gökbilgin, Rumeli'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân, Istanbul, 1957, s. 87.

[14] Orudj bin Adil, Tevarih-i al-i Osman, ed. Franz Babinger, Hannover, 1925, s. 110.

[15] См. N. Beldiceanu et I.Beldiceanu-Steinherr, "Notes sur le «bir», les esclaves tatars et quelques charges dans les Pays Roumains", Journal of Turkish Studies, 10, Harvard University, 1986, s. 7–14.

[16] Eugen Nıcolae, "Quelques considérations sur les monnaies tatares de «la Ville Neuve» (Yangı-şehr/Şehr al-cedid)", Studii şi Cercetări de Numismatică, vol. XI (1995), s. 197–200; Gheorghe Postică, Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996–2001, Iaşi, 2006.

[17] N. Iorga, Studii istorice privind Chilia şi Cetatea Albă, Bucureşti, 1899, s. 73.

[18] Halil Inalçık, "Boghdan", The Encyclopaedia of Islam. New Edition, vol.I, Leiden-E.J.Brill, 1960, s. 1253. Tahsin Gemil, "Quelques observations concernant la conclusion de paix

что на земле между перешедшими под власть Муртазы Хана крепостями Килия и Аккерман проживало «много татар», мы узнаем из источника этого периода[19]. Поселившиеся в Буджаке татары были подчинены крымскому хану. То есть в отличие от Добруджи, Буджак стал совместным османо-крымским владением (кондоминиумом). Как сообщается в польском источнике 1502 г., османский султан позвал волжских татар в Буджак и пообещал крымскому хану вместе с пошлиной крепости Аккерман и пошлины от работорговли. Этот факт можно расценивать как показатель роста стратегической значимости Буджака[20]. По мере ослабления и после окончательного исчезновения Золотой Орды часть волжских татар была вовлечена в миграционные потоки. Буджак и Добруджа стали привлекательными территориями для ногайских татар, кочующих между рекой Яик (нынешний Урал) и Доном, ввиду того, что эти территории были давно населены татарами. С 1512–1514 гг. в европейских источниках, в первую очередь в источниках польского происхождения, с тревогой отмечается постоянный рост численности татар в Добрудже[21]. В 1521 г. 20 000 войско добруджанских татар под командованием ханзаде Саадет и Химмет Гиреев было отправлено в османское войско, собранное недалеко от Эдирне[22].

В 1538 г. снова в результате сотрудничества османского султана и крымского хана совместное османо-крымское владение в Буджаке расширялось (была взята Тигинская/Бендерская крепость и окрестность)[23] и усиливалось. В это время название Буджак начинает становиться известным. Вероятно, это название может принадлежать 1484 г. и крымскому хану Менгли Гирею. Буджак, расположенный между устьями Дуная и Днестра, протяженностью в длину 70 и в ширину 34 часа пешего пути, возник на местности, имеющей форму угла[24]. Судя по официальным османским документам, находившиеся в XVI–XVIII вв. под османской властью Буджак и Добруджа вместе с Дунайским районом относились к санджаку Силистра, который с конца XVI в. упоминается как санджак Силистра-Очаков. В Буджаке в течение долгого времени существовали следующие области: Аккерман (затем стал санджаком), Бендер, Килия, Переправа Исмаиля, Сарата/Татарбунары; в XVIII в. возникли Томарова или Тимурабад (Рени), Дубоссары, район Картал; со временем названия и границы некоторых районов были изменены. Известные районы Добруджи: Силистра, Добрич, Хаджиоглу Назарджик) Балчик, Мангалия, Карасу/Сакарья, Баба-Даг, Хырсово, Мэчин, Исакча, Тулча[25].

---

entre la Moldavie et l'Empire Ottoman (1486) et la délimitation de leur frontiére", Revue Roumaine d'Histoire, nr. 3, 1983, s. 225–238.

[19] Orudj, 1925, s. 132.

[20] Hurmuzaki, Documente, vol. II–2, s. 493.

[21] Hurmuzaki, Documente, vol. II–3, s. 170.

[22] V.E. Sroeckovsky, Muhammed Geray Han ve vasalları. Kırım Tarihi, terc. Kemal Ortaylı, Istanbul, 1979, s. 175.

[23] Название « Переправа Тигиня» известна в молдовских документах XIV–XV вв. На наш взгляд, это название осталось от золотоордынских татар. Румыны эту крепость называли Тигиня (Tighina), а османы назвали (N.Costăchescu, Documente moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare, II, Iaşi, 1932, s. 630–631).

[24] Ismail Hakkı Uzunçarşılı, Osmanlı Tarihi, III–2. Ankara, 1954, s. 41.

[25] Gemil, Regimul timariot, s. 53; Tahsin Gemil, Relaţiile Ţărilor Române cu Poarta otomană în documente turceşti (1601–1712), Bucureşti, 1984; Valeriu Veliman, Relaţiile româno-

С середины XVI в. много кочевых или полукочевых татарских (ногайских) племен было собрано в Буджаке и Добрудже. Крымский хан Сахиб Гирей (1532–1551), начиная с 1546 г., предпринимает суровые меры против ногайских племен, кочующих в степях. Он принудил их к повиновению и переселил в Буджак и частично в Добруджу[26]. В то же время, по мере постоянного расширения границ Московии, ногайцы вытеснялись со своих прежних территорий[27], и вплоть до второй половины XVIII в. их племена были вынуждены постоянно переселяться все западнее, в особенности на территорию Буджака и Добруджи. Основными этими племенами были следующие: Мансур, Орак, Кассай, Мамай, Ор-Мамбет (Мехмет), Джембойлык, Джедисан, Джетишкул, Кунграт и другие[28]. Переселяя татарские племена в Буджак и Добруджу, османское правительство преследовало свои политические и экономические цели. Буджак и Добруджа были окраинными территориями империи и должны были экономически окрепнуть ввиду переселения сюда новых кочевников. В то же время размещенные здесь татарские войска могли быть использованы как политическое и военное орудие против румынских княжеств, Польши и даже Крымского ханства. Крымский хан также считал полезным переселение многочисленных ногайских племен с полуострова на более удаленные территории.

Имевший татарские корни молдавский князь и ученый Дмитрий Кантемир сообщает, что в 1568 г. в Буджаке проживало 30 000 татар[29]. В указе султана Ахмеда I от 1608 г. написано следующее: «Вот уже несколько лет как крымские и ногайские татары, перейдя Очаков и Днестр, пять-десять тысяч татар Аккермана, Бендера и Килии в своих степях обрели Родину[30]. В дипломатическом отчете 1618 г., отправленном из Стамбула в Париж, сообщалось, что на западном берегу Днестра с недавних пор проживает 15 000 татар[31]. Итальянский путешественник Марко Бандини в середине XVII в. нашел здесь 60 татарских деревень[32], а побывавший в те же годы и в той же области османский путешественник Эвлия Челеби сообщает о 200 процветающих татарских деревнях[33]. В 1691 г. известный инженер-генерал и шпион Л.Ф. Марсигли насчитал в Буджаке 300 татарских деревень[34]. В середине XVIII в. консул Ч. де Пейссонел, отправленный французским королем в Бахчисарай, на той же территории обнаружил уже 500 татарских сел[35].

---

otomane (1711–1821). Documente turceşti, Bucureşti, 1984; Aleksandr Sereda, Silistrensko-Ochakovskijat ejalet prez XVIII – nach.na XIX v., Sofia, 2009.

[26] Tevarih-i Sahib Giray Han, ed. Özalp Gökbilgin, Ankara, 1973, s. 72 ve dev.

[27] Akdes Nimet Kurat, IV–XVIII.yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri, Ankara, 1972, s. 280–289.

[28] Halil Inalçık, “Budjak”, The Encyclopaedia of Islam. New Edition, I, E.J.Brill, Leiden, 1986, s. 1287; Mamut Enver, “Nogaii dobrogeni şi dialectul lor”, Analele Universităţii Bucureşti. Seria Ştiinţe Sociale. Filologie, an.XIII, 1964, s. 326–327; Giusppe Cossuto, Storia dei Turchi di Dobrugia, Istanbul, 2001, s. 71

[29] Dimitrie Cantemir, Istoria Imperiului otoman..., ed. I.Hodosiu, Bucureşti, 1876, s. 326.

[30] Gemil, Relaţiile, nr. 30, s. 123–124.

[31] N.Iorga, Studii istorice, 1899, s. 220.

[32] N.Iorga, Studii istorice, 1899, s. 260.

[33] Inalçık, “Budjak”, s. 1287.

[34] Hurmuzaki, Documente, V–1, s. 368.

[35] Ch.de Peyssonel, Traité sur le commerce de la Mer Noire, Tome second, Paris, 1787, s. 258.

Судя по рузнаме, написанному во время похода Сулеймана Кануни на Кара-Богданию в 1538 г., в этот период турецко-татарские деревни и небольшие города были почти заполнены[36]. Находившийся в Добрудже в конце XVI в. венецианец Марко Вениер сообщил, что ханзаде с 40 000 татар недавно обосновался в Добрудже[37]. В середине XVII в., будучи в Добрудже, Халепли Пауль писал, что здесь «народ целиком состоит из татар-мусульман»[38]. В XVI–XVIII вв. Добруджу и Буджак называли «Тартариа», «Татарская равнина», «Татарская земля/местность» и т.д.[39]

Начиная с XVII в. Буджак становится тесным для постоянно прибывающих татар, тогда буджакцы начали пасти скот на окрестных территориях, особенно на молдавских землях. В связи с этим в османском архиве обнаруживается большое количество жалоб. Однако до второй половины XVII в. и крымский хан, и османский падишах игнорировали такого рода жалобы. В этот период османский султан использовал буджакских татар как противопоставление запорожским казакам, находившимся в руках Польши в качестве политического и военного орудия. Даже мирза Кантемир, предводитель племени Мансур, сначала был санджакбеем Силистры, а затем в 1620 г. назначен на должность бейлербея Очакова. Армия Кантимира Паши, состоявшая в своем большинстве из добруджанских и буджакских татар, была настолько сильной, что смогла победить крымскую армию в 1624 г., и до того как он был казнен в Стамбуле в 1624 г., держала в страхе Польшу, Валахию и Молдову[40]. Во второй половине XVII в. Буджак был перенаселен до предела. В ответ на настойчивые жалобы беев Молдавии и Валахии крымский хан Мехмед Гирей-Софу IV (1641–1644; 1654–1666) в 1665 г. решил переселить часть ногайских татар из Буджака на восточный берег Днестра. Но ногайцы оказали сопротивление и попросили помощи у османского султана. В сентябре 1666 г. присланный из Стамбула Ал-Хадж халил ага официально предложил буджакским татарам перейти в османское подданство (стать райа) и расселиться по территории Аккермана, Килии, Измаила, Бендер и Сарата. Другими словами, татары Буджака выводились из-под власти крымского хана и становились подданными Османской империи. Еще точнее, буджакские татары переходили под власть бейлербея Очакова. Возражения крымского хана завершились его отдалением от трона. Проблема, получившая название «родина Халиля паши», очень занимала Молдавию и Крымское ханство. Для перехода под покровительство осман у ногайских татар была очень значимая причина: перенаселение Буджака. Буджакские татары стали даже одной из тем обсуждения в Карловице. Шестой пункт Османо-польского договора, подписанного 24 ноября 1698 г., требовал возвращения на прежние земли татар, перешедших границу «родины Халиля паши»[41]. Воспользовавшись войной 1710–1711 гг., ногайцы перешли границы Буджака и официально расположились на новой местности на молдавских землях. Но вскоре и этой терри-

[36] Decei, “Dobruca”,1945, s. 636.

[37] Călători străini despre ţările române, vol. III, Bucureşti,1971, s. 392.

[38] Călători, vol.VI, 1976, s. 22–23.

[39] Gabriel Andreescu (ed.), Ernest Oberlander-Târnoveanu, Volker Adam, Tartars in Romania. Problems of identity, Bucharest, 2005, s. 98–99; Gemil, “Peste un mileniu”, s. 21.

[40] См. Tahsin Gemil, Ţările Române în contextul politic internaţional (1621–1672), Editura Academiei, Bucureşti, 1979, s. 50–99.

[41] Hurmuzaki, Documente, V–1, s. 226, 494–495, Supl. I–1, s. 348–352.

тории стало не хватать. После середины XVIII в. некоторые из ногайцев Буджака под влиянием русской пропаганды во время и после войны 1768–1774 гг., мигрировали на восточный берег Днестра, в Россию, некоторые из них – на юг Дуная, в Добруджу[42]. Но Буджак так и остался густонаселен татарами. Уклад жизни в XVIII в. сильно изменился по сравнению с XVI в. Буджакцы хотя и приняли оседлый образ жизни и начали заниматься земледелием, не могли отказаться от скотоводства. Для бесчисленного количества стад лошадей, овец и крупногорогатого скота требовались обширные пастбища с сочной травой. По этой причине стали возникать конфликты с соседями и в первую очередь с молдаванами[43]. Несмотря на это, буджакские ногайцы налаживали дружественные отношения с румынами Молдовы и Валахии и даже помогали им зерном в неурожайное время[44]. Многие европейские путешественники и дипломаты (Kleeman, Bruce, Peyssonel, Tott, Sestrencevicz и др.) отмечали такие особенности буджакских татар, как гостеприимство, дружелюбие и трудолюбие[45].

Миграция, начавшаяся после присоединения в 1783 г. Крыма, несомненно, отразилась на Буджаке и особенно на Добрудже. Так как после подписания Ясского мирного договора (1792 г.) не оставалось надежды избежать русской оккупации, миграция татар усилилась. Судя по цифрам, в этот год в Османской империи нашли убежище от 30 000 до 100 000 крымских переселенцев[46]. Сколько из них пришли в Буджак и Добруджу, до сих пор неизвестно, в любом случае их должно было быть много, так как эти территории привлекали своей непосредственной близостью к Крыму всех тех, кто сохранял надежду вернуться домой.

Согласно седьмому пункту подписанного в Бухаресте 28 мая 1812 г. османо-русского договора, Буджак отходил к России, а за населявшими его татарами признавалось право переселения на османские земли. Точнее говоря, татарам давалось 18 месяцев, чтобы покинуть Буджак, а на их место должны были переселиться христиане, находившиеся в подданстве Османской империи[47]. Значительная часть буджакских татар была переселена на другие территории Российской империи (в губернии Екатеринослав и Херсон, в Крым и на Северный Кавказ)[48]. Но большинство татар Буджака перешли в Добруджу,

---

[42] Iorga, Studii istorice, s. 251.

[43] См. Tahsin Cemil, “Yeni belgelere göre «Halil Paşa yurdu» ve «İki saatlik» arazi meselesi”, IX.Türk Tarih Kongresi, Ankara:21–25 Eylül 1981. Kongreye sunulan bidiriler, II.cilt, Ankara, 1988, s. 1011–1020; Tahsin Gemil, “l’Evolution des limites de l’habitat des Tatars nogai au sud-est de la Moldavie”, Revue Roumaine d’Histoire, t.XXXV, nr. 3–4, 1996, s. 149–152; Tasin Gemil, “Relaţiile româno-otomano-tătare şi problema «Hotarului lui Halil Paşa»”, Politică, diplomaţie şi război. Profesorului Gheorghe Buzatu la 70 de ani, coord. S.Damean, M.Cîrstea, Craiova, 2009, s. 93–100.

[44] Tasin Gemil, “Relaţii comerciale moldo-tătare în secolul al XVIII-lea”, Românii în Europa medievală (Intre Orientul bizantin şi Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei, ed. D.Ţeicu, I.Cândea, Brăila 2008, s. 677–685.

[45] Iorga, Studii istorice, s. 263.

[46] Alan W.Fısher, The Crimean Tatars, Stanford, 1987, s. 78.

[47] Mustafa A.Mehmet, Documente turceşti privind istoria României, vol.III, Editura Academiei, Bucureşti, 1986, s. 363–364.

[48] Калмыков И.Х., Кереитов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

откуда некоторые мигрировали в Турцию. После 1812 г. татар в Буджаке не осталось.

Численность одних только татар, пришедших в Добруджу из Буджака и Крыма до 1840 г., составила около 30 000 человек. После Крымской войны (1853–1856) Добруджа снова стала территорией проживания татар. По указу Абдул-Меджида от 2 сентября 1856 г. для крымских переселенцев основывалась новая касаба Меджидие (современная Меджидия), а в 1857–1860 гг. была построена железная дорога Дунай–Черное море. В результате войны 1877–1878 гг. Добруджа отошла к Румынии. В 1878 г. румынские власти произвели перепись, согласно которой только на северной половине Добруджи проживало в общей сложности 225 753 человека, из них 71 146 татар, 48 784 турка, 46 504 румына, 30 237 болгар, 6 994 черкеса и др.[49]. Вообще, численность татар, вероятно, была гораздо больше, так как в те времена значительная часть татар (предположительно 30 %) была записана как турки. В 1905 г. в брошюре, выпущенной с целью румынской пропаганды, с удивлением признавалось, что в Добрудже до сих пор можно найти более чем 700 татарских кладбищ и что их количество превышает количество татарских деревень[50].

* * *

В период с 1417 по 1878 г. Добруджа находилась под властью Османской империи. Живущие здесь татары, как османские подданные, были вынуждены подчиняться существующему порядку и законам. Однако особенностью являлось то, что добруджанские татары и особенно ногайцы участвовали в войнах под руководством своего командующего. В то же время было немало татар, которые извлекли пользу из установленной в Добрудже тимарной системы. Это можно отследить по использованию титула «мирза» или по именам, названиям деревень, напоминающим золотоордынские или крымские[51]. Несмотря на то, что со стороны Османской империи не предпринималось никаких дискриминационных мер, до недавних пор татарские деревни Добруджи отличались от турецких, ввиду того, что хотя татары и турки Добруджи относились друг к другу как к братским народам, веками те и другие продолжали сохранять собственный уклад жизни. Отличия в быту годами сохранялись даже между оседлыми татарами (крымскими) и татарами-кочевниками (ногайцами). Кроме того, имели место и чисто ногайские деревни[52].

В 1484 и 1538 гг. османский правитель предпринял походы на Молдову, в которых участвовали также и крымские ханы со своими войсками. В результате этих походов юго-восточная область молдавского воеводства отошла к османам и Крыму. На этой территории, названной Буджаком, османский падишах подчинил 5 районов, а крымский хан в свою очередь овладел некоторыми областями на правом берегу Днестра. Важнейшими из них были

---

[49] Kemal H.Karpat, “Urbanismul otoman: Emigraţia din Crimeea spre Dobrogea şi întemeierea oraşului Medgidia (1856–1878)”, Tătarii în istorie şi în lume, ed. Tahsin Gemil, Bucureşti, 2003, s. 209–230. Согласно русским переписям от 1877 года в Меджидия проживало 21200 человек, 12000 татар, 4100 румын, 2800 турок, 1600 славян, 500 черкесов, 200 немцев (Karpat, “Urbanismul”, s. 228–229).

[50] C.D.Pariado, Dobrogea şi dobrogenii, Constanţa, 1905, s. 39.

[51] См. Gökbilgin, Rumeli’de, passim; Tahsin Gemil, Regimul timariot şi aplicarea lui în ţinuturile româneşti administrate de Poarta otomană, Ovidius University Press, Constanţa, 2004.

[52] См. Müstecib Ülküsal, Dobruca ve Türkler, Ankara, 1966; Frederick De Jong, “The Turks and Tatars in Romania”, Turcica, 18, 1986, s. 164–189.

Дубоссары, Каушан и Хан кышлясы. Однако проживающие в Буджаке десятки тысяч татар, будучи подданными крымского хана, находились под его властью. Для того чтобы осуществлять правление крымский хан назначил в Буджак своего сераскера. Самый высший представитель хана, сераскер, выбирался из правящего рода Гиреев, обычно это был сын или брат хана. Сераскер Буджака был членом дивана крымского хана и обладал большим авторитетом. Будучи предводителем армии Буджака, сераскер сосредоточивал в своих руках большую мощь. Он управлял Буджаком почти как хан, ставка его располагалась в городке Каушан, недалеко от Днестра. У сераскера был собственный диван, везирь, дефтердар, секретарь и др. За пределами османских ильче буджакские татары подчинялись сераскеру и кадиям. Диван сераскера для истцов в Буджаке был судом последней инстанции, в том числе здесь выносились и смертные приговоры. Для государственных же дел функции суда последней инстанции носил диван хана. Буджакские татары были обязаны ежегодно давать сераскеру с каждого дом куруш, с каждой деревни по одному барану. Когда сераскер вступал в должность, необходимо было преподнести ему в подарок 500 голов рогатого скота. Сераскер в свою очередь должен был советоваться с местным главным мирзой. Крымский хан держал буджакских татар под контролем посредством высокого чиновника – Йалы ага [начальника береговой охраны]. Йалы ага смотрел за областью Днестра, сам он жил в Ханкышласы. В одном ряду с крымским ханом, сераскером Буджака и Йалы агой стоял представитель от молдавского воеводы. В то же время рядом с молдавским воеводой находились и представители татарской знати. Они занимались проблемами молдаван, живущих в Крыму и Буджаке, и татар, живущих в Молдове[53].

С целью уничтожения самостоятельности, которая заметно усилилась у ногайцев Буджака, Менгли Гирей II (1724–1730; 1737–1740) хотел силой насадить здесь крымские порядки. То есть он считал крымский жизненный уклад подходящим и для татар Буджака. Хан хотел, чтобы вместо шатров были построены дома, а также, чтобы они перестали кочевать вслед за своими стадами, поэтому он посоветовал в первую очередь заниматься земледелием. Буджакские мирзы же предпринимали необходимые меры, чтобы владеть землей в форме *суюргал*. Чтобы положить конец конфликтам с Молдовой, были налажены отношения с воеводой (господарем) Григорием Гика, и объявлено, что все территории, захваченные ногайцами, кроме «Халил Паша Йурду», возвращаются Молдове, вышедшим из этой территории ногайцам выделялась территория Аккермана и Измаила, а те, кто пожелал остаться там, должны были платить дань владетелям земли. Причиной попытки осуществления этих реформ в Буджаке стало мощное восстание 1727–1728 гг. Совместными силами Крыма, Османской империи, Молдовы и Валахии это ногайское восстание было подавлено. Хотя планы Менгли Гирея II и не были всегда успешными, после этого восстания самостоятельность Буджака сильно пошатнулась, и этот регион потерял свою военную и политическую значи-

[53] Peyssonel, Traité, I, s. 301–303, II, s. 240–241ö, 254, 262, 308 v.s.; Iorga, Studii istorice, s. 260; N.Iorga, Studii şi documente cu privire la istoria românilor, VI–2, Bucureşti, 1904, s. 237, 302, 342, 375, 408 v.s.; İnalçık, “ Budjak”, s. 1287; Sereda, Silistrensko, s. 76.

мость. Однако вместе с тем после этих событий начался серьезный экономический рост Буджака[54].

Татары занимают важное место в истории юго-восточной Европы, однако большинство местных историков преуменьшали значимость татар и эта тенденция имеет место и сегодня. Причиной этому в первую очередь является тот факт, что татар путали с монголами, и из-за этого ошибочного восприятия христианская церковь веками вела пропаганду против татар. К сожалению, в современном веке многие государства, включая Россию, умышленно обвиняя татар, таким образом, прикрывали собственные государственные неудачи и захватнические стремления. В этой связи, для примера, хочется коснуться темы манеры преподнесения информации о татарах в наиболее известной мне румынской исторической традиции. Румынские историки так же подходят к темам, имеющим отношение к татарам, с предубеждением. Справедливости ради нужно сказать, что сначала известный историк Николае Йорга и несколько румынских историков старались показать важную роль, которую сыграли татары в истории Румынии. Самым важным из исторических фактов является то, что татары и их предки кыпчаки/половцы (куманы) возымели большое значение в формировании румынской народности и государственности и в их последующем развитии. И действительно, в 1320-х годах главными строителями Валахии, первого румынского государства, стали половцы (куманы). Более того, основателем государства Валахии был Токтемир оглу Басараба. Династия Басараба правила Валахией до XVI в. В 1330 г. Валахия спаслась от венгерского господства только благодаря кыпчакам-татарам, то есть Золотой Орде. Появление на исторической арене другого румынского государства Молдовы тоже связано с татарами. В письме, отправленном из Крыма папе римскому 10 апреля 1287 г., католический монах (епископ) восхваляет Ногая по имени «*Ymor filius Molday*». Хотя эти важные исторические данные и были обнаружены уже давно, румынские историки до сих пор не принимают их в расчет, потому что в противном случае им нужно будет принять и тот факт, что основателями Молдавского государства были и татары. В любом случае, некоторые румынские историки признают, что эти два государства могли существовать на прочных основах, только пользуясь помощью Золотой Орды. В румынских средневековых источниках много личных имен, которые по происхождению являются кыпчако-татарскими. Эти имена в большинстве своем принадлежали представителям румынского высшего сословия, представителям власти. В румынском языке немало кыпчако-татарских по происхождению слов, в том числе и некоторых терминов, связанных с организацией государства. До сих пор в любой области Румынии встречаются тюркские по происхождению топонимы (названия рек, озер, местностей). Большинство из них остались со времен 300-летней кыпчако-татарской эпохи. Непрерывное существование румынского народа и государства было возможно именно благодаря татарам и османам. На протяжении таких длительных отношений с татарами и османами румыны совершали на-

[54] Cronici turceşti, III, s. 249–250; Peysoonel, Traité, II, s. 339 ve dev.; V. Mihordea, “Raporturile Moldovei şi Ţării Româneşti cu Tătarii în secolele XVI–XVIII”, Revista de istorie, tom. 32, 1979, nr.6, s. 1087; Gemil, “Relaţii comerciale”; Dan Ion Haidarlî, “Relaţiile Moldovei cu Hanatul din Crimeea şi nogaii în anii 1699–1783 (Rebeliunea nogailor din Bugeac în anii 1727–1728)”, Tătarii în istorie şi în lume, ed.Tahsin Gemil, Bucureşti, 2003, s. 165–170.

падения и наносили ущерб. Но и буджакцы нанесли немало вреда Молдове. И это правда. Как правда и то, что в румынской истории татары и османы выступают в качестве защитников. Именно силами татар и осман румынская национальная и политическая идентичность была защищена сначала от нападений крупных католических государств (Венгрии и Польши), а затем от разрушительных нашествий православной России. Татары Крыма, Добруджи и Буджака не раз исполняли этот защитнический долг. Если однажды будут взвешены все положительные и отрицательные события и поступки, имевшие место в отношениях между румынами и татарами, я уверен, что чаша с положительными окажется куда весомее[55].

Сведения об авторе: Тасин Таир Джемиль – директор Института тюркологии и исследований Средней Азии, при университете им. Бабеша-Больяй (Клуж-Напока, Румыния); tgemil@yahoo.com

---

THE TATARS OF DOBRUJA AND BUDJAK

Tasin Tair Gemil

(Institute of Turkology and Central-Asian Studies of the Babes-Bolyai University)

Although the Tatars occupy an important place in the history of southeastern Europe, the majority of local historians played down the significance of the Tatars, and this trend is occurring even today. The reason for this was primarily the fact that the Tatars were confused with the Mongols, and due to this erroneous perception the Christian Church for centuries waged propaganda against the Tatars. Romanian historians as well approach with prejudice to the topics relevant to the Tatars. The most important historical fact is that the Tatars and their ancestors the Kipchaks / Polovtsy (Cumans) played an important role in the formation and subsequent development both of the Romanian nation and statehood. In the history of Romania, the Tatars and the Ottoman Turks acted as defenders. The Tatars of Crimea, of Dobruja, and of Budjak repeatedly performed this defensive duty.

Keywords: Tatars, Ottomans, Dobruja, Budjak, history, Southeastern Europe.

REFERENCES

1. N.Costăchescu. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare II. Iași, 1932.
2. 22 Documenta Romaniae Historica, D, I, nr.49. Bucureşti, 1977.
3. N. Iorga. Histoire des Roumains et de la romanité orientale, III. Bucureşti, 1937.
4. Victor Spinei. Moldova în secolele XI–XIV. Bucureşti, 1982.
5. Akdes Nimet Kurat. IV–XVIII yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. Ankara, 1972.
6. Alan W. Fısher. The Crimean Tatars. Stanford, 1987.
7. Aurel Decei. Dobruca. İslam Ansiklopedisi. Cilt 3. İstanbul, 1945.

---

[55] Более подробно см.: Tasin Gemil. Osmanlı öncesi Romanya topraklarında Türk varlığı. Moştenirea istorică a tătarilor. Vol.II, ed. Tasin Gemil – Nagy Pienaru, Editura Academiei Române, Bucureşti, 2012.

8. B.D. Grecov şi A.I. Iacubovschi. Hoarda de Aur şi decăderea ei. Bucureşti, 1953.
9. Müstecib Ülküsal. Dobruca ve Türkler. Ankara, 1966.
10. Frederick De Jong. The Turks and Tatars in Romania, Turcica, 18, 1986.
11. Aurel Decei. Problema colonizării turcilor selgiucizi în Dobrogea secolului al XIII-lea. Relaţii româno-orientale. Culegere de studii, Bucureşti, 1978.
12. Halil Inalçık. Dobrudja. The Enciclopaedia of Islam. New Edition, II, E.J.Brill-Leiden, 1986.
13. Tahsin Gemil. Regimul timariot şi aplicarea lui în ţinuturile româneşti administrate de Poarta otomană. Constanţa, Ovidius University Press 2004.
14. N. Beldiceanu et I.Beldiceanu-Steinherr. Notes sur le «bir», les esclaves tatars et quelques charges dans les Pays Roumains. Journal of Turkish Studies, 10, Harvard University, 1986.
15. Tahsin Gemil, "L'évolution des limites de l'habitat des Tatars Nogai au sud-est de la Moldavie", Revue Roumaine d'Histoire, t.XXXV, nr. 3–4, 1996, s. 149–152.
16. Tahsin Gemil. Relaţiile româno-otomano-tătare şi problema «Hotarului lui Halil Paşa». Politică, diplomaţie şi război. Profesorului Gheorghe Buzatu la 70 de ani, coord. S.Damean, M.Cîrstea, Craiova, 2009.
17. Tasin Gemil. Ţările Române în contextul politic internaţional (1621–1672). Editura Academiei, Bucureşti, 1979.
18. Tasin Gemil. Peste un mileniu de existenţă a populaţiei turco-tătare pe teritoriul României. Moştenirea istorică a tătarilor, vol.I, ed. Tasin Gemil -Nagy Pienaru. Bucureşti, 2010.
19. C.D.Pariado. Dobrogea şi dobrogenii. Constanţa, 1905.
20. Călători străini despre ţările române. Vol. III, Bucureşti, 1971.
21. Călători străini despre ţările române. Vol. VI, 1976.
22. Ch.de Peyssonel. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Vol. 2. Paris, 1787.
23. Cronici turceşti privind ţările române. Extrase. Sec. XV – mijlocul sec. XVII, ed.Mihail Guboglu şi Mustafa A.Mehmet, Editura Academiei, Bucureşti, 1966.
24. Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice…, ed.Vasile Grecu, Editura Academiei, 1958.
25. V.Mihordea. Raporturile Moldovei și Țării Românești cu Tătarii în secolele XVI–XVIII. Revista de istorie, tom. 32, 1979, nr.6.
26. Dan Ion Haidarlî. Relațiile Moldovei cu Hanatul din Crimeea și nogaii în anii 1699–1783 (Rebeliunea nogailor din Bugeac în anii 1727–1728). Tătarii în istorie și în lume, ed. Tahsin Gemil, București, 2003.
27. Dimitrie Cantemir. Istoria Imperiului otoman..., ed. I.Hodosiu, Bucureşti, 1876.
28. Ernest Oberlander-Târnoveanu. Inceputurile prezenţei tătarilor în zona gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. Originea Tătarilor. Locul lor în România şi în lumea turcă, ed. Ta(h)sin Gemil, Editura Kriterion, Bucureşti, 1997.
29. Eugen Nıcolae. Quelques considérations sur les monnaies tatares de «la Ville Neuve» (Yangı-şehr/Şehr al-cedid). Studii şi Cercetări de Numismatică. Vol.XI (1995).
30. Gheorghe Postică, Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996–2001. Iaşi, 2006.
31. Fontes Historiae Daco-Romanae. III. Bucureşti, 1975.
32. Alexandru Gonţa. Românii şi Hoarda de Aur.1241–1502. München, 1983.
33. Gabriel Andreescu (ed.), Ernest Oberlander-Târnoveanu, Volker Adam. Tartars in Romania. Problems of identity. Bucharest, 2005.
34. Tahsin Gemil. Relaţiile Ţărilor Române cu Poarta otomană în documente turceşti (1601–1712). Bucureşti, 1984.
35. Valeriu Veliman. Relaţiile româno-otomane (1711–1821). Documente turceşti. Bucureşti, 1984.
36. Aleksandr Sereda. Silistrensko-Ochakovskijat ejalet prez XVIII – nach.na XIX v. Sofia, 2009.
37. Halil Inalçık. Boghdan. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I. Leiden-E.J.Brill, 1960.

38. Tahsin Gemil. Quelques observations concernant la conclusion de paix entre la Moldavie et l'Empire Ottoman (1486) et la délimitation de leur frontier. Revue Roumaine d'Histoire, nr.3, 1983.

39. Halil Inalçık. Budjak. The Encyclopaedia of Islam. New Edition, I, E.J.Brill, Leiden, 1986.

40. Mamut Enver. Nogaii dobrogeni şi dialectul lor. Analele Universităţii Bucureşti. Seria Ştiinţe Sociale. Filologie, an.XIII, 1964.

41. Giusppe Cossuto. Storia dei Turchi di Dobrugia. Istanbul, 2001.

42. Kalmykov I.Kh., Kereitov R.Kh., Sikaliev A.I.-M. Nogai. Historical and ethnographic essay. Cherkessk, 1988 (in Russian).

43. İbn Battuta Seyahatnamesi, çeviri ve kısa notlar A.Sait Aykut, YKY. Istanbul, 2005.

44. Ismail Hakkı Uzunçarşılı. Osmanlı Tarihi, III–2. Ankara, 1954.

45. Kemal H.Karpat.Urbanismul otoman: Emigraţia din Crimeea spre Dobrogea şi întemeierea oraşului Medgidia (1856–1878). Tătarii în istorie şi în lume, ed.Tahsin Gemil, Bucureşti, 2003.

46. M.Tayyib Gökbilgin, Rumeli'de Yürükler. Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân. Istanbul, 1957.

47. Mustafa A.Mehmet. Documente turceşti privind istoria României. Vol. III, Editura Academiei. Bucureşti, 1986.

48. N.Iorga. Studii istorice privind Chilia şi Cetatea Albă. Bucureşti, 1899.

49. Orudj bin Adil. Tevarih-i al-i Osman, ed. Franz Babinger. Hannover, 1925.

50. N.Iorga. Studii şi documente cu privire la istoria românilor, VI–2, Bucureşti, 1904.

51. Tasin Gemil. Relaţii comerciale moldo-tătare în secolul al XVIII-lea", Românii în Europa medievală (Intre Orientul bizantin şi Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei, ed. D.Ţeicu, I.Cândea, Brăila, 2008, pp. 677–685.

52. Tevarih-i Sahib Giray Han, ed.Özalp Gökbilgin. Ankara, 1973.

53. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi. Istanbul, R–1390/91, y. 234.

54. V.E. Sroeckovsky. Muhammed Geray Han ve vasalları. Kırım Tarihi, terc. Kemal Ortaylı, Istanbul, 1979.

About the author: Tasin Tair Gemil – Director Institute of Turkology and Central-Asian Studies of the Babes-Bolyai University, Doctor of historical sciences (Cluj-Napoca, Romania); tgemil@yahoo.com

УДК 929.652"14"

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ НУМИЗМАТИКИ – ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (1)*

П.Н. Петров
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

Статья содержит сжатое представление наиболее актуальных вопросов восточной средневековой нумизматики. Автор подчеркивает важность использования данных нумизматики для изучения экономической ситуации в государствах и в отдельных регионах; динамики товарно-денежных отношений; характера денежной политики, проводимой властью; структуры денежного обращения в государстве; административного устройства государства и его изменения во времени; политической декларации своей власти эмитентами монет; указания на отношение к той или иной религии; очередности и хронологии правлений и многих других аспектов восточной истории. Параллельно в статье указывается на определенную ограниченность нумизматики в качестве исторического источника. Автор указывает на невозможность сформулировать шаблонные подходы, правила, законы, соблюдение которых в нумизматических исследованиях всегда приводило бы к получению всей необходимой и стандартизованной по характеру информации. Нумизматические объекты являются полипараметрическими, и параметры эти в большинстве случаев оказываются информативными и могут быть раскрыты лишь для конкретно-исторических ситуаций и для конкретных отрезков времени, в конкретных государствах.

Ключевые слова: средневековая восточная нумизматика, монетные легенды, эмитент и титулы, монетный металл, монетные дворы, датировка монет, изображения на монетах, картуш, религиозные символы, тамги.

Первоначально раздел предполагалось озаглавить так: Нумизматика как исторический источник. Но такое широкое название обобщает все нумизматические направления – и по античной нумизматике, и по восточной, и по китайской, и т.д., кроме того, по европейской, русской и другим нумизматикам нового и новейшего времени. В то же время каждое из этих направлений индивидуально, характеризуется особыми условиями монетного обращения и особенностями монетного дела, своими представлениями о деньгах и сложившимся отношением к ним в каждом из государств и эпох. Весь этот комплекс особенностей не позволит раскрыть тему в столь небольшом разделе, оставив за пределами рассмотрения информационное поле, связанное с вопросами монетного дела и монетного обращения. Кроме того, по существу такое название подразумевает освещение всех теоретических и практических вопросов нумизматики в ее взаимодействии с другими историческими дисциплинами, что никем и никогда еще не делалось. Столь глобальная тема достойна не объема статьи, а нескольких учебников, в том числе по метрологии и статистике, по палеографии и дукту, по нумизматическому искусствоведению, по теоретической и практической нумизматике и так далее. Поэтому название раздела было конкретизировано в его нынешнем виде. Основная

* Начало статьи.

задача, которую поставил перед собой автор, – попытаться упомянуть лишь некоторые важные вопросы восточной средневековой нумизматики в качестве исторического источника.

ВВЕДЕНИЕ

Нумизматика является отраслью источниковедческой исторической науки. Она занимается наиболее сложными и многогранными историческими источниками – нумизматическими объектами и процессами, связанными с монетным делом и денежным обращением. На основе данных нумизматики открываются такие тайны прошлого, как экономическая ситуация в государствах и в отдельных регионах, районах и конкретных населенных пунктах; динамика товарно-денежных отношений; характер денежной политики, проводимой властью; структура денежного обращения в государстве; административное устройство государства и его изменение во времени; политическая декларации своей власти эмитентами; указание на отношение к той или иной религии; очередность и хронология правлений и многие, многие другие. Далеко не все из перечисленного и неупомянутого здесь может быть всегда «прочтено» по нумизматическим объектам в каждом конкретном случае, то есть невозможно сформулировать шаблонные подходы, правила, законы, соблюдение которых в нумизматических исследованиях для каждого из нумизматических объектов (или их комплексам) всегда приводило бы к получению всей необходимой и стандартизованной по характеру информации. Нумизматические объекты являются полипараметрическими, и параметры эти в большинстве случаев оказываются информативными и могут быть раскрыты лишь для конкретно-исторических ситуаций и для конкретных отрезков времени, в конкретных государствах. То есть подход к получению информации от нумизматического источника в каждом случае должен быть индивидуальным и творческим.

Что же означает термин *нумизматический объект*, что к нему относят? Нумизматический объект – это памятник нумизматики, который заключает в себе историческую информацию и может выступать как самостоятельный исторический источник. Можно привести следующую классификацию нумизматических объектов:

1. Единичная монета (беспаспортная находка или монета неизвестного происхождения из коллекции);
2. Единичная монета (с известным местом находки, в том числе находки, сделанные в ходе археологических изысканий);
3. Комплекс монетных находок, собранный с конкретного археологического памятника;
4. Комплекс монетных находок, собранных в конкретном районе (точное место каждой находки может быть неизвестно);
5. Комплекс монетных находок, собранных в конкретной области (точное место каждой находки может быть неизвестно);
6. Комплекс монетных находок, собранных в конкретном регионе (точное место каждой находки может быть неизвестно);
7. Клад монет (или монетно-вещевой клад) беспаспортный;
8. Клад монет (или монетно-вещевой клад) с точно известным местом и обстоятельствами находки;

9. Клад монет и/или комплекс монетных находок, обнаруженные в ходе археологических раскопок в культурном слое памятника.

Каждый из перечисленных нумизматических объектов обладает своим набором параметров, изучение которых делает этот объект неповторимым и уникальным историческим источником.

Однако необходимо отметить, что информативностью обладают не только нумизматические объекты благодаря их многочисленным параметрам и свойствам. Особое информационное поле образуется в ходе комплексного сравнительного анализа как однородных (например, кладов), так и разнородных (комплексов единичных монетных находок и кладов) нумизматических источников. Под комплексным анализом в данном случае подразумевается сравнительное изучение объектов сразу по нескольким параметрам (хронологии, топографии, количеству находок, и их объему, статистике хронологического распределения монет, метрологии и т.п.).

Нет сомнения в том, что все информационные возможности нумизматического источника обусловлены в самом общем случае теми целями, для которых и выпускались монеты, то есть теми основными функциями, которые хорошо известны и называются функции денег – служить: средством платежа, обращения, накопления и мерой стоимости (здесь перечислены лишь самые основные функции). Кроме этих функций необходимо назвать еще одну функцию денег именно в монете – прокламативную, о важности и значимости которой не задумываются экономисты, рассматривающие теоретические вопросы функции денег. Именно благодаря этой функции мы сейчас узнаем из монетных легенд имена эмитентов, а нередко и их вассалов, названия монетных дворов и годы изготовления монет (иногда даже месяцы), отношение к тому или иному вероисповеданию в данном государстве и т.д.

Какого же характера информация может быть получена из нумизматического источника? Следует сразу оговориться, что информация может быть получена разнородная и очень часто невозможно сформулировать какие бы то ни было рецепты или законы, следуя которым из нумизматического источника одного и того же уровня (монета, клад, комплекс находок и т.д.) можно было бы всегда получать информацию одного и того же характера и объема. Причина этого кроется в особых конкретно-исторических условиях использования монет, которые складываются на той или иной территории в то или иное время. Но наиболее устойчивой информацией, которую можно повторяемо получать от восточных монет разных эпох, следует признать ту, которая базируется на чтении легенд, интерпретации изображений, изучении метрологических параметров самих монет из кладов, топографии находок. Таковой исторической информацией является установление: 1. Названий эмиссионных центров в разных государствах разных эпох и периодов их функционирования; 2. Установление относительного уровня экономической активности в разных регионах изучаемого государства; 3. Установление очередности правлений. Но и в данном случае не обходится без исключений. Так, например, медные монеты далеко не всегда несут на себе не только выпускные данные (год и место чеканки), но и имя эмитента. То же можно сказать о золотых восточных средневековых монетах. Реже эмитент не указан на серебряных дирхамах.

Как и любой объект в источниковедении, нумизматические объекты должны подвергаться критическому осмыслению. Причем критическому рас-

смотрению должна подвергаться не только каждая отдельная монета, но и каждый из перечисленных выше объектов.

Наиболее информативным нумизматический источник становится в условиях, когда существуют одновременные с ним письменные источники и в первую очередь – документальные, касающиеся вопросов торговли, работы монетных дворов, денежного дела и монетного обращения, фискальной и денежной политики властей. Без сомнения, вопрос стыковки данных документальных письменных источников с данными нумизматическими очень не прост и требует скрупулезного критического изучения. Обусловлено это, прежде всего, теми условностями, которые присущи многим видам документальных источников (нотариальным, налоговым, бухгалтерским, дипломатическим и т.д.). Серьезные затруднения приходится преодолевать исследователям, когда надо сопоставить названия монет в иноземных документах с реально существовавшими монетами, поскольку в этих документах не только использованы названия, не характерные для местной восточной монеты, но местные суммы могут быть пересчитаны в единицах монетной терминологии, понятной именно иноземцам. Не меньшие трудности испытывает исследователь и в тех случаях, когда в монетном обращении государства присутствуют и новые, и старые серебряные монеты одновременно, причем старые монеты обращаются по заниженному курсу по сравнению с новыми. Обнаружить эти особенности, показать реальное соотношение между документально зафиксированными терминами и ходившей в то время в данной местности монетой – одна из главнейших задач нумизматики. Однако эта задача не часто встает перед исследователями по причине отсутствия документальных источников для изучаемой эпохи и для данной территории.

Монетные легенды и изображения в качестве источника информации

Для получения информации от любого из перечисленных выше объектов в первую очередь необходимо провести атрибуцию монет. Под атрибуцией понимается установление династии, имени эмитента и выпускных сведений: наименование монетного двора, года, а иногда и месяца чеканки монеты. Эти данные являются тем краеугольным камнем при изучении объектов нумизматики, благодаря знаниям которых можно изучать состав нумизматических объектов с хронологической привязкой.

Эмитент и титулы. В исторической литературе справедливым и одновременно избитым является пример установления имен собственных ханов Золотой Орды академиком Х.М. Френом благодаря прочтению легенд на джучидских монетах[1]. Не секрет, что уточнение перечня правителей происходит и в наши дни. Так, В.Н. Настич прочел на монетах имя хана Улджай-Тимура, ранее не фигурировавшего в списках джучидских ханов[2], а автор этих строк, благодаря изучению монет с именами двух эмитентов, установил особенности

[1] Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826; Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832.

[2] Настич В.Н. Улджайтимур-хан: время и деньги (нумизматический обзор) // ЭВ. Вып. XXVIII. М., 2009. С. 168–186.

правления ханов Чагатаидского государства – Халил-Аллаха и Казан-Тимура[3]. Стивен Албум обнаружил на редких монетах имя последнего Ильхана – Газана II [757–758/1356–1357 гг.][4]. Перечень недавних открытий, конечно, на этом не заканчивается, как не заканчиваются и ожидания будущих открытий. Но приведенные примеры являются следствием прямого прочтения интитуляции на монетах и хронологического сопоставления известного авторам нумизматического материала.

В истории монетного дела известны государства, на монетах которых никогда не помещались имена правителей, например, монеты династии Омайадов. В первые десятилетия Аббасидского халифата анонимность монетной продукции не всегда регулярно, но соблюдали и многие монетные производства. Достаточно анонимных монет выпускалось и во второй половине XIV в. на территориях бывшего ильханского султаната, например, монеты Сербедаров. Список этот можно продолжать и для XV века, и для более поздних времен. Анонимность монет Омайадских халифов, видимо, была изначально вызвана религиозными соображениями, желанием подчеркнуть свою скромность по сравнению с величием Аллаха, поскольку халифы считались наместниками пророка Мухаммада, а не самого Аллаха. Но со временем менялись взгляды, возрастала прокламативная значимость монет – проводников представлений о роли, законности и незыблемости верховной власти. Возникали новые различные по размеру государства, чеканившие собственную монету. В результате помещение имени эмитента с его титулами и почетным прозвищем (*лакабом*) на монетную продукцию превратилось в необходимость, ставшую традицией. В случаях, когда имена правителей не указывались на чеканной продукции всеми монетными дворами изучаемого государства, нумизматы предпочитают не классифицировать по эмитентам даже при условии, когда годы их правления известны по письменным источникам. Такую продукцию классифицируют формально – по монетным дворам в хронологическом порядке (если это возможно).

Существует в нумизматике Востока не мало примеров, когда анонимную монетную продукцию (серебряную и золотую) выпускали нелегитимные правители, волею судеб и собственными усилиями оказавшиеся у руля власти. Анонимная продукция иногда выпускалась и в период временного междуцарствия. В таких случаях лишь выяснение исторических обстоятельств, всестороннее изучение самого нумизматического источника позволяют получить некоторую информацию. Но эта монетная продукция никогда не сможет сообщить имена эмитентов, поскольку она анонимна.

Анонимность восточных монет не всегда является абсолютной. Под анонимностью понимают отсутствие имени правителя, написанное словами (или иероглифами). При отсутствии имени собственного, написанного словом, на монете может присутствовать личный знак собственности. Это характерно для некоторых периодов истории чингизидских государств – для Эке Монгол улуса, Джучидов и Чагатаидов. Язык тамг на монетной продукции – это осо-

---

[3] Петров П.Н. Хронология правления ханов в Чагатаидском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 310–314.

[4] Album St. A Checklist of Islamic Coins. Santa Rosa, 1998. P. 110, № A2272.

бый язык, понимание которого позволяет исследователю увидеть некоторые важные особенности устройства государства, отследить изменения во внутренней политике государства. Однако тема тамг на монетах монгольских государств – особое направление исследований и в рамках этой статьи его осветить невозможно. Можно лишь утверждать, что в каждый период времени в Великой Монгольской империи, Джучидском или Чагатаидском государствах местное население знало, кому именно принадлежит тамга, помещенная на местной ходячей монете, даже в том случае, если монета формально была анонимной. Задача ученого максимально доказательно и объективно персонализировать знаки собственности на монетах, разграничить общегосударственные тамги и тамги местного значения, и проанализировать их распределение во времени и по территориям, где производилась монетная продукция с этими знаками собственности и где она принимала участие в обращении. Изучить расположение тамг на монетных кружках, а также проследить в динамике причины их исчезновения, появления и полного отсутствия. Например, отсутствие тамг ильханов на монетах на протяжении всего периода правления династии Хулагуидов свидетельствует о более низком положении этой династии в иерархической лестнице Монгольской империи по сравнению с Джучидами и Чагатаидами. Неожиданное появление тамг на монетах всех монетных дворов Джучидов при хане Менгу-Тимуре в 665/1266–67 году и в государстве Кайду с 669/1270–1271 года – результат выделения двух этих государств из состава Великой Монгольской империи и объявление правителей этих государств ханами (каанами). Из анализа тамг на монетах можно получить целый блок как геополитической, так и информации о внутренней политике государств. Но подобную информацию можно извлечь на свет только при условии критического подхода к источнику.

Еще один важнейший пример изучения в значительной части анонимных монет, когда удается установить имена хаканов, а также ступени иерархической лестницы власти – анализ многочисленных монет династии Караханидов. Существенную роль в разработке темы сыграли работы Е.А. Давидович[5]. Всесторонне изучил возможности нумизматического источника Б.Д. Кочнев[6]. Ни один иной письменный источник не позволил с такой подробностью и достоверностью раскрыть структуру управления государством Караханидов и отследить перемещения персон правящего дома по служебной иерархической лестнице. К сожалению, существует и негативный пример некритического изучения источника – многочисленные работы М.Н. Федорова. На некорректное изучение нумизматического источника этим автором указывали и Е.А. Давидович[7] и Б.Д. Кочнев[8]: «Действительно, М.Н. Федоров попытался охватить **весь** доступный ему караханидский нумизматический фонд. И что

[5] Давидович Е.А. Канибадамский клад караханидских монет // СА. 1961. №1; Давидович Е.А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.

[6] Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. I. Источниковедческое исследование. М., 2006.

[7] Давидович Е.А. О монетах дихканов Илака конца X – начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н. Федоровым) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.

[8] Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. I. Источниковедческое исследование. М., 2006. С. 7–8.

же в итоге? Выходит, что за караханидскую нумизматику надо, в сущности, браться заново, как бы забыв обо всем, что сделано [трудами М.Н. Федорова. – *П.П.*], нагромождены чудовищные горы ошибок – попросту вздора!». Борис Дмитриевич Кочнев так и взялся за проблему заново и принципиально решил ее на многочисленных конкретных примерах, проведя серьезнейшее исследование памятников нумизматики Караханидов. Краеугольным камнем этих исследований стала разработка надежной идентификации многочисленной монетной титулатуры и выяснение статуса упомянутых на монетах лиц (не-редко на монетах помещалось сразу несколько титулов и лакабов, установление принадлежности которых представляло собой серьезную проблему), которые и позволили полноценно использовать караханидские монеты в качестве источника по политической и социальной истории государства Караханидов[9].

Необходимо заметить, что информация, полученная Б.Д. Кочневым о титулатуре, в таком объеме присуща только караханидским монетам, и подобные данные невозможно извлечь при изучении монет ни Саманидов, ни Великих Сельджуков, ни Чингизидов и т.д.

Кроме анонимных выпусков монет в нумизматике Востока существуют еще и выпуски, сообщающие имена эмитентов, которые по известным историческим причинам никак не могли быть поставлены на чеканной продукции либо данных монетных дворов, либо в указанные годы чеканки. Каждый раз такие монеты-загадки требуют особо внимательного критического подхода исследователя. Приведу несколько примеров таких монет.

В кокандской нумизматике известны редкие монеты, битые в *Хуканд-и Латиф* (=*Коканде Приятном*) с годами чеканки 1288–1290 гг.х. (1871–1873 гг.) и именем давно покойного к тому времени Малла-хана (годы его правления 1275–1278/1858–1862 гг.). Причем монеты с этими датами и именем известны как в серебре, так и в золоте. И лишь блестящее исследование, проведенное В.Н. Настичем, показало, что монеты эти являются анахронизмом, и они выпускались в Кашгаре Йаʿкуб-беком в течение 3-х лет от имени Малла-хана, поскольку власть самого Йаʿкуб-бека не была легитимной и он не имел права чеканить собственную именную монету. А в 1290/1873 г. правитель Кашгара объявил о своем вассалитете в отношении османского султана и с этого года Кашгар начал чеканить монету с именами османских султанов[10]. Известны и другие примеры помещения на монеты имен государей зарубежных держав, также вызванные политическими соображениями местных правителей: в Золотой Орде монеты Хаджи-Тархана с именами султана Махмуда и амира Тимура герегена[11], несмотря на то, что известно об уничтожении этого города по приказу Тимура; известны монеты Багдада 755 г.х., битые с именем Джучида Джанибек-хана, и монеты Базара (в исторической области Джурджан) с его же именем[12] – то есть на тех монетных дворах, кото-

---

[9] Там же. С. 67–102.

[10] Настич В.Н. Если на клетке слона написано «Бегемот» … Где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // ЭВ. Вып. XXIX. М., 2011. С. 181–184.

[11] Лебедев В.П. Нумизматические этюды саратовского краеведа и нумизмата Ю.Е. Пырсова (1930–1997) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. 2. Н.Новгород, 2000. С. 12–13.

[12] Грачев А.И. О «правлении» хана Джанибека в Джурджане // НЗО. Вып. 1. Казань, 2011. С. 94–102.

рые никогда Джучидам не принадлежали, и территории эти не захватывались их войсками. Все эти (и другие аналогичные) выпуски появились благодаря сложившимся на этих локальных территориях политическим обстоятельствам, а не явились следствием сумасбродства местных правителей или резчиков штемпелей. Таким образом, подобные монеты представляют собой особый информационный исторический источник, позволяющий пролить свет на конкретно-исторические события при условии их всестороннего, полноценного и грамотного критического изучения.

Кроме перечисленных случаев встречаются и монеты, видимо, выпущенные как пробные, предназначенные для утверждения правителем. Если ошибочно трактовать их существование, то можно сделать далеко идущие и совершенно ложные выводы. Например, золотоордынская именная монета хана Мамая в Азаке (763 г.х.) известна уже почти два столетия. Впервые Фредерик Соре упомянул о ее существовании в 1825 г.[13]. Эту же монету упоминает и Х.М.Френ[14]. А в 2008 г. А.В. Пачкалов обнаружил этот же экземпляр в нумизматической коллекции Staatliches Münzkabinett в г. Мюнхене, о чем он известил научную общественность[15]. Автор трактует существование этих монет так: «… Мамай на монете 763 г.х. назван «ханом», что позволяет предполагать попытку принятия Мамаем в начале своей политической карьеры ханского титула, провозглашение себя ханом, претензию на формальное закрепление своего статуса фактического правителя. По всей видимости, эта попытка была неудачной, т.к. монет с именем Мамая было отчеканено очень мало (за двести лет исследований было выявлено всего два экземпляра), а после 762 г.х. в Орде Мамая чеканятся монеты от имени ханов-Чингизидов, а не от имени Мамая».

Отсутствие всесторонней критической оценки этого нумизматического источника и попытка истолковать лишь сам факт чеканки этой монеты приводят автора, на мой взгляд, к ложному заключению, будто бы Мамай стал или пытался присвоить себе титул хана. Анализ же обстоятельств чеканки позволяет предположить иное, более правдоподобное объяснение. Каковы же особенности этого нумизматического источника? Во-первых, чекан был осуществлен лишь на одном монетном дворе области Азак; во-вторых, Мамай известен как политический деятель на территории Золотой Орды еще в течение почти 17 лет после даты, указанной на монете; в-третьих, в течение всего периода нахождения у власти он больше не чеканил именную монету тем более с титулом *хан*, то есть о какой бы то ни было регулярной чеканке монет с именем «хана» Мамая не может быть и речи; в-четвертых, серебряных золотоордынских монет известны сотни тысяч, если не миллионы, а монет «хана Мамая» на настоящий момент мне известно всего несколько экземпляров. Все это говорит лишь о том, что это был пробный выпуск несанкционированный властями, а реализованный услужливыми монетными мастерами в крайне ограниченном объеме (ситуация напоминает ситуацию создания рублевика русского «императора» Константина, который

[13] Soret F. Catalogue de la collection de medailles orientales du Dr. de Sprewitz. – Geneva, 1825. P. 16.

[14] Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832. – С. 20.

[15] Пачкалов А.В. К вопросу об именных монетах Мамая // НЗО. Вып. 2. Казань, 2012. С. 117–118.

императором так и не стал). Видимо, эти монеты не прошли утверждение, но мизерное их количество попало в обращение. То есть эти монеты нельзя считать чеканкой «хана Мамая» ни по каким параметрам. А следовательно, нет смысла рассуждать о попытке Мамая закрепить свою личную власть в качестве хана. Отсутствие регулярности чеканки монет с именем эмитента, объективная уникальность этих монет – серьезный сигнал для исследователя о необходимости проявления особой осторожности в вопросах интерпретации исторических событий на основе такого источника.

Не уверен, стоит ли упоминать о случаях, когда не совсем подготовленные исследователи «читают» новые имена якобы эмитентов там, где их нет, или «читают» их так, как их читать нельзя. Подобные «чтения» еще как-то можно оправдать и рассматривать только в отдельных случаях, и то в качестве рабочей версии. Однако если монетная легенда не прочтена полностью, вырывать какое-то одно слово из нее и рассматривать отдельно от всего текста, интерпретируя по своему усмотрению, недопустимо. К сожалению, подобные примеры существуют в современной нумизматической литературе. Заострять на них свое внимание здесь не будем, поскольку к вопросам собственно информационных возможностей нумизматического источника это отношения не имеет.

Итак, восточные монеты часто позволяют отследить имена эмитентов и их титулы. Но эта информация для разных эпох и государств присутствует на монетах из разных металлов с разной степенью полноты, а может и просто отсутствовать. Поэтому изучение восточных средневековых монет по данному параметру в каждом конкретном случае требует своего методологического подхода.

Монетный металл. Металл, из которого изготовлены монеты, также накладывает свой отпечаток на репертуар помещаемых легенд и изображений в данное время в данной местности. Золотые монеты, как правило, несли на себе имена исключительно верховных правителей государства.

Серебряные монеты кроме имен верховных правителей могли нести имена или титуты наместников, управляющих и т.д. Эмитенты, выпускавшие и золотые, и серебряные монеты, на Востоке считались самостоятельными правителями, поэтому без разрешения верховного правителя ни один подданный, какой бы он высокопоставленный пост ни занимал, не имел права ее чеканить только от своего имени. В государствах Чингизидов право помещать свои имена давалось иногда наместникам, мелким правящим местным династам, однако лишь при условии присутствия имени хана или его тамги.

Медные монеты не обладали такой статусностью, и на них можно встретить значительно большее разнообразие различных зооморфных и орнаментальных изображений, что говорит о большей творческой свободе, предоставляемой резчикам штемпелей. Такое отношение к медной чеканке появилось не сразу, а с течением времени и наиболее ярко начало проявляться с XI века, а в Золотой Орде получило дальнейшее развитие. Скорее всего, основной причиной больших свобод для построения монетного поля являлась необходимость частой смены типов монет и потребность в простом визуальном различении старой монеты от новой. Медные монеты, призванные обеспечивать местное обращение, могли выпускаться с именами только местных владетелей, не претендующих на верховную власть в государстве. Например, монеты Золотой Орды с именами *Тулунбек-ханум*, *Черкес-бека*,

Тагай-бека представлены исключительно медными пулами, что и указывает на их не самое высокое положение на иерархической лестнице государства.

Таким образом, отслеживая присутствие имен на монетах разного статуса, можно также извлекать полезную информацию об особенностях устройства государства.

Монетные дворы. Если расположение имен и титулов эмитентов на монете, как самых важных частей монетной легенды, со временем утвердилось в самой центральной части поля стороны монеты, то наименованию монетного двора (как, собственно, и году чеканки) повезло меньше. Название монетного двора часто попадало в разряд второстепенной и даже необязательной информации и размещалось в круговых легендах или в сегментах картуша, а нередко в низу поля или между строк основной легенды мелкими буквами. В разные периоды в разных государствах и в зависимости от монетного металла (медь, серебро, золото) отношение к местоположению на монете названия эмиссионного центра было разным. Если на куфических дирхемах, выпускавшихся различными мусульманскими странами в VIII – X вв., как правило, монетный двор указывался в круговой легенде, то, например, у Джучидов в XIII в. известны эмиссии серебряных дирхамов вообще без его указания, а в XIV в. наоборот – он занимал все поле одной из сторон монеты. Почему это важно отметить? А вот почему: изучая расположение написания названия МД на монетах, можно избежать ошибок в атрибуции, которые в противном случае могут быть неминуемо сделаны исследователем. Так, например, в центре поля некоторых типов монет Великой Монгольской империи легенда начинается так: *ал-Орду ал-А'зам*[16]. Прочитав эту часть легенды, некоторые нумизматы сразу посчитали, что речь идет о названии монетного двора[17]. Но этот термин, обозначающий ставку каана, расположен в центре поля как раз на месте, где должно размещаться имя эмитента, не является названием монетного двора (часто сам монетный двор на таких монетах указан в круговых легендах или в сегментах картуша), а указывает именно на самого эмитента – владельца этой *Орды Величайшей*, т.е. на каана[18].

Название монетного двора в средневековье на монетной продукции востока, начиная с определенного момента времени, следует после слов *дар зарб (дом битья = монетный двор), дхуриба [зарб](битье, ударение), дхуриба фи (битье в)* или *би сиккат (чеканка), сиккат (чеканение)*. Исключения встречаются, но крайне редко. Иногда перед именем собственным ставились слова *мадинат, шехр, балда[т], балад/белед* и некоторые другие. Первые три переводятся как *город*, и позволяют считать, что монета бита именно в городе с названием, отраженным в следующем за этим словом топониме. А термин *балад/белед,* который отличается от *балда[т]* только отсутствием конечного харфа *ха,* представляет собой слово собирательное

[16] Федоров-Давыдов Г.А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии // НЭ. Т. II. М., 1960. С. 125–126, типы 28, 29.

[17] Пачкалов А.В. О местоположении Орду – монетного двора Джучидов (постановка проблемы) // XI ВНК. Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 85–86.

[18] Беляев В.А., Настич В.Н., Петров П.Н. Орду ал-`Азам в Хотане и Кабак. Новые монгольские монетные дворы XIII в. // Нумизматика. М., 2004. С. 20–22; Петров П.Н. Монгольские монетные дворы XIII века и Орду ал-А'зам. // Нумизматика. Июль. М., 2006. С. 19–22.

множественное от *балда[т]*" и означает: *населенные пункты / города* (в некой совокупности), *область* и даже *страна*[19].

Невозможно не заметить, что нами ведется речь не просто о городе или названии области, а о названии монетного двора. Этот принципиальный подход связан с тем, что мы не всегда в состоянии различить, в каком именно населенном пункте данной области располагался данный конкретный монетный двор, особенно, если речь идет о монетных дворах с эпитетами или устойчивыми различными написаниями. Например, названия монетных дворов *Крым, Крым ал-Джадид, Крым ал-Махруса* могут принадлежать разным монетным дворам и не обязательно расположенных в одном населенном пункте. Также удивляет активная работа джучидского монетного двора *ас-Сарай(!) ал-Джадид* (именно с артиклем *ас-* ошибочно, но явно специально поставленном перед названием *Сарай*), регулярно выпускающего дирхамы при Джанибек-хане одного типологического ряда в то время, как столь же регулярно и устойчиво работали еще монетные дворы с названием *Сарай ал-Джадид*, но чеканили монеты иных типологических рядов.

На Востоке была распространена практика перемещения монетных штемпелей с одного монетного двора на другой. В монгольских государствах XIII–XIV вв. монета могла чеканиться не только на стационарных монетных производствах, но и на передвижных, кочующих вместе с Ордой (Ордами). Естественно, что в этом случае штемпеля могли заказываться на любом монетном дворе, лежащем на пути кочевки. При этом совершенно необязательно на таких штемпелях менялось название двора. В результате существования такой практики далеко не всегда можно уверенно говорить об истинном месте чеканки той или иной монеты. Почему это важно и надо иметь в виду? Причина заключена в том, что, изучая объемы эмиссии конкретного монетного двора за определенный промежуток времени (например, с помощью поштемпельного анализа), мы можем получить информацию о невероятной активности этого производства и вынуждены будем объяснять подъем спроса в монете в этом регионе всплеском экономического (прежде всего торгового) роста. Хотя такого всплеска на самом деле могло и не быть вовсе, так как Орда могла не останавливаться в этом регионе, соответственно, и люди не тратили здесь денег. Можно ли пытаться прояснить эти вопросы, изучая нумизматический источник? В каких-то случаях это возможно, но это зависит от большого количества различных факторов, неудачное сложение которых может не позволить получить ответ на поставленный вопрос.

Датировка монет. Огромное количество монет Востока снабжено выпускными легендами, содержащими год (иногда месяц). Казалось бы, что может быть проще датировки монет – прочел год, стоящий в легенде, и все проблемы решены. Но в действительности это далеко не всегда так просто. Не всегда эти годы означают год выпуска монеты. Существует достаточное количество примеров, когда в течение нескольких лет на монетах указывался один и тот же год («замерзшая дата»), или когда указывался год интронизации правителя с добавлением цифры – года правления (например, регулярно на монетах Османской империи с определенного периода). Существует огромное количество примеров выпуска монет с искаженными нечитаемыми

[19] Настич В.Н. Алматы – монетный двор XIII в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т 2. Н.Новгород, 2000. С. 60–261.

написаниями года (как словами, так и цифрами), монет *мулов* – с использованием старых штемпелей или вновь вырезанных штемпелей, но с повторенной старой датой. Кроме того, не касаясь даже использования разных летосчислений для обозначения года (лунная Хиджра, солнечная Хиджра, короникон в Грузии и т.п.), следует отметить сложности в прочтении дат в связи с их размещением на монетах.

Наиболее корректными считаются датировки монет, где год написан словами. До монгольского завоевания (до начала XIII в.) на чеканной продукции монетных дворов год указывался словами. Причем, если все слова года не убирались на монете, то опускали число сотен года, оставляя только десятки и единицы. В XIII веке началось активное распространение датировки монет цифрами. Однако цифры не всегда ставились в том порядке, в каком это требуют правила их написания, то есть менялись местами, приводились в зеркальном изображении, разбрасывались по полю монеты. Известны случаи написания годов смешанно – словами и цифрами (например, сотни написаны словом, а десятки и единицы – цифрами). Применялась и система *абджад*[20], когда год писался буквами, каждая из которых соответствовала цифре (наиболее регулярно так помечались джучидские монеты Хорезма во второй половине XIII в., в государстве Кайду – дирхамы Алматы, в XIV в. редкие монеты 770-х гг.х., битые в Орде)[21]. В ильханском Мерве обнаружена датировка цифрами в таком написании: 600 – в одном сегменте картуша, 70 – в другом и 9 – в третьем, т.е. 679 г.х. Все это усложняет правильную хронологическую атрибуцию монет, но не означает, что установить истинный год выпуска невозможно. Иногда такая кажущаяся «чехарда» в датировке монет[22] пугает несведущих исследователей и приводит к заведомо ложным выводам историков, пытающихся использовать публикации по нумизматике восточных направлений без глубокого изучения предмета[23]. Но это не вина нумизматов, и не вина науки нумизматики! Это сложности атрибуции монет, которые необходимо понимать и учитывать, а многие давно решенные вопросы – необходимо знать.

Сложность прочтения некоторых надписей из-за особенностей палеографии иногда приводит к «чтению и открытию» несуществующих дат на монетах. Так, крупный крымский пул с тамгой Менгу-Тимура «… впервые был

---

[20] Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1977. С. 21 – أَبْجَد.

[21] Настич В.Н. Алматы – монетный двор XIII в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. 2. Н.Новгород, 2000. С. 257–266; Настич В.Н. Хронограммы на монетах монгольских улусов XIII в. // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года. СПб., 2005. С. 276–277; Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // ЗЦ. Вып. 3. 2010. С. 122–127; Петров П.Н. Находки дирхемов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // ЗЦ. Вып. 4. 2011. С. 218.

[22] Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л., 1983. С. 15–53.

[23] Гончаров Е.Ю. Очерк монетного дела в Улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг.х. Нумизматический комментарий к книге И.М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Труды Международной нумизматической конференции: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК. М., 2008. С. 52–58.

опубликован В.П. Лебедевым в XV выпуске «Нумизматики и эпиграфики»[24] и им же – в сборнике «Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы»[25]. Не разобравшись в графике и грамматике надписи, автор отказался от предложенной ему тюркологом М.А. Усмановым версии чтения начала об. ст. (у Лебедева почему-то «л.с.») بو پل; «этот пул» в пользу менее обоснованной и палеографически, и по смыслу بو يل «этот год», а в нижней строке слово بارچكا ([*предназначен*] *всем* – П.П.) принял за «непонятную лентообразную асимметричную фигуру». На основании этих «данных», усугубленных грамматически ошибочным чтением строки 2 (в первом издании – قتلغ بولر/ن‘ во втором –قتلغ بونسون ; перевод не соответствует ни тому, ни другому: «Да будет счастлив этот год»), Лебедев выстраивает следующую «логическую» цепочку: в «непонятной фигуре» можно видеть изображение змеи – следовательно, вместе со строкой 1 – это указание на «год змеи»; змея красная (поскольку изображена на медной монете) – получается «год красной змеи», что совпадает с 1281 г. В результате «год змеи» даже вынесен в заглавие статьи»[26]. Подобная ошибка автора была сделана из-за нечеткости надписи на имевшемся у автора экземпляре и игры воображения. Именно поэтому непреложным правилом в восточной нумизматике является поиск монет-прототипов с четко читаемыми легендами. Аналогичная методологическая ошибка была допущена и автором этих строк в начале творческого пути, когда был «открыт» монетный двор Курмыш. Как потом оказалось слово, принятое за *Курмыши* было искаженным *ал-Махруси.*

Датировка анонимных монет в случаях, когда год на них не указан, представляет собой особую сложность. Как правило, точно установить год чеканки таких монет невозможно, однако при наличии определенных условий установить время их выпуска возможно. Варианта установления периода чеканки два. Во-первых, по результатам анализа нескольких разновременных кладов, содержащих эти монеты, при условии, что в состав этих монетных комплексов входят датированные монеты этого же или иных монетных дворов, и вопрос установления даты тезаврации кладов решаем. Так, например, было установлено, что недатированные анонимные серебряные монеты Мерва («кааники») были чеканены в период правления Ильхана Ахмада[27]. Во-вторых, установление примерных годов выпуска возможно по результатам статистического анализа весовых характеристик монет, при условии существования возможности установления средней скорости истирания кладовых монет в ходе обращения. Но в этом случае необходимо корректно установить и год тезаврации клада, и знать фактическую весовую норму чеканки определяемых монет. Такого рода исчисления также лучше проводить при изучении кладов с достаточным для статистической обработки содержанием датированных монет. В любом из этих случаев датировка изучаемых монет будет

---

[24] Лебедев В.П. Медная джучидская крымская монета года змеи // НЭ. Т. XV. М., 1989. С. 129–131.

[25] Лебедев. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев: Штиинца, 1990. С. 139–156.

[26] Настич В.Н., Гончаров Е.Ю. По поводу одного «открытия» в джучидской нумизматике // Бартольдовские чтения, год 10: Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 50–51.

[27] Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Н.Новгород, 2003. С. 76.

иметь вероятностный характер, и может быть выражена в виде записи хронологического интервала. Конечно, в некоторых случаях уточнить датировку таких монет может дополнительный анализ смены типов, осуществлявшийся на монетном дворе или трудоемкий поштемпельный анализ продукции монетного двора, или иные «подсказки», которые в каждом конкретном случае приберег для исследователей нумизматический источник.

Корректная датировка монет нужна не только археологам, датирующим археологические слои памятников по нумизматическим артефактам. Датировка позволяет решать вопросы хронологии правлений, документально фиксировать конкретные исторические события, в том числе не освещенные в нарративных письменных памятниках, устанавливать степень активности монетных дворов, направление движения денежных потоков в те далекие времена и т.п. Все эти выводы могут быть сделаны в результате комплексных нумизматических исследований, опирающихся на корректную атрибуцию монет.

Изображения на монетах. Восточные средневековые монеты можно разделить на две группы: анэпиграфные и заполненные надписями – монетными легендами. Анэпиграфными выпускались медные и серебряные монеты, анэпиграфные золотые динары мне не известны. Обе группы монет могут нести на себе различные изображения, которые можно подразделить на: картуш; знаки религиозного характера; тамги; орнаментальные построения; элементарные композиции (точки, виньетки и т.п.); зооморфные и антропоморфные изображения; сюжеты; очень редко «портреты».

Картуш. При описании монет используются термины, широко применяемые в настоящее время различными исследователями: ободок, картуш, поле монеты. Эти термины относятся к области нумизматического искусствоведения. К большому сожалению, этим направлением нумизматики до сих пор никто серьезно не занимался, между тем эти искусствоведческие вопросы представляют существенный интерес, поскольку непосредственно связаны с развитием эстетических вкусов средневековья в архитектуре, в прикладном и других видах искусств[28]. В то же время применяемые приемы композиционных и сюжетных решений являются отражением художественного восприятия людей изучаемой эпохи. Но решения этих вопросов не являются целью настоящей статьи и рассматриваются здесь только в связи с необходимостью формирования однозначной терминологии, необходимой для описания монет.

Термин *картуш* регулярно и активно в отечественной литературе стал использоваться Е.А. Давидович при описании восточных монет различных эпох. В книге «История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв.» определение этого термина отсутствует, но в приведенных многочисленных рисунках орнаментального оформления сторон джанидских монет изображены исключительно орнаментальные построения, ограничивающие центральную часть поля. При этом площадь монеты вне картуша названа полем[29]. Работы Е.А. Давидович отличаются последовательностью подходов к изучаемому материалу, и

[28] Сравни варианты геометрических орнаментальных построений сторон монет и, например, архитектурные орнаменты (Ремпель Л.И., 1978).

[29] Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. С. 53.

неудивительно, что в другой своей монографии о монетном деле Шейбанидов[30] прежние разработки нашли свое применение. Здесь автор дает определение картушу как «центру монеты», и совершенно правильно указывает, что надпись в картуше «психологически воспринимается как главная …»[31].

Однако встреча со значительно большим разнообразием геометрических орнаментальных построений (не только по форме, но и по размеру по отношению к площади стороны монеты) на медных фулусах и динарах конца правления Тимуридов и начала правления Шейбанидов естественным образом вводит некоторую неоднозначность в такую трактовку термина картуш. Она начинает проявляться в труде «История денежного обращения средневековой Средней Азии»[32] и очень наглядно представлена в монографии «Клады древних и средневековых монет Таджикистана»[33].

Рассмотрим обнаруженную неоднозначность, а также причину ее возникновения.

Любой термин, касающийся искусствоведческих категорий, имеет вполне конкретный однозначный смысл, особенно, когда речь идет собственно об объекте исследования, а не об эмоциональной составляющей восприятия человека. В этом смысле *центром монеты* (как объекта исследования) является точка, находящаяся где-то в объеме монеты. Центром стороны монеты является точка на поверхности этой стороны, вокруг которой построена композиция. Поэтому следует признать определение картуша, как «центра монеты» неточным и неудачным. Очевидно, что автор имела в виду центральную часть композиции, а не геометрический центр монетного кружка.

Любое композиционное построение на плоскости имеет законченный вид, если оно имеет обрамление. На монетах таким обрамлением является ободок, ограничивающий поверхность (стороны монеты или штемпеля). Уже это обрамление служит цели формирования психологического восприятия тех надписей и изображений, которые находятся внутри нее, как главных. Закономерно и целесообразно назвать эту ограниченную ободком поверхность полем монеты. Таким образом, становится понятно, что картуш в определении Е.А. Давидович изображался в поле стороны монеты. Но между таким картушем и ободком оставалось существенная по площади поверхность для размещения легенд (названная автором полем, очевидно, в противовес площади внутри картуша). Поэтому в описаниях монет Е.А. Давидович четко и логично различает надпись «в картуше» и «в поле», сокращая, тем самым, словосочетания: в поле картуша и в поле вне картуша. Но такой композиционный отрыв «картуша» от ободка – лишь частный случай геометрических орнаментальных построений и функционально характерен, как выяснил автор, для памятников нумизматики Шейбанидов и Джанидов (возможно, есть еще династии, использовавшие принцип такого композиционного размещения). И как только вопрос касается описания более общих композиционных построений (когда картуш в определении Е.А. Давидович оказывается соединенным с ободком, особенно, когда это соединение органично переходит из

---

[30] Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов XVI века. М., 1992.

[31] Там же. С. 43.

[32] Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983.

[33] Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.

одного компонента в другой), возникает та самая смысловая неоднозначность: называть ли картушем геометрическое построение вместе с ободком или постараться выделить ободок в отдельный элемент построения.

Так, в книге «История денежного обращения …» автор не называет такие конструкции единым термином, а по-прежнему выделяет ограничитель центральной части, хотя ободок соединен с «картушем». Например, при описании О.с. монеты типа №22 Е.А. Давидович пишет: «Орнамент в виде стилизованных побегов внутри и вне пятиугольного фигурного картуша»[34]. Если внутреннее поле картуша ограничено кругом, [например, тип №29 – О.с.][35], то использован иной прием описания: «орнаментальная лента». А в работе «Клады …» приведены рисунки орнаментальных построений (для монет Чагатаидов), где они названы не словосочетанием типа картуш в ободке, а «картуши серебряных монет». Т.е. в данном случае картушами уже названы не геометрические построения, ограничивающие центральную часть сторон монет, а вся композиция вместе с ободком[36].

Такая непоследовательность в определении термина картуш объяснима и закономерна, если не рассматривать ее как категорию искусствоведческую, а использовать термин вариативно (т.е. по ситуации) – то как имеющую функциональное значение, то как чисто декоративное оформление. Но от такой неоднозначности мало пользы, тем более, что картуш как основа композиционной организации площади восточных средневековых монет еще и функционален. Его функциональная значимость менялась с течением времени и достигла апогея, как показала Е.А. Давидович на примере серебряных монет Шейбанидов и Джанидов. Картуш в ее исследованиях выступил единственным критерием в определении категории типа монет, что было обусловлено его функциональным назначением для современников – отличать «новые законные» монеты от старых. Т.е. по сути – картуш являлся репером для установления номинального соотношения новой и обращавшейся старой монеты.

Рассматривая термин *картуш* с единой позиции композиционной организации поля монет, ему следует дать такое определение: *картуш в нумизматике – геометрическое орнаментальное построение, организующее поле стороны монеты для его последующего заполнения*. Т.е. картуш формирует не только поле в его центре, но и поле вне центра (в частности, разбивает поле на сектора и сегменты[37]). В секторах и сегментах могут быть размещены и орнаментальные элементы, и слова легенды. Важно не это, а то, как разбито поле, много ли степеней свободы для фантазии «художника» оставляет эта разбивка.

С точки зрения такого определения термина картуш ободок стороны монеты является неотъемлемой его частью. Если поле заключено всего лишь в один ободок, то мы имеем право назвать его картушем (кстати, и в соответствии с новым определением, приведенным здесь, и в соответствии с определением

---

[34] Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983. С. 73, рис. 6. С. 74.

[35] Там же. С. 75, рис. 6. С. 74.

[36] Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов XVI века. М., 1992. С. 431, рис. 3, №3–5.

[37] Здесь делается серьезное различие между двумя терминами- синонимами сектор и сегмент, вызванное необходимостью различать два варианта композиционного заполнения «лакун» картуша.

Е.А. Давидович). В частных конкретных случаях ободок, конечно, можно выделять и особенно, если на большинстве монет массовой чеканки он остается за пределами монетного кружка, т.е. не виден (а значит, не особо важен). Поэтому выделение картуша как геометрического построения, формирующего центральную часть площади серебряных монет Шейбанидов и Джанидов, у Е.А. Давидович следует признать законным и логичным, но являющимся частным случаем композиционного решения. К такому выводу приходишь постольку, поскольку ободок на монетах часто не виден и практически всегда «оторван» от центрального построения, т.е. не играет важной роли в геометрическом построении и в формировании эстетического восприятия внешнего вида монет.

Одно из перспективнейших направлений развития нумизматики – нумизматическое искусствоведение. Монета – это не картина, не предмет торевтики и даже не медаль, но она обладает всеми теми же качествами, которые присущи этим произведениям искусства, с той лишь разницей, что мы привыкли к монетам и они выпускались и выпускаются массовыми (в основном) тиражами.

Для изучения монет с точки зрения искусствоведения смысловая часть информации, помещенной в виде легенд, не имеет никакого значения. Мало того, сама легенда должна рассматриваться как особая часть рисунка (или орнамента), размещенного в поле и (или) за его пределами монетного кружка. Специфика именно нумизматического искусствоведения заключается в том, что рассмотрению подвергается монета как основной объект исторического исследования и все параллели (сравнения с произведениями искусства – живопись, фрески и т.п.) используются как вспомогательный материал для понимания глубинных процессов развития монетного дела. Нумизматическое искусствоведение является именно историческим в полном смысле этого слова. Категорически нельзя при анализе материала отрывать историческую ситуацию (экономику, политику, религию и т.д.), в которой была произведена та или иная монета, от ее облика, в противном случае результат анализа может привести к ошибочным выводам. Часто политические события и религиозные воззрения как раз находили свое отражение в смысловой части легенд, а в данном рассмотрении предлагается их не учитывать. Как же это? Здесь нет противоречия. Можно рассматривать принципиальные подходы к классификации с точки зрения нумизматического искусствоведения, которая естественным образом связана с привычной классификацией, основанной на понятии типа с опорой на атрибуцию, а соответственно и с отражением смысловой части информации. Самое основное понятие, которое следует закладывать в фундамент нумизматического искусствоведения, – это *узнаваемость* (иначе – различимость) монет. Если это направление искусствоведения начнет развиваться в указанном направлении, то результаты таких исследований могут привести к очень значимым выводам для истории.

Религиозные символы. Изображения символов, связанных с той или иной религией на монетной продукции средневекового Востока, встречаются не часто. Христианский крест встречается, например, на чеканной продукции, выпущенной на восточных монетных дворах крестоносцами, на монетах христианской ильханской Грузии (я не ставлю перед собой задачу перечислить здесь все случаи помещения этого символа на монетах). Стилизованные изображения буддийских символов мандалы и ваджры зафиксированы на мо-

нетах Чагатаидов[38]. Собственно изображения этих символов не требуют специальных пояснений и сложных интерпретационных выкладок, но их появление на монетах связано с конкретными историческими ситуациями и являются, порой, подтверждениями некоторых сведений письменных памятников.

Тамги. Тамги использовались многими народами на земле с древности. Тамга – это знак. И у разных народов эти знаки имели различное употребление. Таврами с изображением тамг помечался скот кочевым населением, тамги ставились на монетах, на пломбах[39], на кайраках[40], на межевых камнях, известны их изображения на печатях[41], а также на многих других предметах. Достаточно полный литературный обзор по вопросам возникновения, назначения и закономерностей развития тамг был сделан М.Д. Полубояриновой[42]. Тамги активно помещались на монетах различных государств в доисламский период (например, они присутствуют на монетах Боспорского царства, и Среднеазиатских держав и т.д.). Существенно реже тамги встречаются на монетах исламского востока. Регулярность и длительность (на протяжении столетий) их использования связываются с монгольским завоеванием в XIII в. К сожалению, никаких документальных свидетельств о назначении тамг на монетах, об их персональной принадлежности, о порядке (регламенте) использования тамг на монетах различными персонами дома Чингиз-хана не сохранилось. В этих условиях их изучение и понимание значимости этих знаков на монетах устанавливается благодаря анализу всех известных случаев размещения тамг на чеканной продукции монетных дворов. Именно интегральный подход в этом вопросе с учетом исторических событий позволяет составить представление о роли тамг на монетах, позволяет персонализировать многие знаки собственности и понять принцип их постановки на монеты.

Кажется справедливым положение, что тамги на монетах монгольских государств выполняли особо важную роль и несли максимальную информационно-смысловую нагрузку официального характера по сравнению не только с помещаемыми на керамике или крупах лошадей, но и при использовании в качестве таможенной отметки и др. Исходя из того, что тамга это в первую очередь знак собственности (характер этой собственности, однако, монеты не сообщают), принадлежащий Чингиз-хану или его потомку, она несет еще и харизматическую нагрузку, подчеркивающую законность и божественность власти правителя. Монеты в государстве Чагатаидов, битые в период с

---

[38] Петров П.Н. Ваджра на монетах Чагатаидского государства // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова. Казань, 2010. С. 123–141.

[39] Петров П.Н. Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья. Нумизматический сборник. Вып. II. Т. 1. Н.Новгород, 1997. С. 48–64; Перхавко В.Б. Распространение пломб дрогичинского типа // ДГВЕ 1994. М., 1996. С. 211–247.

[40] Филоненко В.И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. – Симферополь, 1928; Баски И. Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар) // ТА. Казань, 1997. №1. С. 129–155.

[41] Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Т. II. Ленинград, 1930. С. 92–93, прим. 3; Taube M., Cerensodnom D. Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berliner Turfantexte XVI. Berlin, 1993. tafel XXXII–XXXVII.

[42] Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 165–175.

668/1269–70 по 765/1363–64 гг., в обязательном порядке несли на себе тамги, как отличительную черту государственной принадлежности, как допуск монеты на рынки державы. Ни одно другое государство под управлением потомков Чингиз-хана не помещало тамги с такой завидной регулярностью и постоянством, как Чагатаидское. Поэтому чагатаидская нумизматика XIII–XIV вв. – уникальный памятник, позволяющий системно подойти к изучению знаков собственности и выявить некоторые закономерности и особенности использования личных тамг представителей «Золотого рода».

Установление порядка постановки тамг в том или ином государстве, выяснение размещения одинаковых тамг (в один и тот же хронологический отрезок времени) на продукции разных монетных дворов позволяют понять некоторые принципы организации государства, выделить зоны экономического влияния тех или иных персон (владельцев тамг). Например, появление тамг на монетах Менгу-Тимура (первого хана Золотой Орды) всех монетных дворов с 665/1266–67 г. маркирует новый статус этого Джучида – как владельца самостоятельного, независимого от Монгольской империи государства. То же можно сказать и о регулярной и повсеместной (в пределах подвластных территорий) постановке тамг на монетной продукции государства Кайду после 668/1269–1270 г. В державе Кайду тамги маркируют владения Угедеида Кайду и Чагатаида Дувы, а также территории их совместных экономических интересов. Токта-хан после победы над Ногаем изменил принцип постановки тамг на монетах своего государства: территории, которые контролировались исключительно его администрацией, чеканили монету, не помеченную тамгой, а территории с хозяйствующими субъектами (в меньшей степени зависевшие от ханского дивана) – помещали тамгу хана[43].

Информационные возможности знаков собственности на монетах существенны и разнообразны, однако в большинстве случаев эта информация разнородна, связана с конкретным государством, регионом/населенным пунктом и временем. Не существует единого рецепта по извлечению постоянно одних и тех же сведений исторического плана из анализа размещения тамг на монетах.

Орнаментальные построения и элементарные композиции. Орнаментальные построения, как и элементарные композиции (точки, виньетки и т.п. элементы, размещенные в поле монеты), на первый взгляд не несут какой-либо серьезной информации, и на серебряных монетах мусульманского Востока появились не сразу. Активное их использование приходится на вторую половину XIII–XIV вв. Их классификацию и анализ необходимо проводить в рамках нумизматического искусствоведения. Возможно, изучение этого вопроса позволит со временем извлечь полезную информацию.

Зооморфные, антропоморфные изображения, сюжеты, «портреты». «Проблеме отношения ислама к изобразительному искусству посвящены сотни исследований; одно из последних и наиболее доступных – статья О.Г. Большакова (Труды ГЭ, т. X, 1969, с. 142–156). Но среди них почти нет работ, в которых эта проблема была бы рассмотрена на таком ценном источнике, как мусульманские монеты. Между тем нумизматический источник, помимо общекультурного значения, в аспекте названной проблемы важен еще и потому, что монетная эмиссия – составная часть государственной по-

[43] Петров П.Н. Находки дирхемов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // ЗЦ. Вып. 4. 2011. С. 230–231.

литики, объективный индикатор идеологических приоритетов государства и активный инструмент формирования эстетических воззрений, обладающий особенно сильным воздействием благодаря своей массовости и общедоступности. В этом плане внешнее оформление монет не менее важно, чем содержание размещенных на них надписей. <…>

Разумеется, каждый конкретный случай “сюжетной эмиссии следует рассматривать с учетом этнополитической, идеологической и социальной ситуации в данном государстве, наличия доисламских традиций, инокультурных влияний и т.п. Как никогда не было единообразного, общего для всех исламского вероучения и правоведения, так и не было и не могло быть одинаковых на все времена и для всех мусульман установлений и запретов в сфере творчества. О том, что догматические попытки запретов на изображения живых существ не только имели место, но в ряде случаев достигали успеха и более или менее строго соблюдались, говорит и другой перечень стран (здесь не приводится), в монетной чеканке которых никогда не использовались сюжетные образы. Один из таких строжайших запретов сформулирован в труде известного шиитского хадисоведа и богослова Мухйи ад-дина ан-Навави (XIII в.), который называл изображение животных “тягчайшим грехом”, где бы оно ни помещалось – “на одежде, на ковре, на дирхеме, динаре или фельсе, на сосудах, на стене” и т.д. <…>

“Степень свободы” художников – авторов монетных штемпелей в значительной мере зависела от материала, в котором чеканились монеты: золото и серебро – “государственные” металлы, эмиссия из них теснее всего связана с официозной идеологией и поэтому более подвержена догматическим воздействиям, тогда как медь, обычно выполнявшая функции мелкоразменной муниципальной монеты (за немногими исключениями, самое серьезное из которых т.н. “серебряный кризис” XI – начала XIII в.), очевидно, не так прочно связана с политикой или предписаниями шариата. Именно медные монеты на протяжении всего рассмотренного периода дают нам большинство известных сюжетов, реализация которых теоретически составляет “тягчайший грех” для приверженцев истинной веры, именно по ним можно судить о действенности изобразительных ограничений в разных исламских общинах. <…>

Монетный материал, как и данные других источников, определенно свидетельствует, что эти ограничения и запреты, первоначально возникшие (по мнению большинства исследователей) в связи с противодействием действительному или потенциальному идолопоклонству, со временем приобрели более общий характер, их рациональная мотивировка исчезла вслед за породившей ее проблемой, а новые, более абстрактные обоснования подобных запретов, судя по всему, оказались не настолько убедительными, чтобы раз и навсегда погасить творческие импульсы мусульманских мусаввиров, поскольку ни в каком-либо из суннитских толков, ни в шиизме не дошло до выработки строгих правовых и тем более процессуальных норм реализации этих запретов, которые в большинстве своем, похоже, имели, скорее, морально-этический, чем юридический статус. Кроме того, представляется бесспорным, что все новые попытки богословских ограничений всегда были вторичными по отношению к самим фактам художественного творчества, возникали им вослед, а не наоборот, и это еще одна причина, почему они часто были неэффективными; иначе говоря, запреты и появлялись в основном потому, что всегда находились желающие их нарушать. В этом плане рассмотренные в

докладе эмиссии мусульманских монет с сюжетным оформлением являют собой отнюдь не случайные отклонения от некоего “общего правила”, а напротив, проявление диалектической закономерности, ее необходимую и неизбежную “живую” составляющую, в противовес ригористической догме, вдобавок давно утратившей свою социально-значимую сущность и сохраняемой лишь в качестве “эсхатологического фактора”[44].

Мы не нашли ничего лучше, как привести эти заключения В.Н. Настича, поскольку точнее и компактнее сообщить об изображениях на монетах людей и животных сложно. Действительно, на средневековых монетах Востока многих стран и разных периодов встречаются, а часто и регулярно помещаются зооморфные и антропоморфные изображения, а также сюжеты и крайне редко – портреты. Внушительный список династий, использовавших подобные изображения, который привел автор в этой работе («праведные халифы (начиная с Омара, 634–644), Омейяды, Аббасиды, Бувейхиды, Великие Сельджуки, Газневиды, Караханиды, Гуриды, Хорезмшахи (Афригиды, Ануштегиниды), Сельджукиды Рума, Артукиды, Зенгиды, Бектегиниды, Арменшахи, Ильдегизиды, Айюбиды; в послемонгольскую эпоху – Мамлюки (Бахри), Хулагуиды, Джучиды Поволжья и Хорезма, Османиды (до начала XVI в.), Расулиды, Тимуриды, Шейбаниды, Аштарханиды, казахские ханы, Сефевиды, Зенды, Каджары, азербайджанские ханы, Бабуриды (Великие Моголы), делийские султаны, султаны Майсура и даже Ваххабиты (в самой Мекке!)»), более подробно рассматривается им в следующих иллюстрированных статьях[45].

Информативность всех этих изображений в каждом конкретном случае различна и продиктована конкретными местными историческими обстоятельствами, как, впрочем, и стабильное отсутствие изображений.

Во многих случаях представляется оправданным такое осмысление присутствия зооморфных изображений на монетах: «… запоминающийся облик монет был крайне важен и для торговцев, особенно, в тех случаях, когда в обращении находится огромная масса разнообразных монет одного размера и близких весовых стандартов. В этом случае изображения животных, выступающих отличительным элементом на монете, продиктованы требованиями рынка для быстрого визуального распознавания средств платежа»[46]. Такое утверждение справедливо во всех случаях регулярного помещения зооморфных изображений на монеты.

Надо сказать, что семантика многих изображений сложна и восходит к древним преданиям разных времен и народов. Видимо, не всегда резчик монетного штемпеля представлял изначальный смысл изображаемого, а поме-

---

[44] Настич В.Н. Еще раз о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики) // Тезисы докладов и сообщений Международной конференции «Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия». М., 1992. С. 139–142; Настич В.Н. Еще раз о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики). Сайт: http://rasmircoins.ucoz.ru/publ/3-1-0-8 (размещено 10.10.2006 г.).

[45] Настич В.Н. Свидетельствуют монеты (был ли в исламе запрет на изображения живых существ?). Ч. 2 // Современный ислам. 2012. №2(9); Настич В.Н. Свидетельствуют монеты (был ли запрет на изображения живых существ в исламе?). Ч. 1 // Современный ислам. 2012. №1(8).

[46] Камышев А.М. Зооморфные изображения на медных монетах Шейбанидов как продолжение золотоордынской традиции // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. 2012. С. 182.

щал его уже как некий символ, смысл которого укоренился в сознании окружавших его людей. Нумизматика только делает первые шаги, ищет подходы к проникновению в суть подобных изображений, поэтому говорить об овладении информационным полем этой составляющей монетных данных не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиндинов С.В., Камышев А.М., Петров П.Н. Баласагун и Орду – монетные дворы второй четверти XIII века (Новые факты из истории Кыргызстана) // ЭВ. Вып. XXIX. М., 2011.

2. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.

3. Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Маджара и его округи // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010.

4. Байпаков К.М., Петров П.Н. Кайалык – город Великой Монгольской империи. Нумизматический и археологический аспекты // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции 8–10 июня 2006 г. Туркестан. Туркестан, 2007.

5. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1977. С. 21 – أَبْجَد.

6. Баски И. Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар) // ТА. Казань, 1997. №1. С. 129–155.

7. Беляев В.А., Настич В.Н., Петров П.Н. Орду ал-`Азам в Хотане и Кабак. Новые монгольские монетные дворы XIII в. // Нумизматика. М., 2004. С. 20–22.

8. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007.

9. Гончаров Е.Ю. Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг.х. Нумизматический комментарий к книге И.М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Труды международной нумизматической конференции: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК. М., 2008. С. 52–58.

10. Грачев А.И. О «правлении» хана Джанибека в Джурджане // НЗО. Вып. 1. Казань, 2011. С. 94–102.

11. Давидович Е.А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.

12. Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983.

13. Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. С. 53.

14. Давидович Е.А. Канибадамский клад караханидских монет // СА. 1961. №1.

15. Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов XVI века. М., 1992. С. 431, рис. 3, № 3–5.

16. Давидович Е.А. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX–XVI вв. (на примере южного Таджикистана) // Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

17. Давидович Е.А. О монетах дихканов Илака конца X – начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н. Федоровым) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.

18. Давидович, 1979а. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.

19. Даутова Р.А. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Сборник трудов. Грозный, 1977.

20. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

21. Камышев А.М. Зооморфные изображения на медных монетах Шейбанидов как продолжение золотоордынской традиции // НЗО. Вып. 2. 2012.

22. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

23. Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. I. Источниковедческое исследование. М., 2006.

24. Крамаровский М.Г. Мангуптская находка: седьджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. Симферополь, 2009.

25. Крамаровский М.Г. Петрарка о бедах Скифии (Золотой Орды) в 1360-х гг. // История и современность. 2007. №2.

26. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

27. Лебедев В.П. Нумизматические этюды саратовского краеведа и нумизмата Ю.Е. Пырсова (1930–1997) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. 2. Н.Новгород, 2000. С. 12–13.

28. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монетный клад XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая // НЗО. Вып. 2. 2012.

29. Лебедев В.П., Павленко В.М. Иноземная монета в золотоордынском Маджаре // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК. М., 2008.

30. Лебедев В.П., Павленко В.М. Неизданные джучидские медные монеты из Маджара // XII ВНК. Тезисы докладов. М., 2004.

31. Лебедев В.П., Павленко В.М., Бугарчев А.И. Комплекс медных монет с Маджарского городища // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». I МНК – Саратов 2001 и II МНК. Муром, 2003. М., 2005.

32. Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Т. II. Ленинград, 1930. С. 92–93, прим. 3.

33. Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.) // ТСГУ. Вып. CXI, 1957.

34. Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII–XIV веков с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа П.М. Севостьянова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.

35. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005.

36. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1.

37. Настич В.Н. Алматы – монетный двор XIII в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т 2. Н.Новгород, 2000. С. 257–266.

38. Настич В.Н. Если на клетке слона написано «Бегемот» … Где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // ЭВ. Вып. XXIX. М., 2011. С. 181–184.

39. Настич В.Н. Еще раз о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики) // Тезисы докладов и сообщений Международной конференции «Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия». М., 1992.

40. Настич В.Н. Свидетельствуют монеты (был ли в исламе запрет на изображения живых существ?). Ч. 2 // Современный ислам. 2012. №2(9).

41. Настич В.Н. Свидетельствуют монеты (был ли запрет на изображения живых существ в исламе?). Ч. 1 // Современный ислам. 2012. №1(8).

42. Настич В.Н. Хронограммы на монетах монгольских улусов XIII в. // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года. СПб., 2005. С. 276–277.

43. Настич В.Н., Гончаров Е.Ю. По поводу одного «открытия» в джучидской нумизматике // Бартольдовские чтения, год 10: Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 50–51.

44. Настич В.Н. Еще раз о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики). 2006. Сайт: http://rasmircoins.ucoz.ru/publ/3-1-0-8

45. Настич В.Н. Улджайтимур-хан: время и деньги (нумизматический обзор) // ЭВ. Вып. XXVIII. М., 2009. С. 168–186.

46. Обухов Ю.Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.

47. Павленко В.М. Маджарский клад дангов конца XIV в. // XV ВНК. Тезисы докладов. М., 2009.

48. Павленко В.М., Лебедев В.П. Нумизматические «новинки» из Маджара // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК – Старый Крым, 2004. М., 2005.

49. Пачкалов А.В. О местоположении Орду – монетного двора Джучидов (постановка проблемы) // XI ВНК. Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 85–86.

50. Пачкалов А.В. К вопросу об именных монетах Мамая // НЗО. Вып. 2. Казань, 2012. С. 117–118.

51. Перхавко В.Б. Распространение пломб дрогичинского типа // ДГВЕ 1994. М., 1996. С. 211–247.

52. Петров П.Н. Ваджра на монетах Чагатаидского государства // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2010. С. 123–141.

53. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе. // ЗЦ. Вып. 3. 2010. С. 122–127.

54. Петров П.Н. Монгольские монетные дворы XIII века и Орду ал-Аʿзам. // Нумизматика. Июль. М., 2006. С. 19–22.

55. Петров П.Н. Находки дирхемов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // ЗЦ. Вып. 4. 2011. С. 230–231.

56. Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Н.Новгород, 2003. С. 76.

57. Петров П.Н. Хронология правления ханов в Чагатаидском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 310–314.

58. Петров. Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья. Нумизматический сборник. Вып. II. Т. 1. Н. Новгород, 1997. С. 48–64.

59. Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 165–175.

60. Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи (квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики). М., 2002.

61. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.

62. Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // СВ. 1941. №2.

63. Рева Р.Ю. Неизвестный Сайид-Ахмад // XIII ВНК. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.

64. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Среднеазиатского Междуречья IX–XIII веков // Искусство Среднего Востока. М., 1978.

65. Федоров-Давыдов Г.А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии // НЭ. Т. II. М., 1960. С. 125–126, типы 28, 29.

66. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля Нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола, 1998.

67. Филоненко В.И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. Симферополь, 1928.

68. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832. С. 20.

69. Album St. A Checklist of Islamic Coins. Santa Rosa, 1998. P. 110, A2272.

70. Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826.

71. Soret F. Catalogue de la collection de medailles orientales du Dr. de Sprewitz. Geneva, 1825. P. 16.

72. Taube M., Cerensodnom D. Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berliner Turfantexte XVI. Berlin, 1993.

Сведения об авторе: Павел Николаевич Петров – научный сотрудник Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (Казань, Российская Федерация); ppn@zmail.ru

---

SOME ASPECTS OF MEDIEVAL ORIENTAL NUMISMATICS AS A HISTORICAL SOURCE (1)*

P.N. Petrov

(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

This article contains a concise representation of the most challenging issues of medieval Oriental numismatics. The author emphasizes the importance of numismatic information for the study of the economic situation in the states and in some regions, of the dynamics of commodity-money relations, of the nature of the monetary policy pursued by the authorities, of the structure of money circulation in the states, of the administrative structure of the states and its changes over time, of the political declaration of power by issuers of coins, of the religious policy of the states, of the sequence and chronology of the reigns, and of many other aspects of Oriental history. In parallel, the article points to some limitations of numismatics as a historical source. The author points to the impossibility to formulate a patterned approache, rules, and regulations, which observance in numismatic research would always lead to the obtaining of all necessary and standardized information. The numismatic objects are polyparametric, and in most cases their parameters appear to be informative and may be disclosed only in specific historical situations of the particular historical periods and of the particular states.

Keywords: medieval Oriental numismatics, coin legends, coins issuer and title, metal used in coins, mint, dating of the coins, images on the coins, coin cartouche, religious symbols, tamgas.

---

* First section of the article.

REFERENCES

1. Akindinov S.V., Kamyshev A.M., Petrov P.N. *Balasagun i Ordu – monetnye dvory vtoroj chetverti XIII veka (Novye fakty iz istorii Kyrgyzstana)* [Balasagun and the Horde – the Mints of the Second Quarter of the 13th Century (New facts of the Kyrgyzstan history)]. *Jepigrafika Vostoka – Epigraphy of the East*. Is. XXIX. Moscow, 2011.

2. Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokraja Balka* [The Wet Wash]. Is. 1. *Dnevnik raskopok* [The Diary of Excavations]. Moscow, 2001.

3. Babenko V.A., Obuhov Y.D. *Monety v pogrebenijah Madzhara i ego okrugi* [The Coins in the Burials of Majar and Its Districts]. *Arheologija Nizhnego Povolzh'ja: problemy, poiski, otkrytija. Materialy III Mezhdunarodnoj Nizhnevolzhskoj arheologicheskoj konferencii (Astrahan', 18–21 oktjabrja 2010 g.)* [Archeology of the Lower Volga Region: Problems, Searches, Discoveries. Materials of the 3rd International Archaeological Conference of the Lower Volga Region (Astrakhan, 18–21 October, 2010)] Astrahan', 2010.

4. Bajpakov K.M., Petrov P.N. *Kajalyk – gorod Velikoj Mongol'skoj imperii. Numizmaticheskij i arheologicheskij aspekty* [Kayalyk – the City of the Great Mongol Empire. Numismatic and Archaeological Aspects]. *Denezhnoe obrashhenie i torgovlja srednevekovogo Kazahstana. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 8–10 ijunja 2006 g.* [Money Circulation and Trade in the Medieval Kazakhstan. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, 8–10 June 2006, Turkestan]. Turkestan, 2007.

5. Baranov H.K. *Arabsko-russkij slovar'* [Arabic – Russian Dictionary]. Moscow, 1977.

6. Baski I. *Tamgi i etnicheskie nazvanija (Vklad tamga-znakov v etnogenez tatar)* [The Tamgas and Ethnic Names (Contribution of the Tamga-marks in the Tatars' Ethnogenesis)]. Kazan, 1997, no. 1.

7. Beljaev V.A., Nastich V.N., Petrov P.N. *Ordu al-`Azam v Hotane i Kabak. Novye mongol'skie monetnye dvory XIII v.* [Ordu al-`Azam in Hotane and Kabak. New Mongolian Mints of the 13th Century]. Numizmatika. Moscow, 2004.

8. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde* (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) [Islam in the Golden Horde (historico-archaeological study)]. – Astrakhan', 2007.

9. Goncharov E.Ju. *Ocherk monetnogo dela v uluse Dzhuchi na rubezhe 770-h – 780-h gg.h. Numizmaticheskij kommentarij k knige I.M. Mirgaleeva «Politicheskaja istorija Zolotoj Ordy perioda pravlenija Toktamysh-hana»* [Essay on the Ulus of Jochi's coinage at the turn of 770's – 780's AH. The Numismatic Commentary on the I.M. Mirgaleev's Book "The Political History of the Golden Horde during the Reign of Khan Tokhtamysh"]. *Trudy mezhdunarodnoj numizmaticheskoj konferencii: «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference: "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th-14th Centuries"]. *IV MNK*. Moscow, 2008.

10. Grachev A.I. *O «pravlenii» hana Dzhanibeka v Dzhurdzhane* [On the "Rule" of Janybek in Gurgan]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Numismatics of the Golden Horde*. Is. 1. Kazan', 2011.

11. Davidovich E.A. *Voprosy hronologii i genealogii Karahanidov vtoroj poloviny XII v.* [Questions on the Chronology and Genealogy of the Karakhanids at the Second Half of the 12th Century]. *Srednjaja Azija v drevnosti i srednevekov'e (istorija i kul'tura)* [Central Asia in Antiquity and the Middle Ages (History and Culture)]. Moscow, 1977.

12. Davidovich E.A. *Istorija denezhnogo obrashhenija srednevekovoj Srednej Azii (mednye monety XV – pervoj chetverti XVI v. v Maverannahre)* [History of the Money Circulation in Medieval Central Asia (copper coins of 15th – the first quarter of the 16th century in Transoxiana (Maverannahr))]. Moscow, 1983.

13. Davidovich E.A. *Istorija monetnogo dela Srednej Azii XVII–XVIII vv. (Zolotye i serebrjanye monety Dzhanidov)* [The History of Coinage in Central Asia of 17th–18th Centuries (Gold and silver coins of Dzhanids)]. Dushanbe, 1964.

14. Davidovich E.A. *Kanibadamskij klad karahanidskih monet* [The Kanibadam Hoard of Karakhanid Coins]. *Sovetskaja arheologija – Soviet Archeology*. 1961, no. 1.

15. Davidovich E.A. *Korpus zolotyh i serebrjanyh monet Shejbanidov XVI veka* [Corpus of the Gold and Silver Coins of the 16th Century's Sheibanids]. Moscow, 1992.

16. Davidovich E.A. *O lokal'nyh variantah razvitija tovarno-denezhnyh otnoshenij v IX–XVI vv. (na primere juzhnogo Tadzhikistana)* [On the Local Variants of Development of the Commodity – Money Relations in the 9th–16th Centuries (on the example of southern Tajikistan)]. *Tovarno-denezhnye otnoshenija na Blizhnem Vostoke v epohu srednevekov'ja* [Commodity-Money Relations in the Near East in the Middle Ages]. Moscow, 1979.

17. Davidovich E.A. *O monetah dihkanov Ilaka konca X – nachala XI v. (i metode ih interpretacii M.N. Fedorovym)* [On the Dihkan Coins of Ilack at the end of 10th – Beginning of 11th Century (and on the method of their interpretation by M.N. Fedorov)]. *Drevnost' i srednevekov'e narodov Srednej Azii (istorija i kul'tura)* [Antiquity and the Middle Ages of the Central Asia People (History and Culture)]. Moscow, 1978.

18. Davidovich E.A. *Klady drevnih i srednevekovyh monet Tadzhikistana* [The Hoards of Ancient and Medieval Coins in Tajikistan]. Moscow, 1979.

19. Dautova R.A. *Funktcii arabojazychnyh monet v pozdnesrednevekovyh mogil'nikah Checheno-Ingushetii* [The Functions of Arabic Coins in the Late Medieval Chechen- Ingush Cemeteries]. *Arheologija i voprosy ateizma. Sbornik trudov* [Archaeology and the Questions of Atheism. Collection of Works]. Grozny, 1977.

20. Egorov V.L. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries]. Moscow, 1985.

21. Kamyshev A.M. *Zoomorfnye izobrazhenija na mednyh monetah Shejbanidov kak prodolzhenie zolotoordynskoj tradicii* [Zoomorphic Images on the Copper Coins of Sheibanids as a Continuation of the Golden Horde Tradition]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Numismatics of the Golden Horde.* 2012. Is. 2.

22. Karpov S.P. *Ital'janskie morskie respubliki i Juzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy torgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Coast in the 13th–15th Centuries: The Problems of Commerce]. Moscow, 1990.

23. Kochnev B.D. *Numizmaticheskaja istorija Karahanidskogo kaganata (991–1209 gg.)* [Numismatic History of the Karahanids Khanate (991–1209)]. Part. I. *Istochnikovedcheskoe issledovanie – The Study of Sources.* Moscow, 2006.

24. Kramarovskij M.G. *Manguptskaja nahodka: sel'dzhukidskie otrazhenija v Krymu i na Severnom Kavkaze* [The Mangupt Finding: Seljuk Reflections in the Crimea and North Caucasus]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* [Materials on the Archeology, History, and Ethnography of the Tavrida]. Is. XV. Simferopol', 2009.

25. Kramarovskij M.G. *Petrarka o bedah Skifii (Zolotoj Ordy) v 1360-h gg.* [Petrarch on the Troubles of Scythia (Golden Horde) in the 1360's]. *Istorija i sovremennost' – History and the Present*, 2007, no. 2.

26. Kropotkin V.V. *Ekonomicheskie svjazi Vostochnoj Evropy v I tysjacheletii nashej jery* [The Economic Relations of Eastern Europe in the I Millennium AD]. Moscow, 1967.

27. Lebedev V.P. *Numizmaticheskie etjudy saratovskogo kraeveda i numizmata Ju.E. Pyrsova (1930–1997)* [Numismatic Studies of the Saratov Local Historian and Numismatist Yu.E. Pyrsov (1930–1997)]. *Drevnosti Povolzh'ja i drugih regionov* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions]. Is. III. Vol. 2. N.Novgorod, 2000.

28. Lebedev V.P., Klokov V.B. *Monetnyj klad XV v. s selishha Kamennyj Bugor bliz razvalin srednevekovogo Saraja* [The Coin Hoard of 15th Century from the Settlement Kamennyj Bugor near the Ruins of a Medieval Saray]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Numismatics of the Golden Horde*. 2012. Is. 2.

29. Lebedev V.P., Pavlenko V.M. *Inozemnaja moneta v zolotoordynskom Madzhare* [The Foreign Coin in the Golden Horde Majar]. *Trudy mezhdunarodnoj numizmaticheskoj*

konferencii. «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov» [Proceedings of the International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–15th Centuries"]. IV MNK. Moscow, 2008.

30. Lebedev V.P., Pavlenko V.M. *Neizdannye dzhuchidskie mednye monety iz Madzhara* [Unpublished Jochid Copper Coins of Majar]. *XII VNK. Tezisy dokladov* [XII National Numismatic Conference. Abstracts]. Moscow, 2004.

31. Lebedev V.P., Pavlenko V.M., Bugarchjov A.I. *Kompleks mednyh monet s Madzharskogo gorodishha* [Corpus of the Copper Coins from the Majar Settlement]. *Trudy mezhdunarodnyh numizmaticheskih konferencij «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–15th Centuries"]. I MNK – Saratov 2001 i II MNK – Murom 2003. Moscow, 2005.

32. Lihachev N.P. *Materialy dlja istorii russkoj i vizantijskoj sfragistiki* [Materials for the History of Russian and Byzantine Sphragistics]. *Trudy muzeja paleografii AN SSSR.* [Proceedings of the Paleographical Museum of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. II. Leningrad, 1930, note 3.

33. Masson M.E. *Istoricheskij jetjud po numizmatike Dzhagataidov (po povodu Talasskogo klada monet XIV v.)* [Historical Study on the Chagataid Numismatics (on the Talas coin hoard of 14th century)]. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Central Asian State University]. Is. CXI, 1957.

34. Narozhnyj E.I. *O nekotoryh nahodkah XIII–XIV vekov s territorii «Groznenskoj oblasti» (po materialam lichnogo arhiva groznenskogo kraeveda P.M. Sevost'janova)* [On Some Findings of the 13th–14th Centuries from the "Region of Grozny" (based on the personal archives of local historian of Grozny P.M. Sevostyanov)]. *Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on the Archeology of the North Caucasus]. Is. 5. Armavir, 2005.

35. Narozhnyj E.I. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza* [Medieval Nomads of the North Caucasus]. Armavir, 2005.

36. Narozhnyj E.I., Narozhnaja F.B. *Evrazijskie monety XIII veka s territorii Severnogo Kavkaza* [Eurasian Coins of the 13th Century from the Northern Caucasus]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii – Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia.* 2009, no. 1.

37. Nastich V.N. *Almaty – monetnyj dvor XIII v.* [Almaty – the Mint of 13th Century]. *Drevnosti Povolzh'ja i drugih regionov regionov* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions]. Is. III. Vol. 2. N. Novgorod, 2000.

38. Nastich V.N. *Eshhe raz o preslovutom «zaprete na izobrazhenija» v Islame (po dannym numizmatiki)* [Once again on the Notorious "Banning of the Images of Living Beings" in Islam (according to numismatics)]. *Tezisy dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj konferencii "Islam i problemy mezhcivilizacionnogo vzaimodejstvija"* [Abstracts of Papers and Reports of the International Conference "Islam and the Problems of Interaction between Civilizations"]. Moscow, 1992.

39. Nastich V.N. *Eshhe raz o preslovutom «zaprete na izobrazhenija» v Islame (po dannym numizmatiki)* [Once again on the Notorious "Banning of the Images of Living Beings" in Islam (according to numismatics)]. Available at: http://rasmircoins.ucoz.ru/publ/3-1-0-8

40. Nastich V.N. *Esli na kletke slona napisano «Begemot» … Gde chekanilis' monety Kokanda s «posmertnym» imenem Malla-hana?* [When on the Elephant's Cage "Behemoth" is Written... Where the Kokand Coins with the "Posthumous" Name of Malla Khan Were Minted?]. *Jepigrafika Vostoka – Oriental Epigraphy*. Iss. XXIX. Moscow, 2011.

41. Nastich V.N. *Hronogrammy na monetah mongol'skih ulusov XIII v. Central'naja Azija ot Ahemenidov do Timuridov: Arheologija, istorija, jetnologija, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija Aleksandra Markovicha Belenickogo. Sankt-Peterburg, 2–5 nojabrja 2004 goda* [Chronograms on the Coins of the Mongol Uluses in 13th Century. Central Asia from the Achaemenids to Tamerlane: Archeology, History, Ethnology, Culture. Proceedings of the International Con-

ference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Belenitsky. St. Petersburg, 2–5 November 2004]. Sant-Peterburg, 2005.

42. Nastich V.N. *Svidetel'stvujut monety (byl li zapret na izobrazhenija zhivyh sushhestv v islame?). Ch. 1* [Coins Give Evidence (whether in Islam there was a ban on images of living beings?). Part 1]. *Sovremennyj islam – Modern Islam*, 2012, no. 1(8).

43. Nastich V.N. *Svidetel'stvujut monety (byl li v islame zapret na izobrazhenija zhivyh sushhestv?). Ch. 2* [Coins Give Evidence (whether in Islam there was a ban on images of living beings?). Part 2]. *Sovremennyj islam – Modern Islam*, 2012, no. 2(9).

44. Nastich V.N. *Uldzhajtimur-han: vremja i den'gi (numizmaticheskij obzor)* [Uldzhaytimur Khan: The Time and Money (numismatic review)]. *Jepigrafika Vostoka – Oriental Epigraphy*. Iss. XXVIII. Moscow, 2009.

45. Nastich V.N., Goncharov E.Ju. *Po povodu odnogo «otkrytija» v dzhuchidskoj numizmatike* [About One "Discovery" in the Jochid Numismatics]. *Bartol'dovskie chtenija, god 10: Tezisy dokladov i soobshhenij* [Bartold's Readings, Year 10: Abstracts of Papers and Repots]. Moscow, 1993.

46. Obuhov Ju.D. *Kitajskaja moneta s gorodishha Madzhary* [Chinese Coin from the Majar Settlement]. *Materialy po izucheniju istoriko-kul'turnogo nasledija Severnogo Kavkaza. Is. II: Arheologija, antropologija, paleoklimatologija* [Materials for the Study of Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Iss. II: Archaeology, Anthropology, Paleoclimatology]. Moscow, 2001.

47. Pavlenko V.M. *Madzharskij klad dangov konca XIV v.* [The Majar Hoard of Dangs of the end of the 14th Century]. *XV VNK. Tezisy dokladov* [XV National Numismatic Conference. Abstracts]. Moscow, 2009.

48. Pavlenko V.M., Lebedev V.P. *Numizmaticheskie «novinki» iz Madzhara* [The Coin "Novelties" from Majar]. *Trudy mezhdunarodnoj numizmaticheskoj konferencii «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–15th Centuries"]. III MNK – Staryj Krym 2004. Moscow, 2005.

49. Pachkalov A.V. *K voprosu ob imennyh monetah Mamaja* [On the Question of Inscribed Coins of Mamay]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Golden Horde Numismatics*. Iss. 2. Kazan', 2012.

50. Pachkalov A.V. *O mestopolozhenii Ordu – monetnogo dvora Dzhuchidov (postanovka problemy)* [On the Location of the Horde – the Mint of Juchids (formulation of the problem)] *XI VNK. Tezisy dokladov* [XI National Numismatic Conference. Abstracts]. Sant-Peterburg, 2003.

51. Perhavko V.B. *Rasprostranenie plomb drogichinskogo tipa* [Distribution of the Seals of Drogichin type]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy 1994* [The Most Ancient States of Eastern Europe 1994]. Moscow, 1996.

52. Petrov P.N. *Vadzhra na monetah Chagataidskogo gosudarstva* [Vajra on the Coins of Chagatay State]. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury tatarskogo naroda: Materialy k uchebnym kursam: v chest' jubileja akademika AN RT M.A.Usmanova* [Actual Problems of the History and Culture of the Tatar People: Materials for the Training Course: In Honor of the Anniversary of Academician M.A.Usmanov, AS RT]. Kazan, 2010.

53. Petrov P.N. *Hronologija pravlenija hanov v Chagataidskom gosudarstve v 1271–1368 gg. (Po materialam numizmaticheskih pamjatnikov)* [Chronology of the Khans' Reigns in Chagatay State in 1271–1368 (based on numismatic monuments). *Tjurkologicheskij sbornik 2007–2008. Istorija i kul'tura tjurkskih narodov Rossii i sopredel'nyh stran* [Turkological Collection 2007–2008. History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries]. Moscow, 2009.

54. Petrov P.N. *Klad iz Dev-kesken-kala i voprosy nachala chekanki serebrjanyh monet v Dzhuchidskom uluse* [The Treasure of the Dev-kesken-kala and the Questions on the Beginning of the Silver Coins' Minting in the Juchid Ulus]. *Zolotoordynskaja civilizacija – Golden Horde Civilization*, Is. 3. Kazan, 2010.

55. Petrov P.N. *Mongol'skie monetnye dvory XIII veka i Ordu al-Aʿzam* [Mongolian Mints of the 13th Century and Ordu al-Aʿzam]. *Numizmatika*. Moscow, 2006.

56. Petrov P.N. *Nahodki dirhemov konca XIII v. iz Dev-kesken-kala* [The Finding of Dirhams of the End of the 13th Century from Dev-kesken-kala]. *Zolotoordynskaja civilizacija – Golden Horde civilization*, Is. 4. Kazan, 2011.

57. Petrov P.N. *Ocherki po numizmatike mongol'skih gosudarstv XIII–XIV vekov* [Essays on Numismatics of Mongol States of 13th–14th Centuries]. N. Novgorod, 2003.

58. Petrov P.N. *Russkie srednevekovye svincovye plomby iz nahodok v Gorodce na Volge* [Russian Medieval Lead Seals from the Findings in Gorodets on the Volga]. *Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ja. Numizmaticheskij sbornik* [Antiquities of the Volga Region near the Nizhny Novgorod. Collected Works on Numismatics]. Is. II. Vol. 1. N. Novgorod, 1997.

59. Polubojarinova M.D. *Znaki na zolotoordynskoj keramike* [Signs on the Golden Horde Ceramics]. *Srednevekovye drevnosti evrazijskih stepej* [Medieval Antiquities of Eurasian Steppes]. Moscow, 1980.

60. Ponomarev A.L. *Den'gi Zolotoj Ordy i Trapezundskoj imperii (kvantitativnaja numizmatika i processy srednevekovoj ekonomiki)* [Money of the Golden Horde and the Empire of Trebizond. The Quantitative Numismatics and the Processes of Medieval Economy]. Moscow, 2002.

61. Ponomarev A.L. *Evoljucija denezhnyh sistem Prichernomor'ja i Balkan v XIII–XV vv.* [Evolution of the Monetary Systems of the Black Sea Region and the Balkans in the 13th–15th Centuries]. Moscow, 2011.

62. Poppe N.N. *Zolotoordynskaja rukopis' na bereste* [The Golden Horde Manuscript on the Birch Bark]. Sovetskoe vostokovedenie – Soviet Oriental, 1941, no. 2.

63. Reva R.Y. *Neizvestnyj Sajid-Ahmad* [Unknown Sayyid Ahmad]. *XIII VNK. Moskva, 11–15 aprelja 2005. Tezisy dokladov i soobshhenij* [XIII National Numismatic Conference. Moscow, 11–15 April 2005. Abstracts of papers and repots]. Moscow, 2005.

64. Rempel' L.I. *Arhitekturnyj ornament Sredneaziatskogo Mezhdurech'ja IX–XIII vekov* [Architectural Ornament of the Central Asian Interfluve Area of the 9th–13th Centuries]. *Iskusstvo Srednego Vostoka* [Middle East Art]. Moscow, 1978.

65. Fedorov-Davydov G.A. *Klad zolotyh monet XIII v. iz Srednej Azii* [The Golden Coin Hoard of the 13th Century from Central Asia]. *Numizmatika i Jepigrafika – Numismatics and Epigraphy*. Vol II. Moscow, 1960.

66. Fjodorov-Davydov G.A. *Torgovlja Nizhnevolzhskih gorodov Zolotoj Ordy* [The Trade of the Golden Horde Cities in the Lower Volga Region]. *Materialy i issledovanija po arheologii Povolzh'ja* [Materials and Researches on the Archeology of the Volga Region]. Is. I. Yoshkar-Ola, 1998.

67. Filonenko V.I. *Tamgi tatarskih kladbishh g. Evpatorii* [The Tamgas of Tatar Cemeteries in Eupatoria]. Simferopol', 1928.

68. Fren H.M. *Monety hanov Ulusa Dzhuchieva, ili Zolotoj Ordy, s monetami raznyh inyh musul'manskih dinastij v pribavlenii* [The Coins of the Khans of the Ulus of Jochi, or the Golden Horde, with the Coins of Other Muslim Dynasties in the Supplement]. Sant-Peterburg, 1832.

69. Album St. *A Checklist of Islamic Coins*. Santa Rosa, 1998.

70. Fraehn Ch.M. *Recensio numorum muhammedanorum.* Petropoli, 1826.

71. Soret F. *Catalogue de la collection de medailles orientales du Dr. de Sprewitz.* Geneva, 1825.

72. Taube M., Cerensodnom D. *Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berliner Turfantexte XVI.* Berlin, 1993.

About the author: Pavel Nikolaevich Petrov – research scientist, Usmanov Center for Studies of the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation); ppn@zmail.ru

СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 94(470)"1238/1480"

RUSSIAN CHRONICLES ON THE SUBMISSION OF THE KIEVAN RUS' TO THE MONGOL EMPIRE

Roman Hautala
(University of Oulu, Finland)

In this paper I would like to present fragments of the Russian chronicles from the 13th and 14th centuries dedicated to the period of submission of Rus' to the Mongols in 1237–1260.

The process of submission of Russia to the Golden Horde is divided into two periods. The first one (1237–40) regards properly the Mongol invasion of Russian territories. The second period (1240–60) concerns the gradual submission of Russia to the Golden Horde, the process which had a more peaceful nature.

The Mongol invasion was the defining moment for Kievan Rus': for the first time in its history, the Russian population underwent a full-scale extermination with the destruction of chief towns. Contemporary to the invasion, Russian chronicles describe warfare at length and show emotional involvement as well. The requirement of the Mongol governors of absolute submission to their power with payment of the tenth share from all types of income and property are perceived as absolutely inadmissible. The succeeding destruction of the main towns of Russia, the last centres of resistance, is perceived in chronicles as a divine punishment for lack of military cooperation between the Russian princes. The Mongols themselves are presented as tabsolutely alien to orthodox culture and their pagan customs cause disgust in the authors of Russian chronicles.

The subsequent period of the gradual submission of Russia to the Golden Horde is not less important in the evolution of political and cultural relations between nomads and the Russian settled population. Russian chronicles testify to fast restoration of towns after the Mongol invasion and stabilization of economic life. The governors of the Golden Horde are limited by the requirement of formal submission of the Russian princes which avoided direct military showdowns. Russia gradually became involved in the fiscal system of the Mongolian empire, but in exchange Russian princes receive a considerable political autonomy.

Keywords: Medieval Russia, Mongol invasions, Russian Chronicles, interaction between the Mongols and the Russian principalities, fiscal system of the Mongol empire.

In this paper I would like to present the fragments of the Russian chronicles from the 13th and 14th centuries, dedicated to the period of the submission of Rus' to the Mongols in 1237–1260. The chosen fragments throw light on many aspects of the history of the interaction between the Mongols and the Russian principalities, and we undertake this presentation in order to make these texts accessible to all those scholars who do not read ancient Russian. I will begin the presentation with a short description of the geopolitical situation which had developed up to the moment of the first invasion of the Mongols into Russian territoriy, then I will con-

cisely describe the chronicles, whose fragments we have chosen in order to then pass on to some aspects that these texts bring out: for example, how the Kievan Rus' are described on the eve of the Mongol invasion; how losses and damages brought about by the invasion are pictured; then the religious and economic dimensions of mutual contacts; the political submission of eastern Rus' to the Golden Horde and the problems of interpretation connected with it. Naturally, we are not speaking of the newly found texts: for a long time these chronicles were already a subject of various interpretations in Russian and Soviet historiography; therefore, it seemed relevant to us to add some modern discussions as well, wherever possible.

First Mongol Invasion in eastern Europe and the value of Russian medieval sources

By the time of the first invasion of the Mongol divisions under the command of Subedei and Jebe in the Eastern Europe steppes (1222–1223), one part of the Cuman tribes, which occupied territory between the Don and Dnepr rivers, had reached a relatively solid tribal unification under the domination of Khan Iuri Konchakovich. After the first collision with the Mongols, about which we have very limited information, the Cumans looked to the Russians for assistance. Over the course of two centuries of the Cuman neighbourhood in the frontiers of southern Rus', political relations with the Russian population gradually became peaceful. The Cumans no longer represented a particular threat for the southern borders of Kievan Rus' and during the first 3 decades of the 13th century, the Cuman mercenaries were repeatedly employed in the internecine collisions of Russian princes. The governors of Kievan Rus' considered Cumans as natural allies in the conflict with the new steppe people who undoubtedly possessed the bigger military potential. The Mongol ambassadors' visit to the court of the prince of Kiev, Mstislav, with the diplomatic peace offering shows that the Mongol generals tried, in every way possible, to avoid conflict with the Russian military forces and considered conflict with the Cumans as not part of the sphere of influence of Kievan Rus'. However, the princes of Kiev, Galich and Chernigov decided to take part in the conflict and Russian divisions suffered the first defeat from the Mongols in the battle of Kalka in the beginning of the summer of 1223.[1]

The battle of Kalka caused a significant change in the political balance in Eastern Europe and had no less a great value in the history of the Mongol Empire: in the subsequent western campaign (1236–1242). The Mongols considered it necessary to destroy the Russian military potential, which explains why the army of Batu invaded the territory of Eastern Rus' first of all. After the defeat of Kalka, the Cumans in turn tried to attain the military support of the kingdom of Hungary through the intermediation of the Dominican missionaries. With the foundation of the Cuman episcopate on the territory of modern Moldova in 1227, the long period of their gradual Latinisation began. The letters of Honorius III and of Gregory IX demonstrate the success of the Dominican missionary activity on the territory of the Kievan Rus' and the occurrence of the possibility of unification between the Russian and Latin

[1] Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Euraisa, p. 69; Pubblici L. Dal Caucaso al Mar d'Azov. L'impatto dell'invasione mongola in Caucasia fra nomadismo e società sedentaria (1204–1295), pp. 49–50.

Churches, thanks to the support of the Russian governors preoccupied with the Mongol threat and searching for military aid from the West. However, despite the doubtless importance of the consequences of the battle of Kalka, western scholars are deprived of the possibility to familiarize themselves with its details, as the accessible translations of the Arabic and Persian sources give insufficient information[2].

The Russian chronicles represent paramount and detailed sources on the beginning of the conflict with the Mongols. First of all, they transmit a total absence of any information on an origin of the Mongols by the time of their first appearance in the Cuman steppes, being similar to the apocalyptic perception of the Armenian annals which describe the invasion of Subedei and Jebe in Transcaucasia in 1221. The Russian chronicles describe the continuous attempts of the Mongol generals to avoid conflict with the princes of south-western Rus': Subedei and Jebe sent another embassy with a peace offer after the execution of the representatives of the first one despite the delicate attitude, inherent to Mongols, to the inviolability of ambassadors. The sources also show that Russian commanders underestimated the Mongols' military potential, whose troops consisted basically of archers. The Russian army outnumbered the Mongolian one, but after the retreat of the Cumans, the Russian princes preferred to combat with isolated divisions, which facilitated the Mongols' victory[3].

Description of the Chronicles

The fragments chosen for presentation belong to the five Russian chronicles closest, chronologically, to the period of submission of Kievan Rus' to the Golden Horde.

1. *Novgorod Chronicle*. For this presentation, the edition of the second half of the 14th century will be used, representing a copy of the old edition finished in 1330. The *Novgorod Chronicle* is divided into two parts. The first one continues until 1234 and contains information on the battle of Kalka. The second part covers the events of

[2] Concerning the beginning of the Catholic missionary activity among Cumans, see Acta Honorii III, pp. 206–209; Boswell A.B. The Kipchak Turks, p. 79; Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365, pp. 63–64; Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410, p. 17; Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles), p. 23. For the beginning of the ecclesiastic negotiations with the Russian Church, see Acta Honorii III, pp. 261–262; Zatko J.J. The Union of Suzdal, 1222–1252, pp. 36–38. Ibn Abi-l-Hadid describes the tactic of inveiglement of the Russian army in the steppe and asserts that the Mongolian divisions participated in the battle on the Kalka, were under the command of Chormagan; Ibn Abî l-Ḥadîd al-Madâ'inî. Sharḥ Nahj al-Balâgha, pp. 52–53. Juvaini does not mention the battle and its description of the campaign of Batu against the Kievan Rus' is reduced to several lines in which he gives particular attention to the siege of the Alan capital Magas; Juvainī 'Aṭā Malik. Gengis Khan il conquistatore del mondo, p. 304. Rashid al-Din asserts that the small Mongol army took advantage of the victory on Kalka to devastate entire territory of Rus', mixing thus information on the first and second western Mongol campaigns; Rashid ad-Din Fazlallah. Sbornik letopisej, p. 229.

[3] Lavrent'evskaja letopis', pp. 445–447; Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov, pp. 95–100. Describing the battle of Kalka the author of the Hypatian Chronicle asserts that Mongols won thanks to a deeply developed strategy and transmits information on the subsequent military campaign against Tanguts; Ipat'evskaja letopis', pp. 739–745. Concerning the Armenian perception of the first Mongol invasion, see Vardan Arewelc'i. The Historical Compilation, p. 213. Kirakos Ganjakets'i. History of the Armenians, pp. 137–138.

the 1234–1330 period and was written by several monks of the Jur'ev monastery of Novgorod during the second half of the 13th century and the first half of the 14th century. It is necessary to note that to the present day just one attempt to translate the chronicle into English has been made: this 1914 edition is already outdated[4].

2. *Laurentian Chronicle*. This is the basic source on the history of Eastern Rus' in the period of interest. The chronicle is named after the monk Laurenty, under whose direction the new edition of the chronicle in 1377 was created. The *Laurentian Chronicle* represents a copy of the chronicle made in the 1280's, probably in the monastery of Rostov.

3. *Hypatian Chronicle*. This chronicle is the major source on the history of western Rus'. The chronicle is named after the Ipat'evsky monastery near Kostroma, where it was found. For the present project, the third part of the chronicle – the chronicle of Halych-Volyn' – is important, covering the 1199–1292 period. One of the values of the *Hypatian Chronicle* is the fact that its authors, being from Kiev and moving later to Holm, compiled the text contemporarily with the described events.

4. *Ravaging of Ryazan by Batu Khan*. Thi is the major source on the beginning of the Mongol invasion in 1237. The remaining copy was made in the beginning of the 14th century in Zarajsk (near Ryazan) for its inclusion in a complex of stories about Nikola Zarazsky. The chronicle of Ryazan however, stands out from the whole, representing a copy of the secular chronicle made in the 1280s.

5. *Lay of the Ruin of the Russian Land*. A short introduction to the not extant 'Life of Alexander Nevsky'. It is written concurrently with Batu's invasion into eastern Rus' (1237–1238) and is included in the list of proposed translations as a source, transmitting an emotional perception of the political changes connected with the submission of Rus' to the Golden Horde.

Kievan Rus' on the eve of the Mongol invasion

At the moment of the Mongol invasion, 3 centres of considerable military and economic potential excelled among the numerous principalities of the Kievan Rus'. The most powerful was the principality of Vladimir-Suzdal' in eastern Rus', which reached its apex during the government of the grand duke Vsevolod the Big Nest (1176–1212). However after his death, the conflict between his sons Jury and Konstantin led to a sudden decrease in the power of the principality. Iuri II’s rough policy of state centralization encountered the vigorous resistance of Konstantin, who was supported by the governors of the neighbouring Ryazan principality. The republic of Novgorod led by Mstislav the Daring took advantage of the attenuation of the principality of Vladimir for the expansion of its own influence in southern Rus'. After victory in the battle of Lipitsa (1216), Kiev was conquered by Mstislav, who interfered in the internal political struggle of the principality of Halych-Volyn', the third power centre located in western Rus'. Galicia and Volyn' were united during Prince Roman’s government (1199–1205). However, its successors encountered vigorous resistance by the local aristocracy, with whose support Mstislav the Daring declared himself as the prince of Halych in 1217. The descendant of Roman,

[4] The Chronicle of Novgorod 1016–1471. R. Michell; N. Forbes (eds.). London: Camden Society, 1914.

Daniel of Halych, was able to restore a relative centralization of the principality in 1236, on the eve of the Mongol invasion.

In spite of the constant internal struggle, the Kievan Rus' reached, at the beginning of the 13th century, the peak of its cultural and economic development. Thanks to their considerable military potential, the territories of the Kievan Rus' were relatively safe. The subsequent Mongol invasion, which caused unprecedented losses among civilians, is described by the Russian sources as the end of the era of prosperity. The author of the *Lay of the Ruin of the Russian Land* contrasted the economic wealth of Rus' and its military power on the eve of the Mongol invasion with the misery of the country that was destroyed over the course of several months. The author of the *Ravaging of Ryazan by Batu Khan* considered the moment of the Mongols' appearance on the south-east frontiers of Rus' as the end of prosperity of the principality of Ryazan' and paid particular attention in listing the names of all the members of the princely dynasty that were killed during a siege of Ryazan. The author of the *Hypatian Chronicle* mourns the last epoch of power of the prince of Halych, Daniel, who dominated southern and western Rus' on the eve of the Mongol invasion, and who afterwards suffered the humiliation of having to ask for recognition of power from the khan of the Golden Horde[5].

Mongol invasion of Rus' (1237–1240) and the polemic concerning the dimensions of damages

As it has already been noted, the Mongols considered it necessary to first of all destroy the military potential of the principality of Vladimir which was the strongest centre of power in eastern Europe. The author of the *Ravaging of Ryazan by Batu Khan* describes a systematic devastation of the principality of Ryazan during the autumn of 1237, whose territory was used afterwards as a base for the invasion of the principality of Vladimir. The authors of the *Novgorod* and *Laurentian Chronicles* represent the no less detailed description of the Mongol invasion of eastern Rus'. The Mongols, at this stage, dedicated their military operations to the destruction of the basic Russian military forces, concentrated in most of the main cities of eastern Rus'. The fact that the Mongols destroyed 14 cities in just 3 months at the beginning of 1238 presumes the probable absence of baggage trains and explains the rush of the Mongols – which undoubtedly caused a considerable loss of troops[6].

The defeat of the principality of Vladimir convinced the Cumans of the futility of resistance and caused their mass resettlement to eastern Hungary. After the Cuman deviation, the Mongols devoted the whole of 1239 to the submission of the Alans and the rest of the Cumans; but in the beginning of 1240, Batu undertook the massive offensive of western Rus'. The content of the *Hypatian Chronicle* shows that, despite the destruction of the chief cities of the principality of Halych-Volyn', the Mongols did not consider the destruction of all military forces of western Rus' necessary and were satisfied with achieving the relative attenuation of its potential. So if Chernigov, Kiev and Halych were taken by assault, causing considerable

[5] Slovo o pogibeli Russkoj zemli; Povest' o razorenii Rjazani Batyem; Ipat'evskaja letopis', pp. 805–809; Jakubovskij A.Yu. Feodalizm na vostoke, pp. 39, 48.

[6] Povest' o razorenii Rjazani Batyem, pp. 185–187; Lavrent'evskaja letopis', pp. 469–470; Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov, pp. 131–135.

losses both among the civilian population, as well as in the Mongol army, in less considerable cities (for example Kremenets and Danilov) Batu turned away from a siege at the first signs of resistance. The *Hypatian Chronicle* is also important in discovering the details of all of the Mongols' western campaign and gives a satisfyingly extensive list of the names of the Mongol commanders[7].

The general line of the Soviet historiography was to negatively estimate the economic and social consequences of the Mongol invasion. Based on the results of archaeological analysis, the Soviet historians argued that the Mongol aggression caused the agrarian crisis in eastern Rus', which in turn provoked the instant decline of the urban economies. In the best tradition of the Marxist approach, it was argued that the considerable decay of manufacture, which led to the economic crisis in Rus', caused the delay of social development and the extension of the feudal period by three centuries. In this way, the underdevelopment of Russia in comparison with western Europe is explained by the generalyl negative influence of the Mongol Empire[8].

An impartial analysis of the Russian chronicles, however, allows us to revisit the dimensions of destruction caused by the Mongols while avoiding exaggeration. As has been already noted, a considerable part of the territory of the principality of Halych-Volyn' was untouched by the invasion. The levels of destruction in the principality of Vladimir should be reconsidered as well, as the Mongols occupied the territories of eastern Rus' over the course of the short period. Some main cities, for example Rostov, escaped destruction thanks to their timely capitulation. Furthermore the destroyed cities were quickly re-built. The author of the *Laurentain Chronicle* specifies that the city of Vladimir continued to function as the principality's capital for some months after devastation. Notwithstanding the Mongols' defeat, Vladimir's military potential represented a considerable threat for the neighbouring principalities. The *Laurentian Chronicle* shows that in the year after the Mongol aggression, the grand duke Jaroslav was able to conquer Kamenets and achieve the submission of Smolensk[9]. Doubts concerning the vastness of the destruction caused by the Mongol invasion were expressed by some Soviet historians as well, causing the rather lively criticism of their colleagues. So Nasonov tried to avoid exaggerating the vastness of the destruction, specifying that at least half of the cities of eastern Rus' had not been destroyed. Jakubovsky describes the natural ability of medieval cities to be reconstructed rapidly and partly underestimates the relevancy of an economic crisis[10].

Religious and economic aspect of contact with the Mongols

Ravaging of Ryazan by Batu Khan represents Batu's requirement for unconditional submission to the Mongol Empire on the eve of the invasion of the principality of Ryazan as absolutely inadmissible from the point of view of the Russian gov-

[7] Lavrent'evskaja letopis', p. 470; Ipat'evskaja letopis', pp. 784–789.

[8] Nazarov V.D. Rus' nakanune Kulikovskoj bitvy, pp. 99–100; Polubojarinova M.D. Russkie v Zolotoj Orde, p. 3.

[9] Lavrent'evskaja letopis', pp. 470–471.

[10] Jakubovskij A.Yu. Feodalizm na vostoke, p. 12; Nasonov A.N. Mongoly i Rus', pp. 36–37. See also the general revaluation of the Mongol influence in Rus' which suffers from the absence of the convincing argumentation; Gumilev L.N. Drevnjaja Rus' i Velikaja Step', pp. 19–20, 61–62, 73.

ernors. The requirement to pay the tithe from all incomes and property is interpreted in the light of religious values and is represented as the requirement of the pagan governor menacing the integrity of the Christian religion. With the foundation of the Golden Horde, Russian princes were obliged to visit the khan's court in order to receive confirmation of their power. Authors of the chronicles, who find the very voluntary aspect of these journeys humiliating, remember that even in the days of the Mongol invasion, the princes of eastern Rus' rejected the requirement of submission and preferred open resistance. So the same *Ravaging of Ryazan by Batu Khan* describes the martyrdom of the prince of Ryazan's son, who refused Batu's requirement. It is worth noting that, according to the authors of Russian chronicles, the act of submission to the Mongol power involved a partial refusal of the Christian religion. So the *Laurentian Chronicle* pays particular attention to the persistence of the prince of Vladimir's nephew, who preferred martyrdom to the acceptance of the pagan religion. A special place in the list of martyrs of the Russian princes is given to Michae,l the prince of Chernigov, who, according to the *Novgorod Chronicle*, refused to carry out the pagan rituals at the khan's court, an integral part of submission to the Mongol power. The Russian chronicles show an obvious disapproval of the participation of the Christian governors in the pagan rituals, but on the other hand, justify their behaviour as a political necessity. So the author of the *Hypatian Chronicle* obviously sympathises with Daniel, the prince of Halych, compelled to visit the court of the khan in order to avoid the Mongol attacks. The chronicle's author describes with disgust the rituals of purification by fire and worship of the sun and the ancestors of the Mongols, but finishes his narration with a description of the political benefits, which the prince achieved[11].

Thus, the Russian chronicles describe the humiliation of submission to the Mongol power, but on the other hand cannot deny the benefits that followed it. According to Riasanovsky, the khans of the Golden Horde conceded a wide political autonomy to the Russian princes and were interested exclusively in tax collection which will be discussed further on. Acknowledgement of the Russian power by the khans of the Golden Horde after the formal act of submission helped the rise of the governors of Rus' political authority. So, according to the author of the *Hypatian Chronicle*, after Daniel returned from Batu's court, the king of Hungary Bela IV was forced to reconsider his own policy in relation to western Rus' and offered Daniel a military alliance. The formation of the Golden Horde was also of benefit to the Kievan Rus'. The foundation of Sarai, according to Alexander Jakubovsky and Vadim Egorov, led to the inclusion of the Russian merchants in the continental trade. However, mainstream Soviet historiography was to cautiously relate the description of economic gains as a consequence of the contacts with the Golden Horde. Soviet historians tried to underestimate the importance of the trade relations with Sarai, despite mention of the presence of Russian merchants in the Golden Horde capital. So Magomet Safargaliev and German Fëdorov-Davydov assert that the main object of trade at Sarai were the nomad-slaves, and the Russian merchants were, as a consequence, excluded from participating in the general turnover of commodities of the Golden Horde[12].

---

[11] Povest' o razorenii Rjazani Batyem, pp. 184–187; Lavrent'evskaja letopis', pp. 469–470; Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov, pp. 805–809.

[12] Riasanovsky V.A. Fundamental Principles of Mongol Law, pp. 273–274; Jakubovskij A.Yu. Feodalizm na vostoke, p. 12; Grekov B.D., Jakubovskij A.Yu. Zolotaya Orda i ee

Political dependence of Eastern Rus' on the Golden Horde

The interpretation of submission to the Mongol power of the princes of Vladimir and their simultaneous requests for military help from the West gave rise to a polemic in the Soviet and Western historiographies. The *Laurentian* and *Novgorod Chronicles* are the main sources that concern a duality of the behaviour of Vladimir's prince Jaroslav and of his more well-known son, Alexander Nevsky, in the relation to the Golden Horde. In 1243, Jaroslav visited Batu and received the khan's permission to govern Vladimir's principality. This decision of the khan of the Golden Horde had considerable historical consequences for the mutual relations of the Russian princes with the Jochi's *ulus*. One year later, a number of Russian governors visited Batu for acknowledgement of the status of independence from the principality of Vladimir. In 1245 Jaroslav, worried by the weakening of his own authority in eastern Rus', visited Batu with all the representatives of his family to receive the title of Predominating Governor of entire Rus'. Thus, the Russian chronicles confirm that the grand duke adhered to the political line of submission to the Golden Horde. The papal letters, on the other hand, prove that Jaroslav carried on parallel negotiations with the Roman See for the conclusion of a military alliance with the West. The prince of Vladimir promised Innocent IV that he would promote the conclusion of an ecclesiastical union, but his diplomatic activity was interrupted in 1246 by the requirement of Guyuk to visit the imperial court, where he died.[13]

The behaviour of Jaroslav's son, Alexander Nevsky, shows no less duality in his relations with the Golden Horde. In 1247, Batu required Alexander to visit the Sarai to express submission to the khan. In spite of the menacing tone of the requirement, the khan of the Golden Horde kindly welcomed the prince of Vladimir and recompensed him with gifts. Thus, the content of the Russian chronicles helps us to interpret the behaviour of the governors of the Golden Horde too, who most likely aspired to strengthen the power of the princes of Vladimir ineEastern Rus', considering them allies. On the other hand, the letters of Pope Innocent IV (for example, 'Pater futuri seculi', on January 23, 1248) show that Alexander carried on secret negotiations with the papal curia to get the military support of the Teutonic Orde.r[14] The lack of information concerning the relation of the Mongol *kaghan* with the territories, subordinate to the Golden Horde, does not allow us to confidently assert that Guyuk demanded Alexander's presence at the imperial court in 1248 because of rumours of the rapprochement of the prince of Vladimir with the West. However, the Russian chronicles show that, with the prince's return from Mongolia in 1250, Alexander Nevsky abruptly broke off negotiations with the papal envoys and refuted offers of the conclusion of ecclesiastical union. The choice of the pro-Mongol line brought certain political benefits to Alexander: in 1252 the Mongol general Nevrui invaded the territory of eastern Rus' at Alexander's tacit consent and expelled his brother, Andrei,

---

padenie, pp. 53–54, 61. Egorov V.L. Gosudarstvennoe i administrativnoe ustrojstvo Zolotoj Ordy, p. 38. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy, pp. 35, 48, 51, 70–78, 90–101; Fedorov-Davydov G.A. Tri sredenevekovyh nizhnevolzhskih goroda, pp. 212–216.

[13] Lavrent'evskaja letopis', pp. 470–471; Acta Innocentii, pp. 64–69; Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli, pp. 393–394.

[14] Lavrent'evskaja letopis', p. 472; Acta Innocentii, pp. 110–118; Regesta Pontificum Romanorum, №. 12815.

from Vladimir, who was adhering to the pro-Catholic line and was in opposition with Alexander Nevsky[15].

The content of the letters of Innocent IV (firstly 'Aperuit Dominus oculos', on September 15, 1248) indicates Aleksandr Nevsky's intentions to conclude ecclesiastical union with Rome and complete the information provided by the Russian chronicles. However, some Russian historians have expressed their doubts on the reliability of the papal letters. In their opinion, negotiations with the Roman See could not take place because of a long-term anti-Latin line, to which the princes of Vladimir adhered. Concerns about the expansion of the Catholic Church's influence in eastern Europe were increased by the aggression of the Teutonic knights in northern Rus', which coincided chronologically with the Mongol invasion. Nevertheless, Zatko adhered to the absolutely contrary point of view asserting that negotiations regarding the military and ecclesiastical union between the Papal curia and the princes of Vladimir started immediately after the battle of Kalka. According to Zatko, Innocent IV gave eastern Rus' a special place in his projects to create the anti-Mongol block in the east of Europe and promised Alexander military support from the Teutonic knights. Alexander was ready to accept the Papal offer, but after his journey to the imperial court, he accepted much more advantageous proposals from the *kaghan*[16].

Submission of western Rus' to the Golden Horde and the polemic about its character

The dating and character of western Rus' submission to the Golden Horde caused no less intense polemic in historiography. Unlike the governors of eastern Rus', Daniel of Halych refused to submit himself to Batu's supremacy until 1245 and achieved the consolidation of power in the principality of Halych-Volyn' by the time of the foundation of the Golden Horde. The *Hypatian Chronicle* gives information about the submission of the territory of Volkhov on the southern frontiers of the principality, whose governors adhered to the line of union with the Mongols. The prince of Halych adhered instead to the anti-Mongol line and after the chronicle statement, confirmed by the papal letters, started negotiations with the Papal curia regarding conclusion of the military and ecclesiastic union with the West. By the time of the Papal legate Giovanni di Pian di Carpine's arrival in Krakow, Daniel was required by Batu to visit the Sarai. The *Hypatian Chronicle* mentions Batu's requirement of the tribute payment, however the subsequent content of the chronicle shows that Daniel received confirmation of absolute autonomy from the Golden Horde. Daniel's independent position allowed him to conclude military alliances with the Hungarian and Polish kings and to receive, from Innocent IV, status of 'King of Rus' in 1253. Daniel's formal belonging to the anti-Mongolian block forced him to start demonstrative military operations on the frontiers against the Mongol general Kuremza. However, the beginning of military operations with the marginal Mongol troops did not lead to open military conflict with the Golden Horde. If, in 1245, Batu's actions can be explained by his conflict with Guyuk, in

[15] Lavrent'evskaja letopis', p. 473.

[16] Acta Innocentii, pp. 117–118; Halecki O. From Lyons to Krevo and Constance, 1245–1418, pp. 20–21; Pashuto V.T. Aleksander Nevskij, pp. 86, 95; Nasonov A.N. Mongoly i Rus', pp. 23, 26, 33–34, 39, 50, 52; Zatko J.J. The Union of Suzdal, pp. 33–52.

1253 the khan of the Golden Horde strengthened his position thanks to his friendship with Mongke. In 1259 the Mongol general Burunday invaded the territory of the principality of Halych-Volyn' and forced the Russian military forces to take part in a campaign against Lithuania. One year later at the repeated invasion of Burunday on Russian territories, Daniel's brother Vasil'ko was forced to pull down the defensive walls of the main fortresses of the principality, which represented an act of submission to the Golden Horde[17].

According to Pashuto, the two invasions of Burunday were the principal causes, not only of the loss of political autonomy of Western Rus', but also of the introduction of the Mongol tax system in the territory of the principality of Halych-Volyn'. Vernadsky asserts that Berke inserted the decimal system of the administrative division in Western Rus' and practically annexed the principality of Halych-Volyn' to the Golden Horde. However, the content of the *Hypatian Chronicle* does not mention the presence of the Mongol fiscal agents in the territory of the principality and speaks only about the formal payment of a tribute collected by Daniel. The chronicle also omits any mention of the act of submission of the Russian prince to the new khan of the Golden Horde. The information of the *Hypatian Chronicle* allowed Zdan to criticize Vernadsky's statements, who used the distant sources of the 15th and 16th centuries for his argumentation. According to Zdan, up to the moment of his death in 1264 Daniel kept his status as Independent Governor, and the principality of Halych-Volyn' was subordinate to Mongol taxation during the government of his son Lev, which started in 1269[18].

Mongol fiscal system in Rus' and the polemic connected to its character

The special position of Rus', which had relative autonomy within the limits of the Golden Horde, led to a rather irregular character of the Mongol taxation (in comparison, for example, with the Persian territory). The absence of clear information in the Russian chronicles concerning the fiscal system practiced by the Mongols in Rus', caused a lively polemic both among the Soviet and Western historians. The inclusion of Rus' in the Mongol fiscal system occurred within the framework of Mongke's reform in 1257; however, the *Novgorod Chronicle* relates the Mongols' attempt to effectuate the census of the principality of Kiev as early as 1245. The total absence of information on the principality's future destiny – left without its local governor after the execution of Michael of Chernigov – permitted the Ukrainian historian Grushevsky to presume presence of a certain 'non-Class' society in southern Rus', on the basis of which the social structure of the Zaporozhye Cossacs was created in the 16th century. The consequences of the beginning of Mongke's fiscal reform are described by the *Laurentian* and *Novgorod Chronicles*. During 1257–1258 the entire territory of Eastern Rus' was subordinate to the census effectuated by the Mongol fiscal agents. However, their arrival in

[17] Ipat'evskaja letopis', pp. 805–855. Concerning the negotiations with the Papal curia, see Acta Honorii III, pp. 60–70 60–70, 85–87; 151–154; Regesta Pontificum Romanorum, №. 12668–12670; Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli, pp. 13–16. Concerning the involvement of the Russian divisions in the Burunday's invasion in Poland in 1259–1260, see Chronica Poloniae Maioris, p. 130.

[18] Pashuto V.T. Ocherki po istorii galicko-volynskoj Rusi, p. 298; Vernadsky G. The Mongols and the Russia, pp. 158, 222–227; Zdan M.B. The Dependence of Halych-Volyn' Rus' on the Golden Horde, pp. 510–511, 517.

Novgorod in 1257 caused popular unrest. But the second *baskaks'* visit to Novgorod in 1259 was more successful and finished with an evaluation of the city's real estate with Alexander Nevsky's support, using the presence of the imperial representatives for the consolidation of proper power in the republic[19].

Together with other regions of the empire, eastern Rus' was included in the general fiscal system within the framework of Mongke's reform; however, the character of the taxation system applied by the Mongols on Rus', is a subject for discussion. For example, the amount of taxes still remains obscure until now. Schurmann has tried, in some way, to systemise the information on the Mongol Empire's fiscal administration. In his opinion, among two of the main types of taxes known in Rus', the *dan'* (tribute) corresponded to the Mongolian term *alban* and represented the constant annual tax which at the same time symbolized an act of submission. The *poshlina* (duty) in this system should correspond to *qubchur*, or rather to the entirety of extraordinary taxes. In his criticism of Schurmann's research, John Smith has convincingly shown that *alban* meant, to the Mongols, the constant taxes that existed before they subjugated a territory, and in the case of Rus', *alban* should correspond to the Russian *poshlina*[20].

The discovery of administrative prerogatives of tax agents in Rus' also shows itself to be no less problematical. According to Thomas Allsen, the general aspiration of Mongke to create *joint administration* within the limits of Empire in which the fiscal system would have both local representation and imperial power, did not work in the Golden Horde because of Batu's absolutely independent position. In the case of Rus', the imperial agents named in the Russian sources with the Turkic term *baskaks*, acted as representatives of the khan of the Golden Horde. According to Riasanovsky, because of the general indifference of the khans of the Golden Horde to the internal political situation of Rus', *baskaks* had no administrative privileges and carried out the role of addressees of the tax collected by Russian princes. A similar opinion has also been expressed by Jakubovsky; among the Soviet historians, however, the role of the *baskaks* was exposed to more in-depth studies and Jakubovsky's opinion was criticized. According to Anton Nasonov, Batu's invasion of eastern Rus' caused a significant weakening of control by the Vladimir prince over the subordinated territories. Nasonov considered the *baskaks* as Mongolian chiefs of the military groups that consisted of Russian mercenaries who not only carried out the taxation of the local population, but also functions of public order supervision. These *baskaks'* functions, according to Vladimir Nazarov and Lev Cherepnin, were soon increased and the tax agents should now also investigate the activities of the local princes. To represent the diversity of interpretations of the *baskaks* functions, I would also like to add German Fëdorov-Davidov's statement, according to which the *baskaks*, remaining formal representatives of the power of the *kaghan*, informed him of the movements of the Golden Horde governors[21].

---

[19] Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov, pp. 167–168, 176–178; Lavrent'evskaja letopis', pp. 474–476; Grushevskij M.S. Ocherk istorii Kievskoj zemli ot smerti Jaroslava do konca XIV stoletija, pp. 455–459.

[20] Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century, pp. 305, 307, 309–310, 327, 340–351; Smith J.M. Mongol and Nomadic Taxation, pp. 48–60.

[21] Allsen Th.T. Guard and Government in the Reign of the Grand Qan Möngke, 1251–59, pp. 499–503, 519; Morgan D.O. Who Ran the Mongol Empire?, p. 129; Riasanovsky V.A. Fundamental Principles, pp. 272–273; Grekov B.D., Jakubovskij A.Yu. Zolotaya Orda i ee padenie, p. 101; Nasonov A.N. Mongoly i Rus', p. 5, 7, 13–23; Nazarov V.D. Rus' nakanune Kulikovskoj

REFERENCES

1. Cherepnin L.V. *Tataro-mongoly na Rusi* [The Tatar-Mongols in the Rus']. Moscow, 1977.

2. Egorov V.L. "Gosudarstvennoe i administrativnoe ustrojstvo Zolotoj Ordy" [State and Administrative Structure of the Golden Horde]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1972, no. 2, pp. 32–43.

3. Fedorov-Davydov G.A. *Obshhestvennyj stroj Zolotoj ordy* [The Social System of the Golden Horde]. Moscow, 1973.

4. Golubinskij E. *Istorija russkoj tcerkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 1. Moscow, 1900.

5. Grekov B.D., Jakubovskij A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Downfall]. Moscow, 1998.

6. Fedorov-Davydov G.A. "Tri sredenevekovyh nizhnevolzhskih goroda" [Three Medieval Cities of the Lower Volga Region] *Voprosy istorii* [Questions of History], no. 3, 1974, pp. 201–217.

7. Grushevskij M.S. *Ocherk istorii Kievskoj zemli ot smerti Jaroslava do konca XIV stoletija* [Essay on the History of Kievan Land from the Death of Yaroslav to the End of 14th Century]. Kiev, 1891.

8. Gumilev L.N. *Drevnjaja Rus' i Velikaja Step'* [The Ancient Rus' and the Great Steppe].Vol 2. Moscow, 1997.

9. Jakubovskij A.Yu. *Feodalizm na vostoke* [Feudalism in the East]. Leningrad, 1932.

10. *Ipat'evskaja letopis'* [Hypatian Chronicle]. Ed. by A.A. Shahmatov. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [A Complete Collection of the Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow, 1997.

11. *Lavrent'evskaja letopis'* [Laurentian Chronicle]. Ed. by E.F. Karskij. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [A Complete Collection of the Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow, 1997.

12. Nazarov V.D. "Rus' nakanune Kulikovskoj bitvy" [Rus' on the Eve of the Battle of Kulikov]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1978, no. 8, pp. 98–115.

13. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Moscow-Leningrad, 1940.

14. *Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov* [The First Novgorod Chronicle in the Older and Younger Versions]. Ed. by A.N. Nasonov. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [A Complete Collection of the Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow-Leningrad, 1950.

15. Pashuto V.T. *Aleksander Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, 1974.

16. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii galicko-volynskoj Rusi* [Essays on the History of the Galcih-Volyn' Rus]. Moscow, 1950.

17. Povest' o razorenii Rjazani Batyem [The Tale of the Ravaging of Ryazan by Batu Khan]. Ed. by D.S. Likhachev. *Izbornik (Sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi)* [Izbornik (Collection of the Literary Writings of Aincent Rus')]. Moscow, 1969.

18. Polubojarinova M.D. *Russkie v Zolotoj Orde* [The Russians in the Golden Horde]. Moscow, 1973.

19. Rashid ad-Din Fazlallah. *Sbornik letopisej* [Compendium of Chronicles]. Ed. by L.A. Khetagurov, A.A. Semenov. Vol. 1. Moscow-Leningrad, 1952.

20. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoj Ordy* [The Collapse of the Golden Horde]. Saransk, 1960.

---

bitvy, p. 109; Cherepnin L.V. Tataro-mongoly na Rusi, p. 200; Fedorov-Davydov G.A. Obshhestvennyj stroj Zolotoj ordy, p. 30.

21. *Slovo o pogibeli Russkoj zemli* [Lay of the Ruin of the Russian Land]. Ed. by L.A. Likhachev. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek* [Monuments of the Literature of the Aincent Rus']. Moscow, 1981.

22. *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt. A.L. Tăutu (ed.). Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis.* Series III. Vol. III. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1950.

23. *Acta Innocentii P.P. IV (1243–1254) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt T.T. Haluscynskyj; M.M. Wojnar (eds.) Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis.* Series III. Vol. IV/1. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1960–1966.

24. Allsen Th.T. "Guard and Government in the Reign of the Grand Qan Möngke, 1251–59". *Harvard Journal of Asiatic Studies.* Vol. 46/2. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1986, pp. 491–521.

25. Boswell A.B. "The Kipchak Turks". *The Slavonic Review.* Vol. 6/16. London: School of Slavonic Studies in the University of London, King's College, 1927, pp. 68–85.

26. *Chronica Poloniae Maioris. «Velikaja hronika» o Pol'she, Rusi i ih sosedjah XI–XIII vv.: (perevod i kommentarii)* ["The Great chronicle" about Poland, Rus' and their neighbours in XI–XIII c.]. Ed. by V.L. Janin; comp. by L.M. Popova, N.I. Shhaveleva. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987.

27. *The Chronicle of Novgorod 1016–1471*. R. Michell; N. Forbes (eds.) London: Camden Society, 1914.

28. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. Daffinà; C. Leopardi; M.C. Lungarotti; E. Menestò; L. Petech (eds.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989.

29. Golden P.B. *Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Čhinggisid Nomads of Western Euraisa. Nomads and Their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipchaqs.* Chapter I. Aldershot, UK; Burlington, VT: Ashgate/Variorum, 2003, pp. 37–76.

30. Halecki O. "From Lyons to Krevo and Constance, 1245–1418". *Sacrum Poloniae Millenium*. Vol. V. Roma: Typis Pontificiae Universitatis Gregorianae, 1958. pp. 15–32.

31. Ibn Abî l-Ḥadîd al-Madâ'inî. *Sharḥ Nahj al-Balâgha*. Djebli M. (ed.). *Les Invasions Mongoles en Orient vécues par un Savant Médiéval Arabe. Ibn Abî l-Ḥadîd, al-Madâ'inî (1190–1258 J.C.).* Paris: Le Groupe Harmattan, 1995.

32. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410.* Harlow, UK: Pearson Longman Publishing, 2005.

33. Juvainī 'Aṭā Malik. *Gengis Khan il conquistatore del mondo*. A cura di G.R. Scarcia. Milano: Arnoldo Mondadori Editore, 1991.

34. Kirakos Ganjakets'i. *History of the Armenians.* R. Bedrosian (trans.). New York: Sources of the Armenian Tradition, 1986.

35. Morgan D.O. "Who Ran the Mongol Empire?", *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. No. 2. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982, pp. 124–136.

36. Pubblici L. *Dal Caucaso al Mar d'Azov. L'impatto dell'invasione mongola in Caucasia fra nomadismo e società sedentaria* (1204–1295). Firenze: Firenze University Press, 2007.

37. *Regesta Pontificum Romanorum.* A. Potthast (ed.). Graz, Academische Druck, 1957.

38. Riasanovsky V.A. *Fundamental Principles of Mongol Law*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1965.

39. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles).* Rome: École Française de Rome, 1998.

40. Schurmann H.F. “Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century”. *Harvard Journal of Asiatic Studies.* Vol. 19/3–4. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1956, pp. 304–389.

41. Smith J.M. “Mongol and Nomadic Taxation”. *Harvard Journal of Asiatic Studies.* Vol. 30. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1970, pp. 46–85.

42. Vardan Arewelc’i. *The Historical Compilation.* R.W. Thomson (tr.). *Dumbarton Oaks Papers. Vol. 43.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989, pp. 125–226.

43. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

44. Vernadsky G. *The Mongols and the Russia.* New Haven: Yale University press, 1953.

45. Zatko J.J. “The Union of Suzdal, 1222–1252”. *The Journal of Ecclesiastical History.* Vol. 8/1. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1957, pp. 33–52.

46. Zdan M.B. “The Dependence of Halych-Volyn’ Rus’ on the Golden Horde”. *The Slavonic and East European Review.* Vol. 35/85. Menasha, Wis.: Published for a committee of American scholars by the George Banta Pub. Co., 1957, pp. 505–522.

About the author: Roman Hautala – researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, PhD (History) (Oulu, Finland); virisequisque@hotmail.com

---

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ О ПОДЧИНЕНИИ КИЕВСКОЙ РУСИ ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ

Роман Хаутала
(Университет Оулу, Финляндия)

В статье представлены фрагменты русских летописей XIII–XIV веков, описывающих обстоятельства подчинения Руси монголам в период 1237–1260 годов.

Процесс подчинения Руси монголам делится на две фазы. Первая фаза (1237–1240) непосредственно связана с вторжением монголов на русские территории. Вторая фаза (1240–1260) связана с постепенным подчинением Руси, имевшим более мирный характер.

Монгольское вторжение имело поворотное значение в истории средневековой Руси: в первый раз в своей истории, население Руси было подвержено полномасштабному истреблению, в особенности, в связи с разрушением основных городских центров Руси. Наряду с детальным описанием военных действий, авторы русских летописей выказывают личное эмоциональное отношение к вторжению монголов. Требования со стороны монгольских полководцев абсолютного подчинения русских правителей и выплаты десятой доли со всех доходов и имущества, воспринимаются летописцами совершенно недопустимыми. Последующее разрушение основных урбанных центров Руси, центральных оплотов сопротивления монголам, воспринимается в летописях как божественное наказание за междоусобицы русских правителей, не способных организовать сплоченное военное сопротивление кочевникам. Сами монголы представлены как народ, абсолютно чуждый православной культуре; и упоминание их языческих обычаев сопровождается выражение откровенного отвращения авторов русских летописей.

Однако последующий период постепенного подчинения Руси монголам имел не меньшее значение для эволюции политических и культурных взаимоотношений между кочевниками и оседлым населением средневековой Руси. Русские летописи указывают на относительно быстрое восстановление урбанных центров, свидетельствуя тем самым, что экономическая ситуация на Руси, подорванная монгольским вторжением, стабилизировалась в довольно короткий период времени. В этот период монгольские правители ограничивались требованием формального подчинения русских князей, избегая прямого военного конфликта. Русь постепенно была включена в фискальную систему империи монголов. В обмен, однако, русские князья получили значительную политическую автономию.

Ключевые слова: Средневековая Русь, нашествие монголов, русские летописи, взаимоотношения между монголами и русскими княжествами, фискальная система империи монголов.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу, PhD (История) (Оулу, Финляндия); virisequisque@hotmail.com

ХРОНИКА

УДК 94(470)"1238/1480"(06)

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ФОРУМ

Э.Г. Сайфетдинова
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В статье приводится отчет о работе Третьего международного золотоордынского форума, который состоялся 19–21 марта 2013 года. В работе форума приняли участие более 70 ученых из России, стран дальнего и ближнего зарубежья. В рамках форума были проведены две международные научные конференции и круглый стол.

Ключевые слова: международный золотоордынский форум, научная конференция, круглый стол, научный журнал «Золотоордынское обозрение».

За два десятилетия деятельности Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан история татарского народа пополнилась новыми научными исследованиями по разным областям исторической науки. Открытие Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова стало еще одним важным шагом в освещении особенностей средневековой истории. Центр исследований истории Золотой Орды запустил несколько крупных проектов по изучению исторических сочинений, проведению крупных международных мероприятий. Раз в два года на постоянной основе проводится Международный золотоордынский форум.

19–21 марта 2013 г. в Казани прошел третий Международный золотоордынский форум, в котором приняли участие более 70 ученых, представителей Великобритании, Венгрии, Сербии, Казахстана, Кыргызстана, России и Украины. В рамках форума были проведены две международные научные конференции, круглый стол.

Первая научная конференция – «Расцвет Золотой Орды: правление Узбек хана». Тема конференции была предопределена важным историческим событием, 700-летним юбилеем прихода к власти Мухаммеда Узбек хана.

Период правления Узбек-хана по праву можно назвать расцветом Золотой Орды. В это время Золотая Орда становится государством, занявшим позицию одной из самых влиятельных стран в средневековом мире, установившим крепкие дипломатические взаимоотношения с разными государствами, имеющим стабильное социально-экономическое развитие.

На конференции рассматривались различные вопросы изучения истории Золотой Орды: проблемы источниковедения, конфессиональная ситуация, военное дело Золотой Орды, проблемы социально-политической истории.

На современном этапе уделяется должное внимание проблемам источниковедения, работе по поиску и анализу (исследованию) новых исторических источников. На конференции были представлены доклады А. Узелац «Сербские письменные источники о татарах и Золотой Орде (первая половина XIV в.)»,

Ж.М. Тулибаевой «Тимуридская историография о правлении Узбек-хана», И.М. Миргалеева, Ч.И. Хамидовой «Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина», В.Л. Мыц «Художественный образ хана Узбека на фреске Амброджо Лоренцетти «Мученичество францисканцев» и др.

Конфессиональная ситуация в Золотой Орде – одна из наболевших тем исследований, вокруг которой не утихают споры уже много лет. Благодаря новым материалам (историческим источникам) вопросы религиозной политики на территории Золотой Орды обретают все новые очертания. Доклады, представленные на конференции, продемонстрировали многогранные аспекты конфессиональной политики: М.Г. Крамаровский «Ибн Баттута о тюркском исламе в Золотой Орде и Руме», Э.Д. Зиливинская «Культовые постройки времени Узбека в Золотой Орде» и др.

Динамичное цивилизационное развитие золотоордынского государства в период расцвета происходило на фоне социально-политических проблем, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю политику, что было ярко отражено в докладах участников конференции: К.З. Ускенбай «Тенибек бин Узбек на сыгнакском троне», Р.Ю. Почекаев «Административная реформа хана Узбека: предпосылки, содержание, последствия», Б.В. Черкас «Киев в политике Золотой Орды в первой четверти XIV в.», Борбала Обрушански «Взаимоотношения между венграми и татарами в XIV веке» и др.

Уже традиционным стало проведение круглого стола, на котором обсуждаются ведущими специалистами определенные проблемы изучения истории Золотой Орды. Тема круглого стола третьего Международного золотоордынского форума: «Приход хана Узбека к власти и его конфессиональная политика». В обсуждении принимали участие И.В. Зайцев, Д.М. Исхаков, И.М. Миргалеев, И.Л. Измайлов, К.З. Ускенбай, Р.Ю. Почекаев, А.Г.Юрченко. В процессе были обобщены идеи и мнения относительно данной проблемы.

«Военное дело Золотой Орды» было темой отдельного круглого стола в рамках второго Международного золотоордынского форума в 2011 году. Сегодня военная проблематика активно разрабатывается археологами и оружиеведами, что доказывает представленные на слушание доклады: И.Л. Измайлов «Особенности развития военного дела Улуса Джучи», Ю.А. Кулешов «Оборот оружия в Золотой Орде» и др.

Вторая Международная научная конференция «Вопросы монетного дела и денежного обращения в Золотой Орде в свете источниковедческих исследований» проходила в два этапа и объединила вокруг себя ученых-нумизматов из разных стран. Особенно нужно отметить, что в работе форума принимала участие директор Института нумизматики Центральной Азии, профессор Кембриджского университета доктор Джудит Колбас. Она отметила важность проведения подобных мероприятий и призвала к дальнейшему сотрудничеству между научными школами Великобритании и России в плане нумизматических исследований.

В первый день были заслушаны доклады по разным проблемам нумизматики: Д. Колбас «Торе и улуш» отражение процесса становления монгольской государственности в монетном чекане», П.Н. Петров «Системное изучение нумизматического наследия в Татарстане», Д.Г. Мухаметшин «Монеты с Рыночной площади г. Болгар», А.Л. Пономарев «Ибрагим сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки», А.З. Сингатуллина «Джучидские монеты в собрании Национального музея Республики Татарстан: история формирова-

ния и состав», К.К. Хромов «Три закрытых комплекса («кошелька») с медными монетами последней четверти XIII – первой четверти XIV века из Солхата (попытка анализа особенностей обращения медной монеты в Крымском улусе на рубеже веков)» и др.

Второе заседание было выездным и состоялось в конференц-зале здания «Памятный знак в честь принятия ислама булгарами в 922 году» (БГИАМЗ) в городе Болгар. На нем участники и гости конференции рассказали о своих перспективах и планах в научно-исследовательской деятельности, а также обозначили вопросы, которые могли бы стать темами последующих научных конференций, форумов и круглых столов. Также была проведена обзорная экскурсия под руководством Мухаметшина Джамиля Габдрахимовича, первого директора Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

На третьем Международном золотоордынском форуме коллеги поддержали идею издания нового журнала «Золотоордынское обозрение», а некоторые вошли и в состав редакционной коллегии. Функционирование нового научного издания является доказательством того, что сегодня проводится большая работа по восстановлению исторической действительности в отношении Золотой Орды и татарских ханств, а организация новых научных конференций, симпозиумов, форумов даст новый виток развития для дальнейшего исследования золотоордынской цивилизации с его богатой историей и культурной традицией.

С программой третьего Международного золотоордынского форума можно ознакомиться на сайте http://www.tataroved.ru/actions/zforum3/

Сведения об авторе: Эльмира Гаделзяновна Сайфетдинова – старший научный сотрудник Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (Казань, Российская Федерация); Adulya2@yandex.ru

---

THE THIRD GOLDEN HORDE INTERNATIONAL FORUM

E.G. Sayfetdinova
(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The article provides an account on the Third Golden Horde International Forum, which took place on 19–21 March 2013. The forum was attended by more than 70 scholars from around the world. During the forum two international scientific conferences and roundtable discussion were carried out.

Keywords: Golden Horde International Forum, scientific conference, roundtable discussion, scientific journal «Golden Horde Review».

About the author: Elmira Gadelzyanovna Sayfetdinova – senior research scientist, Usmanov Center for Studies of the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (Kazan, Russian Federation); Adulya2@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века
АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БКб – Большая надпись в честь Бильге-кагана
ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы
ДДГ – Духовные и договорные грамоты
ЗООИД – Записки Одесского общества истории древностей
ЗЦ – Золотоордынская цивилизация
ИМОИДР – Императорское Московское общество истории и древностей российских
ИС – История и современность
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КТб – Большая надпись в честь Кюль-тегина
МГА МИД – Московский государственный архив МИД
МИД – Министерство иностранных дел
МНК – Международная нумизматическая конференция
НЗО – Нумизматика Золотой Орды
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РД – Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.-Л., 1952
СА – Советская археология
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества
СВ – Советское востоковедение
СЛДРЯ – Словарь древнерусского языка
СПб ФИВ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
СТ – Советская тюркология
ТА – Татарская археология
ТСГУ – Труды Среднеазиатского государственного университета
УЗТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ЭВ – Эпиграфика Востока

BEFEO – Bulletin de l’É cole Française d’Extrême-Orient
CAJ – Central Asiatic Journal
CEV – Codex epistolaris Vitoldi
Dzieje WKL – *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów T. 1: 1377–1499. Warszawa, 1930
GHS – Göngu-Hrólfs saga
JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society
JSFOu – Journal de la Société Finno-Ougrienne
LEC – Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten
MHN – Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880.
MSE – Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia / Ph. Pulsiano. N.Y., L., 1993.
SD – *Daniłowicz I.* Skarbiec dyplomatów papieżkih, cesarskich, królewskich, księżecyzch, uchwał narodowych, postanowień różnych wład i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dzjejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T. 2. Wilno, 1862
TP – T’oung Pao (International Journal of Chinese Studies)
UAJ – Ural-Altaische Jahrbüscher

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ИМ. М.А.УСМАНОВА

1. **Каримова Р.Р.** Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 15 / Отв. ред. И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 212 с. + 8 с. цв. вкл.

Данная работа посвящена изучению золотоордынского кочевнического костюма. На основе археологического материала представлен социологический анализ: по признакам пола, возраста и имущественного положения. В работе впервые проведен совокупный комплексный анализ элементов и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды и его социокультурная интерпретация.

2. **Ускенбай К.З.** Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 292 с.

В книге реконструируется этнополитическая история Восточного Дашт-и Кыпчака в XIII–XV вв. Рассмотрены ход вхождения территории Восточного Дашт-и Кыпчака в состав Монгольской империи, образование улусов Джучи и его сыновей Орды, Бату и Шибана. Предлагается новое видение проблемы терминов Ак-Орда и Кок-Орда. Анализируются политические процессы, происходившие в восточной части Улуса Джучи – Ак-Орде; обозначены периоды становления и усиления ханства, показаны причины, вызвавшие ослабление и упадок Ак-Орды.

Книга может быть полезна как для историков, так и для широкого круга научной общественности.

NEW PUBLICATIONS OF USMANOV CENTER FOR STUDIES OF GOLDEN HORDE HISTORY

1. **Karimova R.R.** *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)*. Seriya «Arkheologiya evraziyskikh stepey». Vypusk 15 [Decorative Elements and Accessories of the Golden Horde Nomads' Costume (typology and socio-cultural interpretation). Series "Archaeology of the Eurasian steppes". Issue 15]. Executive editor I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013, 212 p. + 8 p. of colored inserts.

This work is dedicated to the study of the Golden Horde nomads' costume. Based on archeological materials, this study contains a sociological analysis of the costumes according to: gender, age, and material status. The author of the present

work carried out for the first time both the total comprehensive analysis of elements and accessories of the Golden Horde nomadic costume and its socio-cultural interpretation.

2. **Uskenbay K.Z.** *Vostochnyy Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Prob¬lemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Dasht-i Kipchak in the 13th – beginning of 15th Century. The Problems of Ethno-Political History of the Ulus of Jochi]. Ed. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013, 292 p.

The author of the present book reconstructs ethnopolitical history of the Dasht-i Kipchak in the 13th – 15th centuries. The book deals both with the process of entering of the Eastern Dasht-i Kipchak to the Mongol Empire and with the formation of the Ulus of Jochi and the Uluses of his sons Orda, Batu and Shiban. The author proposes a new vision of the problem related to definition of the terms “Ak Horde” and “Kok Horde”. The author examines the political processes that occurred in the eastern part of the Ulus of Jochi – Ak Horde; denotes the periods of formation and strengthening of the Khanate; indicates the reasons that caused weakening and decline of the Ak Horde.

This book can be useful both for historians and for a wide range of scientific community.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Новый журнал «Золотоордынское обозрение» и последующие выпуски наших уже известных ежегодников «Золотоордынская цивилизация» и «Нумизматика Золотой Орды» мы будем оформлять согласно международным стандартам SCOPUS издания Elsevier (Голландия). Поэтому оформление статей в журнал «Золотоордынское обозрение», а также научные ежегодники «Золотоордынская цивилизация», «Нумизматика Золотой Орды» будет происходить согласно новым требованиям.

При отборе статей предпочтение будет отдано работам проблемного характера. Предлагаемые статьи не должны быть ранее опубликованы (полностью). Статьи должны быть технически оформлены грамотно, строго по требованию.

Требования по оформлению статей:

– Статья принимается в электронном варианте. Размер кегля 14. Шрифт – Times New Roman, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см;

– УДК статьи

– Название статьи на русском и английском языках

– Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (http://www.translit.ru с вариантом BGN)

– Аннотация и ключевые слова на русском языке

– Аннотация (Originality/value) (объем 250–300 слов) и ключевые слова (6–8 слов) на английском языке.

Обратите внимание на то, что аннотация должна быть:

1. Информативной (не содержать общих слов);
2. Оригинальной (не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
3. Содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);
4. Написана качественным английским языком;
5. Аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, не забывая, что **Вы пишете для международной аудитории.**

– Текст статьи (общий объем – не менее 5 страниц и не более 1,5 п.л.); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– Библиографические ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, где указывается порядковый номер, соответствующий номеру источника в пристатейном списке литературы, и страницы. В пристатейном списке литературы указывается полное количество страниц.

Например:

В тексте: [10, с. 32]

В пристатейном списке литературы:

10. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. С. 318.

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала, сначала – источники на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

– Список литературы на английском языке (**References**) – **комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок** (для транслитерации использовать http://www.translit.ru с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted acts of Jochi Ulus XIV–XVI centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов)

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [The Golden Horde Civilization: Collected articles], 2012, no. 5, pp. 8–12.

Описание материалов конференций:

Mirgaleev I.M. Toktamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: the restoration of antimamluk coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [Heritage the Golden Horde: Proceedings of the 2nd International Conference «Political and social-economic history of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Описание статьи из журналов:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the question of boktag]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian archeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: http://www.discovery.ucl.fc.uk/18975/1/18975.pdf .

Описание переводной книги:

Gerberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– Иллюстрации предоставлять отдельными файлами в формате TIF, JPG с хорошим разрешением 200–300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– В конце статьи необходимо дать сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое

звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – на русском и английском языках.

Просим специалистов присылать свои статьи по электронному адресу: zolotayaorda.centr@mail.ru

---

INSTRUCTIONS TO AUTHORS

The new journal «Golden Horde Review» and the next issues of our already well-known annuals «Golden Horde civilization» and «Golden Horde Numismatics» will be arranged according to international standards of SCOPUS online citation database (Elsevier publishing company, the Netherlands). Therefore the articles' submission to the «Golden Horde Review» as well as to the research annuals «Golden Horde Civilization» and «Golden Horde Numismatics» will be implemented in accordance with the new requirements.

When selecting the papers the preference will be given to the problem solving articles. The proposed articles should not have been previously published (in full). The articles should be drawn technically correctly, strictly following the requirements.

Author Guidelines for Submission of Journal Manuscripts:

– Articles are accepted in electronic form. Point size – 14, font – Times New Roman, regular style, line spacing, margins – 2 sm;

– UDC (Universal Decimal Classification) of the article;

– The initials and surname of the author (s) (on the right, bold font);

– Title of the article (centered in bold, no capital letters);

– Abstract in Russian;

– Keywords in Russian;

– The initials and surname of the author (s) – transliteration in Latin alphabet;

– Title of the article – in English;

– Abstract (Originality / value) (100–250 words) and keywords (6–8 words) in English. Please, note that the abstract should be:

1. Informative (containing no generalities);
2. Original (not to be the calque of Russian annotation with literal translation);
3. Content-related (reflecting the main content of the article and the results of the study);
4. Written in good English;
5. Abstract is intended for a competent audience, so you can use the technical (specific) terminology of your discipline without forgetting that **you are writing for an international audience.**

– Keywords in English.

– Text of the article (in total – not less than 5 pages and no more than 1,5 printer’s sheet); submitted material should be edited stylistically and technically, you should not include the tabulation or separate paragraphs by one empty line;

– References in the text should be enclosed in square brackets and indicated by a number corresponding to the sequence number mentioned in the list of refe-

rences. After the reference number follows the number (or numbers) of the publication's page on which the author refers. In the list of references the total amount of publication's pages should be indicated.

For example: In the text: [10, p. 32]

In the list of references:

10. Usmanov M.A. Granted acts of Jochi Ulus XIV–XVI centuries. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p.

– References should be arranged in alphabetical order (surname and initials of the author, the title, place and year of publication, pages) – in original language, first – the sources on Cyrillic (Russian, Bulgarian, Ukrainian, etc.), then – on Latin alphabet (English, Turkish, French, etc.).

– List of references in English **(References) – combination of the transliterated and English parts of the Russian titles** (for transliteration use http://www.translit.ru with option BGN).

For example:

Description of monographs (books):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted acts of Jochi Ulus XIV–XVI centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Description of article from continuing publication (the collection of works):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [The Golden Horde Civilization: Collected articles], 2012, no. 5, pp. 8–12.

The description of conference papers:

Mirgaleev I.M. Toktamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: the restoration of antimamluk coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [Heritage the Golden Horde: Proceedings of the 2nd International Conference «Political and social-economic history of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Description of the printed journal articles:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the question of boktag]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian archeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Description of the electronic journal article:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: http://www. discovery.ucl.fc.uk/18975/1/18975.pdf

Description of translated books:

Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Basiliae, 1556 (Russ. ed.: Gerberstein S. *Zapiski o moskovii*. Red. V.L. Yanin. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– List of abbreviations should be provided with the definition of abbreviations;

– Illustrations should be presented as separate files in the format TIF, JPG with high resolution of 200–300 dpi;

– Captions to the illustrations and the tables should be given after the list of references;

– At the end of the article should be given information on the author or authors (in the case of a collective work), full name, degree, title, place of employment, address of organization, city, country, position – in Russian.

– Information about the author(s) – in English.

Please, send your articles to e-mail: zolotayaorda.centr@mail.ru

---

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1. 2013

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 10.09.2013 г. Формат 70×108 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 14,5 Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17В

Издания ЦИИЗО ИИ АН РТ на сайте:
http://www.tataroved.ru/institut/cizc/1/